

ВТСИРОТЕНКО

Меморія

МОНАХА РОДИОНА ПОПОВА

в Европе

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
IV НАЧАЛЕ VI В.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
ПЕРМСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО

В. Т. СИРОТЕНКО

ИСТОРИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ В ЕВРОПЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
IV—НАЧАЛЕ VI в.

Отв. редактор М. Я. Сюзюмов

В книге освещаются отношения между различными социальными, политическими, территориальными, этническими и религиозными группировками Европы и отчасти Средиземноморья во второй половине IV — начале VI в.

Краткий очерк развития взглядов на историю международных отношений в Европе IV — VI вв. и источниковедение даны автором в книге «Введение в историю международных отношений в Европе во второй половине IV — начале VI в.»

Печатается по решению редколлегии исторического факультета.

Утверждено в качестве учебного пособия Ученым советом исторического факультета.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящей работе предпринята попытка осветить международные отношения в Юго-Восточной, Центральной и Западной Европе (а отчасти и во всем Средиземноморье) во второй половине IV — начале VI в. в их тесной связи с экономическим, социальным и политическим развитием, с внутренней политикой социальной верхушки, с классовой, политической и религиозной борьбой.

В этот период в романизованных частях Средиземноморья продолжалось разложение рабовладельческого строя, а у соседних с нею варварских племен — родового, что самым непосредственным образом отражалось на международных отношениях в Европе.

Кризис рабовладельческого строя, деградация рабовладельческих хозяйств, развитие колоната и других форм зависимости заставили правительство Римской империи в IV — V вв. отказаться от войн, целью которых была добыча рабов, и направить внимание на пополнение естественной убыли рабочей силы за счет местных людских ресурсов. Это происходило путем закрепощения, прежде всего мелких крестьян и ремесленников. Такая политика окончательно подрывала устои Империи, поскольку мелкие крестьяне и ремесленники составляли ее экономическую основу и являлись источником пополнения армии, которую в новых условиях приходилось набирать из варварских наемников и укреплять варварскими вспомогательными войсками. Перед римской армией встала задача подавления сопротивления закрепощаемого местного населения, что усиливало ее варваризацию и ослабляло обороноспособность Империи.

В таких условиях правительство Римской империи было вынуждено выработать сложную систему отношений с соседними племенами и постоянно втягивать в орбиту своей политики все новые племена, чтобы использовать их в своих интересах.

Положение осложнялось тем, что дальнейшее социально-экономическое развитие отдельных частей Римской империи и соседних с нею областей, проходившее крайне неравномерно, вызывало значительные изменения в соотношении сил. Интересы дальнейшего развития отдельных стран, входивших в состав Римской империи, диктовали необходимость их борьбы за самостоятельное регулирование внутренних и внешне-

политических вопросов, а их развивавшиеся связи с военно-племенными союзами варваров открывали возможность использовать в этой борьбе варварские племена или их вспомогательные отряды.

В свою очередь у варварских племен возникли условия, облегчавшие обращение за их помощью. Вследствие перехода к оседлому земледелию, что ускоряло имущественное расслоение среди свободных общинников, усиливалась роль знати, а военно-племенные союзы стали более устойчивыми. Отношения этих союзов между собой, с Римской империей и ее отдельными частями усложнялись. Отдельные предводители военно-племенных союзов обращались за помощью к Римской империи и часто сами отзывались на ее призывы, что, ведя к быстрым переменам и внезапным поворотам, придавало динамичность международным отношениям и способствовало расширению их влияния на внутреннюю жизнь различных племен и народностей. Учет этого влияния помогает понять глубокие изменения в социально-экономическом строе Европы в IV—VI вв.

Избрав темой настоящей работы историю международных отношений в Европе указанного региона во второй половине IV — начале VI в., автор намерен:

1. Проследить историю международных отношений и выяснить, какое влияние оказывали их различные формы на дальнейшее социально-экономическое развитие племен и народностей Европы.

2. Выяснить обстоятельства как объединяющие, так и разобщающие различные политические, социальные, территориальные, этнические и религиозные группировки изучаемого региона и, проанализировав отношения, складывающиеся между ними, проследить, интересы каких социальных групп они выражали.

3. Осветить взаимоотношения Римской империи и ее отдельных частей с варварскими племенами и установить, какие именно социальные группы склонялись к союзу с варварами и призывали их на помощь.

4. Исследовать отношения между военно-племенными союзами варваров, причины их вторжений в римские провинции, обратив при этом внимание на отношение к ним различных социальных групп жителей до и после поселения пришельцев среди них.

Учитывая, что настоящая работа является одним из первых опытов систематического изложения истории международных отношений в Европе IV—VI вв., автор отдает себе отчет в том, что многие из затронутых в ней вопросов еще далеки от окончательного разрешения. Поэтому он с благодарностью примет пожелания, направленные на ее улучшение, и учтет их в своих дальнейших исследованиях.

Глава I. РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ В 350—395 гг. И ЕЕ ОТНОШЕНИЯ С ЗАРЕЙНСКИМИ И ЗАДУНАЙСКИМИ ПЛЕМЕНАМИ

1. **Римская империя и варварские племена.** В первые века н. э. Рейн, пограничный вал и Дунай стали устойчивыми границами между владениями римлян и варваров. Уничтожив в 9 г. три легиона Вара, племена Западной Германии отстаивали свою независимость. Лишь на Дунае римляне еще продолжали завоевательные войны, но после покорения Дакии Траяном (98—117) закончились и они. С тех пор наступило своеобразное равновесие сил и установились продолжавшиеся двести пятьдесят лет относительно устойчивые и мирные отношения.

К этому времени Римская империя достигла наибольшего могущества, а рабовладельческая система Средиземноморья — своего расцвета. Крупные землевладельцы и денежные магнаты постепенно завладели значительной частью земельных наделов разоренных военной службой крестьян и, превратив эти наделы в латифундии, обрабатывали их при помощи рабов или заменяли земледелие скотоводством. Такие порядки, установившись сначала в Италии, распространились на Бетику, Нарбоннскую Галлию и Проконсульскую Африку. В этих местностях был достигнут особо высокий для эпохи рабства уровень развития производительных сил¹. Наибольшего прогресса достигло сельское хозяйство — решающая отрасль античного производства, от которого зависела экономика городов, являвшихся центрами превращения натурально-хозяйственного продукта в товар. В обиход вошли

---

¹ R. Duncan-Jones. *The economy of the Roman Empire*. Cambridge 1974, p. 33—62, 327—333; R. Billiard. *L'Agriculture dans l'antiquité*. Paris, 1928; N. Brockmeyer. *Arbeitsorganisation und ökonomisches Denken in der Gutwirtschaft des römischen Reiches*. Bochum, 1968; M. J. Finley. *The ancient economy*. 1973; F. Heichelheim. *An ancient economic history*. Vol. III, Leiden, 1970, p. 257—337; F. Kiechle. *Slavenarbeit und technischer Fortschritt im Römischen Reich*. Wiesbaden, 1969; R. Martin. *Recherches sur les agronomes latins et leurs conceptions économiques et sociales*. Paris, 1971; R. Martin. *Plin de June et les problèmes économiques de son temps*. *Revue des études anciennes*, 69, 1967, p. 62—97; Stevens. *Agricultural and rural life in the Later Roman Empire*. Cambridge Economic History, vol. 1, 1942; E. Walbanс. *The Decline of the Roman Empire in the West*. Toronto, 1969, p. 81—95.

колесный плуг с двумя отвальными досками, лемехом новой формы и ярмом, приспособленным для вращения дышла, борона с железными зубьями², длинные и короткие косы, особые бруски для их заточки³, водяная мельница (известная и раньше, но и распространившаяся с IV в.⁴) и своеобразная жнейка, имевшая вид «большого короба на двух колесах, усаженного на краю зубцами, причем животное впрягается головой к нему, а сорванные колосья падают в короб»⁵.

Были выведены сорта винограда, дважды в год дающие высокий урожай⁶, и четырнадцать сортов пшеницы, среди них — «стозерновка» и «ветвистая», благодаря чему в Африке на равнине Бизация, собирали урожай сам-сто пятьдесят, а в Леонтийской равнине в Сицилии, в Бетике и Египте — сам-сто⁷.

В Британии и Галлии земля удобрялась мергелем, в Греции — белой глиной⁸. Применялось известкование почвы, удобрение золой и компостом. Посевы люпина, бобов и вики перспахивались до созревания⁹, что обогащало почву азотом.

Повсеместно распространились трудоемкие культуры (маслины, миндаль, лавр, лимоны, персики, кунжут, мак, гранаты, винные ягоды) и более совершенные агротехнические приемы: дренаж, искусственное орошение, прививка деревьев, новые способы обработки земли и приемы ухода за скотом.

Однако дальнейшее развитие производительных сил тормозилось непреодолимыми препятствиями, порожденными устаревшими производственными отношениями. Труд считался делом, недостойным свободного человека, и рабы «работали невнимательно и недобросовестно»¹⁰, поскольку «при рабском труде даже та часть рабочего дня, в течение которой раб возмещает лишь стоимость жизненных средств, в течение которой он фактически работает лишь на самого себя, представляется трудом на хозяина»¹¹. Рабам можно было доверять только грубые, наименее подверженные порче, орудия труда¹².

---

² P l i n. S e c. N a t. H i s t., XVIII, 170—173, 186. Для обработки одного югера легкой земли новым плугом требовался один день, тогда как раньше на это уходило два дня (там же, XVIII, 179).

³ Ibidem, XVIII, 261.

⁴ Ibidem, XVIII, 97.

⁵ Ibidem, XVIII, 296.

⁶ Ibidem, XVIII, 189.

⁷ Ibidem, XVIII, 94—95. Анонимный автор, характеризующий экономическую жизнь Римской империи IV в., свидетельствует, что в Египте собирали урожай пшеницы сам-сто и само-сто двадцать (см.: *Expositio totius mundi et gentium*, § 36 (Geogr. Lat. Minores, Ed. Riese).

⁸ P l i n. S e c. N a t. H i s t., XVIII, 42—57.

⁹ Ibidem, XVIII, 54—56.

¹⁰ Columelle. *De re rustica*, III, 10, 7.

¹¹ К. Маркс. Капитал. Т. 1, гл. 17. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, с. 550.

¹² Там же, с. 208.

При достигнутом уровне развития производительных сил возникла необходимость перехода к системе эксплуатации, заинтересовывающей непосредственного производителя материальных благ в повышении производительности труда. Этого можно было добиться наделением раба участком земли и закрепощением мелких свободных крестьян, превращаемых в арендаторов земельных участков, на которые они теряли право собственности.

Крупные землевладельцы, приспособляясь к новым условиям производства, стремились найти возможность восстановления естественной убыли рабочей силы за счет внутренних ресурсов путем закрепощения свободных крестьян, ветеранов, пограничных поселенцев и беднейших слоев городских жителей. Все это отразилось и на формах ведения хозяйства. Прежде крестьяне, утратившие право на свои земли, изгонялись, а их объединенные участки обрабатывались при помощи рабов или превращались в пастбища. Теперь землевладельцы оставляли крестьян на их прежних участках в качестве арендаторов (колонов) и получали доход в виде барщины, оброка или арендной платы. Начали развиваться отношения, в которых в зародыше содержался феодальный способ производства.

Следствием новых условий явилось также дробление латифундий на мелкие участки, отдаваемые для обработки рабам (земледельческий пекулий) или безземельным крестьянам и горожанам. Конечно, все это не было новым. Новое заключалось только в массовости распространения этих форм хозяйства в III—IV вв.

Раб, получивший пекулий, оставался бесправным. Все его имущество было собственностью господина. Однако он располагал известной долей самостоятельности, так как трудился без надзора и ему принадлежала какая-то часть продуктов, которыми он мог распоряжаться. У него появилась материальная заинтересованность в результатах труда и, следовательно, более бережное отношение к сельскохозяйственным орудиям.

Мелкий земледелец, став арендатором, оставался свободным, однако попадал в экономическую зависимость. Существование наряду с колонами рабов, получивших пекулий, ухудшало положение колонов, что вело к сближению между ними и обострению социальных конфликтов.

Все эти изменения привели к падению удельного веса среднего землевладения и производственных ячеек, базировавшихся на рабском труде, и к росту поместий, основывавшихся на труде мелких зависимых земледельцев.

Свободные крестьяне и горожане отчаянно сопротивлялись всем мероприятиям, ведущим к усилению эксплуатации и закрепощения. Они боролись против увеличения налогов и повинностей, арендной платы и обработок, против злоупотреб-

лений сборщиков налогов и судей. Чтобы сломить их сопротивление, императоры, начиная с Константина (306—337), сосредоточили полевую армию внутри страны.

Поскольку армия, набранная из местных жителей, для этих целей не годилась, императоры привлекали в ее ряды варваров, которые пока были мало пригодными для нужд сельскохозяйственного производства, так как они не имели соответствующего опыта. К тому же варвары отличались от местного населения по образу жизни и языку, что облегчало возможность использования их в качестве карателей.

Уже при Траяне (98—117) они составляли главную силу римских легионов. В III—IV вв. варваризация римской армии, возраставшая по мере исчезновения и закрепощения свободного крестьянства, ранее дававшего рекрутов, усилилась. Поскольку варвары были отличными наездниками, они постепенно стали основным контингентом римской кавалерии, которая, как наиболее подвижный и надежный для новых функций род войск, выдвинулась на первое место. В пехоте главная роль также перешла к вспомогательным кавалерийским отрядам, комплектовавшимся из варваров. При этом предпочтительнее отдавалось выходцам из наиболее отсталых и территориально отдаленных от Империи племен¹³.

Упадок курий, являвшихся опорой рабовладельческого строя в провинциях, и обострившаяся борьба между различными группировками господствующего класса, отражавшая классовые противоречия, также вынуждали императоров сосредоточить полевую армию внутри страны.

Постепенно выработались искусные приемы использования варваров. Главными были: противопоставление их местным жителям и сблизившимся с ними варварам; поддержка слабых варварских племен в их борьбе против сильных, чтобы не дать окрепнуть ни тем, ни другим; привлечение отдаленных племен, которые в случае необходимости призывались на помощь или угрожали племенам, ставшим опасными для Империи.

Такой политике способствовало и положение внутри соседних варварских племен. Эти племена перешли к оседлому образу жизни и занимались земледелием. У них более ускорен-

¹³ В. И. Холмогоров. Полевая армия Римской империи IV в. УЗ ЛГУ, серия историч., вып. 12, 1941, с. 81—100; Его же. Римская стратегия в IV в. у Аммиана Марцелина. ВДИ, 1939, № 3, с. 87—97. D. V. Berchem. L'armée de Dioclétien et la réforme Constantinienne. Paris, 1952; G. L. Chessman. The Auxilia of the Roman Imperial Army. Rome, «Egma», 1968; J. G a g e. Les classes sociales de l'Empire Romain. Paris, p. 133 (по его подсчету в эпоху Траяна в римской армии было 150 тыс. чел. в составе легионов и 150 тыс. чел. в составе вспомогательных войск, комплектовавшихся из варваров).

R. Grosse. Römische Militargeschichte. Berlin, 1920; G. Forni. Il reclutamento delle legionida Augusto a Diocleziano. Roma, 1953; M. Waas. Germanen im Römischen dienst in 4 Jahrhundert. Bonn, 1965, S. 6—16.

но, чем прежде, развивались производительные силы и приходил в упадок первобытнообщинный строй. Постепенно в форме, соответствующей достигнутому уровню развития производительных сил, напоминающей позднеримский колонат, распространилось рабство. Существование собственным трудом варвары стали считать делом достойным лишь раба и более позорным, чем грабеж. Поэтому варвары либо поступали на римскую военную службу, либо предпринимали грабительские походы против соседей и в пограничные римские области.

Во время этих набегов уничтожалась масса производительных сил. Пограничные земледельцы разорялись и уводились в плен. Кроме того, походы приносили огромный вред и самим пограничным варварским племенам, которые, не заботясь о развитии земледелия и скотоводства, возлагали надежду на добычу или подачки Рима. Этим объясняется отмеченное Ф. Энгельсом отставание в развитии западных германских племен от племен внутренних областей Германии.

В начале IV в. варварские наемные и вспомогательные кавалерийские отряды стали орудием военной диктатуры господствующего класса в форме дворцового деспотизма.

Писатель Лактанций, который стоял близко ко двору, рассказывая о правлении Максимиана (309—315), утверждал, что «все его телохранители являлись выходцами из готов, которые, будучи изгнанными из своего отечества, предались Максимиану. Да и подлинно, эти варвары ко вреду Империи избежали рабства как будто для того чтобы некогда поработить римлян. С помощью таких-то злодеев этот жестокий император свирепствовал над Востоком»¹⁴.

Из рассказа Лактанция известно и о политике Максимиана, осуществлению которой служили готские отряды. «По одержании победы над персами, он хотел и в римских провинциях ввести привычку этих народов рабствовать и слепо выполнять волю царей своих. Ему хотелось всех римлян обратить в рабов... Судьи не знали другого закона, кроме необузданного своеволия... Ценз, который он требовал от городов и провинций, производил всеобщее разорение. Сыщики везде были рассеяны, обыскивали и шарили всюду: это было прямое подобие войны и невольничества. Измеряли земли, считали виноградники и другие деревья, вносили в списки скот всякого рода... Нигде иного не слышно было, кроме удара жезла... Иго, которое древние римляне по праву войны налагали на побежденные народы, он наложил на самих римлян... Взималась также особая подушная подать. Но, недовольствуясь одними сборщиками, посылали других для новых розысков, и последние, хотя бы и ничего нового не нашли, удваивали налоги, чтобы показать, что не напрасно они посланы. А между

¹⁴ L a c t a n t i u s . De mortibus persecutorum, II, 38. PL 7, col. 255—256.

тем, скот погибал, люди умирали, но взыскание податей не уменьшалось. Таким образом, ни жить, ни умереть нельзя было спокойно. Одни нищие были свободны от притеснений. Но этот злодей захотел и их подвергнуть гонению. Посадив их на корабли и вывезя на середину моря, он приказывал выбрасывать их за борт. Так погубил он множество бедняков»¹⁵.

Такая политика вела к разорению свободных крестьян и ремесленников, попадавших в зависимость от крупных землевладельцев. Поскольку же орудием этой политики и частью государственной машины являлись варварские отряды, население относилось к ним враждебно.

С середины IV в. наемные и вспомогательные отряды варваров призывались особенно часто. Это было вызвано дальнейшим обострением социальных противоречий и усилением борьбы между различными группировками господствующего класса. Как свидетельствует Аммиан Марцеллин, в этот период римское государство постоянно готовилось либо к внутренней, либо к внешней войне и непрерывно усиливало налоговый гнет. «Все были обязаны доставлять одежду и орудия, золото и серебро, различный провиант и транспортные средства»¹⁶.

Тяжесть налогов «усиливалась ненасытной жадностью сборщиков податей»¹⁷. Сбор налогов «не обходился без того, чтобы сборщики не наполнили собственные карманы»¹⁸. Так же действовали наместники императора, «рассматривавшие наем солдат, покупку лошадей и зерна, сбор средств на постройку городских стен как постоянные источники наживы»¹⁹.

Лихоимство чиновников приводило к обострению классовой борьбы. Крестьяне отказывались платить налоги и обрабатывать поля²⁰. Они бежали из деревень и либо скрывались в городах²¹, либо превращались в разбойников²².

Наиболее решительно действовали исаврийцы. В 353 г. они перешли «к настоящей войне» и нападали на приморские местности, Ликаонию, Памфилию и Селевкию²³.

Рассказывая о выступлениях народных масс, Аммиан Марцеллин утверждает, что они были вызваны усилением фискального нажима. «По всем провинциям Востока повсеместно царил палач — посредник грабежа, казни, конфискации иму-

¹⁵ Ibidem, II, 21—23, col. 228—232.

¹⁶ Amm. Marcell., XXI, 6, 5.

¹⁷ Amm. Marcell., XXI, 16, 17.

¹⁸ De rebus bellicis, IV, 4.

¹⁹ Ibidem, IV, 5.

²⁰ Ibidem, II, 3.

²¹ Иоанн Златоуст. Творения. Т. 2. Спб., 1895, с. 637; Либаний. Речи. Т. 1, Казань, 94, с. 173.

²² R. Mac Mullen. Enemies of the Roman Order Treason, Unrest and Alienation in the Empire. Cambridge-Massachusetts, 1966, p. 255—268.

²³ Amm. Marcell., XIV, 2, 1; 2, 4; 2, 8.

ществ»²⁴. Крестьяне пограничных областей к тому же были разорены варварами, а солдаты пограничных гарнизонов вместо того чтобы отражать их набеги также грабили местных жителей, добывая себе средства к существованию²⁵.

Неспокойно было и в Иллирике, где римскому правительству пришлось сосредоточить большую часть полевых войск²⁶.

В Александрии, например, вся ненависть народных масс к угнетателям обрушилась на арианского епископа Георгия и чиновников, потребовавших налог со строений под тем предлогом, что они возведены Александром Македонским, а не людьми, пользующимися ими. По рассказу Аммиана Марцеллина, народ ворвался в дом Георгия и затоптал его. Были убиты также пачальник монетного двора Драконций и комит Диодор²⁷.

Одной из форм народного сопротивления являлся отказ от уплаты налогов. По свидетельству Аммиана Марцеллина, в Египте было стыдно тому, кто не мог показать шрамов от ран, полученных в наказание за уклонение от уплаты подати²⁸. Некоторые горожане бежали, спасаясь от сборщиков налогов²⁹. Города пустели³⁰, хотя иные из них и росли по численности населения (Константинополь, Антиохия).

В городах часто возникали волнения, вызванные нехваткой продовольствия или высокими ценами и спекуляцией³¹.

Почти не прекращались восстания народных масс в Риме. Достаточно было любой причины, чтобы началось новое. В 355 г. поводом для волнения был арест популярного наездника Филорома и перебой в снабжении вином³².

Рассказывая о деятельности префекта Лампадия, Аммиан Марцеллин сообщает: «Измучили этого префекта частые волнения и особенно одно из них, когда толпа плебса подошла к его дому поблизости от Константиновских бань, бросая в него факелы и меллоны»³³. Сильные волнения происходили и при префекте Вивеции, сменившем Лампадия. Знать и сенаторы, опасаясь народного гнева, увозили семьи в загородные поместья³⁴.

Частыми были народные волнения и в Милане. Умиротворение одного из них Сократ приписывает Амвросию Медио-

²⁴ Ам м. Marcell., XIV, 7, 21.

²⁵ Ам м. Marcell., XV, 12, 4.

²⁶ Ам м. Marcell., XVIII, 5, 2.

²⁷ Ам м. Marcell., XXII, 11, 8—9.

²⁸ Ам м. Marcell., XXII, 16, 22.

²⁹ Ам м. Marcell., XXIV, 3, 4.

³⁰ A. E. R. Boak. Man-power Shortage and the Fall of the Roman Empire in the West. London, 1955, p. 80—101.

³¹ H. Kohns. Versorgungskrisen und Hungerrevolten in spätantiken Rom. Bonn, 1961.

³² Ам м. Marcell., XV, 7.

³³ Ам м. Marcell., XXVII, 3, 8—9.

³⁴ Symmach. Epistol. VI, 12, 15, 21, 26, 35, 56; VIII, 13.

ланскому, выступившему перед восставшими с демагогическими обещаниями³⁵.

Социальный протест проявлялся также в отстаивании языка, в еретических движениях, в выступлениях против арианства, объявленного императорами Констанцием и Валентом государственной религией. «Народ раздирался ересями»³⁶.

Народные восстания начинались стихийно и были разрозненными, а требования восставших крайне противоречивыми и ни одно из них не могло стать основой сплочения народных масс. Но все же они заставляли господствующий класс отказаться от самых ненавистных пережитков (появилось запрещение брать от колона больше, чем раньше, продавать оригинариев без земли, постановление о защите плебса Иллирика от беззаконий могущественных людей, об отмене подушной подати, закон об утверждении сборщиков налогов на самых многолюдных собраниях куриий и др.).

Господствующий класс Римской империи IV в. не был монолитным. Экономическое развитие порождало глубокие противоречия и в его среде. Его многочисленные фракции добивались политической власти для проведения в жизнь тех или иных форм подавления и предупреждения социальной опасности. Членов той или иной фракции объединяли общие экономические интересы или вид деятельности (военная, светская или духовная знать); происхождение (выходцы из староримской или местной знати); религиозная принадлежность (язычники, никейцы, ариане, донатисты, присциллиане и т. п.); территориальный признак (африкано-римляне, галло-римляне, итало-римляне, испано-римляне и т. п.); особые права и привилегии (сенаторская или муниципальная знать); отношение к тем или иным варварам (сторонники или противники союза с теми или иными варварскими племенами). Все это порождало постоянные трения, перераставшие в открытую борьбу. Ставшие более сильными в экономическом отношении пытались занять и господствующее политическое положение. Более слабые, считая политическую власть надежным средством экономического возвышения, также стремились к этому. Все они попеременно выдвигали своих ставленников в императоры, которые пытались использовать борьбу между фракциями для того, чтобы самодержавно руководить гражданским, военным и финансовым управлениями. Поэтому императоры нуждались в военной силе, не связанной ни с какой фракцией. Ею, по-прежнему, оказывались варварские вспомогательные и наемные отряды.

Однако с середины IV в., когда соотношение сил сложилось не в пользу Римской империи, ориентация на варварские

³⁵ Socrat. Eccl. Hist. IV, 29.

³⁶ Amm. Marcell., XXII, 5, 6.

войска стала опасной для ее существования. Это было вызвано дальнейшим кризисом рабовладельческой системы Средиземноморья и внутренним развитием соседних варварских племен.

Затянувшийся кризис ослаблял Империю. Этому способствовало разорение и закрепощение мелкого крестьянского хозяйства, которое, как указывает К. Маркс, наряду с независимым ремесленным производством, было экономической основой античного общества в пору его расцвета.

Ослабляла Империю и междоусобная борьба, разгоревшаяся после смерти Константина (306—337) за трон между Константином (умер 340) и Константом (умер 350) и другими претендентами³⁷. Когда же установилось единодержавие Констанция (350—361), он также стремился привлечь на свою сторону германских варварских предводителей, надеясь на их помощь в войне против полководца Магненция, провозгласившего себя императором. Военные действия продолжались три года. Констанций, как свидетельствует Либаний, «письмами открыл варварам путь в римские пределы, заявив им о своем дозволении приобретать земли, сколько они смогут. Когда это разрешение было дано, и письма отменили условия прежнего договора, они хлынули потоком при отсутствии какого-нибудь сопротивления (Магненций держал свое войско в Италии), и цветущие города становились их полной добычей: деревни разрушались, стены низвергались, увозилось имущество, женщины и дети, и люди, коим предстояла участь рабов, следовали за ними»³⁸.

По сведениям Либания германцы уничтожили сорок восемь городов и захватили значительную часть Галлии. Евтропий сообщает, что одни города варвары брали приступом, а другие осаждали и всюду производили такие жестокие опустошения, что Римская империя оказалась на грани гибели³⁹.

Зосим утверждает, что в 355—356 гг. франки, алеманны и саксы разорили сорок пять городов и много укрепленных пунктов⁴⁰.

Победы над Магненцием сначала при Мурсе в Паннонии, а в 353 г. в Галлии, Констанций также добился ценой разграбления германцами пограничных провинций.

В 355 г. Констанций назначил цезарем своего двоюродного брата Юлиана и отправил его в Галлию защищать рейнскую границу от участвовавших набегов франков, алеманнов и саксов. Но едва Юлиан одержал победу, завершившуюся походом в глубь германских поселений, «уязвленный зави-

³⁷ G. Gigli. La dinastia dei Secondi Flavii: Constantino II, Costante, Costanzo II (337—361). Roma, 1959.

³⁸ Либаний. Речи. Т. I. Казань, 1914, с. 317, 318.

³⁹ Евтроп. Brev. X, 14 (7). Lips., 1883, p. 76.

⁴⁰ Zosim. Hist., Lipsiae, 1887, p. III.

стью Констанций, по свидетельству Евнапия, поднял против цезаря предводителей, естественных врагов его, и присоединил свою собственную силу к силе этих врагов... Война обратилась в обман, делая естественных врагов союзниками»⁴¹.

Политика Констанция принесла неисчислимые бедствия. Колония Агриппина, самый значительный город Второй Германской провинции, после длительной осады была взята и разрушена варварами⁴². Все местности, лежащие вокруг городов Аргенторат, Бретомат, Таберны, Салисон, Неметы, Вангион и Могонциак, были заняты варварами⁴³.

Хотя эти города остались в руках местных жителей, оказавших врагам мужественное сопротивление, положение их было тяжелым: варвары лишили горожан подвоза продовольствия. «Число их,— свидетельствует Либаний,— становилось столь незначительным, что сами города стали одновременно и городами и полями, и незаселенного пространства в ограде хватало для посевов. Действительно, и быка запрягали, и плуг влачился по земле, и семя бросали, всходил колос, являлся и жнец, и молотильщик, и все это в пределах ворот города, так что пленных никто не назвал бы более злочастными, чем тех, кто остался дома»⁴⁴. Несмотря на это, жители многих пограничных городов продолжали борьбу.

Это упорное сопротивление сказалось и на результатах войны: армия Юлиана оттеснила германцев за Рейн и вынудила их вступить в договорные отношения, что способствовало дальнейшему развитию производительных сил не только Галлии, но и самих германцев. Либаний свидетельствует, что после успешных кампаний Юлиана, германцы были вынуждены перестать смотреть на грабеж как на источник существования и начали усердно заниматься земледелием. «На границах те варвары, которые населяют страну от внешнего моря до бурунов Понта, повесив оружие, запахивают землю и, отчаявшись получить боевую добычу от нашего достатка, молятся Деметре»⁴⁵.

В связи с этим у германских племен закреплялись навыки оседлого образа жизни, развивалось земледелие. Как свидетельствует Фемистий, жители пограничных римских областей также покидали оборонительные стены и заботились о волах и плугах, а вместо мечей точили косы⁴⁶.

Однако мир на границе не был продолжительным. В правление Валентиниана (364—375) и Валента (364—378) настали тяжелые дни. Аммиан Марцеллин так характеризует этот

---

⁴¹ Еупар. Fr. 7. FHG IV.

⁴² Амт. Marcell. XV, 8, 18.

⁴³ Амт. Marcell. XVI, 2, 12.

⁴⁴ Либаний. Речи. Т. 1. Казань, 1914, с. 318.

⁴⁵ Либаний. Речи. Т. 2. Казань, 1916, с. 206.

⁴⁶ Themist. Orat., XIV.

период: «В это время во всем римском мире, как по боевому сигналу труб, поднялись самые свирепые народы и стали переходить ближайшие к нам границы. Галлию и Рецию одновременно грабили алеманны, обе Паннии — сарматы и квады; пикты, саксы, скотты и атакотты терзали непрерывными бедствиями Британию; австорианы и другие маврские племена сильнее обычного тревожили Африку; Фракию грабили разбойничьи шайки готов»⁴⁷. Арабские племена опустошали пограничные провинции префектуры Востока⁴⁸. Обострились отношения с персами за обладание Арменией⁴⁹.

Несмотря на внешнюю опасность, единства не было даже среди господствующего класса Империи.

Согласно принципу раздела Империи при Диоклетиане, Валентиниан I передал в управление префектуру Востока своему брату Валенту и отбыл в Милан, где в 367 г. провозгласил своего сына Грациана августом наряду с собой. Валент был вынужден оставить Константинополь и отправиться в Антиохию для ведения войны против персов.

Как только он оставил Константинополь, началось восстание Прокопия, претендовавшего на императорский трон.

В это время Валент, следовавший в Антиохию, узнал об опасных передвижениях вестготов и послал два легиона на дунайскую границу. Когда эти легионы проходили через Константинополь, сторонники Прокопия склонили их первоначально к измене. Прокопия поддержали также придворные служители и поставщики продовольствия⁵⁰. По словам Зосимы, «они вооружали рабов и много народа, большая часть которого самостоятельно перешла на их сторону»⁵¹. Атанарих, предводитель части вестготов, прислал Прокопию десяти тысячный вспомогательный отряд⁵².

Однако во время решительного сражения у Николии во Фракии большинство сторонников Прокопия перешло к Валенту. Прокопий бежал, но был выдан своими сподвижниками и обезглавлен. Борьба с Прокопием и преследование его сторонников ослабили Империю, а война с персами отвлекла ее основные военные силы на Восток. Все это ослабило оборону Дуная.

2. Готы и Римская империя. Немецкая националистическая историография создала легенду о воинственных готах, которые будто бы постоянно организовывали антиримские вы-

⁴⁷ *Amm. Marcell.* XXVI, 4, 5.

⁴⁸ *Socrat. Eccl. Hist.* IV, 36.

⁴⁹ *Zosim. Hist.*, IV, 4, 1.

⁵⁰ *Amm. Marcell.*, XXVI, 6, 12—15; 7, 1.

⁵¹ *Zosim. Hist.*, IV, 5, 8.

⁵² *Zosim. Hist.*, IV, 7, 3. Об этом восстании см.: Г. Л. Курбатов. Восстание Прокопия. ВВ, 14, 1958; его же. К вопросу о территориальном распространении восстания Прокопия. «Византийские очерки». М., 1961, с. 64—92.

ступления соседних племен. Эта легенда основана на политической заинтересованности ее создателей и некритическом толковании тенденциозных работ Иордана, Орозия и Исидора Севильского, которые приписали готам деяния многих древних народностей Подунавья.

В действительности же варварские племена наседали на Империю и там, где готов не было, или тогда, когда они поддерживали с Империей мирные отношения.

После победы Константина над готами в 332 г. они обещали дать ему 40 тысяч воинов и в обеспечение договора прислали заложников. С тех пор готы не вели войн против Империи. Однако они почти ничего, кроме рабов, не могли предложить римлянам в обмен на их товары. Поэтому отдельные готские дружины часто нападали на своих соседей и в том числе на римлян ради грабежа. Но подобные нападения не были редкостью и на других границах.

Относительно мирные условия жизни содействовали развитию производительных сил. Афанасий Великий отмечал, что соседние готы «отвыкают от кровожадности и перестают думать о войнах. Они прекращают войны и переходят к земледелию»⁵³. Правда, он связывал эти перемены с распространением христианства. Но и это явление было следствием общественно-экономического развития готов.

В середине IV в. часть готов переселилась в Нижнюю Мёзнию, что было вызвано внутриплеменной борьбой.

По свидетельству Авксентия, епископа Доростольского, и арианского церковного историка Филосторгия, Атанарих, готский предводитель, около 353 г. начал преследовать своих соотечественников-христиан. «Когда гонения усилились, Ульфилла вышел из страны варваров и со множеством христиан, вместе с ним изгнанных из отечества, поселился в Романьи. Здесь с радушием и честью был он принят императором Констанцием»⁵⁴. Готский историк VI в. Иордан называет этих переселенцев «малыми готами» и рассказывает, что они жили около Никополя, у подножья Эмимонта (Старой Планины)⁵⁵.

По рассказу Созомена, в 359 г. Ульфилла принял участие в Константинопольском соборе, где поддержал ариан. Поддержка готами арианства, являвшегося религией Констанция и его двора, свидетельствует об их прочных связях.

Около 360 г. Ульфилла перевел на готский язык Библию. Словарный фонд перевода свидетельствует о том, что социальные порядки Империи не только оказали огромное влияние на готов, но и способствовали разложению первобытнооб-

⁵³ Athanasii. Oratio de incarnatione Verbi. Cap. 51—52. PG., col. 187—189.

⁵⁴ Auxentio ep. Dorostorensi. De Ulfila episcopo Gothorum. In: G. Waitz. Leben des Ulfils. Hannover, 1840, S. 20.

⁵⁵ Jordan. Getica, § 267.

щинных отношений. Это же показывают и другие источники. «Житие Сабы» (Саба замучен в 372 г.) рисует нам основные черты готского общества второй половины IV в. В готской деревне господствовала военная демократия и еще сохранилась родовая солидарность. Однако равенство, засвидетельствованное еще Цезарем и Тацитом, уже сменилось резким имущественным неравенством. Богатство, а с ним и власть, сосредоточились в частных руках. Общинные отношения еще сохранились, но знать оказывала на общину сильное давление⁵⁶.

Основная масса готов (вестготов) располагалась к северу от Дуная, но опасения Империи они не вызывали. До 366 г. Империя даже не держала на границе с ними значительных сил. Там, где войска еще оставались, они почти не несли пограничной службы. По свидетельству Фемистия, солдаты сохранившихся пограничных гарнизонов у Дуная «были не только плохо вооружены, но и плохо одеты, а начальники сторожевых пунктов и гарнизонов были в большей мере торговцами и скупщиками рабов, чем командирами. Они стремились уменьшить численный состав своих гарнизонов, чтобы в свою пользу оставлять средства, получаемые на содержание отсутствующих воинов»⁵⁷.

Доведенная до совершенства иерархическая система военного управления при посредстве разделенных на классы чиновников, которые назначались императором, по существу, способствовала мошенничествам и растратам государственных средств на содержание существующих, отчасти лишь на бумаге, армий. Дело дошло до того, что даже малочисленные пограничные гарнизоны не получали выделенного им содержания и голодали. «Голодали и кони всадников,— рассказывает Либаний,— а этот голод обращался в золото для военачальников, присваивавших деньги, предназначенные на содержание армии»⁵⁸. Чтобы не умереть с голоду, воины вместо того чтобы охранять местных жителей от нападения извне, сами грабили их⁵⁹.

Зная о положении, создавшемся на границе, готские дружины безнаказанно переходили ее и грабили те селения, которые не могли оказать им сопротивления⁶⁰.

В первые годы правления Валента (364—378) оборона Дуная несколько окрепла.

В ответ на участие готских войск в восстании Прокопия Валент объявил готам войну (в 366 г.) и в течение трех лет

---

⁵⁶ E. A. Thompson. *Passio s. Sabae*. «*Historia Mundi*», Bd. 4. Bern, 1956, S. 331—338.

⁵⁷ Themist. Orat., X, 136.

⁵⁸ Либаний. Речи. Т. 2. Казань, 1916, с. 65.

⁵⁹ Themist. Orat., X, 138 с.

⁶⁰ Themist. Orat., X, 136 d.

дважды вторгнулся в их владения на левом берегу Дуная. В эти годы римляне отремонтировали и построили несколько крепостей, пополнили их гарнизоны и создали запасы продовольствия⁶¹.

В 369 г. война окончилась и с готами был заключен новый договор. Империя отказалась давать им ежегодный продовольственный паек и разрешила вести торговлю с римлянами только в двух городах на Дунае⁶², а не на многочисленных торжищах, как было раньше⁶³.

Фемистий с восторгом говорит о договоре с готами. «Теперь нам не нужно подавлять тех, кого еще не подавили. Не нужно считать мертвых. Мы считаем живых»⁶⁴.

Понимая, что завоевательная политика стала непосильной для Империи и не нужной для воспроизводства ее рабочей силы, Фемистий порицал прежние войны. Он считал несправедливым называть Александра, превратившего Македонию в пустыню, «Македонским», а Сципиона «Африканским» за победу над Карфагеном. Только Валент, по его мнению, заслужил право называться «Готским», поскольку благодаря ему готы существуют, а не исчезли с лица земли⁶⁵. Мир с готами — это мир для подданных императора⁶⁶.

Фемистий полагал и, вероятно, не без основания, что страх может заставить готов повиниться⁶⁷ и поэтому был сторонником мирных отношений с ними, однако предлагал императору истребить или вырезать персов⁶⁸.

После заключения мирного договора в 369 г. борьба среди готов вспыхнула вновь. Из рассказов Сократа и Созомена известно, что их многочисленные предводители разделились на две партии⁶⁹. Сторонников Империи возглавлял Фритигерн. Противников — Атанарих. Оба носили титулы судей, а не королей⁷⁰. В результате борьбы между ними новая группа готов-ариан переселилась в Нижнюю Мёзию, к своим сородичам. «Гонимые бежали к ним как к братьям»⁷¹.

Поселение готов-ариан в пределах Империи способствовало освоению ими римской культуры. Однако, как это следует

---

⁶¹ См.: В. И. Велков. Градът в Тракия и Дакия през късната античност. София, 1959, с. 61—113; В. Велков. Сведения на Темистия за Тракия. «Сборник Г. Кацаров», София, 1955, ч. 2, с. 245—260. Г. Л. Курбагов. Либаний о Фракии. Известия на Института за История Българска Академия на Науките, т. II, 1962, с. 153, 154.

⁶² *Amm. Marcell.*, XXVII, 5. *Zosim. Hist.*, IV, II.

⁶³ *Themist. Orat.* X, 135 c.

⁶⁴ *Themist. Orat.* X, 135 a.

⁶⁵ *Themist. Orat.* X, 140 b—c.

⁶⁶ *Themist. Orat.* X, 141 a.

⁶⁷ *Themist. Orat.* XVI, 211 c.

⁶⁸ *Themist. Orat.* XI, 148 d.

⁶⁹ *Socrat. Eccl. Hist.*, IV, 27. *Sozomen. Eccl. Hist.*, IV, 30.

⁷⁰ *Socrat. Eccl. Hist.*, IV, 33.

⁷¹ *Oros. Hist.*, VII, 32.

из рассказа Иордана, даже через двести лет их потомки жили обособленно и отставали от местных жителей в общественно-экономическом развитии⁷². Это объясняется тем, что готы, переселившиеся компактными массами, сохранили свой язык, обычаи, отчасти, образ жизни и мало общались с соседним населением.

До гуннского нашествия в Европу основная масса готов оставалась за Дунаем. Интересы восточной группы (остготы), занятой борьбой с антами⁷³, почти не соприкасались с интересами Империи. Западные готы (вестготы) все внимание уделяли борьбе между сторонниками и противниками христианства и Империи⁷⁴. Это делало готов неопасными. Однако на границе с ними положение постепенно изменилось.

3. Римская империя накануне гуннского нашествия в Европу. В начале 70-х гг. IV в. Римская империя оказалась в таком положении, что не могла ни воспрепятствовать массовому переселению варваров в ее провинции, ни заставить пришельцев служить себе.

Причина заключалась в затяжном кризисе рабовладельческого способа производства, в той политике, которую проводил господствующий класс, пытавшийся либо сохранить основы существующего строя, либо приспособиться к новым условиям; и в том, что по соседству с Империей сложились мощные военно-племенные объединения варваров, готовых выступить против того, кто окажется слабее их.

Кроме того, чем убыточнее становилось ведение хозяйства с помощью рабского труда, тем быстрее росли налоги на мелких крестьян и ремесленников. За счет этого господствующий класс пытался компенсировать свои убытки. О тяжелом положении крестьян, ремесленников и куриалов свидетельствует Либаний⁷⁵. Фемистий также рисует безвыходное положение крестьян и ремесленников⁷⁶.

По рассказу Аммиана Марцеллина сбор налога сопровождался страшной жестокостью⁷⁷. Императоры и чиновники не знали различия между пристойным и непристойным⁷⁸. В особо тяжелом положении оказались провинции Востока, где по площадям рыскали толпы императорских чиновников и грабителей, а суды стали обманными волчьими ямами⁷⁹.

---

⁷² Iordan. *Getica*, § 267.

⁷³ Iordan. *Getica*, § 119.

⁷⁴ См.: А. Р. Корсунский. Вестготы и Римская империя в конце IV — начале V в. ВМУ, История, 1965, № 3, с. 85—95.

⁷⁵ Либаний. Речи. Т. 1, с. 123—124, 146, 167—174. Т. 2, с. 64, 125, 240.

⁷⁶ Themist. *Orat.* X, 137 b; XVI, 206 c.

⁷⁷ Amm. Marcell., XXX, 5, 7.

⁷⁸ Amm. Marcell., XXX, 8, 8.

⁷⁹ Amm. Marcell., XXX, 4, 1; 4, 8; 4, 13.

Среди отдельных представителей господствующего класса росли оппозиционные настроения, вызванные бюрократизацией государственного аппарата, нарушением прерогатив сената и курий. И хотя большая часть имущего класса в целом поддерживала императорскую власть, видя в ней спасение от социальной опасности, многие ее представители фрондировали по отношению к императору и правящей фракции, следствием чего были многочисленные судебные процессы, казни и конфискации, описанные Аммианом Марцеллином⁸⁰. Зосим свидетельствует, что тюрьмы были переполнены томившимися там без каких-либо причин, и сотни людей осуждались без доказательств их вины⁸¹.

Несмотря на неприкрытый террор, революционные движения не прекращались.

В Галлии, по свидетельству Аммиана Марцеллина, дороги стали опасными. Там действовали отряды, состоящие из обездоленных и недовольных существующим строем⁸². О социальной направленности их борьбы свидетельствует факт убийства Константина, трибуна императорской конюшни, брата жены Валентиниана I⁸³.

В Сирии участились нападения на дома и виллы богатых горожан, причем нападающие иногда действовали под видом чиновников императора или казначейства⁸⁴. В Риме также происходили постоянные волнения⁸⁵.

Анонимный реформатор писал императору, что лишь бедственное положение побуждает народ к участию в преступлениях. Это приносит вред Империи, так как крестьяне отказываются возделывать поля и нападают на поместья⁸⁶. Автор записки объяснял бедствия народа исключительной порочностью наместников и судей, чиновников и сборщиков налогов⁸⁷. Он рекомендовал принять неотложные меры к тому, чтобы «довести провинциального земледельца до того положения, которое он занимал»⁸⁸. Следовательно, анонимный реформатор понимал, что ослабление страны вызвано разорением мелкого крестьянского хозяйства, являвшегося, наряду с независимым ремесленным производством, экономической основой Империи. Характерно, что эти советы отражали экономические требования времени, когда необходимость укрепления мелкого производства с самостоятельным использованием

⁸⁰ Ам м. Мар cell., XXVI, 10; XXVII, 7; XXVIII, 1; XXIX, 1—3.

⁸¹ Zosim. Hist., IV, 14.

⁸² Ам м. Мар cell., XXVIII, 2, 10.

⁸³ Ам м. Мар cell. XXVIII, 2, 10.

⁸⁴ Ам м. Мар cell., XXVIII, 2, 11—13.

⁸⁵ Socrat. Eccl. Hist. IV, 29. Ам м. Мар cell., XV, 7; XXVII, 3—11.

⁸⁶ De rebus bellicis, 11, 3.

⁸⁷ Ibidem, IV (De iudicium privata).

⁸⁸ Ibidem. Praefacio, 6.

орудий труда и ведением хозяйства диктовалась достигнутым уровнем развития производительных сил.

Одновременно с внутренним ослаблением Империи усилился натиск варварских племен на ее рубежи.

В 370 г. в провинцию Триполитанию вторглись жившие по соседству австорианы⁸⁹. В том же году саксы ворвались в Британию⁹⁰, а квады и сарматы перешли Дунай. Только прибытие галльских легионов заставило их повернуть обратно и просить мира⁹¹.

В 371 г. вспыхнуло, возглавляемое Фирмом, восстание мавританских племен, длившееся три года⁹².

В 374—375 гг. на Рейне участились нападения алеманнов⁹³, на Дунае — квадов⁹⁴ и сарматов⁹⁵. Причем, «квады и сарматы, все расширяя круг своих набегов, уводили в плен мужчин и женщин, угоняли скот»⁹⁶. Император Валентиниан I, предпринявший против них поход, во время переговоров с их послами, скончался.

Исавры, опустошавшие города Ликии и Памфилии, доходили до горной Киликии⁹⁷.

Более спокойной была обстановка на Нижнем Дунае, на границе с готами. В 370—371 гг. среди них вновь разгорелась борьба сторонников Атанариха и Фритигерна. При этом, как свидетельствуют Сократ⁹⁸ и Созомен⁹⁹, Фритигерн попросил помощи у императора и, получив ее, обратил Атанариха в бегство. В благодарность за помощь многие сторонники Фритигерна приняли христианство¹⁰⁰, что способствовало дальнейшему сближению готов с Империей. Однако в связи с нашествием гуннов, когда готские племена оказались вынужденными просить императора представить им для поселения провинции Нижней Мёзии и Фракии, обстановка изменилась.

Таким образом, к середине 70-х гг. IV в., по мере того, как Империя слабела изнутри, почти на всех границах соотношение ее сил с силами варваров также складывалось не в ее пользу.

4. Нашествие гуннов в Европу. В 375 г. большое объединение кочевых племен, основу которого составляли азиатские гунны, появилось у Волги и вторглось в Европу. Это повлекло за собой перемещение варварских племен Европы к дунайской

⁸⁹ Amm. Marcell., XXVIII, 6, 1—4.

⁹⁰ Amm. Marcell., XXVIII, 5, 1.

⁹¹ Amm. Marcell., XXIX, 6, 8.

⁹² Amm. Marcell., XXIX, 5.

⁹³ Amm. Marcell., XXIX, 6.

⁹⁴ Amm. Marcell., XXIX, 6; XXX, 5.

⁹⁵ Rufin. Hist., 12, PL 21, col. 522.

⁹⁶ Amm. Marcell. XXIX, 6, 6.

⁹⁷ Zosim. Hist., IV, 20.

⁹⁸ Socrat. Eccl. Hist. IV, 33.

⁹⁹ Szozen. Eccl. Hist. VI, 37.

¹⁰⁰ Ibidem.

и рейнской границам и ускорило их массовый переход в римские провинции.

При изучении общественно-экономического развития гуннов в IV—V вв. мы вынуждены обращаться лишь к отрывочным свидетельствам их современников. Правда, уже не раз предпринимались попытки опереться на археологические данные, но отличить культурный слой, принадлежащий гуннам, от культурного слоя покоренных ими народов и пленников невозможно.

Аммиан Марцеллин рисует гуннов типичными кочевниками, которые, не занимаясь земледелием, питались кореньями полевых трав и полусырым мясом. День и ночь они проводили на конях, одевались в холщевые или сшитые из шкур одежды. Яростные воители, легкие на подъем и очень подвижные, они сокрушали все, что попадалось на их пути¹⁰¹.

Зосим утверждает, что гунны не могли твердо стоять на ногах, так как передвигались, обсуждали общие дела и даже спали на лошадях¹⁰².

По рассказу Клавдиана, «Север не питает ни одного племени, более свирепого. У них безобразная внешность и постыдные на вид тела, но они никогда не отступают перед тяжелым трудом. Пищей им служит охотничья добыча, они избегают даров Цереры, их забава — разрезать лицо, у них считается прекрасным клясться убитыми родителями. Двойная природа не более их сочетала двуобразных тучерожденных (кентавров) с родными конями. Они отличаются необыкновенной подвижностью, но без всякого порядка, и неожиданными обратными набегами...»¹⁰³.

Скотоводство у гуннов велось по принципу: как можно больше скота и как можно меньше ухода за ним. Поэтому они нуждались в обширных пастбищах, чем и объясняется их передвижение на Запад по степной полосе.

Характеристика гуннов, данная современниками, опровергает утверждение Ф. Альтгейма (а до него — А. Н. Бернштама)¹⁰⁴, будто гунны по своему развитию стояли выше многих народов Европы. Даже через семьдесят лет после появления в Подунавье гунны отставали от племен Европы, у которых уже возникло плужное земледелие, стойбищное содержание скота, металлическая промышленность, достигшая к концу V в. сравнительно высокого уровня, судостроение, гончарное дело, руническая письменность, а у готов были даже собственный алфавит и письменность. Гуннов же Аполлинарий Си-

¹⁰¹ Amm. Marcell. XXXI, 2, 12.

¹⁰² Zosim. Hist. IV, 20, 4—5.

¹⁰³ Cl. Claud. In Rufinum liber I, v. 323—331.

¹⁰⁴ F. Altheim. Die Hunnen in Osteuropa. Baden — Baden, 1958; F. Altheim. Geschichte der Hunnen. Bd. 1—5, Berlin, 1959—1963; A. Н. Бернштам. Очерки истории гуннов. Л., 1951.

доний имел основание характеризовать как «кочевое скопище скифской земли, отличавшееся дикостью, суровое, хищное, бурное, кажущееся варварским даже туземным варварским племенам»¹⁰⁵.

Если европейские племена, благодаря переходу к оседлой жизни могли использовать достижения античной агрокультуры и ремесел, то гунны, будучи кочевниками, не имели такой возможности.

Во время многочисленных войн с соседними народами постепенно сложились и закрепились особенности гуннского военно-племенного союза, чья знать, получавшая львиную долю доходов от войны, не была заинтересована в развитии производительных сил своих соплеменников.

В 372 г. гунны перешли Волгу, разгромили аланов, одна часть которых отступила в горы Кавказа, а другая примкнула к ним, и двинулись на Запад. Затем гунны напали на остготовов, ослабленных длительной борьбой с антами, и заставили их присоединиться к походу.

При родовом строе, который господствовал у гуннов и покоренных ими племен, объединить под одним управлением племена, говорившие на разных языках, и извлечь из этого какую-либо пользу, кроме дани, было невозможно. Поэтому гунны были вынуждены оставить покоренные племена «под управлением собственных вождей»¹⁰⁶.

Приск свидетельствует, что гунны снабжались продовольствием за счет готов, «хватая его подобно волкам, так что готы находились на положении рабов и выбивались из сил, чтобы пропитать гуннов»¹⁰⁷.

Однако уровень производства ограничивал количество прибавочного продукта, который можно было отчуждать без вреда для воспроизводства. Гунны же, естественно, отбирали не только его, но и значительную часть необходимого, подрывая этим основы земледелия и скотоводства. Разорив покоренные племена, они неудержимо стремились на Запад, где поначалу представлялась возможность получать продовольствие и предметы первой необходимости.

5. Переселение вестготов во Фракию. В 375 г. гунны, все сокрушая на своем пути, подошли к вестготским поселениям.

Вестготский предводитель Атанарих безуспешно пытался задержать их на берегу Днестра, а затем начал готовить оборонительный рубеж на берегах Прута. Однако с ним осталась только часть воинов. Большинство же искало местности для переселения. Было решено, что наиболее подходящим убе-

¹⁰⁵ A poll. Sidon. Panegy. Anthem., v. 239—241. Sed Scyticae vaga turba plagae, feritatis abundas dira, rapax, vehemens, ipsis quoque gentibus illic barbara barbaricis...

¹⁰⁶ Jordan. Getica, § 250.

¹⁰⁷ Prisc. Fragm. 39. FNG IV, p. 108.

жищем является Фракия и Нижняя Мёзия, богатые пастбищами и защищенные с севера Дунаем ¹⁰⁸.

Вестготы направили в 376 г. к императору Валенту посольство с просьбой о разрешении поселиться во Фракии и Мёзии ¹⁰⁹, обещая повиновение ¹¹⁰ и вспомогательные войска ¹¹¹.

На совете, прошедшем в Антиохии, победило мнение тех, кто считал просьбу вестготов счастьем для императора, неожиданно получающего столько воинов из отдаленной земли и огромные денежные взносы, которые можно собрать по римским городам и селениям вместо рекрутских наборов ¹¹². От вестготов потребовали сдачи оружия при переходе границы и заложников-подростков, для поселения которых были определены местности в диоцезе Азии ¹¹³. Меньшая часть вестготов во главе с Атанарихом, который был противником христианства и Империи, решила уйти в горы Карпат ¹¹⁴.

Аммиан Марцеллин утверждает, что организаторы переправы безуспешно пытались определить число переселенцев. Евнапий полагает, что только способных к войне насчитывалось 200 тысяч ¹¹⁵. Следовательно, общее их количество достигало миллиона. Проследить за выполнением условия о сдаче оружия, а тем более обеспечить их продовольствием, было очень трудно. Римские военачальники и чиновники воспользовались этим для безудержной спекуляции. Под угрозой голодной смерти вестготы продавали не только рабов, но даже своих детей ¹¹⁶.

Послы остготов, также вскоре прибывшие с просьбой о переселении, получили отказ. Несмотря на это, значительная часть их переправилась на правый берег Дуная и разбила свой лагерь недалеко от вестготов ¹¹⁷. Но они не были связаны с Империей договором и не давали заложников.

Вестготы не имели намерения стать земледельцами и добывать пропитание собственным трудом. Их привлекала римская военная служба, а объединение под предводительством Фритигерна, придававшее им силу, и появление остготских переселенцев, на поддержку которых можно было рассчитывать, придавало им уверенность в собственных силах.

6. Восстание вестготов. Положение, в котором оказались вестготы, явилось причиной их восстания. Поводом послужили события в Марцианополе.

¹⁰⁸ Amm. Marcell., XXXI, 3, 5—6.

¹⁰⁹ Jordan. Getica, § 131.

¹¹⁰ Zosim. Hist. IV, 26; Socrat. Eccl. Hist. IV, 36; Sozom. Eccl. Hist. VI, 37.

¹¹¹ Amm. Marcell., XXXI, 4, 1.

¹¹² Sozomen. Eccl. Hist. VI, 37; Amm. Marcell. XXXI, 4, 4.

¹¹³ Zosim. Hist. IV, 20.

¹¹⁴ Amm. Marcell. XXXI, 4, 12.

¹¹⁵ Eunap. Fragm. 42. FNG IV, p. 31.

¹¹⁶ Amm. Marcell. XXXI, 4, 11.

¹¹⁷ Amm. Marcell. XXXI, 5, 3.

Римский военачальник Луцицин пригласил на пир Фритигерна и Алавива, которые прибыли с небольшой охраной, оставленной у входа во дворец. В это время к городу под предлогом покупки продовольствия подошла толпа вестготов. Между городской охраной и вестготами, которых не пустили в город, произошло столкновение. Караульные солдаты были убиты и ограблены¹¹⁸.

Когда известие об этом дошло до Фритигерна, он оставил пир, якобы для того чтобы успокоить свой народ, и вместе с охраной умчался в вестготский лагерь, где поднял восстание.

Здесь уместно вспомнить, что рабочая сила Империи пополнялась частично за счет задунайских племен. Многие выходцы из этих племен были проданы в рабство германскими дружинниками и оказались в Мёзии и Фракии. Еще часть переселилась сюда в 353 и 369 гг. Как это следует из свидетельств Феодорита и сведений Исидора Севильского, они не поддержали восставших.

Но выходцы из готов, оказавшиеся в плену после войны 366—369 гг. или в рабстве после переселения в пределы Империи в 376 г., примкнули к восставшим, как и некоторые отряды римской армии, набранные из готов.

Часть восставших двинулась на Адрианополь, главный город диоцеза Фракии. В составе его гарнизона были два готских отряда под командованием Сверида и Колии. Начальник гарнизона приказал им следовать в диоцез Азию. Но они потребовали двух дней на сборы. Это показалось подозрительным и даже опасным. Начальник гарнизона вооружил часть горожан и рабочих, занятых в государственных мастерских, и, окружив готские отряды, потребовал их немедленного выступления в поход. Тогда готы напали на горожан, одних перебили, других обратили в бегство, а сами перешли на сторону вестготов, подошедших к городским стенам.

Восставшие пытались захватить Адрианополь, но, столкнувшись с сильным сопротивлением, были вынуждены отказаться от этого намерения. Фритигерн оставил один отряд у стен города, а остальные направил грабить близлежащие местности. По рассказу Аммиана Марцелина, вестготы рассеялись по всему берегу Фракии, а их земляки указывали им богатые селения. К восставшим «присоединилось много рабочих с золотых приисков, которые не могли снести тяжести оброков; они были приняты с единодушного согласия всех и сослужили большую службу блуждающим по незнакомым местностям готам, которым показывали скрытые хлебные магазины, места убежищ туземцев и тайники»¹¹⁹.

Несмотря на то что какая-то часть угнетенных перешла на сторону вестготов, их выступление не переросло в восста-

¹¹⁸ Amm. Marcell. XXXI, 5, 8.

¹¹⁹ Amm. Marcell. XXXI, 6, 6.

ние всего угнетенного населения Фракии и соседних провинций. Цели вестготов не совпадали с интересами местного угнетенного населения. Поэтому прочного основания для постоянного союза между ними не могло возникнуть. К тому же вестготы грабили всех местных жителей, оказавшихся вне городских стен, не разбираясь в их имущественном и социальном положении.

Современники и очевидцы восстания рисуют страшную картину вестготских грабежей и опустошений. Поскольку крупные и средние землевладельцы жили в городах, а их после неудачной попытки захватить Адрианополь вестготы отказались осаждать, то страдали от этих грабежей прежде всего угнетенные слои местного населения — колонны и мелкие свободные крестьяне.

Аммиан Марцеллин пишет: «Только самые недоступные или лежащие далеко в стороне места остались незадетыми при их передвижениях. Не разбирали они в своих убийствах ни пола, ни возраста и все предавали на своем пути страшным пожарам; отрывая от груди младенцев и убивая их, брали в плен и матерей, забирали вдов, зарезав на их глазах мужей, через трупы отцов тащили подростков и юношей, уводили, наконец, и много стариков, кричавших, что они довольно уже пожили на свете. Лишив их имущества и красивых жен, скручивали они им руки за спиной и, не дав оплакать пепел родного дома, уводили на чужбину»¹²⁰.

Евнапий Сардиец говорит как очевидец, что вестготы «произвели над римлянами больше жестокостей и ужасов, чем сами претерпели от гуннов»¹²¹.

В особенно тяжелом положении оказались крестьяне Фракии и соседних провинций — Македонии и Фессалии. Эти местности, по рассказу Евнапия, подтвержденному географическим трактатом IV в., до прихода вестготов были богатыми, цветущими и многолюдными¹²². Вестготы до того опустошили их, что «вошедшие в пословицу грабежи мёзов были золотом в сравнении с настоящими напастями... Истребляя убийственной рукою побежденных, они лишили области их жителей... Очень немногие города спаслись и еще остаются в целости, благодаря их стенам и укреплениям. Страна большей частью разорена и вследствие этой войны остается необитаема и не удобна для проезда»¹²³.

Зосим утверждает, что вестготы начали грабить местных жителей еще до восстания: «Лишь только они вступили на римскую землю, как забыли свои мольбы и клятвы, и вся Фра-

---

¹²⁰ Амт. Marcell. XXXI, 6, 7.

¹²¹ Eunap. Fragm., 42. FHG IV, p. 32.

¹²² Expositio totius mundi et gentium, § 50—52.

¹²³ Eunap. Fragm., 42. FHG IV, p. 32.

кия, Пеония и области до Македонии и Фессалии наполнились варварами, опустошавшими все на своем пути»¹²⁴.

Положение осложнялось тем, что вестготы имели оружие, а местные жители были безоружны, так как по указу императора, изданному в это время, было запрещено иметь оружие всем, кто не служил в римской армии¹²⁵. Из письма Синезия к Евоптию известно, что и во время нападения варваров местные жители не имели права вооружаться¹²⁶.

Даже арианский церковный историк Филосторгий не сумел оправдать поведения своих единоверцев-готов и был вынужден признать, что они занимались разбоем¹²⁷.

Когда известие о восстании дошло до Антиохии, Валент направил из Армении легионы под командованием Профутура и Траяна, которые вытеснили восставших в Скифию, за обрывистые склоны Гема.

После сражения у Салиция, где обе стороны понесли большие потери, Валент прислал отряды конницы под командованием Сатурнина, а вестготы призвали гуннов и аланов, соблазнив их большой добычей.

Это заставило римлян отступить от теснин, в которых были заперты вестготы, и те вместе с аланами и гуннами «рассыпались для грабежа по всей равнине Фракии, начиная от местностей, которые омывает Истр, до Родопы и пролива между двумя огромными морями»¹²⁸. Вскоре их отряды достигли стен Константинополя и даже решились штурмовать его¹²⁹. Это заставило Валента в мае 378 г. прибыть из Антиохии в Константинополь и заняться подготовкой наступления против вестготов.

Жители Константинополя связывали бедствия, постигшие страну, с политикой Валента. «Все роптали на императора, что в пределы Империи он принял врагов и не в тотчас же вступил с ними в битву, а оттягивал ее»¹³⁰.

Когда Валент начал набирать конницу среди варваров, жители столицы «все единогласно зывали к нему, что он не забывается о настоящем деле; со всех сторон слышен был крик: «Дай нам оружие, мы сами будем сражаться»¹³¹. Однако Валент, боясь горожан, не решился на это. Угрожая им расправою после победы, Валент направился в Мелентиаду, а затем в крепость Нику (25 км юго-восточнее Адрианополя). Пока Валент готовился к наступлению, отдельные римские отряды одержали несколько побед над готами. Особенно

¹²⁴ Zosim. Hist., IV, 20.

¹²⁵ Cod. Theod. XV, 15.

¹²⁶ Synes. Epist. 107.

¹²⁷ Philostorg. Eccles. Hist. IX, 7.

¹²⁸ Amm. Marcell. XXXI, 8, 6.

¹²⁹ Sozomen. Eccl. Hist. VI, 29.

¹³⁰ Socrat. Eccl. Hist., IV, 38.

¹³¹ Ibidem.

успешными были действия отряда Себастьяна (возле реки Гебра он перебил готский отряд, отняв огромную добычу¹³²) и вылазки арабского конного отряда, находившегося в Константинополе¹³³.

Это заставило готов отступить на север и собраться возле Кабилы, в 110 км к северу от Адрианополя. Когда стало известно о приближении войск западного императора Грациана, они, опасаясь окружения, выслали против него аланские отряды¹³⁴, а сами двинулись на Адрианополь.

Валент вывел римские войска из Ники и сосредоточил у Адрианополя, расположив их в виде квадрата, укрепленного рвом, валом и частоколом.

Готские передовые отряды, обойдя Адрианополь с востока, двинулись на Нику, угрожая перерезать дорогу, по которой подвозился провиант для римской армии.

Накануне сражения Фритигерн дважды направлял послов к Валенту с предложением мира. Очевидно, война во Фракии показала ему, что только в союзе с императором он может обеспечить себе и знати известное положение в Империи. Валент, недооценив силы противника и приняв на веру донесение разведки, ошибочно определившей его численность в 10 тысяч человек, «вывел все войско в полном беспорядке на битву»¹³⁵. Вскоре однако он убедился, что ошибся, рассчитывая на малочисленность врагов. Это следует из того, что Валент послал Рихомера на переговоры к Фритигерну. Но к этому времени отряды Бакурия и Кассиона достигли готских укреплений и завязали битву. На них напала готская конница и отряды аланов во главе с Алафеем и Сафраком. Затем готская конница обрушилась на римскую пехоту, которая в панике бежала¹³⁶. Погибло две трети римской армии¹³⁷, участвовавшей в сражении. Император Валент пропал без вести. Современники полагали, что он скрылся в хижине, которую готы окружили и сожгли.

Главная причина поражения у Адрианополя состояла в том, что император отказался вооружить народные массы и открыть им доступ в армию, а наемники из варваров, со-

¹³² Zosim. Hist. IV, 22; Amm. Marcell. XXXI, 11, 4.

¹³³ Zosim. Hist. IV, 23; Amm. Marcell. XXXI, 11, 4.

¹³⁴ Об этом свидетельствует факт неожиданного нападения аланов на армию императора Грациана у Кастра-Мартиса. См.: Amm. Marcell. XXXI, 11, 6.

¹³⁵ Zosim. Hist. IV, 24.

¹³⁶ Amm. Marcell. XXXI, 12, 16—17; 13, 1—7.

¹³⁷ Amm. Marcell. XXXI, 13, 18. Принимая решение о сражении, римское командование опиралось на ошибочное донесение разведчиков, полагавших, что численность противника составляет 10 тыс. чел. В этом случае римляне имели не менее чем полуторное превосходство, т. е. около 15 тыс. чел. Следовательно, их потери в результате поражения составляли около 10 тыс. чел. Только паникой, возникшей после поражения, можно объяснить

ставлявшие кавалерию, являющуюся решающей силой на поле боя, оставили его в начале сражения¹³⁸.

7. Борьба народных масс Фракии против вестготов. После Адрианопольской битвы правительство Востока полгода не могло организовать нового наступления. Казалось, что для готов создались самые благоприятные условия. Но в это время против них поднялись жители Фракии.

На четвертый день после Адрианопольской битвы, 13 августа 378 г., готы осадили Адрианополь. В городе находились казна, обоз и средства римских войск, принимавших участие в битве, а также добыча, которую Себастьян отобрал у готских грабительских шаек.

Гарнизон и горожане упорно обороняли Адрианополь. Часть римских солдат и погонщиков лошадей, не успев войти в город, сражалась у его стен, прикрываясь за бруствером насыпанного перед стенами города вала.

Во время одного особенно сильного натиска 300 пехотинцев, находившихся на бруствере, построившись тесным клином, перешли на сторону готов. Но готы всех их перебили. В дальнейшем никто, даже в самом отчаянном положении, не решался бежать к готам¹³⁹. Осада города оказалась безрезультатной. На его защиту «вместе с солдатами поднялись провинциалы и дворцовые служители. При таком множестве нападающих метательное оружие всякого рода, хотя бы брошенное без прицела, не могло упасть, не причиняя вреда»¹⁴⁰.

15 августа 378 г. готы попытались захватить Перинф. Но и его осада оказалась безуспешной. «Разбив лагерь около Перинфа, они, памятуя прежние потери, не посмели однако ни подойти к городу, ни попытаться взять его, но зато обширную и плодородную область этого города они ограбили до тла, перебив или взяв в плен сельское население. Оттуда они пошли быстрым маршем к Константинополю, неисчислимы сокровища которого возбуждали их грабительские инстинкты»¹⁴¹. Когда готы подступили к Константинополю и

сделанное Аммианом Марцелином сравнение этой битвы с битвой у Кани. Потери данного сражения являлись мизерными в сравнении с общей численностью военных сил Империи, достигавших 524 тысячи человек. Войска Запада в битве не участвовали, а между тем в последующее время Западная Римская империя пала. К тому же, армия комплектовалась в основном из варваров. Следовательно, нет оснований считать эту битву решающей для судеб Империи, как утверждают Г. Данненбауэр, В. Шталькнехт, А. Тойнби и др. (H. Dannenbauer. Die Entstehung Europas, Bd. I, Stuttgart, 1959, S. 179—223; В. Stalknecht. Untersuchungen zur Römischen Außenpolitik in der Spätantike, Bonn, 1967, S. 73, 91; A. Toynbee. A Study of History, v. VI, Oxford, 1939, p. 311; A. Toynbee. Krieg und Kultur, London, 1950, p. 124).

¹³⁸ Socrat. Eccl. Hist. IV, 38.

¹³⁹ Amm. Marcell. XXXI, 15, 4.

¹⁴⁰ Amm. Marcell. XXXI, 15, 10.

¹⁴¹ Amm. Marcell. XXXI, 16, 3—4.

начали опустошать его предместья, «народ вооружился чем попало и выступил против них»¹⁴². Определенную помощь осажденным оказали арабские конники, присланные Моавией. Однако решающая роль принадлежала многочисленным защитникам из народа, которые, «вооружившись, как кому случилось, выступили навстречу врагам и, противостояв им, отогнали их далеко от города»¹⁴³. Из рассказов Сократа и Созомена следует, что защитниками Константинополя были, в основном, представители неимущих слоев горожан. Домнине, вдове Валента, пришлось ежедневно выдавать им средства на пропитание¹⁴⁴.

Встретив сопротивление местных жителей, готы больше не смогли одержать ни одной крупной победы. Их отряды рыскали по Фракии и грабили крестьян. Города же, за стенами которых укрылась со своими пожитками значительная часть крестьянства, оставались неприступными. Некоторые из них обращались за помощью в Константинополь, другие — обходились без нее. Героически защищали город никопольцы, полагавшиеся только на свои силы¹⁴⁵. Городские гарнизоны и народные массы не только успешно обороняли города, но и, подобно константинопольцам, когда это позволяли условия местности и соотношение сил, совершали успешные вылазки против готов.

16 января 379 г. император Грациан, находившийся в Сирмии, провозгласил императором Востока Феодосия, и вместе с ним начал готовить наступление. Грациан повел свои войска в Норик, а Феодосий сделал базой военных действий Фессалонику.

Феодосий призвал в армию земледельцев и рудокопов, которым впоследствии был вынужден пойти на ряд уступок, зафиксированных в законах.

Угрожая конфискацией владений, он запретил землевладельцам сгонять колонов с наделов и передавать их рабам или другим колонам¹⁴⁶. По существу, это было признанием наследственных прав на арендуемый участок. Феодосий значительно улучшил положение рудокопов, предоставив им право всюду заниматься старательными работами при условии уплаты 10% добычи собственнику рудника и 10% — казне.

Законы, изданные в первые три года правления Феодосия, доказывают, что он пополнил армию за счет рекрутского набора. В январе 380 г. был издан закон, по которому призыву в армию подлежали все, кроме рабов, слуг и поваров¹⁴⁸.

¹⁴² Socrat. Eccl. Hist., V, 1.

¹⁴³ Sozomen. Eccl. Hist. VII, 1.

¹⁴⁴ Socrat. Eccl. Hist. V, 1. Sozomen. Eccl. Hist. VII, 1.

¹⁴⁵ Eunap. Fragm. 50. FHG IV, p. 36.

¹⁴⁶ Cod. Just. XI, 63(62), 3.

¹⁴⁷ Cod. Just. XI, VII(VI), 3-Cod. Theod. 10, 19, 10.

¹⁴⁸ Cod. Theod. VII, 13, 8.

Избегавшие призыва на военную службу преследовались¹⁴⁹. Те, кто рубил себе палец, подлежали строгому наказанию¹⁵⁰. Раб, выдавший дезертира, получал свободу¹⁵¹.

Опираясь на поддержку городов и укрепив армию, в июле 379 г. Феодосий перешел в наступление.

Фемистий в письме к Феодосию засвидетельствовал изменения в составе римской армии и связанное с ним успешное наступление против готов: «И мы теперь гоним (варваров) назад — мы, которые сами были преследуемыми... Мы уже верим, что счастливое для скифов стечение обстоятельств изменится, и что будет потушен распространившийся повсеместно пожар, которому не служили преградой ни Гем, ни Фракийские горы, ни Иллирийские, трудно проходимые даже для путешественников. Но теперь мужественный дух возвратился к всадникам, возвратился и к гоплитам! Ты уже делаешь земледельцев и рудокопов страшными для варваров и велишь, оставив добычу золота, добывать железо! И это войско, не отведавшее роскошной жизни, привыкшее трудом добывать благосостояние, добровольно собралось под твоим руководством»¹⁵².

Моральный дух римской армии, ее боеспособность настолько поднялись, что готы не могли противостоять ей: «Это не поэтический вымысел, что Ахилл только одним своим криком нагнал страх на варваров, до тех пор побеждавших! Если ты, даже не построив войско в боевом порядке, а только тем, что располагаешься поблизости от преступных и наблюдаешь, лишился их самоуверенности, то что им (да погибнут они злейшим образом!) естественно испытать, когда они увидят (воина), потрясающего копьем, держащего в руке щит, и блеск шлема, сверкающего вблизи»¹⁵³.

Наступательный порыв готов иссяк, потому что им оказали решительное сопротивление местные жители, крестьяне и горожане, а с 379 г. и армия, пополненная за счет рекрутского набора. Готам не удалось захватить ни одного города, ни одного арсенала. К тому же, среди готов и прибывших к ним на помощь аланов и гуннов не было единства. Отдельные отряды часто вступали в борьбу друг с другом за добычу. В отрядах, отягощенных добычей, не было дисциплины. Это давало возможность гарнизонам некоторых городов или полевым римским отрядам наносить им ощутимые удары. Так, в 379 г. магистр фракийской армии Модар, гот по происхождению, напал на готский отряд, расположившийся на отдых, перебил всех воинов и захватил четыре тысячи повозок, на-

¹⁴⁹ Cod. Theod. VII, 22, 9.

¹⁵⁰ Cod. Theod. VII, 22, 9.

¹⁵¹ Cod. Theod. VII, 18, 4, 1.

¹⁵² Themist. Orat. XIV, 181 b, c.

¹⁵³ Themist. Orat. XIV, 181 c.

груженных добычей, и столько женщин и детей, сколько можно было увести. По рассказу Зосима, большинство готов, уничтоженных Модаром, были совершенно пьяны¹⁵⁴.

Готский историк Иордан, не понимая коренных причин поражения готов, объясняет все сменой императора: «Там, где войны обрели веру в себя, после того, как император сменился на лучшего, — они пробуют нападать на готов и вытесняют их из пределов Фракии»¹⁵⁵. Подобные утверждения встречаются и в современной историографии.

Успешное сопротивление горожан и наступление римской армии привели к тому, что многие готские отряды перешли на службу к императору и, рассчитывая отнять добычу у своих соплеменников, приняли активное участие в их разгроме. Правда, такие отряды были весьма ненадежными. Однажды император едва спасся от них бегством, а готы-наемники «стали господами Македонии и Фессалии». Но, наученные горьким опытом, они уже не осаждали городов и не предпринимали против них каких-либо враждебных действий¹⁵⁶. Феодосий был вынужден обратиться за помощью к Грациану, приславшему войска под командованием франков Баутона и Арбогаста, которые вытеснили готов во Фракию¹⁵⁷.

8. Возвращение к политике союза с варварами. По мере ликвидации готской опасности императоры стали возвращаться к политике союза с варварами. Причин для этого было много.

Успешная борьба городов против осаждавших их варваров укрепила позиции горожан. Пример тому — поведение никопольцев, которые «домогались исполненной опасности свободы»¹⁵⁸. Для ликвидации усилившейся социальной опасности армия, набранная из рекрутов, была ненадежной. К тому же приход Феодосия к власти означал и смену потерпевшей поражение правящей фракции. Наиболее отчетливо это выразилось в объявлении государственной религией православия, вместо арианства, скомпрометированного союзом с готами и делами прежнего правительства. Изменился и чрезвычайно вырос административный и финансовый аппарат. Феодосий назначил много новых чиновников. По свидетельству Зосима, там, где раньше был один чиновник, их стало пять¹⁵⁹. Вырос и придворный штат¹⁶⁰.

Чтобы добыть средства для содержания этого бюрократического аппарата и снабжать его съестными припасами

¹⁵⁴ Zosim. Hist. IV, 25.

¹⁵⁵ Jordan. Getica, § 140.

¹⁵⁶ Zosim. Hist. IV, 31.

¹⁵⁷ Zosim. Hist. IV, 33.

¹⁵⁸ Eunap. Fragm. 50. FHG IV, p. 36.

¹⁵⁹ Zosim. Hist. IV, 27.

¹⁶⁰ Zosim. Hist. IV, 28.

(с 439 г. такое снабжение заменено деньгами), вводились новые налоги и нужна была карательная сила, способная заставить платить их. Кроме того, она была необходима для того, чтобы противостоять тем группировкам господствующего класса, которые стремились вернуть утраченное положение.

Зосим утверждает, что Феодосий разрешил принимать в армию варваров, живущих по другой стороне Истра¹⁶¹. То же сделал и Грациан¹⁶². Разрешением императоров воспользовалось множество заданайских варваров, которых в армии стало больше, чем солдат-римлян¹⁶³.

В начале 381 г. к Феодосию перешел с дружиной Атанарих. Это было вызвано следующими событиями.

После отступления за Дунай Фритигерна и его союзников во главе с Алафеем и Сафраком между ними разгорелась борьба за лучшие земли, пастбища, скот и добычу. Дружины Алафея и Сафрака, совершавшие грабительские набеги на Паннонию, сами подвергались нападению отрядов Атанариха, обитавших на юго-западе Карпат.

Император Грациан и комит его войск в диоцезе Иллирик Виталиан предоставили Паннонию дружинам Алафея и Сафрака по договору, надеясь этим избавить их от набегов и полагая, что они будут оборонять дунайскую границу. Поселившись в Паннонии, эти отряды совершали набеги на готов Атанариха¹⁶⁴. Во время одного из таких набегов Атанарих с дружиной бежал в Нижнюю Мёзию, а оттуда — в Константинополь.

11 января 381 г. Феодосий устроил Атанариху блестящий прием, через две недели после которого тот скончался и был похоронен с почестями. Дружина Атанариха поступила на службу к Феодосию. По договору от 3 октября 382 г. все вестготы стали федератами и поселились в Нижней Мёзии и Фракии¹⁶⁵.

Чтобы снабжать федератов продовольствием и выплачивать им жалованье, Феодосий вновь увеличил натуральные повинности местных жителей и налоги. Горожане, как отмечает Зосим, «угнетались безмерно и вели несчастную и жалкую жизнь»¹⁶⁶. По свидетельству Евнапия, сельское хозяйство настолько расстроилось, что «ослы стали дороже не толь-

---

¹⁶¹ Zosim. Hist. IV, 30.

¹⁶² Zosim. Hist. IV, 34.

¹⁶³ Zosim. Hist. IV, 30.

¹⁶⁴ Zosim. Hist. IV, 34.

¹⁶⁵ Consularia Constantinopolitana, an. 381 (MGH AA IX p. 243): Cons. Syagrio et Eucherio. I. His. Conss. ingresus est Aithanaricus rex Gothorum Constantinopolim die III id. Jan. 2. Eodem mense diem functus idem Aithanaricus VIII kal. Febr. An. 482. Ipso anno universa gens Gothorum cum rege sue in Romaniam se tradiderunt die V non Okt.

¹⁶⁶ Zosim. Hist. IV, 29.

ко лошадей, но и слонов»¹⁶⁷. Однако правящая группировка господствующего класса считала поселенцев надежной военной опорой, а Фемистий утверждал, что «ненавистнейшее имя скифов стало приятным, и если они остались не уничтоженными, то не следует досадовать»¹⁶⁸.

Фемистий призывал забыть прошлые обиды и ставил в пример галатов, которые после переселения в диоцез Азию стали римлянами, платили налоги и принимали участие в походах. Такими же, по его мнению, со временем должны стать «скифы» (готы)¹⁶⁹.

Однако с конца IV в. ассимиляция переселенцев замедлилась в связи с их массовым наплывом в римские провинции. В меру своих сил императоры пытались препятствовать новым переселениям. Пример тому события 386 г.

В 386 г. значительная часть задунайских племен (и среди них остготы), которых Зосим называл общим именем гревтунов, также решила переправиться на правый берег Дуная. Зосим рассказывает, что их предводитель Одотей «собрал огромные полчища не только соседних с Истром племен, но и весьма отдаленных и неизвестных»¹⁷⁰. Не остановил их и приказ императора.

Тогда римский полководец Промот решил заманить варваров в ловушку. По его приказанию несколько воинов, понимавших язык варваров, обещали выдать им за деньги полководца и его войско. Когда же ночью по их сигналу варвары стали переплывать реку на трех тысячах однодревков, около правого берега их встретили три преграды из кораблей, а по середине реки, вниз по течению, двинулась римская флотилия. Произошло небывалое избиение варваров¹⁷¹. «Волны поглотили и флот, и людей»¹⁷².

После уничтожения остготского авангарда солдаты Промота захватили обоз и пленных¹⁷³.

К месту победы явился Феодосий, который отпустил пленных на свободу и любезно наградил их подарками, располагая таким ласковым обращением к поступлению к нему на военную службу, поскольку они могли быть полезными в войне против Максима»¹⁷⁴. Остготы были поселены в Лидии и Фригии.

Так в Нижней Мёзии, Фракии, Лидии и Фригии количество готских поселенцев резко увеличилось. Их значение в раз-

¹⁶⁷ Eunap. *Fragm.* 56. FHG IV, p. 39.

¹⁶⁸ Themist. *Orat.* XVI, 210 d.

¹⁶⁹ Themist. *Orat.* XVI, 211 c.

¹⁷⁰ Zosim. *Hist.* IV, 35.

¹⁷¹ Zosim. *Hist.* IV, 38—39.

¹⁷² Cl. Claud. *Panegy.* IV Cons. Honor. v. 624. *Per fluvium plenae cuneis immanibus alni.*

¹⁷³ Zosim. *Hist.* IV, 39.

¹⁷⁴ *Ibidem.*

витии провинций могло быть огромным, если бы они стали земледельцами, так как благодаря этому увеличилась бы доля мелкого землевладения, существование и защиту которого могла обеспечить готская соседская община. Но готы поселились компактными массами под управлением своих предводителей, стремившихся разбогатеть на римской военной службе. Они оказались не на положении труженников, а на положении особого военного сословия, получавшего жалование от государства и обязанного давать вспомогательные войска. Они же выполняли роль городских гарнизонов. В местных жителях готы видели объект грабежа, что порождало частые столкновения между ними. В этих случаях императоры обычно принимали сторону готов, что усиливало враждебное к ним отношение основной массы местных жителей. Вражда перерастала в борьбу между местными жителями и наемниками-готами. В Константинополе создавалась такая напряженная обстановка, что Феодосий в наказание за враждебное отношение к готам, приказал наполовину сократить выдаваемый горожанам паек. В Филадельфии против готских наемников, возмущившись их поведением на базаре, поднялись мелкие торговцы и перебили около 200 человек¹⁷⁵. Гарнизон города Томи уничтожил готский отряд, грабивший местных жителей. За это Феодосий приказал арестовать Геронтия, начальника гарнизона, и тот едва откупился¹⁷⁶. Жители Фессалоники убили готского предводителя Бутериха и несколько офицеров (оптиматов). Феодосий собрал на ипподроме горожан и дал наемникам указание перебить их. Было убито до семи тысяч человек¹⁷⁷.

Враждебные отношения между местными жителями и готами мешали их сближению и романизации готов, но делали готов надежным орудием в руках императоров.

9. Борьба Феодосия против ставленников западных группировок знати. Император Феодосий и сплотившаяся вокруг него знать нуждались в военной силе не только для подавления социальной и внешней опасности, усиливавшихся по мере углубления кризиса рабовладельческого способа производства, но и в своей политической борьбе.

Различные группировки господствующего класса отстаивали свои интересы и стремились к власти не только для того, чтобы получить высокооплачиваемые должности. Они рассчитывали обеспечить закрепощение основной массы местных жителей и применить свои методы подавления их сопротивления. В этой борьбе особое место занимала провинциальная

¹⁷⁵ Ibidem, IV, 30.

¹⁷⁶ Ibidem, IV, 40.

¹⁷⁷ Theodor et. Eccl. Hist. V, 17. По сведениям, которыми пользовался Теофан, было убито 15 тысяч человек.— Theoph. Chronogr. AM 5884.

знать, поддержиавшая лишь те действия императоров, которые отвечали ее интересам, но резко выступала против мероприятий, которые шли в разрез с ними.

Провинциальная знать считала, что средства, получаемые от сбора налогов, должны быть в ее распоряжении. Это дало бы возможность содержать достаточный административный аппарат и армию в провинциях. Но эта знать не имела представительных органов в центре и была вынуждена действовать через местную бюрократию и армейские части, выдвигая своих ставленников на высшие должности и в императоры.

Император Грациан, правивший на Западе, призвал к себе на службу аланов и пытался противопоставить их местному населению, не довольному фискальной политикой. Грациан дал аланским воинам много преимуществ, набрал из них свою личную охрану и, нарядившись в аланские доспехи, проводил много времени на охоте в окружении аланских всадников¹⁷⁸. К тому же он находился обычно в Сирмии или Медиолане (Милане), тогда как интересы галло-римской знати требовали, чтобы его ставка находилась в Тревах, столице префектуры. Ветераны галльских армейских частей были недовольны пренебрежением к себе и привилегированным положением аланов.

В 382 г. восставшие солдаты Британии провозгласили императором Максима¹⁷⁹, сподвижника Феодосия, выходца из Испании. Облачив Максима в пурпурные одежды и диадему, они высадились в устье Рейна¹⁸⁰. Галльские армейские части и местная бюрократия также поддержали Максима.

Грациан немедленно выступил из Милана и достиг Парижа. После нескольких сражений, когда даже мавританская конница перешла на сторону Максима, Грациан бежал с тремястами всадников к Альпам, но в Лионе был настигнут и убит¹⁸¹. Максим стал императором Британии, Галлии и Испании, входивших в Галльскую префектуру, и правил ими шесть лет.

Трудно судить о правлении Максима на основании дошедших до нас кратких записей хронистов и пространного риторического рыдания Латиния Паката Дрепаниа, написавшего

¹⁷⁸ Zosim. Hist. IV, 35. Amm. Marcell. XXXI, 10, 18—19.

¹⁷⁹ Zosim. Hist. IV, 35. Зосим свидетельствует именно о восстании солдат. Мы принимаем датировку восстания, зафиксированную в Равенских анналах. См.: *Annales Ravennantenses*, an. 382. Antonio et Syagrius cons. His cons. levatus est Maximus imperator a milibus in Britannia. Другие источники указывают 383 г., когда произошло сражение между сторонниками Максима и Грациана.

¹⁸⁰ J. J. Hatt. *Histoire de la Gaule Romaine*. Paris, 1959, p. 341.

¹⁸¹ Marcellini V. C. Comitibus Chronicon an. 483 (MGH AA XI p. 61.) Gratianus imp. Maximi tyranni dolo apud Lugdunum occisus est VIII cal. Septembris.

панегирик Феодосию после его победы над Максимом. «Мы в Галлии,— утверждает Пакат,— первыми почувствовали натиск этого бешеного зверя. Мы насытили его жестокость кровью нашей невинности. Мы насытили его жадность принесением ему в жертву всего, что нам принадлежало. Мы видели, как с наших консуляриев сдирали одежды. Мы видели наших стариков, вынужденных пережить потерю детей, собственности, и всего того, что делает жизнь желанной. Мы должны были носить на лице улыбку, так как ужасные доносчики всегда оказывались рядом. Мы не смели оплакивать наших убитых родственников, опасаясь за оставшихся в живых. Мы видели нашего тирана одетым в пурпур, стоящего у весов, с жадно раскрытым ртом, смотревшего на добро провинций, которое взвешивалось перед ним. Там было золото, вырванное из рук матрон, там были погремушки, там были тарелки со следами крови их владельцев. Все это взвешивалось, подсчитывалось и увозилось в дом этого чудовища. Этот дом казался не двором императора, а берлогой грабителя»¹⁸².

Но этот панегирик Феодосию был произнесен после смерти Максима, когда местной знати было выгодно чернить свергнутого правителя и отрицать свою причастность к его правлению. В действительности же Максим мало отличался от других императоров того времени, обеспечивавших господство знати, мнимые страдания которой оплакивал поэт. Не обошлось и без того, что чиновники Максима грабили тучасть знати, которая не стояла у руля государственного управления, ввалив на нее ответственность за поступление налогов, что делали и другие императоры. Однако Пакат правильно описал тяжелое положение угнетенных масс в Галлии: «В других местностях народные страдания либо начинаются, либо прекратились. В Галлии они прочно утвердились»¹⁸³.

Если учесть, что казна префектуры была опустошена предыдущими императорами, а Максим ожидал нападений Валентиниана II и Феодосия, то его жестокая финансовая политика становится понятной.

Прежде всего он послал своего сына Виктора в Милан, где находилась жена Грациана и его малолетний сын Валентиниан II, и в Фессалонику, к Феодосию.

Переговоры с Миланским двором затянулись, но Феодосий немедленно признал Максима соправителем и приказал объявить об этом народу¹⁸⁴. Такая поспешность объясняется положением Феодосия: во всех городах Востока росло недовольство его политикой, переходившее в открытые восстания.

Максим же преследованием присциллианства в начале своего правления показал, что для сохранения существующего

¹⁸² P acati Drepanii. Panegyri. Theod., 24.

¹⁸³ Ibidem: Alibi malum publicum aut coepit, aut destitit: in Gallia sedit.

¹⁸⁴ Zosim. Hist. IV, 37.

строю он готов применить самые жестокие меры¹⁸⁵. Это обеспечило ему поддержку галло-римской знати¹⁸⁶. Однако интересы господствующего класса Максим защищал методами, характерными для рабовладельческого общества, при котором богачи и немущие свободные были почти так же бесправны перед императором, как рабы перед своими господами. Даже крупные землевладельцы не могли вмешиваться в действия правительства.

Следовательно, политика Максима стала преградой для развития крупного землевладения. Папат жалуется, что «имущество у людей, имевших самые большие почести, подверглось конфискации, а сами они были лишены гражданских прав и даже головы их были оценены»¹⁸⁷. Такая политика привела галло-римскую знать в лагерь врагов Максима.

В 387 г. Максим решил на поход в Италию и надеялся на победу, поскольку Валентиниан II и его мать Юстина вызвали недовольство покровительством арианам¹⁸⁸. Тайно следуя за Домнином, который получил у него вспомогательный отряд против варваров, живущих в Паннонии, Максим подошел к Милану. Юстина с двумя дочерьми и Валентинианом II бежала в Фессалонику, к Феодосию. Максим же вступил в Паннонию, что ускорило выступление против него Феодосия, скрепившего союз с Миланским двором женитьбой на Галле, дочери Юстины.

Феодосий призвал вспомогательные войска вестготов, остготов, аланов и гуннов¹⁸⁹. Все они были снаряжены как гунны и представляли собой кавалерийские эскадроны стрелков из лука.

В первой же битве, которая произошла на р. Саве, войска Максима были смяты и бежали. Но брат Максима Марцелин привел ему на помощь свои когорты. В битве при Петавии были разбиты и эти войска. Часть их перешла на сторону Феодосия. Максим бежал в Аквилею, но был настигнут и убит¹⁹⁰.

---

¹⁸⁵ О ереси присциллиан и преследованиях ее сторонников со стороны Грациана и Максима см.: Sulp. Sever. Chron., II, 49—51; E. Babut. Priscillien et Priscillianisme, 1909; J. J. Hatt. Histoire de la Gaule Romaine. Paris, p. 345—347; П. Прокопьев. Прискилиан и прискиллиансты. Казань, 1900.

¹⁸⁶ J. Palange. Sur l'usurpation de Maxime. Rev. de Etud. Ancienne. 31, 1929, p. 33.

¹⁸⁷ Pacati Dreganii. Panegy. Theod., 25.

¹⁸⁸ Sozomen. Eccl. Hist. VII, 13. Максим даже послал письмо Валентиниану II, в котором требовал от него возвращения на путь отца в отношениях с арианами. См.: Mansi. Sacrorum Conciliorum nova et amp., Flor.—Venetiis, t. III, 1780, p. 673—674.

¹⁸⁹ Pacati Dreganii Panegy. Theod., 32. ... miles impleuerat Gothus ille et Hunnos et Halanus respondebat ad nomen et alternabat excubias et notari infrequens crebatur.

¹⁹⁰ Oros. Hist. VII, 35. Zosim. Hist. IV, 47.

13 июня 389 г. Феодосий совершил триумфальный въезд в Рим, затем обосновался в Милане, но опасность наступления вестготских отрядов, чувствовавших себя господами в Македонии, заставила его во второй половине 391 г. возвратиться на Восток. Правление на Западе осталось в руках Юстини и Валентиниана II.

Ко времени победы над Максимом Феодосий много сделал для упрочения союза с готами. Он выдвигал их на высокие посты в армии, устраивал браки готов со знатными римлянками, воздавал им почести. Расправа над жителями Фессалоники также, вероятно, была рассчитана на укрепление этого союза. Однако готы оставались опасными и для Империи, и для местных жителей, которых они грабили¹⁹¹. Несколько уменьшало эту опасность отсутствие единства среди готской знати, разделившейся на две партии. Одна партия во главе с Фравитой, была за соблюдение договора с императором. Другая, во главе с Эриульфом (Приульфом) — против этого. Феодосий часто приглашал обоих предводителей на пир. Во время одного из них Фравита убил Эриульфа, а Феодосий, поддержавший Фравиту, задобрил сторонников Эриульфа, чтобы добиться их дружбы¹⁹².

Тем временем ухудшилось положение в Британии и Галлии. Части, отозванные оттуда Максимом для похода в Италию, так и не возвратились. Солдаты либо погибли, либо перешли на сторону Феодосия и были оставлены им Валентиниану II. Хотя власть Валентиниана II распространялась на Галльскую префектуру, где под командованием франка Арбогаста находились вспомогательные войска гуннов, аланов и готов, обосновался он в Вьенне на Роне. Максим был последним императором, резиденция которого находилась в Тревах.

Арбогаст, привлекавший во вспомогательные войска своих сородичей франков, укрепил с их помощью оборону Рейна. Он даже настаивал, чтобы Валентиниан потребовал от зарейнских франков возвращения добычи, захваченной ими в 388 г., когда они, используя войну между Максимом и Феодосием, совершили набег на Галлию¹⁹³.

Затем Арбогаст призвал к себе франкских предводителей Маркомера и Суннона и заключил с ними договор. Из магистра конницы он вскоре превратился в магистра армии, главнокомандующего, присвоив себе эту должность после смерти Баутона.

Когда в 392 г. Валентиниан II решил идти на помощь Италии, оказавшейся под угрозой нашествия, Арбогаст был против. Тогда Валентиниан вручил ему приказ об отставке.

¹⁹¹ Zosim. Hist. IV, 47—50. Eunap. Fragm. 60. FHG IV, p. 41.

¹⁹² Zosim Hist. IV, 56—57. Eunap. Fragm. 60, FHG IV, p. 41.

¹⁹³ Gregor. Turon. Hist. II, 9.

Арбогаст порвал его, заявив: «Не ты мне дал звание полководца и не тебе его отнять»¹⁹⁴. Вскоре Валентиниан II был убит. Арбогаст провозгласил императором своего бывшего секретаря, ритора Евгения. Так, по словам Клавдиана, «варварский лакей был посажен на трон»¹⁹⁵.

Феодосий начал готовиться к походу, чтобы с помощью варваров свергнуть варварского ставленника.

После двухлетней подготовки Феодосий повел войска на Запад. Командиром римских легионов был назначен Тимасий, а командиром вспомогательных войск — вандал Стилихон, женатый на дочери брата Феодосия. Отрядами варварской кавалерии командовали гот Гайна и алан Саул. Под начальством Гайны находился и молодой готский (вестготский) военачальник Аларих. Общее командование Феодосий разделял с армянином Бакурием.

Первая битва произошла 5 сентября 394 г. Она началась атакой готов, в результате потерявших 10 тысяч человек. Положение Феодосия оказалось угрожающим. Тогда он завязал переговоры с начальниками застав, расположенных в горах, и привлек их на свою сторону, обещая им высокие должности и оклады. Это решило судьбу Евгения. 6 сентября 394 г. его выдали Феодосию. Арбогаст, бежавший с поля боя, покончил с собой. Поэт Клавдиан, чтобы скрыть уловки, при помощи которых Феодосий победил, объясняет исход битвы тем, что в лицо войск Евгения дул сильный северный ветер.

Итак, во второй половине IV в. Римская империя, несмотря на перевес сил варваров, устояла перед их натиском. Используя противоречия среди варварских племен и исключительную продажность их предводителей, Империя привлекла их для ликвидации социальной опасности и отражения натиска других варварских племен на ее границы. Однако различные группировки господствующего класса опирались на варваров и в междоусобной борьбе, благодаря чему они беспрепятственно проникали в пределы Империи. Это, наряду с общественно-экономическим развитием варварских племен, привело к их дальнейшему усилению.

В начале этого периода, действительно, были отдельные случаи перехода одиночек или небольших групп угнетенного местного населения на сторону пришельцев (во Фракии в начале 378 г. на их сторону перешли рудокопы), но прочный союз между ними был невозможен из-за грабежей варваров и стремления их предводителей к союзу с императо-

¹⁹⁴ Zosim. Hist. IV, 53.

¹⁹⁵ Cl. Claud. De III Cons. Honorii, v. 66. De IV Cons. Honorii, v. 74. Евгения поддержала языческая партия староримской знати. См.: Rufinus. Hist. Eccles. XI, 33; H. Bloch. A New Document of the Last Pagan Revival in the West A. D. 393—394. «Harvard Theological Review», n. 38, 1945, p. 199—244.

рами. Используя желание варварской знати перенять образ жизни римской знати, императоры привлекали ее к себе на службу, благодаря чему основная масса варваров, поселившихся в пределах Империи, стала орудием в руках господствующего класса и его ударной силой. Социально-экономическое развитие варваров благоприятствовало этому, поскольку их родовой строй превратился в свою противоположность: из организации, возникшей для регулирования своих собственных дел, он превратился в организацию, предназначенную для грабежа и угнетения соседей.

Глава II. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЕВРОПЕ В 395—400 гг.

1. Особенности общественно-экономического развития Западной Римской империи и Восточной Римской империи (Византии) и противоречия между их правительствами. С углублением кризиса рабовладельческого строя Римской империи отчетливее проявились особенности общественно-экономического развития ее частей и обострились отношения между их правящими группировками. И хотя, как уже отмечено, господствующий класс отнюдь не был однородным и стабильным (вследствие чего постоянные трения подчас перерастали в открытую борьбу), все же существовали причины, которые сглаживали его в каждой части Империи вокруг правящей группировки.

На Западе рабство было более развито, чем на Востоке. Поэтому там сильнее сказывались последствия кризиса рабовладельческого строя. Значительная часть городов Запада выросла с развитием рабовладения и пришла в упадок вместе с его разложением.

Рим не был экономическим центром огромной Империи. Он был, прежде всего, центром политического управления (до 330 г.) и непроизводительного потребления материальных благ, поступавших из всех провинций. «Рим вообще всегда оставался всего лишь городом, и его связь с провинциями была почти исключительно политической и, конечно, могла быть нарушена политическими событиями»¹.

В состав Восточной Римской империи (Византии) входили наиболее экономически развитые области — 64 провинции (вскоре преобразованные в 201) с 935 городами². Эти города оставались центрами торговли, промышленности и товарного производства. Они меньше, чем на Западе, были задеты кризисом.

Константинополь являлся не только политическим, но и экономическим центром, куда «собирались корабли всего мира»³. «До открытия прямого пути в Индию Константинополь был центром обширной торговли»⁴.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. *Немецкая идеология*. Соч., т. 3, с. 22.

² *Le Synecdèmos d'Hiéroklaès*. Bruxelles, 1939, p. 631, 3.

³ *Paulli Silentiarrii, Descriptio templi S. Sophiae*, 239. Bonnæ, 1837, p. 19.

⁴ Ф. Энгельс. Действительно спорный пункт в Турции; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, с. 11.

Торговля и промышленность обеспечивали большие денежные поступления, дававшие правительству Византии возможность содержать сильную армию и покупать военную помощь у варваров. Экономический строй Византии являлся смесью разнообразных экономических укладов (рабовладельческого, первобытнообщинного, феодального) и хозяйственных форм (земледелие, садоводство, скотоводство, ремесло), которые дополняли друг друга. После завоевания эллинистических государств римляне подняли развитие рабовладельческих отношений на новую, более высокую, ступень. Но если на Западе, особенно в Италии, Нарбоннской провинции, Бетике и Проконсульской Африке рабство стало ведущим способом производства, то в Византии этого не произошло. В городах Востока промышленные изделия, в основном, создавались свободными и зависимыми ремесленниками, реже рабами.

В сельском хозяйстве рабовладение также не приняло таких форм, как на Западе. Конечно, и в Византии по мере развития рабовладельческого общества исчезла его экономическая основа — мелкое крестьянское хозяйство и независимое ремесленное производство, взамен которых складывалось крупное землевладение, а непосредственные производители прикреплялись к земле или к определенному виду производственной деятельности.

Однако производители материальных благ не представляли собой однородной подневольной массы⁵. Степень зависимости и ее формы, экономическое и правовое положение труженников, занятых в сельском хозяйстве, имели множество различий. Наряду с рабами, получившими земельный пекулий, и приписными колонами существовали и свободные колоны, имевшие право перехода и личную собственность, и парики, пользующиеся наделами монастырской или императорской земли, а также значительная прослойка свободных крестьян, объединенных в общины⁶. Те из них, которые были связаны с землевладельцами, опираясь на общинную организацию, митрокомию или организацию колонии ветеранов с ее официальными привилегиями, упорно и успешно отстаивали свою свободу и независимость мелкого производства.

---

⁵ Е. Э. Липшиц. Проблема падения рабовладельческого строя и начало феодализации в Византии. ВДИ, 1955, № 4, с. 65; Н. В. Пигулевская. Проблема распада рабовладельческого общества. ВИ, 1953, № 3; М. Я. Сюзюмов. Дофеодалный период. АДСВ, вып. 8, 1972; М. Я. Сюзюмов. К вопросу о процессах феодализации в Римской империи. ВДИ, 1955, № 1; М. Я. Сюзюмов. К вопросу об особенностях генезиса феодализма в Византии. ВВ, т. 17; М. Р. Сюзюмов. Некоторые проблемы исторического развития Византии и Запада. ВВ, т. 35, с. 3—18.

⁶ М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв. «Византийский сборник», М.—Л., 1945, с. 28—30.

Следовательно, в Византии рабовладение в меньшей степени, чем на Западе, разорило мелкое крестьянское и ремесленное производство. Поэтому здесь его кризис проходил менее остро. Об этом свидетельствует состояние сельского хозяйства, являющегося главной и решающей отраслью производства.

В 401 г. в Южной Италии, в Кампании, в местности, славившейся плодородной почвой, одинаково пригодной для виноградников, плодовых деревьев и злаковых растений, не обрабатывалось и не облагалось налогами 528 тысяч югеров пахотной земли⁷. В 422 г. в Африке из 1 800 541 югеров земли, пригодной для этого, обрабатывалось только 660 397⁸. Тогда как в Византии из 1523 тысяч югеров обрабатываемой площади пустовало и не облагалось налогом только 20 820 югеров⁹.

Господствующий класс Запада преимущественно состоял из крупных землевладельцев. Представители остальных имущих слоев стремились вложить свои средства в земельную собственность.

Господствующий класс Византии был более разнородным и состоял из собственников крупных провинциальных имений, получавших доходы в виде натуральных и денежных поступлений; собственников пригородных участков (проастиев), занимавшихся продажей винограда, фруктов и овощей; родовой местной городской знати, живущей доходами от домовладений; придворной и военной знати, эксплуатировавшей трудящихся через государственный аппарат; продавцов предметов роскоши и восточных товаров; купцов, ростовщиков и откупщиков; собственников мастерских и судовладельцев. И хотя между ними не было единства и интересы их часто были противоположными, все они зависели друг от друга и вступали в родственные связи. Они жили преимущественно в городах и объединялись, когда надо было отстаивать свои общие интересы. Их связывали и многочисленные торговые посредники, приказчики, подрядчики и доверенные лица, ремесленники и торговцы. Поэтому господствующий класс Византии был более сплоченным и заинтересованным в сохранении централизованной государственности.

Это дало Феodosию возможность не только справиться с готской опасностью, а также с народными движениями в Фессалонике и Антиохии, но и купить поддержку варваров для походов против Максима и Евгения.

Победив Евгения и Аргобаста (394) Феодосий стал единовластным государем. Однако внутреннего единства не бы-

⁷ Cod Theod. XI, 28, 3.

⁸ Cod. Theod. XI, 28, 13.

⁹ R. Remondou. La crise de l'Empire Romain de Marc Aurele à Anastase. Paris, 1964, p. 300—301.

ло. В каждой из двух частей сохранились свои правительства, существовавшие со времени Диоклетиана. В 395 г. римское государство было окончательно разделено на две Империи: Западную со столицей в Риме, а двором в Милане (до 402 г., затем в Равенне) и Восточную (или Византию) со столицей в Константинополе. Правда, до падения Западной Римской империи в 476 г. они рассматривались как две части государства.

В целом ряде вопросов и, прежде всего, в борьбе против социальной опасности интересы господствующего класса обеих империй совпадали, что особенно четко проявлялось во время преследования еретических движений. Но в ряде случаев их интересы были противоположными, что вело к возникновению и обострению противоречий. Несколько смягчить их должно было то обстоятельство, что во главе империй стояли сыновья Феодосия — Аркадий на Востоке и Гонорий на Западе. Однако, чтобы отстаивать свои привилегии, каждая из господствующих группировок поставила у руля государственного управления деятелей, которые казались им наиболее подходящими блюстителями их интересов, тем более, что оба императора были малолетними. На Западе фактическим главой правительства стал вандал Стилихон, в Византии — выходец из Юго-Западной Галлии Руфин.

Под командованием Стилихона оказались войска, воевавшие против Евгения и Аргобаста, которые он намеревался использовать для реализации своего плана установления опекуна и над византийским императором. Это оказалось на руку правящей верхушке Запада. Дело в том, что правящая верхушка Запада вынашивала планы подчинения богатой Византии своей власти. В конце IV в., когда наиболее надежными оказались кавалерийские части, набранные из варваров-наемников, и варварские вспомогательные войска, состоящие из кавалерийских отрядов, бороться с внутренней и внешней опасностью было удобнее, имея эти армии под единым управлением. Подвижность кавалерии давала возможность бросать ее туда, где возникала опасность. Поэтому правительство Запада выдвигает лозунг единства империи под верховенством Рима. Опыт Феодосия убеждал в возможности такого единства. Было провозглашено также требование о немедленном возвращении правительству Запада префектуры Иллирик.

После окончательного раздела государства началась подготовка к реализации этих планов, что привело к обострению отношений между правительствами и способствовало дальнейшему ослаблению обороны Западной Римской империи.

Вопрос о принадлежности префектуры Иллирик обострял вражду между двумя правительствами. С конца III в. пре-

фектура Иллирик находилась под управлением Миланского двора. Во время войны Феодосия против готов она стала его базой, а Фессалоника — местом военной ставки.

После победы Феодосия над Максимом и Евгением префектура Иллирик, включавшая диоцезы Македонии и Дакии с одиннадцатью провинциями, охватываемыми Дакию, Мёзию, Дарданию, Превалентию, Эпир, Македонию, Фессалию, Ахайю (Элладу) и Крит, была окончательно подчинена Константинопольскому двору и осталась за ним после раздела государства в 395 г. Западная Иллирия, или диоцез Иллирия (Паннония, Норик и Далмация), по-прежнему находилась под управлением Миланского двора и входила в префектуру Италии, которая состояла из трех диоцезов: Италии, Иллирии и Африки.

Объединение префектуры Иллирик с Византией диктовалось ее экономическими связями, географическим положением, этническим составом и тяготением к Константинополю как к центру обширной торговли. В этом был заинтересован и Константинополь, нуждавшийся в продовольствии. Анонимный географ IV в. свидетельствует, что провинции Иллирика получали высокие урожаи и не только обеспечивали себя всем необходимым, но и снабжали соседей хлебом и солонпой, оливковым маслом и сыром, рыбой и строительным лесом, железом и свинцом¹⁰.

Правительство Запада ничем не могло компенсировать потерю доходов, которые оно получало раньше из Иллирика.

Оказались под угрозой и интересы многих собственников. Часть их, продвигаясь по служебной лестнице в Риме и Милане, сохранила в Иллирике свои поместья. Выходцы из других частей Империи, используя свое положение при дворе, также приобретали или захватывали земли в этой префектуре. И хотя законы гарантировали сохранение права на земельную собственность, расположенную в обеих империях, сапожники Рима и Милана не могли получать из Иллирика прежний доход. В то же время чиновники Константинополя, ведавшие раскладкой и сбором налога, имели много возможностей разорить их и прибрать поместья к рукам.

Оказались задетыми и интересы Рима, который жил привозным продовольствием, доставляемым, главным образом, из романизованной Северной Африки и, отчасти, из Иллирика.

Положение Рима ухудшилось в связи с тем, что в конце IV в. участились народные волнения в Северной Африке, носившие социальный характер и антиримскую направленность. Усилился и натиск мавританских племен, у которых находили убежище революционные и оппозиционные элементы, бежав-

¹⁰ *Expositio totius mundi et gentium*, 51—52.

шие от преследований. Африкано-римская знать, не получая от Рима достаточной помощи для борьбы против внутренней и внешней опасности, стала склопаться к сепаратизму и добиваться создания и усиления собственного аппарата управления и подавления. На содержание этого аппарата шла значительная часть средств, ранее отправляемых Риму. Такое положение ставило под угрозу бесперебойность снабжения Рима и увеличивало его заинтересованность в префектуре Иллирик. Поскольку под командованием Стилихона оказались значительные военные силы, различные группировки западной знати сплотились вокруг него в надежде использовать их в своих интересах.

Стилихон стремился стать во главе объединенной Империи и, ссылаясь на устное завещание Феодосия (умершего 17 января 395 г.), которого никто не слышал, требовал опекунства над обоими императорами.

Стилихону, выходцу из Византии и вандалу по происхождению, было бы трудно удержаться на посту фактического главы правительства Запада и добиться такого же положения в Византии без поддержки знати и римского плебса. Обязанность привлечь их на сторону Стилихона легла на его секретаря, поэта Клавдиана, который выдвигал лозунги, способствовавшие объединению различных группировок знати вокруг Стилихона и придавал такой политике видимость борьбы за народные интересы.

Труды Клавдиана, десять лет пользовавшегося большой популярностью в Италии, способствовали привлечению итало-римской знати и плебса на сторону Стилихона.

Клавдиан рисовал перспективу возрождения былого величия Рима, утверждая, что «верный древним обычаям Стилихон, стремится провести перед нашими глазами все народы, которые служат его величию. Перед нами пройдут германцы и сикамбры с позолоченными волосами, ливийцы с волосами черного дерева из богатой и жаркой Африки. Стилихон поведет конницу, соперничающую своей белизной со снегом, и возле его триумфальной колесницы, увенчанной кровавыми пальмами, будет раздаваться крик о победе, а короли варваров поползут за ним, обгаренные кровью»¹¹.

В этот период крупные землевладельцы уже не были заинтересованы в завоевательных войнах как источнике пополнения рабочей силы, да и на победу над варварами трудно было рассчитывать в условиях, когда установился перевес их сил над силами Рима, а в самой римской армии им принадлежала решающая роль. Поэтому Клавдиан вслед за высокопарными словами о победоносных войнах против варваров воспевает военный поход в Иллирик и Африку, напоминая, что еще

¹¹ С. I. Claud. De Consulatu Stilichonis, III, v. 14—30.

недавно римские полководцы «диктовали законы на берегах Иллирика и на равнинах Африки»¹².

По мере развития событий Клавдиан выдвигал такие новые лозунги и доводы, которые спланировали знать и плебеев вокруг Стилихона. Когда же стало очевидным, что распространение его власти возможно только с помощью военной силы, Клавдиан выступил с призывами к войне против Византии и с нападками на ее правительство.

Претензии Запада встретили отпор византийского правительства. Готовясь к схватке, оба двора искали союзников среди провинциальной знати и варваров, что способствовало усилению и тех, и других.

В условиях, когда правительство Запада готовилось к войне против Византии, и провинциальная знать не могла рассчитывать на его помощь, различные ее группировки по собственной инициативе завязывали переговоры с представителями соседних варварских племен, надеясь использовать их против социальной и внешней опасности.

2. Усиление вестготов и их поход в Грецию. Освободительная борьба угнетенных масс Македонии, Фессалии и Ахайи (Эллады) против вестготов. Поселения вестготов занимали значительную часть Нижней Мёзии и Фракии, а их вспомогательные войска играли большую роль в войнах Феодосия. В битве против Евгения участвовало до 20 тысяч вестготов, половина которых полегла на поле боя. Часть их возвратилась в Нижнюю Мёзию и Фракию.

После смерти Феодосия Аларих, возглавлявший вестготские войска в войне против Евгения, собрал тех, «кто был противником мира», и двинулся на Константинополь, опустошая местности, лежащие на его пути¹³. Возле Константинополя навстречу ему выехал Руфин. После переговоров Аларих повел вестготов в Грецию.

По мнению Зосима и Марцеллина Комита, Руфин представил вестготам провинции префектуры Иллирик¹⁴. По-видимому, он стремился таким образом расплатиться с вестготами за их участие в войне против Евгения, окончательно закрепившей префектуру Иллирик за Византией, а также иметь надежные войска для отражения внутренней и внешней опасности.

Зосим свидетельствует, что Руфин, направив Алариха в Грецию, послал проконсула Антиоха к дуксу Геронтию, стоявшему во главе гарнизона, обороняющего Фермопилы, с приказом пропустить вестготов. «После этого Аларих двинулся из

---

¹² C. I. Claud. Panegyricus dictus Probino et Olybrio Cons., I, v. 59—60.

¹³ C. I. Claud. In Rufinum, II, v. 7—100.

¹⁴ Zosim. Hist. V, 5. Marcellini V. C. Comitibus Chronicon, an. 395 § 4.

Фракии, прошел всю Македонию и Фессалию и опустошил все на своем пути»¹⁵.

Клавдиан, наблюдавший поход, пишет, что «Европа до пределов зеленой Далмации оказалась отданной на поношение и добычу гетским полчищам: вся земля, находящаяся между зыбкой поверхностью Понта и волнами Адриатики, принимает одичалый вид, лишена стад скота и не обитаема никакими колонами»¹⁶.

Факты, сохранившиеся у Сократа, Созомена, Иеронима, Филосторгия, Клавдиана, Амвросия Медиоланского, Пруденция, Зосима и Евнапия, раскрывают характер этого похода. Вестготы грабили местных жителей, не обращая внимания на их социальное положение и возраст. Мужчин и стариков убивали, а женщин и детей уводили в плен¹⁷. В ответ вспыхнула освободительная война народных масс Иллирика против вестготов.

Фессалийцы организовали засаду на горе Пинд, возле устья реки Пинеи. Когда вестготы переходили реку, фессалийцы напали на них и убили три тысячи человек. Затем они заперли вестготов в горных долинах, чтобы они не могли грабить соседние селения¹⁸.

Поведение вестготов дискредитировало Руфина, пославшего их в Грецию, и дало Стилихону повод для похода в Фессалию, якобы для защиты ее жителей.

В течение лета 395 г. его отряды, а также вспомогательные войска остготов, гуннов и алапов стояли в Фессалии, но в битву с вестготами не вступали. Рывдания Клавдиана по поводу тяжелого положения иллирийцев оказались риторическим приемом, оправдывающим оккупацию Фессалии.

Византийское правительство от имени императора Аркадия потребовало, чтобы Стилихон вывел из Фессалии войска Запада и отослал в Константинополь византийские экспедиционные части, состоящие из вспомогательных варварских войск. Поскольку Стилихон выдавал себя за опекуна обоих императоров, а это требование исходило от Аркадия, ему пришлось подчиниться. Однако Стилихон вступил в заговор с готом Гайной, который командовал вспомогательными войсками, уходившими в Константинополь.

Судя по дальнейшим событиям, Стилихон избрал Гайну орудием своей политики, однако и у Гайны были свои планы.

¹⁵ Zosim. Hist. V, 5.

¹⁶ Cl. Claud. In Rufinum, II, v. 36—40: *Geticis Europa catervis Iudibrio praedaeque datur frondentis ad usque Dalmatiae fines: omnis quae mobile Ponti aequor et Adriacas tellus interiacet undas squalet inops pecudum nullis habitata colonis...*

¹⁷ Zosim. Hist. V, 5.

¹⁸ Socrat. Eccl. Hist. VII, 10.

Тем временем в Константинополе созрел заговор против Руфина, потерявшего из-за своего стремления к неограниченной власти поддержку значительной части знати.

Деятельность Руфина была обычной для рабовладельческой монархии, когда одна группировка господствующего класса, добившись политической власти и став у руля государственного управления, немедленно прибирала к рукам богатства своих политических противников. Зосим рассказывает о конфискации богатств Промота, Татиана, Прокла, Лукиана¹⁹. Имеется и официальное свидетельство этого — закон, изданный после смерти Руфина, о передаче его огромного состояния в казну. Но этот же закон запрещал бывшим владельцам требовать возвращения конфискованного у них Руфином имущества²⁰.

По-видимому, большая часть конфискованных состояний досталась Руфину, и эта алчность способствовала его гибели. Влиятельные представители знати, опасаясь, что он использует свое могущество против них, чему было немало примеров, организовали заговор. Они сумели расстроить бракосочетание дочери Руфина с Аркадием, женив его в день свадьбы на воспитаннице Промота Евдоксии, дочери умершего главнокомандующего франка Баутона²¹. Это ослабило влияние Руфина.

Заговорщики во главе с евнухом Евтропием, находившиеся в постоянном страхе перед могущественным временщиком, искали случая, чтобы свергнуть его.

27 ноября 395 г. вспомогательные войска под командованием Гайны подошли к Константинополю. Возле Золотых Ворот их встретили придворные во главе с Руфином. Солдаты Гайны окружили его и убили.

Опекуном Аркадия стал Евтропий. Он нуждался в военной силе, которую можно было противопоставить не только социальной и внешней опасности, но и лишившимся политической власти сторонникам Руфина. Такой силой стали войска Гайны. Чтобы платить им, Евтропий увеличил бремя налогов и конфисковал имущество сторонников Руфина. Однако, как утверждает Зосим, он не мог удовлетворить ненасытную жадность наемников. В 399 г. Гайна и Тробигий организовали заговор.

Пока происходили эти события, вестготы Алариха из Фессалии направились в Беотию. Им предстояло пройти узкое Фермоильское ущелье, где в древности прославились стойкостью триста спартанцев.

Поскольку указание правительства пропустить вестготов через Фермоилы осталось в силе, дукс Геронтий отвел гар-

¹⁹ Zosim. Hist. V, 1—7.

²⁰ Cod. Theod. IX, 42, 14—15.

²¹ Zosim. Hist. V, 3.

низон от прохода. Вестготы вступили в Фокиду и Беотию, где разграбили языческие храмы, являвшиеся средоточием драгоценностей²². Однако Аларих был вынужден отказаться от намерения взять Фивы, главный город Беотии²³, что было связано не только с трудностями осады города, расположенного на высоком холме и окруженного крепкими стенами, но и с решимостью горожан стоять насмерть. Сохранившаяся надпись на монументе, возведенном в честь ипата Руфа, возглавлявшего оборону города, свидетельствует о том, что горожане мужественно обороняли Фивы²⁴.

В Аттике варвары также столкнулись с упорным сопротивлением жителей городов и, особенно, Афин. Согласно легенде, записанной Зосимом, Аларих увидел на стенах города его богино-покровительницу, а у стен — Ахиллеса и отказался от продолжения осады²⁵. В этой легенде содержится зерно исторической истины, заключающееся в том, что в обороне города участвовали не только мужчины (у городских стен), но и женщины (на стенах города). Это заставило Алариха отказаться от осады и начать мирные переговоры. Город настолько пострадал от длительной осады и контрибуции, что Клавдий Клавдиан, Иероним и Филосторгий причислили Афины к городам, разграбленным вестготами²⁶.

По свидетельству Зосима, следуя в Грецию, «молодых мужчин варвары перебили, а детей и женщин, по варварскому обычаю, увели в плен. Вся Беотия и все местности, через которые прошли варвары, были обречены на гибель»²⁷.

Из Аттики Аларих двинулся против Мегары и взял город приступом, после чего продолжил свой поход против Пелопоннеса.

Города, расположенные к югу от Коринфского залива и Истма, не имели крепостей. Однако и здесь, судя по свидетельству Клавдия Клавдиана, варвары понесли огромные потери. Их кровью наполнились реки Греции, а их кости горели в кострах на ее горах²⁸. А поскольку регулярные

²² Zosim. Hist. V, 13. По мнению Евнапия, вина за разграбление языческих храмов лежит на монахах, следовавших за вестготами и подстрекавших их (Eupar. Vita Philosoph., 90—93).

Ф. Лот, чтобы несколько оправдать грабителей, утверждает, будто ограблением языческих храмов вестготы выразили свою набожность.— F. Lot. La fin du monde antique. Paris, 1927, p. 237.

²³ Zosim. Hist. V, 5.

²⁴ IG V, 2, 153-O. Fiebigger. Inschriftsammlung Geschichte des Ostgermanen. Neue Folge. Wien, 1939, S. 34.

²⁵ Zosim. Hist. V, 6.

²⁶ Hieronym. Epist. LX, 16 (PL 22 col. 600); Philostorg. Eccl. Hist. XII, 2; Cl. Claud. In Rufinum, II, v. 191.

²⁷ Zosim. Hist. V, 5.

²⁸ Cl. Claud. De bello Polentino, v. 510—518. Клавдиан, восхваляя Стилихона, связывает эти потери вестготов с его высадкой в Ахайе, но из свидетельств Зосима известно, что Стилихон не вел военных действий против вестготов, хотя и пытался окружить их.

части операций не совершали, можно полагать, что они терпели поражение от местных жителей.

Зосим пишет, что вина за опустошение страны падает на византийское правительство. «Греция из-за алчности римлян уже не крепка ни оружием, ни воинственными людьми. Правящими предателями она принесена в жертву варварам. Нашлись люди, которые, чтобы угодить властям, шли на все, что способствовало общему упадку»²⁹.

Тем временем правительство Запада разрабатывало план возвращения префектуры Иллирик под его управление.

Конец 395 и начало 396 г. были заняты подготовкой к войне. Столица Галльской префектуры переносится в Арль. Стилихон проверяет оборону рейнской границы и завязывает переговоры с представителями франкских и алеманских племен. Подготовлен мирный договор. Надеясь на него, Стилихон вывел из Галлии в Италию три легиона, чем ослабил оборону Рейна. Затем он сосредоточил войска в Равенне и оттуда отправился на кораблях в Ахайю³⁰.

После высадки войск Стилихона вестготы бежали на возвышенности Фолое, в Элиде, где оказались отрезанными от источников продовольствия и воды. Казалось, разгром их неизбежен.

Но действия Стилихона были противоречивыми. Окружив вестготов, он воздержался от наступления на их лагерь. Вместо этого Стилихон, по рассказу Зосима, предавался кутежам с «бессовестными женщинами», а его воины грабили местных жителей, окончательно разоряя их³¹. Павел Орозий, рассказывая об этих событиях, заявил, что он предпочитает умолчать об Аларихе и его готах, окруженных и оставленных без наказания³².

Воспользовавшись этим, вестготы вышли из окружения, погрузили добычу на паромы и переправились в Эпир..

Тогда Византия объявила Стилихона врагом государства и завязала переговоры с комитом Африки Гильдоном, который прекратил доставку продовольствия Риму. Стилихон был вынужден оставить Ахайю и заняться снабжением Рима за счет Галлии и подготовкой войны против Гильдона. Он вывел из Галлии еще шесть легионов, чем окончательно ослабил оборону Рейна³³. Безопасность границ должен был обеспечить договор с франками и алеманнами, подписанный летом 398 г. в Милане.

²⁹ Zosim. Hist. V, 6.

³⁰ Зосим ошибается, объединяя эту морскую экспедицию Стилихона с его предшествующим походом в Фессалию. Отсюда и хронологическое смещение этих экспедиций у тех историков, которые следовали ему.

³¹ Zosim. Hist. V, 7.

³² Oros. Hist. VII, 37, 2.

³³ Cl. Claud. De bello Gildonico, v. 415—424.

Во главе войск, направленных в Африку, Стилихон поставил брата Гильдона Масцезеля. После победы Стилихон, боясь возвышения Масцезеля, приказал его утопить³⁴. Наместником Африки был назначен Бутапарих, муж сестры Стилихона³⁵.

Стилихон вновь занялся подготовкой войны против Византии.

В 399 г. Клавдиан написал две инвективы против Евтропия, в которых доказывал право Рима и Стилихона господствовать над миром.

Поскольку Византия отвергла великодержавные притязания Рима, Клавдиан призывал к войне против Константинополя и требовал разрушения его. «Один город,— писал он,— мы уступаем фуриям-мстительницам, во искупление мира»³⁶. Он доказывал, что в этой войне следует использовать готов: «Фригийское поле населено остготами и смешанными с ними гругунгами. Незначительные причины могут толкнуть их на преступление. Их природа легко возвращается к обычным нравам. Пусть будет так: раз в наших войнах застыла сила, и они научились повиноваться расслабленным начальникам, пусть северные пришельцы отомстят за поправленные законы, пусть варварское оружие придет на помощь римскому позору»³⁷.

Византийское правительство, сделав свои выводы из призывов Клавдиана, назначило Алариха своим полководцем в Иллирике. Содержание вестготов легло на плечи иллирийцев. Вестготы грабили и опустошали не только жилища крестьян и горожан, но и могильные памятники и гробницы³⁸, древние храмы и общественные здания³⁹.

В свою очередь, правительство Запада также объявило Алариха своим полководцем и послало к нему префекта Иовина, чтобы он убедил Алариха подчинить иллирийцев императору Гонорию⁴⁰. Стремясь привлечь Алариха с вест-

³⁴ Z o s i m. Hist. V, 11.

³⁵ Ibidem, V, 37.

³⁶ C l. C l a u d. In Eutrop. II, v. 39. Unam pro mundo Furjis concedimus Urbem.

³⁷ C l. C l a u d. In Eutrop. II, v. 153—159.

Ostrogothis colitur mixtique Gruthungis.

Phryx ager hos porvae poterunt impellere causae.

In scelus: ad mores facilis natura reverti.

Sic eat; in nostro quando jam militem robur

Torpuist, et molli didicit parere magistro:

Vindictae Arctous violatas advena leges;

Barbara Romano succurrant arma pudori.

³⁸ J. K o v a c e v i c. Varvarska kolonizacija Juznoslovenskih oblasti. Novi Sad, 1960, s. 64.

³⁹ E u n a p. Vita Philosoph., 90—93.

⁴⁰ C l. C l a u d. In Eutrop. II, v. 214—218. De bello Polent. v. 533—536; Z o s i m. Hist. V, 26—27; S o z o m e n. Eccl. Hist. VIII, 25.

готами на свою сторону, оба правительства наперебой слаждали его деньгами, оружием, снаряжением и продовольствием. Такое положение дало ему возможность вооружить вестготов за счет государственных арсеналов Марга, Ратирии, Науса и Фессалоники и заставить местных жителей доставлять ему все необходимое для войны.

Клавдиан, рассказывая о военном совете варваров, приписывает Алариху речь, объясняющую причины усиления вестготов: «Теперь, когда мне переданы все права предводителя Иллирика, я заставил римские города приготовить усиленным трудом фракийцев столько копий, столько мечей, столько шлемов и добывать для меня железо. Так мне благоприятствует судьба: те люди, которых я все время разорял, стали моими слугами. Со стоном (скорбь) давали они мне оружие, которое должно принести им вред, и долго при плаче кузнеца краснела сталь, закаляемая огнем и умением для их ущерба»⁴¹. Конечно, Клавдиан мог и не знать точного содержания речи, произнесенной Аларихом, но поэт отразил конкретные условия объективной действительности, сложившейся в Иллирике.

Одновременно с усилением вестготов в Иллирике окрепли позиции готских наемников в Константинополе и диоцезе Азии. Их предводители Гайна и Требигильд попытались захватить политическую власть в стране.

3. Заговор Гайны и Требигильда. Борьба народных масс против готского засилья. Когда, после убийства Руфина, главой византийского правительства стал внуч Евтропий, гот Гайна получил звание магистра армии. Произошла смена правящей группировки господствующего класса. Как утверждает Зосим, Евтропий стремился удалить от двора всех, кто прежде пользовался влиянием. Он присвоил большую часть состояний Руфина, а затем предал суду представителей знати Тимасия, Сагрия, Абуданция и добился их ссылки. Главным свидетелем против них Евтропий выдвинул торговца колбасами Барго, которого сначала демонстративно высил до поста командующего, а затем также предал суду. Он умело лавировал между различными группировками господствующего класса, добиваясь усиления личной власти. Такая политика диктовала необходимость осведомленности во всех делах и событиях. Поэтому Евтропий, по словам Зосима, всюду имел соглядатаев⁴².

Хотя и на Западе, и в Византии ключевые позиции в государственном управлении занимали те группировки знати, которые опирались на варваров, борьба между ними не прекращалась. Главной ставкой была власть над второй полови-

⁴¹ Cl. Claud. De bello Polent. v. 536—544.

⁴² Zosim. Hist. V, 9—10.

ной Империи. Эти стремления в основном диктовались объективной необходимостью сосредоточить все силы обеих империй на преодолении кризисных явлений, а также нуждой в средствах на содержание огромного бюрократического аппарата и армий, в продовольствии для Рима и Константинополя. Однако соперничество между правящими группировками приняло традиционную форму борьбы за главенство одного из этих городов, за господство над Иллириком и Африкой, за распоряжение всеми доходами, получаемыми из провинций, за политическое господство. Стремление достичь успеха за счет другой части Империи подрывало экономическое положение обоих государств.

Ориентация на готских наемников и готские вспомогательные войска, укрепив на первых порах позиции константинопольской знати, в дальнейшем настолько усилила варваров, что поставила под угрозу ее политическое господство. Возможность установить свою политическую власть в стране представилась готской знати, чего она и начала добиваться.

Однако это стремление не следует рассматривать как угрозу существующему рабовладельческому строю. Варварской знати не были чужды ни способ производства, ни обусловленный им уклад жизни, ни взгляды и стремления господствующего класса Империи. Поэтому предводители готских наемников Гайна и Требигильд в борьбе за власть повторяли приемы, применявшиеся различными группировками господствующего класса. Однако они имели преимущество, так как в их распоряжении оказались военные силы, и они могли опереться на соплеменников, живших в Византии на положении военных наемников и поселенцев, федератов, колонов и рабов. И хотя Гайна и Требигильд не рядились в одежды освободителей угнетенных рабов и колонов, сама возможность использовать угнетенных выходцев из готского племени таила опасность для господствующего класса Византии. Это отметил и Синезий, в 399—402 г. живший в Константинополе.

Синезий резко осудил политику правительства, превратившего побежденных им варваров в своих осыпанных почестями союзников.

Писатель обращал внимание императора на то, что положение римлян становится опасным, и советовал принять меры предосторожности. Он предлагал комплектовать армию из римлян, а не варваров, которые, увидев слабость государства, могут решиться покорить его. Он приводил тому примеры и отмечал, что некоторые провинции остались неумиротворенными из-за пришельцев, которые не смогли ужиться с местными жителями. Синезий советовал устранить варваров от государственных должностей и удалить их не только из сепата, но и из страны. Он призывал немедленно создать армию из крестьян, ремесленников и торговцев.

Прибывший из Киренаики провинциал, Синезий, вероятно, не знал, что в период борьбы против готов Феодосий призвал в армию крестьян и рудокопов, но был вынужден вернуться к союзу с варварами, когда понадобились силы для подавления народных восстаний в Фессалонике и Антиохии. Опыт борьбы с социальной опасностью и политическими противниками убедил правящую верхушку, что наемные и вспомогательные варварские войска являются наиболее надежным орудием ее власти. Языковые и религиозные различия, отсутствие связи основной массы варваров с местными жителями облегчили возможность использования этих войск в качестве беспощадных карателей.

До определенного времени они действовали в интересах нанявших их правителей. Но по мере роста значения этих войск и увеличения их численности в пределах Империи варварская знать стала склоняться к мысли о захвате власти. Междоусобная борьба различных группировок местной знати, в которой участвовали варвары, была для них своего рода политической школой. Синезий имел все основания предупредить императора: «варвары набросятся на нас, когда почувствуют, что могут это сделать с успехом»⁴³.

В 399 г. магистр армии гот Гайна предпринял попытку захватить политическую власть в стране. Он был недоволен тем, что все богатства, конфискованные у Руфина и его сторонников с помощью готских наемников, сосредоточиваются в руках Евтропия. Гайна вступил в заговор к комитом армии Требигильдом, командовавшим готскими наемниками во Фригии⁴⁴.

Сократ рассказывает, что по указанию Гайны Требигильд начал вводить в гарнизонах Фригии какие-то новшества, вызвавшие волнения среди местных жителей⁴⁵. По свидетельству Созомена, эти новшества выразились в том, что Требигильд, «намереваясь захватить верховную власть в стране, вызывал своих единомышленников-готов в римские земли и близких себе людей ставил над ними сотниками и тысячниками»⁴⁶. Следовательно, Требигильд увеличивал численность готских наемников и усиливал свое влияние, чем вызвал недовольство городской знати и народных масс, на которых давили расходы по содержанию наемников.

В ответ Требигильд совершил карательный поход по Лидии и Фригии. Во время этого похода его поддержали и соплеменники, оказавшиеся среди жителей, и состоящие из них городские гарнизоны. Как говорит Зосим, «поскольку Требигильду никто не мешал, то происходило то, что каждый

⁴³ Synes. Oratio de Regno, p. 21.

⁴⁴ Philostorg. Eccl. Hist. XI, 8; Zosim. Hist. V, 13.

⁴⁵ Socrat. Eccl. Hist. VI, 6.

⁴⁶ Sosomen. Eccl. Hist. VIII, 4.

город завоевывался силой, всех жителей убивали, и ни один варвар не помогал римлянам, а наоборот, варвары и их земляки сражались против римлян»⁴⁷. По словам арианского церковного историка Филосторгия, не заинтересованного в очернении своего единоверца, Требигильд, «начав с Николии, захватил много городов и произвел великое человекоубийство»⁴⁸.

Поскольку правительственные гарнизоны городов состояли из готских наемников, горожане и крестьяне не могли рассчитывать на их защиту и сами поднялись на борьбу.

Филосторгий рассказывает о непреодолимых препятствиях, с которыми Требигильд столкнулся во время карательного рейда, и о выступлении против него исавров, до сих пор боровшихся против византийского господства⁴⁹.

Зосим рассказывает о выступлении рабов, крестьян и горожан:

«Когда Требигильд двинулся из Писидии в Памфилию, он попал на непригодную для конницы дорогу. Никакое войско не противостояло ему. Только известный Валентин, проживавший в Селге, небольшом городе Памфилии, расположенном на холме, среднее ученым человеком, несколько знакомый с военным делом, собрал толпу рабов и тех крестьян, которые уже имели опыт борьбы против соседних разбойников, и расположил их на вышестоящем холме так, что можно было видеть всех, идущих по дороге, а самим оставаться невидимым, даже если враг будет проходить днем. Когда Требигильд со своими варварами двинулся по ровной дороге на Памфилию и еще ночью подошел к Селге, то на варваров напала засада, бросавшая на них катапультами и вручную большие камни. Поскольку с одной стороны дороги было болото и море, а с другой — только тесный проход, по которому едва могло пройти два человека, к тому же и этот кругообразный проход, прозванный черепахой, охранялся Флоренцием с таким количеством воинов, которого было достаточно, чтобы удерживать идущих, то варвары были большей частью ранены или перебиты. Они были настолько близко расположены друг к другу, что ни один камень не падал мимо. Многие из них бросались с лошадьми в море, и кто избежал камней, тот погиб в болоте. Однако Требигильд с 300 всадниками поднялся к проходу, подкупил Флоренция и его команду и бежал, не позаботившись о тех, которые погибли. Думая избежать опасности, приготовленной ему Валентином, Требигильд попал в немалую опасность. Все жители города, вооружившись всем, что находилось под

---

⁴⁷ Zosim. Hist. V, 15.

⁴⁸ Philostorg. Eccl. Hist. XI, 8.

⁴⁹ Ibidem.

руками, окружили его с 300 беглецами между реками Мела и Эвримедонт, недалеко от городов Сиды и Аспенда»⁵⁰.

Оказавшись в безвыходном положении, Требигильд сумел связаться с Гайной, который находился в Гераклее, и тот спас его, не раскрывая своего участия в заговоре. Он воспользовался тем, что в Памфилию на помощь Валентину был направлен с отрядом воинов приближенный Евтропия Лев. Якобы для усиления этого отряда, Гайна направил в Памфилию подкрепления. «Варвары, которых Гайна посылал ко Льву, нападали на римлян, опустошали страну и не прекращали этого до тех пор, пока не сокрушили отряд Льва и пока не превратили почти всю страну в пустыню»⁵¹.

Требигильд бежал из Памфилии и снова «подверг города Фригии еще большим бедствиям, чем прежде»⁵². Ночью он напал на отряд Льва, и тот, спасаясь от преследователей, утонул в болоте⁵³.

Когда стало известно о разгроме отряда Льва, Гайна переправился с войском в Азию, а Требигильд, по словам Филосторгия, «как будто убегая от Гайны, напал на Писидию и Памфилию и опустошил их»⁵⁴.

Чтобы использовать создавшуюся обстановку, Гайна вводил императора Аркадия в заблуждение, утверждая, что войска Требигильда непобедимы. Распространившиеся слухи вызвали панику среди трусливых придворных⁵⁵. В таких условиях Аркадий решил пожертвовать Евтропием, смещения которого требовали не только Стилихон и Гайна, но и часть византийской знати.

Византийская знать (и в том числе крупные землевладельцы) не была связана между собой прочной цепью иерархии и взаимозависимости. Она была незащитной перед центральным правительством. Ставшая во главе государства группировка знати имела неограниченные возможности разорять остальных представителей знати. Поэтому в политических стремлениях знати постоянно сосуществовали две противоречивые тенденции: желание иметь сильное правительство, способное противостоять внутренней и внешней опасности, и стремление избавиться от слишком усилившегося правительства, задевавшего его материальные интересы. Евтропий же, имея толпу доносчиков и обвинителей, завладел огромными богатствами Руфина и его сторонников.

После свержения Евтропия ключевые позиции в правительстве заняли выходцы из константинопольской знати. Во главе

⁵⁰ Zosim. Hist. V, 15—16.

⁵¹ Ibidem, V, 17.

⁵² Ibidem.

⁵³ Cl. Claud. In Eutrop. II, v. 432—451.

⁵⁴ Philostorg. Eccl. Hist. XI, 8.

⁵⁵ Cl. Claud. In Eutrop. II, v. 467—478.

их стал Аврелиан, префект претории Востока. Его поддерживали магистр армии Сатурнин и советник Иоанн. Они выступили против притязаний Стилихона и Гайны. Тогда Гайна договорился с Требигильдом о совместном наступлении на Константинополь.

Когда Гайна достиг Халкедона и только пролив отделял его от столицы, а Требигильд занял город Лампсак, откуда мог переправиться в Херсонес-Фракийский, над Константинополем нависла опасность. Аркадий был выпущен принять требования Гайны и назначить его главнокомандующим⁵⁶, а также выдать Аврелиана, Сатурнина и Иоанна, которых он отправил в ссылку⁵⁷.

Кесарий снова был назначен префектом претории Востока вместо Аврелиана. По свидетельству Синезия, на города были наложены высокие подати, а в провинции нахлынули чиновники, купившие себе различные должности и стремившиеся за короткий срок обогатиться на всю жизнь.

Пользуясь положением главнокомандующего, Гайна приказал Требигильду ввести свои войска в Константинополь и выслал из города охрану императорского дворца⁵⁸.

Однако положение Гайны и его сторонников оказалось непрочным. Народные массы Константинополя, успешно отстоявшие город в 378 г., поднялись против готом и в 399—400 гг. Ненависть горожан к наемникам была настолько сильной, что они опасались появляться на улице в одиночку⁵⁹. Гайна не мог рассчитывать даже на поддержку всех своих соплеменников: часть их настолько сблизилась с местными жителями, что приняла православие, и патриарх Иоанн Златоуст являлся к ним в базилику читать проповеди⁶⁰.

Когда Гайна потребовал, чтобы готам-арианам была передана одна из больших базилик в столице, это вызвало такое возмущение народа, для которого православие было знаменем борьбы против готского засилия, что Иоанн Златоуст, чувствуя народную поддержку, заявил решительный протест. Император Аркадий был вынужден отказать Гайне.

Антиготские выступления народных масс Константинополя и их результаты освещены в рассказах современников. Язычник Зосим и христианин Созомен связывают последующие поражения готом с противодействием народных масс, а язычник Синезий и христианин Сократ объясняют все помощью богов и ангелов.

Созомен рассказывает, что Гайна дважды посылал ночью готские отряды, чтобы захватить дворец императора, но они,

⁵⁶ Sozomen. Eccl. Hist. VIII, 4.

⁵⁷ Zosim. Hist. V, 18.

⁵⁸ Ibidem.

⁵⁹ Synes. De Provid. PL 68, с. 117а, 119а.

⁶⁰ Theodoret. Eccl. Hist. V, 30.

увидев множество вооруженных воинов огромного роста, в ужасе отступали⁶¹. Сократ уверяет, будто на стенах дворца появлялись небесные ангелы-защитники⁶². Зная, что дворцовая охрана выслана из города, он и не мог иначе объяснить безуспешность готских попыток овладеть дворцом.

На третью ночь Гайна лично возглавил отряд и повел его к стенам дворца, но повернул обратно, увидев многочисленных защитников и полагая, что императору удалось тайно вызвать из других городов воинов, которые ночью охраняют дворец, а днем находятся в укрытии⁶³. Вряд ли такое предположение верно. Отряды Гайны и Требигильда контролировали все подходы к городу. Скорее всего защитников послала православная церковь, усилившая антиарианскую пропаганду и проводившая ночные молитвы с песнопениями.

Гайна решил вывести наемников в один из фортвов, находившийся в 10 км от города. Созомен отмечает, что Гайна притворился бесноватым⁶⁴. Очевидно, обстановка в городе настолько осложнилась, что это оказало влияние на психическое равновесие Гайны.

В ночь на 12 июля 400 г. он начал выводить наемников из Константинополя⁶⁵. Городская стража, заметив, что готы увозят оружие и колчаны со стрелами, воспрепятствовала этому. На крик стражи сбежались горожане и начали убивать готов камнями и чем погало. Затем они захватили ворота и заняли стены⁶⁶.

Синезий пишет о столкновении у городских ворот как очевидец. По его словам, одна старушка, живущая подаянием, заметила, что готы увозят ценности, и начала громко проклинать их. Один гот поднял меч, чтобы сразить ее, но его убили подоспевшие горожане. Они овладели воротами и бросились на оставшихся в городе варваров и нападали на каждого; всех подряд сбивали с ног, пронзали копьями, били, кололи⁶⁷.

Семь тысяч готов, не успевших уйти с Гайной, бежали в базилику, находившуюся недалеко от императорского дворца. Гайна не смог оказать им помощи, поскольку ворота и стены города были в руках горожан.

Когда опасность, нависшая над городом, миновала, горожане, по словам Зосима⁶⁸, или воины, по мнению Созомена⁶⁹,

---

⁶¹ Sozomen. Eccl. Hist. VIII, 4.

⁶² Socrat. Eccl. Hist. VI, 6.

⁶³ Sozomen. Eccl. Hist. VIII, 4.

⁶⁴ Ibidem.

⁶⁵ Chron. Pasch., 567.

⁶⁶ Sozomen. Eccl. Hist. VIII, 4; Zosim. Hist. V, 19.

⁶⁷ Synes De Provid. IV, 2, 3 (Ed. N. Terragi, Roma, 1944, vol. 2, p. 112).

⁶⁸ Zosim. Hist. V, 19.

⁶⁹ Sozomen. Eccl. Hist. VIII, 4.

зажгли базилику, и горящая крыша рухнула на скрывшихся в ней готов. Сократ и Созомен утверждают, что император объявил Гайну врагом государства и приказал истребить оставшихся в городе варваров. Синезий, как очевидец событий, рассказывает о них иначе. По его словам, «весь народ поднялся по собственному побуждению, без предводителя, и божьей волей каждый сам себе был полководцем и воином, и командующим, и подчиненным. Да и могло ли быть иначе, если бог захотел и дал людям силу, чтобы спастись при любых обстоятельствах?»⁷⁰.

По словам того же писателя, префект претории Кесарий обратился с речью к народу и тщетно призывал не уничтожать готов. Очевидно, народное восстание против готов возникло стихийно, и когда попытки сдержать народ не увенчались успехом, император санкционировал его.

По мнению Синезия, в Константинополе погибла пятая часть готских наемников.

Гайна, узнав об их гибели, попытался захватить Фракию. Но крестьяне свезли продовольствие в города и вместе с горожанами обороняли городские стены. По рассказу Зосима, «Гайна ничего не видел, кроме травы и стен, которые надежно укрывали фрукты, скот и имущество»⁷¹, и решил двинуться в Херсонес-Фракийский, чтобы переправиться в Азию. Правительственные войска под командованием гота-язычника Фравиты бдительно охраняли берег Азии и потопили многих готов, пытавшихся на плотах преодолеть пролив.

Гайна вновь отступил во Фракию, опустошая все, что уцелело после его предыдущего похода⁷². Часть наемников была перебита, другие бежали от Гайны. С ним остался лишь небольшой отряд, в котором были и примкнувшие римляне. Опасаясь перебежчиков, Гайна перебил их, а сам отступил за Дунай. Там его окончательно разбили гунны. Их предводитель Ульдис прислал голову Гайны в Константинополь (3 января 401 г.)⁷³, за что получил богатые подарки и был признан федератом Византии⁷⁴.

Поражение предводителей готских наемников, намеревавшихся захватить политическую власть в стране, стало возможным благодаря решительному выступлению народных масс Азии, Фракии и Константинополя⁷⁵.

⁷⁰ Synes., op. cit., p. 118.

⁷¹ Zosim. Hist. V, 19.

⁷² Ibidem, V, 21.

⁷³ Chron. Pasch., 567.

⁷⁴ Zosim. Hist. V, 22.

⁷⁵ Наряду со свидетельствами Зосима, Сократа, Созомена и Синезия о выступлении рабов, колонов и горожан против готов Требигильда и Гайны, участие широких народных масс в борьбе против готов запечатлено и на колонне, поставленной в Константинополе в честь Аркадия. По мнению Л. Стрижовского, на колонне изображена победа над Гайной. В числе

Общественный подъем, сорвавший эту попытку готской знати, оказал огромное влияние на дальнейшую судьбу Византии. Народные массы, одержавшие победу над готами, усилили натиск на господствующий класс (выступление исавров в 403—408 гг.⁷⁶, крупные восстания в Константинополе в 403—409 гг.⁷⁷) и вырвали у него ряд уступок. Прежде всего сторонники готских наемников и в их числе Кесарий были вынуждены уйти с высоких постов. У власти стал Аврелиан и его приближенные. Был установлен порядок отчета сборщиков налогов на самых многолюдных сходках и предания их суду в случае возникновения обоснованных жалоб. Слагались недоимки за сорок лет. Иллирийские города были избавлены от участия в расходах на публичные зрелища, устраиваемые в Константинополе. Многие провинции освобождались от двух третей обычных государственных налогов⁷⁸. Была упрощена процедура отпуска рабов на свободу и запрещено превращать в рабов отвоєванных военнопленных.

Чтобы сплотить господствующий класс, правящая верхушка знати, отказавшаяся опираться на готских наемников, была вынуждена пойти на уступки остальным группировкам знати. Это выразилось в возрастании значения Константинопольского сената, который стал принимать активное участие в политической жизни Византии⁷⁹.

Все это привело к известной политической стабилизации и помогло Византии выдержать опасный для ее существования натиск гуннов на дунайскую границу в первой половине V века.

Эта стабилизация имела положительное значение для развития производительных сил Византии. Ярким свидетельством ее благотворного влияния на экономическое развитие страны является тот факт, что в Византии в 422 г. 98% пахотной земли обрабатывалось и облагалось налогом, тогда как в Италии и Северной Африке большая часть земли пустовала. Византийские города залечивали раны, нанесенные осадами и грабежами варваров или лихоимством чиновников и сборщиков налогов, развивали ремесла, торговлю и сохраняли достижения античной культуры для последующих поколений.

победителей, наряду с воинами, изображены фигуры выходцев из простого народа, отличающиеся бедностью одежды и простотой вооружения. Вероятно, резчик, несмотря на данный ему заказ — прославить Гонория и его свиту, почитался с исторической действительностью и изобразил среди победителей простых людей. См.: L. Strzygowski. Die Säule des Arcadius in Konstantinopel. Jahrbuch des Deutsch. Archeolog. Institut. t. 8, 1893; G. Giglioli. La colonna di Arcadio a Konstantinopoli. Napoli, 1952, p. 77—161.

⁷⁶ Zosim. Hist. V, 15.

⁷⁷ Marcellini V. C. Comitibus. Chron. an. 409. MGH AA XI p. 70; Chron. Pasch., 571.

⁷⁸ Cod. Theod. VI, 24, 11; Prisc. Fragm. I. FHG IV, p. 71.

⁷⁹ Cod. Theod. X, 8, 5; XI, 1, 33; XV, 5, 5.

В изучаемый нами период правящая верхушка Византии склонялась к союзу с готами, надеясь использовать их против социальной опасности и притязаний Западного двора. Когда же готская знать, используя силу своей организации, попыталась установить собственное политическое господство, большая часть византийской знати вступила с нею в борьбу и использовала широкую поддержку со стороны народных масс. Однако в ходе этой борьбы византийская знать была крайне непоследовательной. Народные же массы Азии, Фракии и Константинополя, более всех страдавшие от грабежей варваров и чиновников правительства, отважились на самое решительное сопротивление, покончившее с готским засилием в Византии.

Глава III. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЕВРОПЕ В ПЕРИОД МАССОВОГО ВТОРЖЕНИЯ ВАРВАРОВ В ИТАЛИЮ, ГАЛЛИЮ И ИСПАНИЮ (401—410 годы)

1. Усиление вестготов в Иллирике и их первый поход в Италию. Поражение готов в Азии, Фракии и Константинополе способствовало усилению Алариха, принявшего множество беженцев. Однако после прихода к власти антиготской группировки знати оставаться в Византии было опасно. Его ожидала участь полководца-гота Фравиты, казненного, несмотря на заслуги в борьбе против соплеменников.

Аларих завязал переговоры с правительством Запада и просил предоставить его войнам земли для поселения в диоцезе Иллирии.

Клавдиан рассказывает, что пока правительство Запада медлило с ответом, вестготы, по решению своего совета, самовольно двинулись в Италию.

Из описания похода современниками известно, что вестготы двинулись в поход вместе с женами, детьми и рабами¹.

По свидетельству Клавдиана, они не встретили организованного сопротивления. «Непоколебимые башни пошатнулись на своих алмазных основаниях, земля покрылась обломками крепостей, ворота укреплений легко повернулись на петлях, а заграждения, оцетинившиеся на укреплениях, оказались под копытами вражеской кавалерии»².

Клавдиан объясняет такое положение занятостью Стилихона в Реции, где он отражал натиск соседних племен, и умалчивает о явных просчетах своего патрона, видевшего в Аларихе союзника против Византии и поэтому не обеспечившего оборону Юлийских Альп.

В ноябре 401 г. вестготы осадили Аквилею, порт и арсенал, являвшиеся неприступной крепостью³. Битва произошла на подступах к городу. Римляне понесли большие потери, но не отступили. Тогда вестготы двинулись на Милан, где находился двор Гонория⁴.

¹ Cl. Claud. De bello Polent. v. 611—618

² Ibidem, v. 215—218.

³ Hieronym. Contra Rufin., 11, 21. PL 23, col. 472 c.

⁴ Cl. Claud. De bello Polent. v. 561. De VI Cons. Honor. v. 203.

Началась паника. Спешно производились оборонительные работы⁵. Богачи закапывали свои сокровища, и все, кто мог бежать, искали спасения в Сардинии и на скалах Цирни⁶.

Опасность казалась столь близкой, что проповедник Эдессы произнес речь на могиле святого Фомы, прося его о защите Рима от Алариха⁷. Во всех базиликах Италии раздавались проповеди. Особенно много произнес их Паулин, епископ Ноллы, призывавший усиленно молиться святому Феликсу⁸. Клавдий Клавдиан написал сатирическую эпиграмму, в которой высмеял некоего полководца-святошу, уповавшего на бога в момент, когда требовались решительные действия⁹.

Пока придворные обсуждали вопрос, куда бежать — на Корсику, в Сардинию или на Рону, Стилихон вызвал легионы из Галлии, а сам отправился в Рецию¹⁰.

Есть основание полагать, что там он набрал армию не только из федератов и тамошних гарнизонов, но и мобилизовал пограничных поселенцев и крестьян, так как Клавдий Клавдиан рассказывает о посещении Стилихоном хижин крестьян и шалашей пастухов, восклицая при этом: «О Рим, эти альпийские хижины принесли тебе спасение»¹¹.

Миланцы упорно обороняли свой город, а увидев приближение подкрепления во главе со Стилихоном, сами перешли в наступление. Из рассказа Клавдиана следует, что прибытие войск Стилихона избавило местных жителей от дальнейших рекрутских наборов, а крестьяне смогли вернуться к мотыге и серпу¹².

Вестготы отступили в Лигурию и расположились лагерем у реки Урбис, недалеко от Полленции, где 6 апреля 402 г. их настигла аланская конница, следовавшая в авангарде армии Стилихона под предводительством Саула. Хотя Саул пал в битве и его конница дрогнула, пехотные когорты Стилихона одержали победу. Вестготы бежали, оставив огромный обоз с награбленными сокровищами: серебряными сосудами и коврами, драгоценностями и одеждой, множеством скота и тысячами пленников¹³.

«Несчастные пленники,— писал Клавдиан,— люди разных народов, которых враг держал в рабстве, вырванные наконец

⁵ Cod. Theod. VII, 13, 15; 18, 14; VI, 27, 13.

CIL VI, I, 1188 (Inscriptiones litteris cubitalibus exaratae supra portas Portiensem), 1189 (Praenestiam sive maiorem), 1190 (Tuburtinam sive s. Laurentii).

⁶ Cl. Claud. De bello Polent. v. 218.

⁷ Pseudo-Chrysostomo. Sanct-Thomas. PG 59 col. 500.

⁸ Paulin de Nolle. Carmina, XXVI—XXIX. CSEL 30.

⁹ Cl. Claud. Epigr. XXV.

¹⁰ Cl. Claud. De bello Polent., v. 300—332, 416.

¹¹ Ibidem, v. 364—365.

¹² Ibidem, v. 454—467.

¹³ Ibidem, v. 605—618.

из рук убийц и тиранов, целовали обгаренные кровью руки своих освободителей и возвращались к своим очагам и своим детям. Каждый рассказывал о своих злоключениях, а семьи, слушая подробности их рассказа, благословляли эту чудесную победу. Но каково же было Алариху видеть, что все его богатства, захваченные в результате грабительских походов, потеряны»¹⁴.

Христианский писатель Пруденций подтверждает достоверность рассказа Клавдиана. Он также восхищается решительностью римских воинов, которые не боялись умереть за родину, и прославляет освобождение множества пленников. Победа над Аларихом кажется ему значительнее победы над Ганнибалом¹⁵.

После битвы у Полленции Стилихон возобновил договор с Аларихом. Клавдиан намекает на него, но, не желая раскрывать тайных замыслов Стилихона, умалчивает о его содержании.

Вестготы перешли на левый берег реки По и спокойно отступили к Аквилее. Находившийся там римский историк Руфин рассказывает, что они грабили местных жителей, угоняли скот, забирали урожай, уводили в плен мужчин¹⁶. Подойдя к Вероне, они нарушили договор и попытались захватить город, но вновь потерпели поражение.

В битвах у Полленции и Вероны вестготы понесли такие потери, что Клавдиан назвал их «малым обломком великого племени» (*tanta ex gente reliquias breves*), а Пруденций — «погибшим народом» (*gentem deletam*). Кажется, что после этих потерь вестготы станут послушным орудием римской политики, и Стилихон снова вернулся к подготовке войны против Византии.

Вестготы отступили в диоцез Иллирию, где им отводилась роль авангарда в готовящейся войне.

Клавдиан славословил гуманность римлян и пытался успокоить тех, кто не был посвящен в антивизантийские замыслы Стилихона: «Это для твоего блага, Рим, наши когорты открыли проходы врагу, и он убежал из окружения. Нужно было избежать, чтобы он, в ожидании смерти, не покончил с собой в отчаянии. Нельзя было уничтожить гетов, не навлекая на твои стены опасность. Пусть Юпитер не позволит варварам осквернить Рим, храм Нумы и жилище Квиринуса»¹⁷. Клавдиан призывал не предаваться отчаянию, когда варвары похищают у пахарей их быков и урожай с нив, а безро-

¹⁴ Ibidem, v. 618—624.

¹⁵ Prudent. Contra Symmachus, II, v. 706—745. CSEL 61 (1926), p. 272—276.

¹⁶ Rufinus. Praef. ad Chromatium. PL 21, col. 463.

¹⁷ Cl. Claud. De bello Polent., v. 95—101.

потно переносить удары судьбы, доверяясь ловкому кормчему Стилихону¹⁸.

Победы у Полленций и Вероны вызвали в Риме энтузиазм, описанный Клавдианом в поэме, которую он зачитал в январе 404 г. во время празднеств, посвященных шестому консульству Гонория¹⁹. Вероятно, римляне хорошо понимали опасность и радовались избавлению от нее. Появились даже требования о переводе двора в Рим. Но в интересах планируемой правительством войны против Византии необходимо было перенести ставку в место, удобное для сосредоточения экспедиционных войск и флота. Это и оказалось одной из причин перенесения резиденции императора в Равенну.

Поражение первого похода вестготов в Италию объясняется тем, что им противостояли не только войска, но и ополчение из горожан и крестьян. Аларих не пользовался поддержкой рабов и колонов. Случаев перехода на его сторону солдат римской армии не было, хотя дезертирство было распространено. Но дезертиры не бежали к Алариху, а прятались среди местных жителей, как об этом свидетельствует закон, изданный в то время²⁰.

Вестготы не могли иметь поддержки местных жителей, являвшихся объектом их грабежа. Недаром на совете вестготов, созванном накануне похода в Италию, старейший воин предупреждал Алариха: «Бойся потерять плоды своих завоеваний, безрассудно увлекаясь новой добычей. Избегай оказаться в положении волка, забравшегося в овчарню: ты попадешь под удары пастухов»²¹.

2. Вмешательство Западной Римской империи во внутренние дела Византии и подготовка третьей экспедиции в префектуру Иллирик. Обострение классовых противоречий в Византии, отражением чего была религиозная борьба, а затем и народные волнения (поводом к которым послужили обличительные речи Иоанна Златоуса и его ссылка) стали предлогом для вмешательства Запада во внутренние дела Византии. К тому же при возникновении социальной опасности правящие верхушки двух государств всегда оказывали друг другу поддержку. Правда, помощь эта в основном не была бескорыстной. Компенсацией являлось удовлетворение таких замыслов, осуществление которых в иных условиях требовало применения силы.

Вмешательство в дела Византии осуществлялось по двум направлениям. Папа Иннокентий направил византийскому императору три послания, в которых настаивал на созыве

¹⁸ Ibidem, v. 118—120, 162—164, 267—270.

¹⁹ Cl. Claud. In VI Cons. Honor., v. 543—549.

²⁰ Cod. Theod. VI, 18, 11—13.

²¹ Cl. Claud. De bello Polent., v. 502—504.

церковного собора в Фессалонике. Император Гонорий, в свою очередь, послал Аркадию два письма, упрекая его в том, что тот стал рабом у «новой Далилы — Евдоксии»²². В ответ Аркадий издал указ, запрещающий принимать участие в «бунтарских сборищах»²³, усилил преследование сторонников Иоанна Златоуста и ответил Гонорию, что он так наказал Евдоксию, что она заболела и слегла (вскоре скончалась)²⁴.

Центром подготовки экспедиции стала Равенна, куда в ноябре 402 г. был перенесен двор императора Запада (первые законы, изданные в Равенне, подписаны в начале декабря). В этот период вестготы считались союзниками Рима, поскольку после битвы у Полленции с ними был заключен договор.

Посещение Рима Гонорием и Стилихоном осенью 403 г. и празднества, посвященные шестому консульству Гонория, должны были поднять престиж правительства и сплотить римлян перед походом в префектуру Иллирик²⁵.

Тем временем Стилихон, как свидетельствует Созомен, «старался воспламенить войну между двумя империями и с этой целью выхлопотал достоинство римского военачальника Алариху и убедил его занять Иллирик»²⁶. В Равенну были стянуты, вызванные из Галлии в дни готской опасности, войска²⁷, которым предстояло развить начатое вестготами наступление на Византию. Но пока Аларих ожидал в Далмации приказа о наступлении, в Италию вторглись полчища Радагайса²⁸.

3. Вторжение Радагайса. Многочисленные варварские племена, возглавляемые Радагайсом, ворвались в Италию осенью 404 г. Судя по поэме Клавдиана, посвященной шестому консульству Гонория, где об опасности на Верхнем Дунае даже не упоминается, это было неожиданностью.

Галльская хроника называет Радагайса королем готов. Проспер Тирон полагает, что Радагайс начал поход одновременно с Аларихом, еще в конце 400 г. Равеннские анналы, отличающиеся от остальных источников точностью датировки событий, дают 404 г.²⁹

Судя по письму Иеронима, в составе коалиции племен были квады, вандалы, сарматы, аланы, гепиды, саксы, бургунды

²² Mansi. *Collectio concilliorum*, t. III, p. 1111—1121.

²³ *Cod. Theod.* XVI, 3, 4; 4, 5.

²⁴ Mansi. *Collectio consiliorum*, t. III, p. 1119.

²⁵ Cl. Claud. *De VI Cons. Honor.* v. 547—583.

²⁶ Sozomen. *Eccl. Hist.* IX, 4.

²⁷ Cl. Claud. *De bello Polent.* v. 414—417. Эти легионы были выданы для борьбы против вестготов, но не принимали в ней участие.

²⁸ Zosim. *Hist.* V, 26.

²⁹ *Chronica Gallica* 452, an. 404. MGH AA IX p. 652; *Prosp. Tiron. Epit. Chron. an.* 405. MGH AA IX p. 465 § 1228; *Annales Ravennantenses*, an. 404; Honorio Aug. VI et Aristento Conss. His Conss. Radagaisus rex Gothorum Italiam ingresus est.

и алеманны³⁰. Августин насчитывает 100 тысяч участников вторжения, Орозий — 200, а Зосим — 400³¹.

Единства среди наступающих не было. Отдельные племена и их предводители враждовали друг с другом из-за добычи. Павел Орозий рассказывает о частых раздорах, когда готы, аланы и гунны грабили и убивали друг друга³², а галльский хронист считает эту междоусобицу важнейшей причиной падения боееспособности варваров³³.

Была и другая причина — отсутствие поддержки местных жителей. Правда, накануне вторжения многие, особенно преследуемые в Империи ариане, бежали к варварам, надеясь найти у них защиту, как об этом рассказывает галльский хронист³⁴. Но в целом крестьяне и горожане были настроены против новых завоевателей, так как и они, подобно вестготам Алариха, кормились за счет угнетенных, которых вместе с их имуществом рассматривали как военную добычу. Иероним рассказывает об ограблении и пленении варварами жителей римских провинций, уводе стад скота³⁵.

Все же Радагайсу удалось дойти до Флоренции и осадить город. Несмотря на отсутствие запасов продовольствия, гарнизон и жители города упорно оборонялись. «В тот день, когда город был накануне капитуляции, — рассказывает Паулин Миланский, — один горожанин убедил его защитников продержаться еще один день, а на следующий день подошли собранные Стилихоном вспомогательные войска готов, аланов и гуннов, заставившие Радагайса снять осаду»³⁶.

Радагайс отступил на высоты Фьезоллы, где был блокирован. Но из свидетельства Олимпиодора следует, что Стилихон завязал было переговоры с предводителями осажденных варваров и пообещал им места в римской армии. Затем при помощи аланов и гуннов, которыми командовали Сар и Ульдис, Стилихон разгромил треть полчищ Радагайса, а остальные, страдая от голода, сдались без боя. Стилихон припаял в свою гвардию 12 тысяч готских оптиматов³⁷, а рядовые пленники были проданы в рабство партиями, как мелкий скот³⁸.

---

³⁰ Hieronym. Epist. ad Ageruch., 16. PL 22, col. 1057.

³¹ Augustin. Civ. Dei, V, 23. Oros. Hist. VII, 37, 4. Zosim. Hist., V, 26.

³² Oros. Hist. VIII, 37, 3.

³³ Chronica Gallica 452, an. 405 § 52. XII. MGH AA IX, p. 652. Multis ante vastatis urbibus Radagaisus occubuit: cuius in tres partes per diversos principes divisus exercitus aliquam repugnandi Romanis aperuit facultatem.

³⁴ Chronica Gallica 452, an. 404 § 51. MGH AA IX, p. 652: Ex hoc Arriani, qui Romano procul fuerant orbe fugati, barbarum nationum, ad quas se contulere, praesidio erigi coepere.

³⁵ Hieronym. Epist. ad Julian., 118, 2. PL 22, col. 961.

³⁶ Paulin. de Milan. Vita Ambrosii, 50. PL 14, col. 44 b.

³⁷ Olympiodor. Fragm. 9. FHG IV, p. 59.

³⁸ Oros. Hist. VII, 37, 16.

Возможно, в разгроме Радагайса приняли участие рабы и несумевшие итало-римляне. Об этом можно судить на основании законов от 17 и 19 апреля 406 г., предоставлявших рабам за участие в борьбе против варваров свободу и вознаграждение в два солида, а всем провинциалам — по 13 солидов³⁹.

4. Продолжение подготовки экспедиции против Византии, вторжение аланов, вандалов, свевов в Галлию и вестготов в Италию. После разгрома Радагайса правительство Запада не восстановило обороны рейнской границы.

Опасность стала столь очевидной, что Клавдиан, секретарь Стилихона, был вынужден выступить с успокоительными заявлениями. Ища оправдательные причины сосредоточения галльских легионов недалеко от Равенны для похода в Византию, Клавдиан доказывал, что нет надобности держать их на рейнской границе, поскольку германцев удерживает от наступления страх.

Ослабление обороны Рейна и упование на безопасность границы были просчетом, который дорого обошелся Галлии. 31 декабря 406 г. аланы, вандалы и свевы смяли франкский заслон и, форсировав Рейн, ворвались в Галлию.

Правительство Западной Римской империи имело достаточно сил, чтобы разгромить варваров. Но вместо этого оно продолжало готовить войну против Византии. Войска и флот по-прежнему стягивались в Равенну. «В этом городе Стилихон готовился к наступлению в города Иллирика, которые он хотел в союзе с Аларихом оторвать от императора Аркадия и передать императору Гонорию»⁴⁰.

Началу войны в 407 г. помешали два обстоятельства: потеря связи с Аларихом (распространились слухи о его смерти) и провозглашение сначала в Британии, а затем в Галлии императором Константина.

Второе обстоятельство означало потерю префектуры Галлии (Галлия, Британия и Испания) и имевшихся там владений итало-римской знати, поскольку Константин мог конфисковать их и передать своим сторонникам. К тому же следовало ожидать его похода в Италию ради захвата политической власти во всем государстве. «Поэтому, — отмечает Зосим, — поход в Иллирик был приостановлен, и Стилихон уехал в Рим советоваться относительно плана дальнейших действий»⁴¹. Против Константина были отправлены войска под предводительством остгота Сара. Насколько они были велики, видно из того, что Сару оказалось под силу разбить войска полководца Юстиниана, а полководца Необигастеса заставить отказаться от сражения. Но когда подошли войска Ге-

³⁹ Cod. Theod. VII, 13, 16—17.

⁴⁰ Zosim. Hist. V, 27.

⁴¹ Ibidem.

ронтия и вспомогательные войска франков под предводительством Эдобруха, Сар уклонился от битвы и отступил в Италию. Однако возле Альп на него напали багауды. Оставив им свою добычу, Сар едва спас свою армию⁴².

Правительство Стилихона оказалось в тяжелом положении. В Галлии для борьбы против врагов нужны были военные силы, тогда как налог из Галлии, естественно, не поступал. Северная Африка платила его неаккуратно. Доходы с диоцеза Иллирии шли на содержание вестготов Алариха. В таких условиях давно задуманная операция по захвату префектуры Иллирик казалась надежным выходом из всех затруднений.

Чтобы обеспечить внезапность наступления и скрыть сосредоточение сил в Равенне, правительство Запада закрыло свои порты для кораблей Византии. Был издан закон, запрещающий кораблям Востока подходить к берегам Италии⁴³.

К весне 408 г. все приготовления к войне были закончены, и только отсутствие связей с Аларихом задерживало ее начало.

Тем временем Аларих, не дождавшийся приказа о наступлении, стянул войска в Эмопу и потребовал от Равеннского двора ранее обещанных денег. В 402 г. Стилихон предполагал расплатиться за счет ограбления Византии. Теперь пришлось раскошелиться Риму.

Стилихон объяснил римскому сенату, что Аларих готовился к войне против Византии, имея задачу подчинить всех иллирийцев императору Гонорию⁴⁴. Сенаторы ренили уплатить требуемую сумму. Зосим утверждал, чтобы оправдать сенаторов, будто большинство их уступило из страха перед Стилихоном, а Лампадий заявил: «Это не мир, а откуп от рабства»⁴⁵.

Договор с Аларихом был возобновлен. Но в этот момент пришло известие о смерти византийского императора Аркадия (1 мая 408 г.).

Это обстоятельство давало повод для похода в Константинополь под предлогом защиты интересов малолетнего наследника престола, хотя его прав никто не оспаривал. Спешно готовилась экспедиция. Стилихон оставил Рим и прибыл в Равенну, а Гонорий направился к войскам в Бонницию и Тинцин.

Стилихону было выгодно послать Гонория с частью легионов в Галлию, где его ожидало неминуемое поражение, а самому возглавить поход в Византию, где победа казалась обеспеченной. Стилихон представил Гонорию непомерную

---

⁴² Ibidem, VI, 2.

⁴³ Cod. Theod. VII, 16, 1.

⁴⁴ Zosim. Hist. V, 29.

⁴⁵ Ibidem.

смету расходов, предстоящих в том случае, если император станет во главе экспедиции в Византию.

Доводы Стилихона оказались убедительными, и Гонорий вручил ему письма на имя Алариха и малолетнего наследника, сына Аркадия Феодосия, а сам отправился к легионам в Тицин, чтобы вдохновить их на войну против Константина⁴⁶.

Оставшись в Равенне, Стилихон занялся перегруппировкой воинских частей, что оттянуло начало похода.

События в Галлии и усиление личной власти Стилихона, закрепившего свое влияние на императора выдачей за него замуж своих дочерей (сначала Марии, а когда она умерла — Терманции), вызвали недовольство староримской знати. Ходили слухи, что Стилихон отозвал легионы из Галлии для того, чтобы с их помощью посадить своего сына Евхерия либо на византийский престол⁴⁷, либо на трон Гонория⁴⁸.

По словам Орозия, «опскуп Стилихон, происходивший из племени вандалов, в войнах жадного, вероломного и коварного, мало ценя то, что он властью был равен императору, старался любым способом поставить императором своего сына Евхерия, который еще будучи мальчиком и частным лицом, замыслил уже преследование христианства»⁴⁹. Орозий не приводит фактов, подтверждающих его слова. Их, вероятно, и не было. Но главное в рассказе Орозия — это свидетельство об оппозиции к Стилихону значительной части католической знати. Это подтверждается и рассказом Зосима о том, что католическое духовенство вместе с Олимпием вело агитацию против Стилихона, обвиняя его в стремлении возвести на трон своего сына, который будто бы имел намерение, придя к власти, восстановить язычество.

Язычники, в свою очередь, возмущались его пренебрежением их верой и древними обычаями. Вспоминали, что после победы над Евгением, Серена, жена Стилихона, сняла украшения со статуи Реи, а Стилихон — массивные золотые пластины с дверей храма Юпитера⁵⁰. Часть знати обвиняла Стилихона в стремлении захватить верховную власть в государстве⁵¹. И христианские, и языческие писатели позже утверждали, что Стилихон преднамеренно призвал варваров в пределы Империи.

Язычник Рутилий Намациан писал:

«Тем ненавистней проступок зловредного нам Стилихона, Тот, что, изменник, врагам предал Империи центр.

⁴⁶ Ibidem, V, 31.

⁴⁷ Ibidem, V, 32.

⁴⁸ Gros. Hist. VII, 38, 1.

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ Zosim. Hist., IV, 59; V, 38.

⁵¹ Philost. Eccl. Hist., XII, 1.

Он, домогаясь сам пережить народ римлян, коварно
Все опрокинул верх дном, бешенством лютым горя.
Полный боязни пред тем, чем он сам нас привел в ужас
Полчища варваров Риму на гибель призвал.
В центре страны беззащитном, он принял врагов броненосных,

Чтобы при общей беде строить свободнее козни.
Даже сам Рим был открыт всем друзьям его в шкуры одетым,
И находился в плену, прежде чем взяли его»⁵².

Антиварварская партия языческой и христианской знати обвинила Стилихона в замыслах против их религий и в привлечении варваров в Империю. Чтобы скрыть свою вину в ослаблении государства, этой партии было выгодно приписать все просчеты и псудахи Стилихону⁵³.

Пример Византии, где в 400 г. было покончено с засильем варварской знати при дворе, действовал вдохновляюще. Возник заговор, который возглавил Олимпий, пачальник канцелярии императора и его советник. Вокруг Олимпия объединились различные группировки знати, недовольные Стилихоном и усилением его личной власти.

В Тицине, куда прибыл император Гонорий, чтобы вдохновить легионы на поход в Галлию, Олимпий вел агитацию среди солдат, посещал больных воинов. Когда же Гонорий выступил перед легионерами, призывая их выступить против Константина, они восстали.

Восставшие самым решительным образом расправились со сторонниками Стилихона, поскольку стало известно о его намерении применить децимацию (убийство каждого десятого), чтобы привести их к повиновению⁵⁴. Они убили префекта Галлии Лимения, командира галльских легионов Хариобавда, командира коптицы Винцентия, начальника императорской охраны Рамориса, квестора Сальвия, казначея Петрофия, префекта личной охраны Лодгиана и много других. По словам Зосима, было столько убито, что трудно пересчитать⁵⁵.

Едва о восстании стало известно находившемуся в Бонпонии Стилихону, он собрал предводителей варварских вспомогательных войск для обуздания создавшегося положения.

---

⁵² *Rutil. Namat. II, v. 41—50.*

⁵³ Е. Демужо полагает, что причина падения Стилихона — неожиданный его триумф и опасение политических противников, что после успешной кампании на Востоке он станет всеильным. См.: *E. Demougeot. De l'unité à la division de l'Empire Romain 395—410. Paris, 1951, p. 414—427.* В действительности, ради этой кампании римская знать многое простила Стилихону, мирилась с усилением его личной власти, и только восстание легионеров в Тицине заставило ее изменить свое отношение к нему.

⁵⁴ *Zosim. Hist. V, 31.*

⁵⁵ *Ibidem, V, 32.*

Было решено, что если император убит, то варварские войска должны напасть на легионеров, чтобы привести их к повиновению, а если он жив, то будут наказаны только зачинщики восстания.

Когда стало известно, что Гонорий жив, Стилихон, боясь его непостоянства, решил вернуться в Равенну. Но остгот Сар с подчиненными сму варварами ночью перебил гуннскую охрану Стилихона и завладел сс имуществом⁵⁶. Стилихон бежал в одну из базилик Равенны.

Вскоре в Равенну прибыл гонец из Тицина с двумя письмами от императора, написанными по совету Олимпия. В первом Гонорий требовал ареста Стилихона и содержания его в почетном заключении. Когда епископ выдал Стилихона прибывшим за ним солдатам, гонец вручил второе письмо, по которому Стилихон должен был искупить свои преступления смертью. Зосим утверждает, что сторонники Стилихона хотели освободить его, но он отговорил их и подставил голову под меч.

Во главе правительства стал Олимпий, получивший пост магистра армии и другие высокие должности.

Интересы обороны страны требовали объединения всех сил. Резкие социальные грани и борьба между различными слоями и группировками населения и знати мешала сплочению. Достичь его можно было только путем коренных социальных преобразований и определенных уступок. Правительство Стилихона сознавало их необходимость, о чем свидетельствуют эдикты, общавшие рабам свободу, а провинциалам денежное вознаграждение за участие в обороне страны от варваров. Такие действия были шагом вперед. Но правительство Олимпия вновь ухудшило положение, начав преследование сторонников Стилихона и всех инакомыслящих: ариан, язычников, донатистов, манихеев, присциллиан и других, сопровождая это конфискацией имущества. Законы издавались один за другим. Сначала был проведен в жизнь закон, по которому было конфисковано имущество у всех, кто занимал какую-нибудь должность во времена Стилихона. Затем последовали законы о конфискации доходов языческих храмов, о запрещении врагам католицизма служить солдатами, законы против еретиков, небопочитателей и др⁵⁷.

Такая политика вела к обострению внутренней борьбы и способствовала дальнейшему ослаблению Западной Римской империи. Именно в это время галльский хронист записал: «Силы римлян, в основном, начали ослабевать»⁵⁸.

---

⁵⁶ Ibidem, V, 34.

⁵⁷ C. o. d. Theod. XVI, 5, 40, 42, 43, 45; XVI, 10, 19.

⁵⁸ Chronica Gallica 452, an. 408 (MGH AA IX, p. 652), § 61. XVI. Hac tempestate praevaletudine Romanorum vires funditus attenuatae.

После убийства Стилихона переговоры между Аларихом и императором возобновились. Инициатива исходила от Алариха, находившегося в Эмоле. Аларих обещал отвести войска в Паннонию, если ему будут выплачены ранее обещанные деньги и если в обеспечении будущего союза они обменяются заложниками. Несколько недель ушло на переговоры. Но мирные условия Алариха были отвергнуты, и началась подготовка к войне. Гепорий поручил командование кавалерией Турпиллию, пехотой — Варансу, дворцовых войск — Вигилантию, которые не пользовались популярностью.

Когда известие об этих приготовлениях дошло до Алариха, он призвал на помощь Атаульфу, брата жены, под командованием которого находилось много готов и гуннов. В это время в ряде городов Северной Италии были ограблены семьи варваров-наемников, служивших в римской армии, тогда 30 тысяч наемников перешло на сторону Алариха⁵⁹. Аларих с войсками пересек Юлийские Альпы и спустился в долины Италии.

Варвары прошли мимо Аквилеи, Вероны, Кремоны, затем, следуя по Эмилиевой дороге и обойдя Боллоию и Аримини, направились по Фламиниевой дороге на Рим⁶⁰. По пути следования они не осаждали крупные города и грабили лишь сельские местности и небольшие города. В октябре 408 г. они уже стояли под стенами Рима и, преградив пути подвоза продовольствия, начали осаду города.

5. Первая осада Рима. Рим оказался в тяжелом положении. Помощь из Равенны не пришла. Продовольствие скоро кончилось. Начался голод. Осажденный город превратился в кладбище⁶¹.

Когда бедствия достигли предела, к Алариху были отправлены для переговоров префект Базилий и начальник императорских нотариев Иоанн. Они заявили, что Рим склонен к умеренному миру, но римский народ взялся за оружие и не сомневается в успешном исходе предстоящей битвы, на что Аларих ответил: «Густую траву легче косить». Он потребовал выдачи ему всего золота и серебра, движимого имущества и рабов-варваров. На вопрос, что же останется римлянам, Аларих ответил: «Сайвала» (готск. — души)⁶².

Требования освобождения рабов-варваров отражали, вероятно, чаяния рядовых воинов Алариха, многие родственники которых оказались в римской неволе после разгрома Радагайса. Но нет оснований приписывать такому требованию антирабовладельческий характер.

---

⁵⁹ Zosim. Hist. V, 35.

⁶⁰ Ibidem, V, 37.

⁶¹ Ibidem, V, 39.

⁶² Ibidem, V, 40.

Стремления варварских предводителей определялись экономическими условиями и отношениями, сложившимися в то время. Рабство казалось им настолько естественным явлением, что даже в пропагандистских целях они не выдвинули лозунга о его ликвидации. Порабощение свободных считалось у них нормальным явлением, как и охота на людей, которых превращали в рабов. Торговля рабами считалась почетным делом. Даже рядовые варварские воины предпочитали поручать работу рабам (а также женщинам и детям) и ценили их как рабочую силу. Только изменение экономических условий и отношений, связанное с развитием производительных сил и с упорной борьбой народных масс против рабства, привели впоследствии к изменениям в сознании варваров и их предводителей.

Характерно, что очень скоро Аларих отказался от прежних требований и домогался лишь 5 тысяч ф. золота, 30 тысяч ф. серебра, 4 тысяч шелковых хитонов, 3 тысяч красных тулупов и 3 тысяч ф. перца⁶³. Если учесть, что кроме вестготов в лагере Алариха были перебежчики (30 тысяч воинов и 40 тысяч рабов, по словам Зосима), то следует признать, что требуемый выкуп предназначался только для вестготской знати.

Для обеспечения мира Аларих требовал обмена заложниками, обещая императору помощь против всех его врагов⁶⁴.

Когда драгоценности были собраны, а отчасти сняты с памятников и вручены Алариху, он отвел войска к Тусции и разрешил римлянам покупать в порту продовольствие.

Созомен утверждает, что когда после длительной осады в городе усилились голод и повальные болезни, многие рабы, особенно варварского происхождения, стали перебегать к Алариху (IX, 6). Зосим рассказывает, что «находившиеся в Риме рабы почти все изо дня в день бежали из города и присоединялись к варварам, так что скопившаяся у них масса рабов выросла до сорока тысяч»⁶⁵. Возможно, бегство избавляло их от голода и рабства, поскольку перебежчиков вестготы не могли считать добычей, полученной по праву войны.

Иногда рабы нападали на римлян, приезжавших за продовольствием. Узнав об этом, Аларих принял меры к охране римлян⁶⁶. В этом выразились не только его уважение к договору, но и классовые симпатии.

Тем временем в Равенну из Галлии прибыли послы от императора Константина. Надеясь на его помощь, Гонорий

---

⁶³ Ibidem, V, 41.

⁶⁴ Ibidem, V, 42.

⁶⁵ Ibidem.

⁶⁶ Ibidem.

признал Константина соправителем и послал ему императорские одеяния⁶⁷. Поэтому, когда римский сенат прислал посольство с докладом о тяжелом положении города и просьбой утвердить договор с Аларихом — император не спешил с ответом.

В Равеннском дворе не было единства. Снова пришла к власти партия сторонников союза с варварами. Во главе ее стоял Иовин, префект императорской охраны. Олимпий бсжал.

Дружба Иовина с Аларихом была давней. В 406—407 гг. он находился в Далмации и готовился к римско-вестготскому походу против Византии, но был отозван в связи с событиями в Галлии.

Иовин встретился с Аларихом в Аримине. Аларих требовал звания римского полководца, денег и зерна ежегодно и разрешения вестготам поселиться в провинциях Венции, Истрии, Норике и Далмации⁶⁸.

Пока велись переговоры, Гонорий призвал на помощь 10 тысяч гуннов. Тогда Аларих умерил свои запросы. Он добивался лишь провинции Норик и такого количества зерна ежегодно, которое император будет считать достаточным, обещаю союз против всех врагов римлян и императора⁶⁹.

В новых требованиях Алариха снова отчетливо проявилось намерение вестготской знати войти в союз с итало-римской знатью. Идеалом вестготской знати было положение крупных землевладельцев, и она готова была служить императору, чтобы добиться этого, но получила отказ. Тогда Аларих начал вторую осаду Рима.

6. Вторая осада Рима и провозглашение Аттала императором. Аларих захватил все три гавани порта в устье Тибра, где хранился запас общественного хлеба, и начал вторую осаду Рима. Город вновь оказался под угрозой голода.

Аларих отправил послов в Рим и предупредил, что раздаст продовольствие своему войску, если его условия не будут приняты. Сенат уступил⁷⁰. Поскольку же Гонорий укрывался за стенами Равенны и, не оказывая помощи Риму, не заключал договор с Аларихом, было решено провозгласить императором Аттала, префекта города, который по своему положению считался в городе вторым лицом после императора⁷¹.

Аттал, грек по происхождению и язычник, перед облачением в императорские одежды принял арианство. Можно

⁶⁷ Ibidem, V, 43.

⁶⁸ Ibidem, V, 48.

⁶⁹ Ibidem, V, 50.

⁷⁰ Ibidem, VI, 6.

⁷¹ Ibidem, VI, 7.

было надеяться, что с политикой преследования язычников, ариан и других будет покончено.

Став императором, Аттала назначил Лампидия префектом гвардии, Маркиана — префектом города, Атаульфа — командующим дворцовыми войсками, а командование армией поручил Алариху и Валенту (последний прибыл из Далмации и имел в своем распоряжении пехотные части).

Уже на второй день после выдвижения в императоры, Аттала выступил перед сенатом с речью, посвященной великодержавным планам. Забыв реальную обстановку, он развивал идею господства Рима над всей Империей. В напыщенной длинной речи Аттала заявил, что он восстановит положение римского сената и Рима, возвратив под их власть весь мир⁷². Провозглашенная Аттала политика была реакционной, так как попытка вернуть Риму гегемонию, которая принадлежала ему до 330 г., противоречила экономическим интересам Византии, Галлии, Испании, Британии, Северной Африки и могла привести только к растрате остатков сил и к позорному поражению. Провозглашение такой политики исключало помощь Константинополя, для которого содействие Риму означало помощь врагу. Для византийского правительства стало очевидным, что со смертью Стилихона политика Рима не изменилась. Поэтому был издан закон, по которому появление Аттала и Алариха в византийских владениях объявлялось «нежелательным и запрещенным по причине безумия узурпатора и благополучия варвара»⁷³.

Программа Аттала не отвечала и насущным интересам Рима, которому, прежде всего необходимо было установить власть над территорией Италии и наладить снабжение.

Даже не искушенный в делах управления Империей Аларих лучше Аттала понимал это. Он советовал послать военные силы в Африку, где правил убийца Стилихона, ставленник антиварварской партии Гераклиан, сменивший там убитого по приказу Олимпия Батанариха, шурина Стилихона⁷⁴.

Аттала не последовал этому совету. Он послал в Африку Констанса с небольшим отрядом и распоряжением сената о смещении Гераклиана.

Главные военные силы Аттала направил против Равенны. При этом он привлек на свою сторону Ювина, назначив его префектом претории, и надеялся с его помощью получить в союзники сторожников Гонория.

Равеннский двор не мог противостоять Атталу. Поэтому Гонорий предложил ему раздел Империи между двумя правительствами — Равеннским и Римским.

---

⁷² Ibidem.

⁷³ Cod. Theod. VII, 16, 2.

⁷⁴ Zosim. Hist., V, 37.

Артистичность натуры Аттала сказалась и в этих переговорах. Он ответил: «О Гопорий! Ни частицу земли Италии, ни тень императорского достоинства, ни неискалеченным твое тело мы не позволим сохранить. Ты будешь искалечен и сослан на остров, где в виде милости мы сохраним тебе жизнь»⁷⁵. Аттал приказывал Гопорию избрать жизнь частного лица и, согласившись на отсечение конечностей, сохранить жизнь⁷⁶.

В Равенне началась паника. Одна часть знати готовилась последовать примеру Иовина, другая, надеясь бежать, снаряжала корабли⁷⁷.

Тем временем в Равенну неожиданно прибыла помощь: шесть когорт — около четырех тысяч вестрапов из Далмации⁷⁸, вызванных еще Стилихопом. Это обстоятельство само по себе свидетельствовало о полной дезорганизации имперского управления. Прежде для вызова помощи требовалось около десяти дней. Теперь она появилась только через полтора года.

Одновременно стало известно, что посланный Атталом в Африку Констанс убит. Аттал вновь послал туда небольшой отряд, поставив перед его предводителем задачу подкупить вождей африканских воинов и свергнуть Гераклиана. Но отряд перешел на сторону Гераклиана, запретившего доставку продовольствия в Рим⁷⁹.

Аларих, продолжая военные действия, заставил города провинции Эмалии, кроме Боннонии, признать Аттала императором и направился в Лигурию⁸⁰.

В Риме начался голод. Чтобы взвинтить цены, торговцы спрятали имевшиеся продовольствия⁸¹.

Несмотря на это, город сохранял облик праздной столицы. Чтобы отвлечь народные массы от политической жизни, сенат устраивал многочисленные празднества (их было 172 в году) и представления в двух цирках, трех театрах и одиннадцати стадионах. Однако продовольственные затруднения вызвали народное недовольство. Оно проявилось и во время празднеств. Так, в Флавиинском театре из последних рядов, где обычно сидели неимущие горожане, зрители кричали Атталу, чтобы он установил максимальные цены на человеческое мясо, поскольку другого в Риме не было⁸². Народное недовольство выразилось в политических столкновениях группировок знати на заседаниях сената. Некоторые сенаторы

⁷⁵ Ibidem, VI, 7.

⁷⁶ Ibidem, VI, 8.

⁷⁷ Ibidem.

⁷⁸ Ibidem.

⁷⁹ Ibidem, VI, 9—11.

⁸⁰ Ibidem, VI, 10.

⁸¹ Ibidem, VI, 11.

⁸² Ibidem.

требовали похода вестготов в Африку⁸³. Но Аттал не соглашался на это, поскольку вестготы были его единственной опорой. Сам Аттал не имел ни солдат, ни денег, ни династических прав⁸⁴. Префект претории Иовин настраивал Алариха против Аттала и добивался императорского титула для себя⁸⁵.

Поскольку провозглашение Аттала императором не принесло выгоды, Аларих вызвал его в свою ставку в Аримине (февраль, 410 г.) и здесь в присутствии толпы вестготов и итало-римлян снял с него диадему и пурпурные одежды и отослал их Гонорию в знак дружбы. Одновременно, чтобы сделать Гонория более сговорчивым, Аларих привел войска к Равенне, имевя в обозе Аттала. Равеннскому двору оставался один выход — пойти на переговоры.

Но внезапно обстановка вновь изменилась.

Союз между Аларихом и Гонорием не устраивал остгота Сара, который с дружиной находился в Пицене и следил за событиями. Этот союз закрывал ему дорогу на высшую командную должность в римской армии. Сар напал на отряд Алариха, подошедший к Равенне, и с тремя сотнями бойцов прорвался в Равенну, где добился прекращения переговоров о мире с Аларихом⁸⁶.

Тогда Аларих снова повел войска на Рим.

7. Взятие и разграбление Рима Аларихом. О третьей осаде Рима известно мало⁸⁷. Рассказ Зосима обрывается на событиях, предшествовавших ей.

Рим все еще являлся самым крупным городом Запада⁸⁸. Его неисчислимы богатства манили варваров. Однако намерение варварской знати поступить на римскую службу и сильная оборона помешали им ограбить город в дни первой и второй осады. Но в 410 г., надеясь на союз с Аларихом, римляне ослабили оборону. Они, конечно, и не предполагали, что их командующий кавалерией, утвержденный в этой долж-

⁸³ Ibidem, VI, 9.

⁸⁴ Paulini Pellaei Eucharisticos, v. 297—306. CSEL XVI, I p. 302—303.

⁸⁵ Zosim. Hist. VI, 13.

⁸⁶ Ibidem.

⁸⁷ См.: Р. Бенедикти. Взятие Рима Аларихом (к вопросу об историко-географическом методе Прокопия Кесарийского). ВВ, № 20, 1961, с. 23—31; Н. И. Голубцова. Италия в начале V века и вторжение Алариха. ВДИ, 1949, № 4, с. 62—74. Свод источников: A. Piganiol. Le sac de Rome. Paris, 1964.

⁸⁸ В Риме было 1797 дворцов и 46 603 домов, 24 базилики, два капителия и два дворца правительства, 4 зернохранилища и 274 булочных-пекарни, 3785 статуй из бронзы, 84 — из золота и 64 — из слоновой кости, два цирка, два театра, два амфитеатра и множество богатств, привезенных из Иерусалима и других, ограбленных римлянами, городов. Notitia Dignitatum. Berolini, 1876. Zachariae Rhetor. Hist. Eccles. X. 16.

ности императором Атталом и сенатом, вместо Равенны будет штурмовать Рим.

В ночь на 24 августа 410 г. вестготы подошли к Риму и ворвались в город через ворота Салария.

Павел Орозий утверждает, что «Аларих, осадив дрожащий Рим, вызвал замешательство среди римлян и ворвался в город»⁸⁹. Созомен полагает, что Аларих взял город изменою, но не уточняет чьей⁹⁰. Сведений о том, что ворота города открыли рабы, в источниках нет.

Прокопий Кесарийский через сто сорок лет после взятия города писал, что «Аларих долгое время осаждал город Рим, и не имея возможности ни силою, ни какую-либо хитростью овладеть им, придумал следующее средство: избрал из числа молодых людей, бывших в войске, триста человек, еще безбородых, которые были ему известны и по знатности рода, и по храбрости, превышавшей их возраст, и объявил им тайно, будто бы намерен их подарить некоторым римским патрициям под видом рабов. Он предписал им вести себя в домах тех римлян с крайнею скромностью и благоправием и исполнять с усердием все возлагаемые на них господами поручения; а спустя несколько времени, в назначенный день, в полуденный час, когда после обеда их господина по обычаю предаются сну, им надлежало броситься всем к воротам города, называемым Салария, и, внезапно напав на стражу, перебить ее и немедленно отворить ворота»⁹¹. Этот план был выполнен.

Прокопий приводит и другую версию: «Некоторые уверяют, что Рим не так был взят Аларихом; но что одна женщина, по имени Проба, знаменитая богатством и родом, из сословия сенаторского, сжалившись над погибающими от голода и других бедствий римлянами, которые уже питались человеческим мясом, не видя никакой надежды на спасение, так как река и порт были во власти неприятелей, приказала своим слугам ночью отпереть неприятелю городские ворота. Аларих, намереваясь оставить Рим, провозгласил римским императором одного из патрициев, по имени Аттал, он надел на него диадему, порфиру и другие знаки верховной власти»⁹².

Как видно из фактов, приведенных Прокопием, он смешал события, относящиеся ко второй осаде Рима, которая действительно была продолжительной, вызвала голод в городе и закончилась провозглашением Аттала императором, с событиями третьей осады. Скорее всего Прокопий записал анекдоты и слухи. Из этих же источников он взял рассказ

⁸⁹ Oros. Hist. VII, 39, 1.

⁹⁰ Sozomen. Eccl. Hist. IX, 9.

⁹¹ Procop. Caesarien. Bell. Vand. 1, 2.

⁹² Ibidem.

о том, как реагировал Гонорий на известие о падении Рима. Когда один из евнухов, птичник, объявил Гонорию, что «Рома погибла», он взволновался, полагая, что погибла его любимая курица Рома, но вскоре успокоился, узнав, что она жива, а погиб Рим⁹³.

Из рассказов Иеронима, Орозия, Созомена, Пелагия, Руфина, Августина и других следует, что Рим был взят без длительной осады, неожиданно для римлян, считавших Алариха своим полководцем.

Павел Орозий и другие писатели, составившие свои труды после заключения союза между Равеннским двором и вестготами, стремясь освятить и упрочить этот союз, пытались обелить завоевателей. Орозий утверждает, будто Аларих дал указание, чтобы в погоне за добычей по мере возможности избегать кровопролития и уважать убежище в двух базиликах — Петра и Павла⁹⁴. Созомен также превозносил за это Алариха⁹⁵, хотя по праву церковного убежища неприкосновенными должны были быть все 24 базилики Рима, места захоронений, молитвенные дома. Даже о сожжении города Орозий пишет как о благодеении: «Третьего дня после захвата города варвары оставили его добровольно и подожгли определенное количество домов, но не так много, как это произошло случайно в 700 году от основания Рима»⁹⁶.

Чтобы примирить с вестготами тех, кто потерял родных и близких, Орозий заявлял: «Разве не все равно христианину, стремящемуся к вечной загробной жизни, когда и при каких условиях он уйдет из земного мира»⁹⁷. От человека с подобными взглядами трудно ожидать объективности в описании событий.

Более достоверную картину разгрома Рима рисует Пелагий, утверждавший, что «во всех домах слышались только стелание и плач: одинаково терпели и хозяева, и рабы»⁹⁸.

Значительный материал о взятии Рима имеется у Августина, проживавшего в Гиппоне, куда бежало много римлян. Он также был сторонником союза господствующего класса Империи с вестготской знатью. Однако, если собрать факты, приведенные в его трудах, то получится впечатляющая картина ограбления повергнутого города. «Погибли в Риме здания из камня, дерева и смертные люди»⁹⁹. «Город очень по-

⁹³ Ibidem. Этот анекдот, в несколько другой интерпретации, приводят Зонара и Ксфрин. Joannes Zonaras Epit. hist. XIII, 19. Georgius Cedrenus, Historiarum compendium. Bonnac, 1838, p. 508.

⁹⁴ Oros. Hist. VII, 39, 1.

⁹⁵ Sozomen. Eccl. Hist. XI, 9. По Созомену убежище было предоставлено только в храме Петра.

⁹⁶ Oros. Hist. VII, 39, 15.

⁹⁷ Ibidem, VII, 41, 9: Quid enim damni est Christiano ad vitam aeternam inhianti, huic saeculo quolibet tempore et quoquo pacto abstrahi?

⁹⁸ Pelagius ad Demetriadem epistula, cap. 22. PL 30.

⁹⁹ Augustin. De civitate Dei, II, 2.

страдал от солдат, не пощадивших ни девушек, ни женщин, ни монахинь»¹⁰⁰. «Множество трупов осталось без захоронения»¹⁰¹. «Слуги божьи погибли от меча варваров, а служанки его уведены в рабство»¹⁰². «Многие пленены, многие убиты, многие замучены. Захватчики прислали ужасы, убийства, пожары, насилия и пытки»¹⁰³. «Не будем считать христиан, лишенных крова»¹⁰⁴. «Рим несчастен, ограблен, в отчаянии, втоптан в грязь, опустошен голодом, мечом и эпидемиями»¹⁰⁵. «Христиан мучили враги, желая отнять у них добро. Стоит ли золото и серебро этих пыток? Хуже того, мучили бедняков, считая их за богатых, а те клялись в своей бедности, призывая Христа в свидетели, и заслужили венец мучеников»¹⁰⁶. «В плен уводились женщины и монахини. Тяжелым был их удел у варваров»¹⁰⁷. «Самое худшее для пленниц — грубость пленивших их. Согласно варварскому обычаю, хозяин мог все требовать от них»¹⁰⁸.

В соответствии с логикой известных ему фактов Августин не допускал и мысли о доброжелательности германцев. Он вынужден признать, что хотя в отдаленные времена римляне вели себя не лучше, поведение захватчиков не следует рассматривать как ответную меру или возмездие: «Возмездие падает не точно туда, куда надо»¹⁰⁹.

Единоверец захватчиков, арианин Филосторгий сообщает, что весь город лежал в развалинах¹¹⁰. Иероним рассказывает о бедствиях, принесенных завоевателями жителям Рима и о тысячах беженцев¹¹¹.

Разрушения и человеческие потери не поддавались ни учету, ни оценке. Прокопий из Кесарии писал в середине VI в.: «Варвары, не встречая никакого сопротивления, обнаружили бесчеловечную свирепость. Они до того разорили завоеванные города, что в мое время не осталось и признаков их существования, в особенности по эту сторону Ионического залива; едва уцелела случайно какая-нибудь башня, или какие-нибудь ворота, или что-нибудь подобное. В своих набеггах они убивали всех, кто им попадался, старых, равно как и молодых; не падали ни женщин, ни детей: от того и по

¹⁰⁰ Ibidem, I, 16.

¹⁰¹ Ibidem, I, 12.

¹⁰² Augustin. Epist. ad Victorianem, CLI, 3. PL 33, col. 43.

¹⁰³ Augustin. De civitate Dei, I, 10, 11.

¹⁰⁴ Ibidem, I, 12.

¹⁰⁵ Augustin. Sermo. CCXVI, 5, 6. PL 38, col. 1355.

¹⁰⁶ Augustin. De civit. Dei, I, 10.

¹⁰⁷ Augustin. Epist. ad Victorianem, CXI, 9. PL 33, p. 427.

¹⁰⁸ Augustin. De civ. Dei, I, 27.

¹⁰⁹ Augustin. De Cura pro mortibus gerenda, II, 3. PL 40, col. 594.

¹¹⁰ Philostorg. Eccl. Hist. XII, 3.

¹¹¹ Hieronymus. Commentarium in Ezechielem. Prolog in libri III. PL 25, col. 75 d; Hieronymus. Epist. ad Demetriadem, CXXX, 5. PL 22, col. 1109-1112.

сию пору Италия так малолюдна. Они не оставили в Риме никакого имущества: ни государственного, ни частного»¹¹².

На третий день¹¹³ (шестой по Иордану¹¹⁴) вестготы оставили опустошенный Рим и двинулись в Кампанию. Они вели с собой огромное количество пленных. По пути следования вестготы грабили местных жителей. Достигнув Регия, Аларих пытался переправиться в Сицилию, откуда можно было добраться до Африки, житницы Италии и, особенно, Рима. Однако попытка оказалась безуспешной. Вскоре Аларих умер. Иордан передаст легенду, согласно которой вестготы заставили толпу пленных отвести из русла реку Бузент и похоронили там Алариха, после чего вернули реку в ее русло, а всех землекопов умертвили. Независимо от достоверности данного факта¹¹⁵ содержание легенды верно отражает варварский обычай, по которому жизнью пленников распоряжался завоеватель.

Преемником Алариха был избран Атаульф, который повел вестготов в Тоскану. Иордан утверждает, что «Атаульф вернулся в Рим и, наподобие саранчи, сбрил там все, что еще оставалось, обобрав Италию не только в области частных состояний, но и государственных»¹¹⁶.

Варвары дочиста ограбили те области, через которые пролегал их путь, подобно тому, как они ранее ограбили и разорили Эмилию и Умбрию¹¹⁷.

В Тоскане вестготы находились полтора года.

Большинство вестготской знати, разбогатевшей в походах и жившей за счет добычи и эксплуатации рабов, стремилось к сближению с римской знатью, которая вела такой же образ жизни.

Антиримские настроения поддерживались только для того, чтобы толкнуть вестготов на ограбление Италии и Рима. Но после достижения цели надобность в этом исчезла. По словам самого Атаульфа, он отказался от мечты создать Готию вместо Рومании, так как опыт показал, что готы не повинуются законам, без которых нет государства. Поэтому он стал искать себе славы на попрание восстановления и возвышения римского имени силами готов, чтобы в глазах потомков быть не разрушителем, а восстановителем Римской империи, и теперь стремился к тому, чтобы возвратиться

---

¹¹² Procop. Caesarien. Bell. Vand., I, 2.

¹¹³ Oros. Hist. VII, 39, 15. Tertia die barbari quam ingressi Urbem fuerant sponte discedunt.

¹¹⁴ Marcellini V. C. Comit. Chron., an. 410. VIII: ...sextoque die quam ingressus fuerat depraedata urbe egressus est.

¹¹⁵ A. H. Krappe. Les Funérailles d'Alaric. *Annaire de l'Inst. de Philolog. et d'Hist. Orient. et Slave*, VII, 1944, p. 229.

¹¹⁶ Jordan. Getica, § 159.

¹¹⁷ Rut. Namat. I, 39—41.

к старым римским порядкам, воздерживаясь от войны с римлянами¹¹⁸.

Подобных взглядов, вероятно, придерживалась основная масса вестготской знати, состоявшая из дружинников, военачальников и приближенных Атаульфа. Они видели свой идеал в положении римской знати и надеялись в союзе с ней сломить не только социальные движения местных жителей, но и демократические традиции своих соплеменников.

Но если во время второй осады Рима сенаторы пошли на союз с вестготами, то разгром Рима и опустошение провинций сплотили не только самые различные группировки итало-римской знати, но и народные массы, часть которых могла раньше надеяться на улучшение своего положения после прихода варваров. Находясь в Италии, вестготы не провели ни одного мероприятия, облегчавшего положение народных масс, и установили оккупационный террор. Так как местное население было настроено к ним враждебно, удержаться в Италии было невозможно. Тогда вестготская знать решила обосноваться в Галлии. Равеннскому двору также было выгодно направить вестготов в Галлию, над которой он утратил власть. Поэтому стремительное вторжение вестготов в Италию закончилось их незаметным уходом.

---

¹¹⁸ Oros. Hist. VII, 43, 5. Se imprimis ardentem inhaisse, ut oblitterato Romano nomine Romanum omne solum Gothorum imperium et faceret et vocaret essetque, ut vulgariter loquar, Gothia quod Romania fuisset et fieret nunc Athaulfus quod quondam Caesar Augustus. At ubi multa experientia probauisset neque Gothos ullo modo parere legibus posse propter effrenatam barbariem neque reipublicae interdicti leges apportere, sine quibus reipublica non est respublica, elegisse sallim, ut gloriam sibi de restituendo in integrum audendoque Romano nomine Gothorum uiribus quaereret habereturque apud posteros Romanae restitutionis auctor, postquam esse non potuerat immutator.

Глава IV. РИМСКОЕ ГОСПОДСТВО В ГАЛЛИИ И ВТОРЖЕНИЕ ВАРВАРОВ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ V ВЕКА

1. Галлия к началу V века. К началу V в. Галльская префектура состояла из диоцезов Британии, Галлии и Испании. Ее столица после 395 г. была перенесена из Трев в Арль.

Диоцез Галлии являлся одним из самых богатых не только в префектуре, но и в Империи. В него входило 17 провинций со 117 городами.

В середине I в. до н. э. римские писатели насчитывали в Галлии около 90 территориальных единиц, получивших от римлян название цивитатес и носивших имя своего главного города или племени. Цивитатес делились на районы, в пределах каждого из которых находилось по одному главному городу, несколько небольших местечек и некоторое количество укрепленных пунктов и селений.

К началу V в. количество цивитатес увеличилось до 114 за счет основания новых, расчленения старых и причисления к цивитатес колоний, основанных римлянами.

Все эти крупные и мелкие территориальные единицы не только сохранились до конца римского господства, но и пережили его, а значительная их часть является основой нынешнего административного деления Франции на департаменты с их округами, кантонами и коммунами.

Римляне превратили общинные центры в опорные пункты своего господства, распространив на них муниципальное устройство.

Господствующий класс диоцеза Галлии, как и в остальных частях Империи, не представлял собою однородной массы, хотя главным его богатством являлась земельная собственность. Различия в его среде были связаны с различиями в имущественном и политическом положении, методами и формами эксплуатации, количеством и качеством земельных владений и их местонахождением.

Верхушку класса составляли крупные землевладельцы, в основном принадлежавшие к сословию сенаторов.

Сенаторы считались гражданами Рима независимо от того, где они родились, жили и где находились их имения. Звание сенатора доставалось по наследству или по благово-

лению императора. В сенаторское сословие входили почти все высшие императорские чиновники — сановная бюрократия двора, центра и провинций. Они обладали правами, делавшими их поместья независимыми от куриальных налогов и повинностей, но они еще зависели непосредственно от императора и провинциальной администрации. Крупное сенаторское землевладение было основой, на которой росла власть земельных магнатов, предшественников средневековых вотчинников, постепенно узурпировавших государственную власть и становившихся целиком независимыми.

В связи с разложением рабовладельческого общества и натурализацией государственного хозяйства увеличилось значение крупных земельных собственников в его организации и возросла необходимость их участия в хозяйственной деятельности поместий. Поэтому большую часть времени они проводили в своих имениях, пытаясь увеличить их доходность — основу своего социально-экономического могущества. Они деятельно округляли свои владения, управляли ими, судили и притесняли соседних мелких и средних крестьян, на которых смотрели как на рабочую силу своих поместий, и всеми способами старались подчинить их себе. Поскольку одновременно с разорением свободных крестьян росло количество недовольных, то есть увеличивалась социальная опасность, крупные землевладельцы постепенно превращали свои жилища в неприступные крепости. В них они, как это видно из писем Аполлинария Сидония, отсиживались и в периоды внешней опасности.

Крупное землевладение росло за счет поглощения мелкого и среднего, чем постоянно задевало интересы городских курий, являвшихся его оплотом. Экономическая сила мелкого и среднего землевладения была невелика, и оно постепенно теряло свою самостоятельность.

Римские императоры превратили курии в орудие фискальной политики, возложив на них не только обязанность собирать поземельный налог, но и круговую ответственность за всю сумму раскладки. В интересах фиска в IV в. куриалам было запрещено менять свое положение и местожительство.

Доходы курий, как и налоги, ими собираемые (треть шла в их пользу), зависели от земельной собственности.

Высшим сословием среди жителей общин (цивитатес) были куриалы (декурионы, муниципы), советы которых являлись органами местной власти.

Совет куриалов ведал вопросами городского имущества и доходов, покупки и продажи участков, общественных земель и сооружений, внутренним порядком и его охраной.

Совет состоял из лиц, выполняющих куриальные должности (дуумвиры, эдилы, квесторы, квинквеналы, префекты,

выхода из создавшегося положения крестьяне становились арендаторами крупных земельных собственников, которые обращались с ними, как с крепостными или рабами¹⁰. Поэтому городские округа стали арендой ожесточенной классовой борьбы.

Христианские епископы также стремились занять ведущее положение в городских куриях, чем отчасти и вызвано внимание Сальвиана к городским делам. Нападая на куриалов и разоблачая их злоупотребления, Сальвиан подводил к мысли о необходимости усиления власти епископов. Претензии епископов были связаны с ростом церковного землевладения, которое также уменьшало земельный фонд куриальных округов.

Хотя одновременно с ростом крупного землевладения происходил упадок курий, а куриалы бежали из городов, спасаясь от непосильных налогов и ответственности за их поступление, в Галлии в первой половине V в. курии еще играли заметную роль. Это было связано с определенной устойчивостью рядов плебеев (ордо плебейус), состоявших из средних земельных собственников (посессоров), не бывших куриалами, купцов (неготиаторес), ремесленников (коллегиати, корпорати, артифициес города), свободных землепашцев и жителей деревни (арендаторов-колонов)¹¹. Правда, налог с колонов собирал землевладелец, который затем передавал его сборщикам¹². Куриалы еще были настолько сильны, что Сальвиан имел основание писать: «Найдется ли город, община или село, где не было бы столько тиранов, сколько куриалов?»¹³.

Хозяиничанье куриалов вело к тому, что некурионы теряли свои земельные участки. Но поскольку это не избавляло их от обязанности платить налог, они предпочитали бегство из города или признание зависимости от крупных землевладельцев-сенаторов. Все это вело к усилению борьбы между различными слоями общин: куриалами, посессорами, купцами, ремесленниками, мелкими крестьянами и колонами.

Положение осложнялось невыносимым фискальным гнетом правительства Западной Римской империи.

Прежде всего ежегодно собирался поземельный налог. Размер налога определялся императорским указом и доводился преторианскими префектами до правителей провинций, которые сообщали о нем каждой общине. Налог общины определялся по числу налоговых единиц, находившихся на ее территории. Затем эта сумма раскладывалась декуррионами между земельными собственниками. Налоговая единица на-

¹⁰ Ibidem, V, 9, 45—46, p. 116.

¹¹ Cod. Theod. XI, 1, 4, 26; 12, 1; 22, 2; XIII, 1, 18.

¹² Cod. Theod. XI, 1, 14, 26.

¹³ Salvian. De gub. Dei, V, 4, 18. CSEL VIII, p. 107.

зывалась югум и охватывала 5 югеров виноградника или 20, 40 и 60 югеров пахотной земли (в зависимости от ее качества).

В 357 г. в Галлии размер обложения каждого югума равнялся 25 солидов, или 218 ц зерна. Из панегирика Евмения можно заключить, что область Эдуев платила налог с 32 тыс. югумов. Французский историк Гранье полагает, что эта область составляла одну тридцатую часть Галлии, и определяет общую сумму поземельного налога Галлии в 24 млн. солидов, или 20,9 млн. тонн зерна¹⁴, что в полтора раза больше ежегодного валового сбора пшеницы в современной Франции, где ею занята половина пахотных земель.

Кроме поземельного, жители Галлии платили (5%) налог на наследство, торговую (2,5%) и провозные пошлины за проезд по рекам, мостам и дорогам, таможенные сборы при переезде границ между Галлией, Британией, Испанией и Италией; натуральные повинности на содержание императора, его охраны и чиновников при нахождении их в пути; на содержание почты, дорожные и подводные повинности. Посессоры платили, кроме того, специальные прямые налоги за строения, рабов и скот. Купцы раз в пять лет уплачивали патентный налог. Каждый куриал платил налог, размер которого зависел от его состояния¹⁵.

В IV в. воинская служба была заменена податью. Согласно кодексу Феодосия, каждый землевладелец был обязан выставлять рекрутов из числа зависимых от него людей в количестве, пропорциональном величине и достоинству его земель¹⁶. В связи с пополнением армии за счет наемников и увеличением в ее рядах варварской прослойки правительство разрешало, а иногда и предписывало, уплачивать по 5 солидов наличными взамен каждого рекрута, не считая расходов на их экипировку и продовольствие¹⁷.

Следует учитывать способы раскладки, сбора и расходования налогов в условиях безраздельного господства крупных землевладельцев, ростовщиков, куриалов, сборщиков налогов и судей, которые, пользуясь отсутствием общественного контроля, злоупотребляли своим положением.

В распоряжении куриий поступала только одна треть налога, небольшая часть которой расходовалась на общественные нужды. Остальная сумма отсылалась правительству Им-

¹⁴ A. Grenier. *La Gaule Romaine* (An economic survey of Ancien Rome. Ed. by T. Franc, vol. 3, p. 605).

¹⁵ Cod. Theod. VI, 2, 10; VII, 6, 3; XI, 1, 5, 2, 20, 6; XII, 13, 1—5; XVI, 2, 15.

¹⁶ Cod. Theod. VII, 13, 7. *Tironum praebitio in patrimoniorum viribus potius quam in personarum muneribus collectur.*

¹⁷ Cod. Theod. VII, 13, 13: *Annuimus, ut pro tironibus pretia inferantur, damus optionem, ut pro singulis viginti quinque solidos numerant, post initam rationem vestium et pastus.*

перни. И хотя сам факт палогового обложения стимулировал развитие производительных сил, заставляя производить прибавочный продукт, а его сосредоточение в руках правительства и курий способствовало поддержанию культуры, налоговые суммы расходовались слишком расточительно и очень малая их доля возвращалась народу в форме общественно-полезных сооружений.

Римская администрация объясняла необходимость сбора многочисленных налогов тем, что она поддерживала в Галлии порядок и защищала ее. Действительно, она добилась прекращения войн внутри Галлии и защищала ее от внешних врагов. Однако в начале V века, когда натиск варваров на рейнскую границу потребовал укрепления ее обороны, большая часть легионов была выведена в Италию (для экспедиции на Восток, для похода против Гильдона и для защиты Италии от вестготов). Правительство Запада уже не выполняло функций по защите Галлии и не считалось с тем, что страна осталась без надлежащей обороны.

Ослабление обороны было опасным и потому, что в начале V в. усилилась внутренняя борьба как между народными массами и господствующим классом, так и между различными группировками господствующего класса, каждая из которых предлагала свои формы и методы угнетения и подавления неимущих. Одни стремились провозгласить императорами своих ставленников, надеясь с их помощью захватить власть не только в Галлии, но и во всей Империи. Другие готовы были пригласить в страну варварские племена, надеясь превратить их в ударную силу как против неимущих, так и других своих врагов. Часть провинциальной знати ратовала за возрождение курий и возвращение им былой роли центров господства галло-римской знати в провинциях. Те, кто имел владения не только в Галлии, но и в других частях Империи, выступал за ее укрепление.

Таким образом, резкие социальные грани и противоположность интересов различных слоев и групп порождали между ними борьбу, ослаблявшую Галлию. Правительство Западной Римской империи, пренебрегавшее интересами префектуры, также совершенно ослабило ее оборону.

2. Вторжение аланов, вандалов и севов в Галлию. Освободительная борьба народных масс. Отвод войск из Галлии настолько ослабил границу Рейна, что Стилихон поручил Клавдиану выступить с успокоительными заверениями. Он доказывал, что Стилихон поступил правильно, когда вывел из Галлии армии, противостоящие воинственным сикамбрам, предательским хаттам и вероломным херускам, угрожавшим из-за Рейна. Рейн защищен страхом, внушаемым именем Рима. Германия, еще недавно гордая своими воинственными пле-

менами, теперь подчиняется приказам Стилихона. И хотя Рейн открыт, страх удерживает германцев от вступления на римский берег¹⁸.

Клавдиан пытался успокоить галло-римлян и ту часть римской знати, которая имела в Галлии поместья. Но правительство Запада не учитывало ситуации, сложившейся на рейнской границе.

Необходимо отметить, что по штатному расписанию в Галлии имелось 56 полевых частей общей численностью в 41300 человек и почти столько же пограничных воинов, 31 тысяча из которых находилась в провинции Первой Германии¹⁹. Большую часть полевых войск с частью пограничных, влившихся в привилегированные вспомогательные варварские части, носившие имя «гонориаки», Стилихон отвел в Италию. Был также отозван один из трех легионов Британии. Оборону Галлии должны были обеспечить остатки полевых и пограничных войск, пограничные поселенцы, франкские федераты, а также алеманны и бургунды, находившиеся в договорных отношениях с Империей.

В декабре 406 г. аланы, вандалы и свевы начали наступление. Франки, алеманны и бургунды решили защищаться. Поначалу франки уничтожили 20 тысяч вандалов с их предводителем Годагизилем, но натиск остальных они не смогли сдержать²⁰. 31 декабря 406 г. аланы, вандалы и свевы перешли Рейн между Могонциаком и Бонном и вторглись в Галлию. Путь варварского вторжения археологи прослеживают по кладам, спрятанным местными жителями, и по следам пожаров²¹. Часть варваров двинулась в Северо-Западную Галлию, другая — через Аргенторат в долину Роны и Аквитанию.

Современник этого вторжения Иероним писал: «Беспечленные и свирепейшие народы заняли все Галлии. О, достойная слез республика! Все, лежащее между Альпами и Пиринеями, все, заключенное между океаном и Рейном, опустошили враги — квады, вандалы, сарматы, аланы, гепиды, герулы, саксы, бургунды, алеманны, панонцы... Когда-то знаменитый город Могонциах взят и разрушен, и в церкви убито много тысяч людей. Главный город ремов Амбианы, Атребиты и стоящий на крайних пределах человеческого обитания город Морины, Торнак, Неметы, Аргенторат принадлежат уже Германии. В Аквитании и в провинциях Новемпопулании, Лионской и Нарбоннской, кроме немногих городов, опустошено все... Не могу без слез вспомнить о Тулузе, которая благо-

¹⁸ Cf. Claud. De bello Polentino, v. 419—429.

¹⁹ Varady László. Későrómai hadügyek es tarsadalmi alapjaik a Romai Birodalom utolsó evszakada (376—476). Budapest, 1961, p. 49—54.

²⁰ Gregor. Turon., Hist. II, 8, 9.

²¹ A. Branchet. Les Trésors de Monnaies romaines et les Invasions germaniques en Gaule. Paris, 1900, p. 101.

даря доблестям епископа Экзуперия, до сих пор не пала»²². Флодоард свидетельствует, что вандалы разграбили Реймс и ничего не оставили в нем, кроме раненых и трупов²³.

Современник этого нашествия Ориенций нарисовал страшную картину бедствий, принесенных варварами. Вся Галлия, по его словам, пылала единым костром, всюду смерть, страдания, разрушения, пожар и траур²⁴. Автор «жития Лифарда» сообщает, что варвары сравняли с землей город Монг, возле Орлеана. После их ухода не осталось ни одного горожанина; место, некогда знаменитое, было превращено в пустыню и заросло сорняками²⁵. В таком состоянии оказались все местности, через которые прошли варвары.

Проспер Аквитанский, очевидец этого нашествия, описал его: «Если бы океан разлился по всей галльской земле, он не сделал бы столь ужасных опустошений. От нас забрали пашкот и наши жатвы, уничтожили наши виноградники и оливковые деревья, разрушили наши дома. Малое время, которое осталось нам жить, печально и пусто. Десять лет истребляет нас вандалский и тотский меч. Ни каменные башни, ни крепости, построенные на высоких горах, ни города, окруженные реками, не могут ничего защитить от ярости варваров»²⁶.

Горькую печаль, вызванную разрушением страны, Проспер Аквитанский излил в поэме, посвященной подруге, которую он призывал отказаться от забот мирской жизни и скрыться за стенами монастыря. «Мирная жизнь уходит с нашей земли, и ты видишь ее последние дни... А мы должны наблюдать наше падение и конец нашей жизни... И хотя остаются деревья, украшающие своим цветением деревни, наши родители погибли, а мы — гости в этой несчастной жизни в наше горемычное время»²⁷.

О том же пишет Паулин Бизертский: «Варвары нарушили мирный договор, который они до сих пор соблюдали, и набросились на наши поля, на имущество жителей и не дают покоя колоннам. Ни мраморные постройки, ни камни, на которых построены бесполезные театры, не служат ныне для продолжения жизни... Сармат вызывает опустошения, вандал — пожары, алан — хватает добычу»²⁸.

Таковы были последствия политики правительства Запада. Был ли этот разгром Галлии неизбежным?

²² Hieronymus. Epist. 122, 9 (ad Ageruch.). PL 22, col. 1057.

²³ Flodoard. Historia Remensis ecclesiae, I, 6. MGH Scriptores, XIII, p. 419.

²⁴ Orient. Commonitorium, II, v. 165—184. CSEL XVI, I p. 233—234.

²⁵ Vita S. Liphardi. Acta Sanctorum. Bolland., 3 Junii, t. I, p. 300 c.

²⁶ Prosper. Aquitanus. Carmen de providentia divina, v. 27—37. PL 51, col. 617—618.

²⁷ Prosper. Aquitanus. Poema conjugis ad uxorem, v. 30—40. PL 51, col. 612.

²⁸ Paulinus. Epigr., II, CSEL XVI, I, p. 503.

Буржуазные историки, обосновывая его неизбежность, ссылаются на отсутствие помощи Византии²⁹ или недостаточных технических средств³⁰, снимая при этом ответственность с правительства Запада.

Анализ событий и учет военных сил даст основание для иного вывода. Правительство имело достаточно сил для обороны Галлии. Об этом свидетельствует тот факт, что в следующем году Константину (407—411) вполне хватило их, чтобы восстановить оборону Рейна и решиться на вторжение в Испанию, хотя он опирался только на два легиона Британии и силы, оставшиеся в Галлии, тогда как в распоряжении Stilicho были еще и части, сосредоточенные в Северной Италии (в Равенне, Бошоннии и Тицине). Вина за разгром Галлии падает целиком на правительство Западной Римской империи и ту группировку господствующего класса, которая поддерживала его и толкала на войну против Византии. Не исключено также, что правительство Запада надеялось при помощи варваров подавить вспыхнувшую в это время в Испании и Галлии ересь Вигиманция. Это движение, требующее отмены постов, священников, церковных чинов, широко распространилось среди народных масс. Правительство Запада готовилось послать против них карательную экспедицию. Но вторгшиеся аланы и вандалы истребили ерестиков³¹.

На борьбу против варваров поднялись народные массы Галлии. Жители ряда галльских городов стояли насмерть. Иероним и агиограф Лифарда отмечают, что жители Тулузы отказались открыть ворота варварам и перенесли все бедствия длительной осады. Ее епископ Экзуперий продал церковную утварь, чтобы купить продовольствие для защитников города. В письме к Рустикю Иероним рассказывает: «Посреди несчастий и мечей, направленных против нас со всех сторон, богат тот, у кого есть хлеб. Могуществен тот, кого не взяли варвары в плен. Епископ Тулузы Экзуперий подражает вдове Сарента. Он терпел голод, чтобы накормить других. Он страдал от холода других и раздал добро бедным христианам»³².

Сопrotивление жителей Тулузы было столь решительным, что варвары, убедившись в невозможности взять город, были вынуждены уйти.

Григорий Турский приводит отрывок из письма Паулина Нолянского, согласно которому такое же сопротивление оказали горожане Виенны, Бурдигалы, Альби, Еколисны, Арверны, Кадурци, Петрокории и других городов. Правда, Паулин Ноланский и Григорий Турский перечисляют только те горо-

²⁹ E. Demougeot. De l'unité à la division de l'Empire Romain. 395—410. Paris, 1951, p. 565.

³⁰ R. Remondou. La crise de l'Empire Romain. Paris, 1964, p. 323.

³¹ C. Barrois. Annales ecclesiastiques, an. 406.

³² Hieronymus. Epist. 125, 20 (ad Rustic.). PL 22, col. 1085; Vita S. Liphardi. Acta Sanctorum, Bolland., 3 Juin, t. I, p. 300 E.

да, в которых определенную роль в организации обороны сыграли епископы (Симплиций, Амад, Диогениан, Динамий, Венеранд, Алифий, Пегасий), имевшие влияние на городские самоуправления, и умалчивают об остальных. Но даже из приведенного ими списка видно, насколько упорным было сопротивление народных масс.

В наиболее тяжелом положении оказались сельские труженики (рустики, колонны). Они оказались беззащитными: движимое имущество варвары забирали как добычу, а их самих превращали в невольников или убивали. Поэтому крестьяне особенно решительно поднялись на борьбу против захватчиков.

Зосим утверждает, что первыми выступили жители Британии, которые взяли за оружие и освободились от варварской опасности. Их примеру последовали жители Арморики и других провинций Галлии, которые не только избавились от варваров, но и, сбросив власть римских чиновников, установили самоуправление³³.

К сожалению, Зосим проследивает события лишь до начала второй половины 410 г. Труд его либо остался незаконченным, либо умышленно оборван на середине тринадцатой главы шестой книги. Другие же писатели не оставили нам ни последовательного рассказа об этих трагических днях в истории Рима, ни повести об освободительном движении в Галлии. События приходится восстанавливать на основании отрывочных данных.

Некоторые представления о них дает замечательный памятник позднеантичной литературы — комедия неизвестного автора «Кверол» (что в переводе с латинского означает «возмутитель»).

Анализ содержания комедии дает основание отнести ее ко времени освободительного движения в Галлии. Писатель упоминает социальные преобразования на Луаре, сетует на тяжесть римских налогов, рисует картину ожесточенных религиозных споров. С особой силой он бичует Рим («псы кормятся в Капитолии»), продажность его чиновников («никто задаром не хорош»), своевольную власть имущих («а бросать людские души то в царство живых, то в царство тсней — это им проще простого»), вымогательство и грабежи чиновников («негодяи забирают плод чужих трудов»)³⁴. В ряде высказываний обрисована тяжелая участь рабов³⁵. Автор крайне отрицательно характеризует служителей церкви и, сравнивая их с другими защитниками существующего строя, отмечает, что они самые мерзкие³⁶. С большим сарказмом описывает

³³ Zosim. Hist. VI, 5.

³⁴ Querolus sive Aulularia, 2, 4.

³⁵ Ibidem, 6.

³⁶ Ibidem, 5.

он церковные споры по вопросам троицы: «Сперва они шипят между собой, тройные высунув языки, а когда один из них закричит, то остальные крыльями бьют со страшным гогомом»³⁷.

Писатель намекает на последствия освободительного движения на Луаре и характеризует установившиеся там социальные порядки: «Там живут по естественным законам природы. Там нет начальства. Там законы пишутся под дубом на спинах виновных. Там мужики произносят речи и судят без чиновников. Там все дозволено»³⁸.

Комедия большей частью явилась отголоском и отражением общего настроения в Галлии. В своеобразных высказываниях, часто трудно поддающихся точному переводу, в намеках, которые были понятны современникам, автор комедии показывает причины выступления народных масс и некоторые социальные преобразования, проведенные восставшими.

Свидетельством и отражением сдвига в сознании народных масс является и распространение в Галлии начала V в. ереси пелагиан. К началу V в. деятели католической церкви, являвшиеся частью господствующего класса и его идеологами, разработали прочную идеологическую узду в виде церковных догматов. Они объявили социальное неравенство и разделение людей на классы вечными законами жизни человечества со дня «грехопадения Адама», а всякую борьбу против существующего строя — преступлением против «установленного богом порядка»³⁹.

В ответ среди угнетенных масс Британии и Галлии, поднявшихся на борьбу против варваров и существующих римских порядков, распространились идеи равенства всех людей, являющиеся самыми революционными во все периоды борьбы против эксплуататорского общества. В них отразилась вечная мечта угнетаемого человечества об уничтожении всей и всяческой эксплуатации. Одной из форм выражения этих идей стало пелагианство, провозгласившее необходимость имущественного и социального равенства.

По рассказу Проспера Тиронского, в начале V в. выходец из Британии Пелагий организовал кружок своих сторонников, которым проповедовал учение о совершенстве человеческой природы. Среди примкнувших к нему особенно выделились Целестий, Руфин, Юлиан и другие. Возмущенные тем, что римский клир оправдывал рабство ссылками на греховность человеческой природы, они выдвинули свои положения,

³⁷ Ibidem.

³⁸ Ibidem, 2.

³⁹ Феодорит Кирский. Творения. Ч. 5. М., 1857. С. 257—277. Слово VI. О том, что богатство и бедность полезны для этой жизни. С. 278—295. Слово VII. О том, что рабство и господство полезны в этой жизни.

которые вскоре завоевали много сторонников в Сицилии, Африке, Испании, Британии и Галлии. Из жизнеописаний Германа и Лупа известно, что пелагианство распространилось больше всего на территории Британии и Галлии.

Пелагианство оправдывало угнетенных, поднявшихся против существующих социальных порядков и социального неравенства. В Галлии и Британии это учение стало идеологическим знаменем революционной борьбы угнетенных, начавшейся как выступление против вторгшихся в страну варваров. Оно отвергало основной догмат католической церкви, оправдывавшей рабство и социальное неравенство ссылкой на первородный грех Адама, передававшийся его потомству, и доказывало, что дети рождаются безгрешными. Это означало, что все люди должны быть свободными, равноправными и равными в имущественном отношении⁴⁰.

В союзе с императорской властью католическая церковь принимала самые решительные меры. Борьбе с пелагианством было посвящено несколько церковных соборов и несколько императорских эдиктов. Против пелагианцев писали полемические сочинения Иероним и Августин, Проспер Аквитанский и Феодорит, Павел Орозий и Меркатор. Пелагианцы успешно отражали все выпады против них. Воспользовавшись оружием церкви, они объявили ересью учение Августина о предопределении и значительно поколебали его авторитет.

Распространившись в Галлии как отражение освободительной борьбы угнетенных масс, пелагианство, в свою очередь, оказывало на нее огромное влияние, идеологически оправдывало ее, облекая чаяния народных масс о социальном и имущественном равенстве в религиозную оболочку первоначального христианства, придавало этой борьбе сплоченность. Именно поэтому идеологи господствующего класса — католические епископы — яростно обрушивались на пелагианство и изгоняли его видных деятелей с Галлии.

Поскольку выступления народных масс переросли в освободительное движение, господствующие классы начали слачиваться для поисков средств его подавления. Однако, поскольку между различными группировками господствующего класса существовали различия, то при этом возникали разногласия.

Крупные земельные магнаты Галлии, имевшие поместья не только в Галлии, но и в остальных частях Империи, были заинтересованы в ее сохранении и видели выход в создании своей государственной машины, надеясь занять в ней ключевые позиции, а затем распространить свою власть на всю

---

⁴⁰ Pelagius. De Vita Christiana. Pittsburg, 1973. G. de Plinval. Pélage, ses écrits, sa vie et sa réforme. Paris, 1943. J. Chéné. Le semi — pélagianisme du Midi de la France, dans Recherches de science religieuse, n. 43, 1955, p. 322—341.

территорию Западной Римской империи. Поскольку для этого нужна была единая власть и военные силы, крупные магнаты вели переговоры о приемлемом кандидате в императоры и завязывали отношения с варварами, рассчитывая привлечь их на военную службу.

Муниципальная знать также проявляла необычайную для нее политическую активность. Завязывались связи между куриалами различных городов, пытавшихся объединить свои усилия в пределах одной или даже нескольких провинций диоцеза Галлии. Но, поскольку интересы высшей и провинциальной знати не совпадали, их объединения в масштабах страны произойти не могло.

3. Признание Константина императором в Галлии и возникновение второго правительства. В 407 г., как только в Британию стало известно о вторжении варваров в Галлию, два римских легиона: Второй, расположенный в Рутинии (Ричборе), Шестой из Эборакума (Йорк), провозгласили императором сначала Марка, затем Грациана, а через четыре месяца, убив предыдущих,— Константина III (407—411).

Новый император высадился в Боннонии (Булоне), приморском городе Галлии⁴¹, и потребовал признания от ряда городов, устоявших перед варварами и не признававших власти Империи. Обесилепные осадами и нуждавшиеся в союзнике в борьбе против Равеннского двора, города признали Константина III императором.

Зосим рассказывает, что отряды Константина победили варваров в большом сражении, но не приводит каких-либо достоверных подробностей, а другие писатели о нем ничего не сообщают. Вероятно, войска Константина III рассеяли несколько вражеских отрядов, но вскоре, по свидетельству того же писателя, варвары собрались «в таком количестве, что для борьбы с ними потребовались значительные силы»⁴².

С помощью британских когорт Константин III восстановил оборону Рейна, расставил пограничные посты⁴³ и возобновил союз с франками и алеманнами.

Вскоре после высадки в Боннонии Константин III отправился в Арль. Признавшие его галло-римские магнаты и чиновная знать получили в новом правительстве высокие должности. Главой администрации и суда стал крупный землевладелец Аполлинарий (дядя известного писателя Аполлинария Сидония). Другой видный представитель местной знати, Децим Рустик, получил титул магистра официи (начальник канцелярии, министр внутренних дел). Административные органы префектуры спешно переименовывались в органы Империи.

⁴¹ Olympiodor. Fragm. 12. FHG IV, p. 59.

⁴² Zosim. Hist. VI, 3.

⁴³ Ibidem.

Равеннский двор направил против Константина III армию под руководством Сара. Сар разбил части полководца Юстиниана и заставил Необигаста отказаться от сражения и прогнать миря, после чего убил его и осадил Валенсию (город на берегу Роны, на 70 км южнее Вьенны).

На седьмой день осады к городу подошли вспомогательные войска Константина под командованием Эдобруха. Тогда Сар снял осаду и отступил в Италию. По пути на него напали багауды. Их силы оказались столь значительными, что войска Сара едва спаслись, оставив всю добычу⁴⁴, захваченную при разгроме войск Юстиниана и Необигаста.

К сожалению, у нас нет других источников, кроме краткого сообщения Зосима, о деятельности багаудов в предгорьях Приморских, Коттийских и Грайских Альп, где условия для освободительного движения были неблагоприятными. Между ними и Роной сосредоточил свои войска Константин III, опасавшийся прибытия войск Равеннского двора. Однако свидетельство Зосима говорит о том, что к этому времени багауды организовались в значительную силу. Поэтому следует пересмотреть сложившееся представление о дате начала освободительного движения в Арморике и других частях Галлии.

По словам Зосима, «британцы, взявшись за оружие, освободили свои общины от угрожавших им варваров. Тогда же область Арморики и другие провинции Галлии, подражая британцам, освободились таким же образом, сбросив власть римских магистратов и учредив свое управление по собственному усмотрению»⁴⁵. «Это отпадение британцев и галлов произошло тогда, когда правил Константин III и из-за его бесчестности вторглись варвары»⁴⁶.

Опираясь на приведенные свидетельства, Э. Гиббон и те историки, которые следовали за ним в освещении событий, датировали начало движения багаудов в Галлии 409 г. В действительности же там оно возникло раньше, чем в Британии, где его причиной послужило вторжение саксов в 409 г.⁴⁷

Запись Зосима о британцах также следует датировать 409 г., тогда как в Галлии, согласно приведенным свидетельствам Паулина Нолланского, Иеронима и агнографа Лифарда, народные массы выступили против аланов, вандалов и свевов в начале 407 г. Приведенное выше свидетельство о сражении багаудов с войсками Сара в 407 г. также дает основание полагать, что в Галлии движение багаудов возникло до 409 г.

⁴⁴ Ibidem, VI, 2.

⁴⁵ Ibidem, VI, 5.

⁴⁶ Ibidem, VI, 6.

⁴⁷ Chronica Gallica 452, an. 409 (MGH AA IX p. 654), § 62. Britaniae Saxonum incursione devastatae.

Политика Константина III, по существу, не отличалась от политики Гонория. Его чиновники, выполняя волю галло-римской знати, видели свою главную задачу в сохранении существующего строя и в распространении своей власти на всю Западную Римскую империю. Поэтому части, приведенные Константином III из Британии, и подчинившиеся ему остатки галльских легионов были направлены не против варваров, грабивших страну, а против багаудов для установления его власти там, откуда римские чиновники были изгнаны.

Новому правительству были нужны средства для содержания армии, приобретения влияния среди соседних варваров и выполнения планов захвата Италии и Испании.

Поскольку Константин передал ключевые позиции в созданном им правительстве крупным магнатам, которые пользовались своим положением, чтобы переложить тяжесть налогов на курии, против него несминуюемо должны были выступить куриалы.

Куриалы отвечали за сбор налога и были заинтересованы в установлении его реальной суммы, а следовательно, и в организации сопротивления плательщиков налога варварам и чиновникам нового правительства. Поэтому в период правления Константина III народно-освободительная борьба усилилась⁴⁸.

Выполняя волю галло-римской знати, желавшей распространить свою власть на всю префектуру, а затем и на остальную часть Империи, Константин послал девять почетных гонориакских когорт на покорение Испании (по две когорты скоттов, мавров и маркоманнов и по когорте викторианцев, аскариев и галликанов по 500 человек каждая), поставив во главе своего сына Константа, объявленного цезарем.

Подчинение Испании новому императору могло привести лишь к ухудшению положения ее пародных масс.

Правительство Гонория, блокированное вестготами в Равенне, не могло требовать и получать налоги из Испании. Вся обязанность ее населения сводилась к содержанию находившихся в стране римских чиновников и армии. В случае же подчинения Испании Константину III армия осталась бы, а чиновники Арля получили бы возможность собирать налоги в пользу императора. Поэтому население Испании, стремившееся остаться под призрачной властью Гонория, выступило против притязаний Константина III. Об этом сообщают Зосим, Орозий и Созомен. «Константин облачил своего сына Константа в царские одежды и отправил его в Иберию, чтобы подчинить ее народы и увеличить свое царство, а также вытеснить оттуда родственников Гонория, там господствовавших. Правители Иберии вначале выставили против Констан-

⁴⁸ Zosim. Hist. VI, 5—6.

та войска Лузитании, а когда увидели, что они побеждены, вооружили большое количество рабов и крестьян и этим создали большую угрозу Константу, однако их надежды потерпели крах»⁴⁹. «Дидим и Верениан стремились не подчиняться тирании этого тирана, а послужить истинному императору против тирана и варваров, защитив себя и свое отечество. Они действительно вскоре собрали своих рабов и, обеспечив их домашними припасами, не маскируя своего намерения, направились к Пиринейскому горному проходу»⁵⁰.

Созомен сообщает, что Дидим и Верениан «прежде ссорились между собой, но во время опасности соединились и, набрав войско из земледельцев (колонов) и рабов, общими силами дали битву в Лузитании и истребили множество воинов, посланных от тирана с повелением захватить их»⁵¹. Таким образом, факт выступления рабов и крестьян против войск Константина III и Константа подтверждают три современника.

Однако победил Константин. Он пленил и отправил в Арль Дидима и Верениана, где они были убиты, а вспомогательным войскам варваров разрешил ограбить Паленцианскую местность, поручив им затем охрану горных проходов⁵².

Тем временем к Пиринеям подошли аланы, вандалы и свевы, теснимые жителями Галлии. К ним присоединились вспомогательные войска Константина III, охранявшие горные переходы, и 13 октября 409 г. варвары прорвались в Испанию⁵³.

Таким образом, победа Константа над рабами и колонами, оборонявшими Пиринеи, помогла варварскому вторжению в Испанию. С этого времени началась длительная борьба народных масс Испании против новых завоевателей, время от времени становившихся союзниками Константина III, а после его смерти — Равеннского двора.

Эта борьба, также получившая в ряде местностей Испании название багаудского движения, разгорелась сразу же после вступления варваров в страну, о чем свидетельствует факт отправки Константином III своих войск во главе с Константином и Гераклианом в Тарраконию⁵⁴. Движение багаудов Тарраконии продолжалось пятьдесят лет.

В самой Галлии Константину III предстояло восстановление государственного аппарата в местностях западнее Роны

⁴⁹ Ibidem, VI, 4.

⁵⁰ Oros. Hist., VII, 40, 5.

⁵¹ Sozomen. Eccl. Hist. IX, 11.

⁵² Oros. Hist. VII, 40, 8.

⁵³ Ibidem, VII, 40, 9—10; Hydatii Lemici. Continv. chron. Hier., an. 409 (MGH AA XI, p. 17): § 42. Alani et Vandali et Suevi Hispanias ingressi aera CCCCLVII alii III kal.

⁵⁴ Zosim. Hist., VI, 4. Oros. Hist., VII, 40, 7—10.

и, особенно, в Арморике, где народные массы, изгнав аланов, вандалов и свевов, освободились и от римских чиновников⁵⁵. Положение на Рейне казалось ему не опасным, поскольку существовал договор с франками, алеманнами и бургундами, а возглавляемая Гоаром часть аланов, не ушедшая в Испанию, склонялась к союзу с галло-римлянами.

Когда вестготы вторично осадили Рим, Константин III направил в Равенну Иовина, который в обмен на обещание содействия в борьбе против вестготов, добился от Гонория признания власти Константина III в Галлии⁵⁶.

Вероятно, и Константин III попросил у Равенны помощи для восстановления государственного аппарата в Арморике, так как в том же 409 г. Равеннский двор послал своего комита организовать военный округ в Аргенторате. Как показали археологические раскопки, с 409 г. там находился военный штаб и чиновничий аппарат⁵⁷.

Образование военного округа было вызвано не только стремлением превратить Аргенторат в ключ временной системы обороны, но и страхом перед социальной опасностью, ставшей очевидной с 407 г., когда народные массы поднялись против варваров и римских чиновников.

Согласно «Расписанию должностей», дукс Арморики располагал десятью воинскими соединениями, дислоцированными в Блабе, Бснечи (Вашнес), Маннатисе (Нант), Алето (Гиш-Але), Константии (Кутанш), Рогомаго (Руан), Абрикате (Авранш) и Грапоне, находившихся под командованием префектов войск. Дуксу подчинялась и военная эскадра, стоявшая у слияния рек Сены и Уазы⁵⁸. Таким образом, его власть, распространившись на большую часть современной Франции, охватывала области бассейнов Сены, Луары и Гарроны. В начале V в. эта территория, называвшаяся Арморикой, была охвачена восстанием, о чем свидетельствуют сохранившиеся отрывочные сведения в источниках, относящихся к 407—448 гг.

Наряду с военным округом Арморики, были созданы и другие округа (Кельна, Бельгики, Майнца), но по размерам своей территории они не шли ни в какое сравнение с округом Арморики, штаб которого помещался в Аргенторате. Да и задача их была иной. Можно предполагать, что она заключалась в организации обороны от внешнего врага.

---

⁵⁵ Zosim. Hist. VI, 5—6.

⁵⁶ Ibidem, VI, 1.

⁵⁷ J. Hatt. Histoire de la Gaule Romaine. Paris, 1959, p. 355—360; E. Demougeot. De l'unité à la division de l'Emp. romain, Paris, 1951, p. 26—27.

⁵⁸ Notit. Dign., Occid., XXXVII. Dux Tractus Armorici. Berlin, 1876, p. 204—206.

Следовательно, несмотря на противоречия между дворами Арля и Равенны, в организации подавления движения багавудов и обороны Рейна они были единодушны.

Одновременно Равеннский двор завязал переговоры с аланами, вандалами и свевами, ворвавшимся в Испанию и, признав их своими федератами с правом постоя в стране, поручил им восстановление его власти в Испании.

Союзные отношения Константина III с Гонорием вызвали глухое недовольство тех галльских магнатов, которые потеряли надежду завоевать с его помощью господствующее положение в Западной Римской империи. Они стали искать новую кандидатуру в императоры.

Лавируя между ними и Равеннским двором, Константин III произвел изменения в составе Арльского двора. Претфектом претории он назначил Дардания, земельного магната Южной Галлии, поддерживающего дружественные отношения с римской знатью, в том числе с Августином и Иеронимом.

Кроме того, когда вестготы после ограбления Рима двинулись в Южную Италию и можно было полагать, что они переправятся в Африку, Константин III решил, что Равеннский двор не сможет помешать ему захватить Италию. Он возвел своего сына Константа в императоры и послал с армией в Италию. Констант вступил в Лигурию и уже собирался начать наступление на Равенну, но, как отмечает Созомен, узнав о смерти Алариха, отступил⁵⁹ в Виенну. По-видимому, это было связано с тем, что вестготы также вернулись в Северную Италию и завязали переговоры с Равеннским двором. Независимо от их исхода, у Константа не было сил для завоевания Италии, где ему теперь противостояли вестготы и Равеннские войска.

В Галлии и Испании обстановка также изменилась.

В Испании полководец Константина III Геронтий заключил мирный договор с варварами, провозгласил императором своего сына Максима и, заручившись поддержкой испаноримской знати Тарраконской провинции, занял Виенну, убил Константа и двинулся на Арль.

Эти события показали Равеннскому двору слабость Константина III и он направил в Галлию армию под командованием Ульфила и Констанция. Когда эти войска начали осаду Арля, осажденные открыли им ворота. Константин III бежал в базилику, где принял сан пресвитера, но был схвачен, отправлен в Равенну и по пути убит.

Большая часть войск Геронтия, также наступавшего на Арль, перешла на сторону равеннских войск. Сам Геронтий бежал и вскоре погиб, а Максим бежал в Южную Испанию к союзным варварам⁶⁰.

⁵⁹ Sozomen. Eccl. Hist. IX, 12.

⁶⁰ Olympiodor. Fragm. 16.

4. Попытка Равеннского двора восстановить римское господство в Галлии. Созомен утверждает, что после взятия Арля «туземцы снова признали над собою власть Гонория и подчинились поставленным от него правителям»⁶¹. В действительности же его сведения относятся только к Виеннской провинции, протянувшейся узкой полосой вдоль восточного берега Роны, т. е. к территории, являвшейся оплотом власти Константина III. Остальную часть Галлии предстояло завоевать и главное ликвидировать последствия освободительной борьбы в Арморике, решительно покончившей с римским господством.

Отдельные группировки галло-римской знати, на смерть напуганные социальной опасностью, все еще надеялись провозгласить императором того или иного своего ставленника и искали поддержки у предводителей соседних варварских племен. При этом представители каждой из группировок надеялись не только компенсировать потери, связанные с кризисом рабовладельческого строя, хозяйничанием варваров и освободительной борьбой угнетенных масс, но и увеличить свои богатства за счет остальных группировок знати.

В 411 г. в Майнце галло-римская знать Первой Германской провинции по договоренности с предводителями аланов Гоаром и бургундов Гунтиаром провозгласила императором Иовина⁶², самого знатного человека в Галлии⁶³ и, следовательно, самого крупного землевладельца. Опорой его были воинские силы бургундов и аланов⁶⁴.

По совету Аттала, бывшего римского императора, Атаульф завязал переговоры с Иовином, предложил ему свою помощь и в 412 г. вступил в Галлию⁶⁵. Туда же поспешил со своей дружиной и остгот Сар. Когда об этом стало известно Атаульфу, он с армией в 10 тысяч человек выступил против Сара, окружил его армию, а его самого убил⁶⁶. По-видимому, между предводителями германских племен и дружин шла постоянная борьба за место на службе у того или иного ставленника местной знати. Трагическая судьба Сара свидетельствует, что соперничество между германскими предводителями оказалось сильнее противоречий между ними и местными собственниками или императорами.

Переговоры между Атаульфом и Иовином закончились безуспешно, поскольку Иовин боялся лишиться поддержки

⁶¹ Sozomen. *Ecccl. Hist.* IX, 15.

⁶² Olympiodor. *Fragm.* 17. *Chronica Gallica* 452, § 68 (MGH AA IX p. 654).

⁶³ Oros. *Hist.* VII, 42, 6.

⁶⁴ Olympiodor. *Fragm.* 17.

⁶⁵ *Ibidem.*

⁶⁶ *Ibidem.* Сар оставил Гонория и перешел на сторону Иовина в надежде получить должность главнокомандующего, на которую претендовал Атаульф.

Гоара и Гунтиара. Кроме того, Иовин провозгласил цезарем своего брата Севастьяна и поручил ему командование войсками Южной Галлии. Тогда Атаульф оставил намерение стать союзником Иовина⁶⁷ и послал гарольдов в Равенну, обещая принести Гонорию головы всех его противников в обмен на признание его главнокомандующим, а вестготов — федератами с выдачей им зерна для пропитания⁶⁸.

Равеннский двор принял это предложение. Осенью 413 г. Атаульф осадил Нарбонну, где находился император Иовин с цезарем Севастьяном, и, взяв город, убил обоих⁶⁹.

Когда предводитель вестготов выполнил взятые обязательства, он потребовал немедленной доставки зерна. Но Равеннский двор едва справлялся со снабжением возрождавшегося Рима. Префект города писал императору, что из-за быстрого увеличения численности его населения выделяемого продовольствия явно не хватает⁷⁰. Вероятно, это было связано с ревакуацией. Кроме того, право на получение продовольственного пайка в три фунта хлеба на семью ежедневно (а также других продуктов) из государственных магазинов привлекло в Рим многих жителей Италии.

По мере роста трудностей снабжения Рима увеличивались требования к наместнику Африки. Малейшая задержка доставки продовольствия рассматривалась как государственная измена. Когда комит Африки Гераклиан привез в Рим продовольствие после значительной задержки, он был обвинен в измене и казнен, а его состояние конфисковано⁷¹.

Не получив зерна по договору, Атаульф решил овладеть Массилией, где рассчитывал найти запасы продовольствия. Под стены города он пришел с небольшим отрядом, надеясь овладеть им хитростью. Во главе обороны города стоял Бонифаций (будущий правитель Африки). Вестготам не удалось взять город, а Атаульф, едва избежавший смерти, был ранен⁷².

Вестготы расширили завоеванную ими область, заняв местности вокруг Нарбонны, а затем Тулузу и Бордо. Причина успехов вестготского оружия заключалась не только в том, что они действовали в качестве федератов Равеннского двора, но и в отношении к ним галло-римской знати Юго-Западной Галлии. Один из ее видных представителей, Паулин Пеллейский, прямо заявил, что он стремится к миру с готами⁷³.

Вестготы были нужны галло-римской знати для борьбы с багаудами, вигмантийцами, пелагианцами и для противо-

⁶⁷ *Chronica Gallica* 452, § 69 (MGH AA IX p. 654).

⁶⁸ *Olympiodor. Fragm.* 19, 21.

⁶⁹ *Ibidem*, 19. *Hydati Lemici. Cont. chron. Hier.*, an. 413, § 54.

⁷⁰ *Olympiodor. Fragm.* 25.

⁷¹ *Ibidem*, 23.

⁷² *Ibidem*, 21.

⁷³ *Paulini Pellaei Eucharisticos*, v. 303 (...sed Gothicam fateor pacem me esse secutum).

борства претензиям городских курий. Часть муниципальных магистров, особенно тех, которые находились в провинциальных центрах, сама нуждалась в военной силе вестготов в борьбе как против основной массы угнетенного населения, так и против крупных магнатов. Вестготы оказались союзниками двора и двух основных группировок галло-римской знати Юго-Западной Галлии.

Продолжая политику сближения с галло-римской знатью и Равеннским двором, Атаульф отпраздновал в Нарбонне 1 января 414 г. пышную свадьбу с Плацидией, сестрой императора Гонория, взятой в плен в Риме. Брачная церемония происходила в доме самого знатного нарбоннца. Атаульф был одет в римские одежды. Он подарил Плацидии пятьдесят юношей, каждый из которых преподнес ей по два больших подноса, наполненных золотом и драгоценностями, награбленными в Риме и других городах. Бывший император Аттал первым пропел свадебную песнь. Затем пели Рустикий и Фивадий, после чего продолжались игры вестготов и римлян⁷⁴. Атаульф поведал одному нарбоннцу свои планы на будущее. Он рассказал: «В юности у меня было желание уничтожить самое имя Рима, предать забвению все римское, создать Готскую империю, чтобы за основание Готии, вместо Романи, меня славили всенародно, как некогда славили Цезаря и Августа. Однако после того, как были сделаны некоторые попытки, когда выяснилось, что законы существенно необходимы для поддержания порядка, ибо без них нет и государства, что свирепый и несговорчивый характер готов не способен подчиниться благотворным стеснениям, налагаемым законами и гражданским управлением, я остановился в конце концов на том, чтобы избрать иную цель для славы и честолюбия. Теперь я искренне желаю одного, чтобы признательность будущих поколений оценила по достоинству заслуги чужеземца, употребившего меч готов не на разрушение Римской империи, а на укрепление ее»⁷⁵.

Брак Атаульфа с Плацидией в случае его признания Гонорием мог привести к усилению нарбоннской знати при Равеннском дворе. Это было не выгодно староримской знати и сторонникам брата жены Гонория, Констанция. По его настоянию, Гонорий не признал бракосочетания и потребовал возвращения Плацидии в Равенну. Чтобы заставить выполнить такое требование, римский флот блокировал Средиземноморское побережье Галлии. Тогда Атаульф обратился к испытанному приему и провозгласил императором Атталю.

Марionеточный император вновь принял свое назначение всерьез. Но теперь он пытался добиться поддержки галло-римской знати, заинтересованной в создании своего государст-

⁷⁴ Olympiodor. *Fragm.* 24.

⁷⁵ *Oros. Hist.*, VII, 43, 5—7.

венного аппарата, и раздавал ее видным представителям высшие государственные должности. Паулин Пеллейский, получивший пост комита священных щедрот (министра финансов), удивлялся тому, что Аттал верил в реальность своего императорского титула, хотя не имел для его обеспечения ни солдат, ни денег, ни моральных прав. Его единственной опорой были готы. Паулин утверждал, что сам он, не держась стороны неомощного императора, стремился к миру с готами. Этого мира желали и сами готы. И он был заключен⁷⁶.

Позиция Паулина Пеллейского и других галло-римских земельных собственников станет понятной, если учесть, что он, выходец с Востока, чьи богатства были не последними в стране, жил в Бордо «в просторных апартаментах, удобных для каждого времени года, наполненных мебелью разного назначения и серебром, более дорогим по обработке, чем по весу, с многочисленными слугами и ремесленниками, готовыми в любую минуту выполнить любое приказание, с колюшнями, полными сытых лошадей для прогулки, с повозками, прочными и элегантными»⁷⁷. Движение вигимантийцев, пелагианцев и особенно багаудов вело к потере этих богатств. Знать не могла получать доходов от колонов и, как жалуется Паулин, терпела нужду⁷⁸. Подобно тому, как вторгшиеся в Галлию в 407 г. аланы, вандалы и свевы потопили в крови движение вигимантийцев, вестготы избавили Юго-Западную Галлию от багаудов. Со времени вторжения в нее вестготов в источниках больше не упоминается о багаудском движении в этой области, хотя в соседних — Терраконии и Арморике, — оно продолжалось в течение всей первой половины V века. В 412 г. накануне вестготского вторжения Паулин собирался переехать на Восток. Когда в Бордо вступили вестготы, надобность в отъезде отпала, так как благодаря им знать восстановила свое положение.

Часть знати Юго-Западной Галлии, подобно Паулину, имевшая поместья в разных провинциях Империи, стремилась к союзу с варварами, надеясь с их помощью продлить ее существование. Им была нужна военная сила варваров на службе Империи, а не самостоятельное государство в небольшой провинции или диоцезе.

Иную позицию занимали те средние землевладельцы и городская куриальная знать, чьи владения были сосредоточены только в данной провинции и которые отстаивали свои позиции в борьбе с социальной опасностью и со своими политическими противниками — сенаторами, епископами и равеннскими чиновниками. Они не были против отделения от империи и, заручившись поддержкой варваров, могли поддержать местного

⁷⁶ Paulini Pellaei Eucharisticos, v. 303—304.

⁷⁷ Ibidem, v. 205—213.

⁷⁸ Ibidem, v. 308—310.

ставленника в императоры. Отсутствие постоянных представительных учреждений помешало им действовать согласованно и ориентироваться на союз с каким-либо определенным варварским племенем. Поэтому вестготы смогли заключить союз только с частью знати Юго-Западной Галлии. Группировки знати других частей страны вступали в переговоры с предводителями различных племен, расположенных по соседству.

5. Поселение франков, бургундов, саксов, алеманнов и аланов в Галлии. Григорий Турский утверждает, что в 80-х гг. IV в. франкские наемники и федераты были основным контингентом римских войск в Галлии. 31 декабря 406 г. они преградили вандалам дорогу в страну и уничтожили до 20 тысяч человек во главе с их предводителем Годегизилом и могли бы окончательно их разбить, если бы не подошли аланы во главе с Респендиалом, заставившие франков отступить.

В свое время император Константин III (407—411) также поручил франкам оборону Первой и Второй Бельгийских провинций.

После победы Равеннского двора над Константином III франки сами перешли в наступление и заняли местности до Мааса и Самбры, откуда постепенно продвигались к югу. Между 413 и 428 гг. они тремя приступами взяли Тревры (до 395 г.— столица префектуры). В то же время Колонию Агриппина захватили бруктеры, позже получившие название рипуарских франков. Местная знать видела в них надежную военную силу.

Среди варваров, перешедших Рейн 31 декабря 406 г., Павел Орозий и Иероним называют и бургундов. Однако более сведущие авторы Равеннских анналов, двух Галльских хроник, Проспер Тирон, Зосим, Ориенций и Флодоард бургундов не упоминают. Вероятно, они лишь немного продвинулись вдоль Майна к Рейну и подошли к Майнцу (в 411 г.) и Вормсу (в 413 г.). Как уже известно, их предводитель Гунтиарий (Гундихар) в 411 г. поддержал Иовина, объявленного императором.

В 413 г., по свидетельству Проспера Тирона, «бургунды получили для поселения часть Галлии, ближайшую к Рейну»⁷⁹. С этого времени резиденцией их королей стал Вормс, что подтверждается и содержанием «Песни о Нибелунгах»⁸⁰. В течение первой половины V в. Равеннский двор то использовал бургундов как своих федератов, то, когда они становились опасными или добивались самостоятельности, вел против них борьбу (особенно в 435 и 436 гг.). Только после разгрома гуннов, которых Империя часто патривала на бургундов, по-

⁷⁹ Prosper. Tiron. Epit. Chron., an 413 (MGH AA IX p. 467).

⁸⁰ «Песнь о Нибелунгах». Л., 1972, строфы 6, 10, 71, 83, 106, 139, 152, 172, 175, 199, 221, 248, 261, 263, 265 и др.

следние окончательно утвердились в Юго-Восточной Галлии.

На северном побережье Галлии начали селиться саксы. В 407—413 гг. они проникли в два пункта (Байе и Лизье) Второй Лионской провинции, подошли к устью Луары и поднялись до ее лесистых островов.

Алеманны водворились в Первой Германской провинции. Аланы ушли в Испанию (в 409 г.), но часть их под предводительством Гоара осталась в Галлии и в 411 г. поддержала Иовина. В 414 г. аланы помогали вестготам осаждать Базас, но при содействии Паулина Пеллейского, завязавшего переговоры с Гоаром, вошли в союз с местными жителями, дали им заложников и совместно с горожанами выступили против своих прежних союзников⁸¹.

Сложившаяся обстановка не благоприятствовала установлению в Галлии вестготского господства. Поэтому вестготы двинулись в Испанию.

6. Вторжение вестготов в Испанию. В 414 г. вестготы оставили Вторую Аквитанию. Но прежде чем выступить в поход, они сожгли и ограбили Бордо, а затем осадили Базас⁸².

Паулин Пеллейский рассказывает, что его поместье, согласно привилегиям, данным сенаторам, было освобождено от вестготского постоя. Но когда вестготы уходили, они не пощадили его. «Хотя я был чиновником императора, признанного ими, я лишился всего имения вместе с разделившей мою участь матерью. Они сделали для меня одно снисхождение: не задержали мою семью как пленников, а позволили нам без всякого наказания оставить город вместе с теми слугами, которые разделили судьбу нашу»⁸³.

Паулин был доволен своей участью, поскольку другие, судя по его рассказу, оказались в худшем положении.

Аттал вестготы увели в Испанию, но там оставили его без поддержки и охраны. Аттал был схвачен сторонниками Гонория и отправлен в Равенну. Император, которому в 409 г. Аттал готовил подобную участь, приказал отрубить ему большой и указательный пальцы правой руки и сослать на остров Липарий.

7. Освободительная борьба народных масс Испании. 13 октября 409 г. в Испанию вторглись аланы, вандалы и свевы. Павел Орозий, очевидец варварского вторжения, сравнивает причиненные ими бедствия с несчастьями, принесенными римскими завоевателями: «Теперь свирепствовал варварский меч. Тяжело было терпеть от варваров то, что двести лет назад пришлось терпеть от римлян»⁸⁴.

⁸¹ Paulini Pelaei Eucharisticos, v. 390—395.

⁸² Ibidem, v. 332.

⁸³ Ibidem, v. 311—327.

⁸⁴ Oros. Hist. VII, 41, 2.

Варвары убивали местных жителей и опустошали целые области⁸⁵.

В Испании началась длительная борьба народных масс, которая, как и в Галлии, была направлена и против захватчиков, и против устаревших социальных порядков, и против римского господства. Ее участники также часто называли багаудами (в Тарраконии, Арацетилании). Варвары столкнулись с более стойким сопротивлением, чем в Галлии, куда на подавление багаудского движения Империя и галло-римская знать бросали всю мощь варварского мира — вестготов, саксов, алеманнов, аланов и гуннов. Испания не испытала нашествия такого количества варварских полчищ. В страну, кроме аланов, вандалов и свевов, ворвались только вестготы и герулы. Однако и в Испании бедствия, причиненные варварами, мало отличались от тех, какие испытала Галлия.

Хронист Идаций приводит многочисленные факты, вскрывающие экономические причины, вызвавшие враждебное отношение народных масс («плебса») к пришельцам. «Варвары, ворвавшись в Испанию, уничтожили все огнем и мечом»⁸⁶. Он рассказывает об опустошении целых областей, о нападении варваров на города, всех жителей которых они уводили в плен⁸⁷.

Народные массы Испании — мелкие крестьяне, ремесленники, торговцы, колоны — спасались в горах, лесах, городах и крепостях⁸⁸. Их сопротивление продолжалось десятилетиями⁸⁹, а местами — два столетия⁹⁰. В ряде укрепленных городов местные жители терпели страшный голод, но не сдавались⁹¹.

Правда, единого руководящего центра борьбы не было. Ее очаги были разбросаны по всей Испании. Единство выражалось лишь в сознании, что они, испано-римляне, отстаивают свою страну от захватчиков. Поскольку же варвары часто действовали как федераты Империи, сопротивление было направлено против варваров и римского господства.

Революционно-освободительная борьба народных масс (в источниках — плебса, рустиков) Испании в Тарраконии⁹², Арацетилании⁹³, Ороспед⁹⁴, в областях басков, рутенов, астуринов⁹⁵ вылилась в вооруженное восстание. В ряде провинций она приняла форму ереси присциллиан, либеллатиков, мани-

⁸⁵ Ibidem, VII, 40, 9—10; 41, 2.

⁸⁶ Hydatii Lemici Contin. chron. Hieron., an. 409, § 46. Barbari, qui in Hispanias ingressi fuerant, caede depraedantur hostili.

⁸⁷ Ibidem an. 430, 449, 456, 460, 466, § 92, 137, 168, 170, 186, 199, 202.

⁸⁸ Ibidem, an. 411, § 49: Hispani per civitates et castella residui...

⁸⁹ Ibidem an. 419, 438, 441, 443, 449, § 113, 125, 128, 141.

⁹⁰ Isidor. Hisp. Hist. Gothorum, 54, 59, 63.

⁹¹ Olympiodor. Fragm. 30.

⁹² Hydatii Lemici Contin. chron. Hier. an. 441, 454 § 125, 158.

⁹³ Ibidem, an. 443, § 128.

⁹⁴ Johan. Biclari. Chronica, an. 577.

⁹⁵ Isidor. Hisp. Hist. Gothorum, 54, 59, 61, 63.

хеев и пелагианцев. В 415 г. пресвитер Орозий писал Августину, что в Испании много еретиков — присциллиан и оригенистов, и что испанская церковь страдает от них больше, чем от неприятелей⁹⁶, а Августин сообщал Иерониму: «гибельные учения волнуют умы испанцев гораздо мучительнее, чем варварский меч тела»⁹⁷.

Пресвитер Орозий специально отправился в Африку к Августину, а затем в Палестину к Иерониму за помощью в «опровержении губельных учений»⁹⁸.

Правительство Запада принимало все зависящие от него меры, чтобы сделать варваров своими союзниками и с их помощью подавить народное движение. Христианские апологеты (и в их числе Орозий, Августин, Проспер Аквитанский) утверждали, что варвары посланы богом для наказания еретиков.

Даже после завоевания крупных городов той или иной провинции захватчики не могли считать себя победителями, поскольку народные массы остальных местностей продолжали сопротивление. К тому же, крестьяне свозили свои пожитки и продовольствие в недоступные местности. Области, доставшиеся варварам, были настолько опустошены, что грабить там было нечего.

В таких условиях варвары «прониклись желанием мира»⁹⁹. Они распределили между собой Испанию по жребию. Вандалы и свевы заняли Галисию, вандалы-силлинги — Бетику, аланы — Лузитанскую и Картагенскую провинции¹⁰⁰. Такой раздел означал, что варвары намеревались стать господами в завоеванных местностях, тогда как испано-римская знать хотела видеть их «наемными слугами и защитниками»¹⁰¹. Павел Орозий писал: «Проклятые варвары сменили свои мечи на орала и благоволят к оставшимся римлянам, как к союзникам и друзьям, так что уже находятся среди римлян такие, которые предпочитают переносить среди варваров бедность, но жить свободно, чем терпеть среди римлян бремя налогов»¹⁰².

Конечно, варвары могли стать опорой местных жителей в их борьбе за независимость от Рима и создание испанского государства. Однако необходимость его создания признавалась не всеми. В горных областях почти не ощущалось потребности в центральном правительстве. Значительная часть кре-

---

⁹⁶ Orosii ad Aurelium Augustinum Commonitorium de errore priscillianistarum et origenistarum. CSEL 18, p. 152: Dilacerati gravius a doctoribus pravus quam a cruentissimis hostibus sumus.

⁹⁷ Augustin. Epist., 166, n. 2.

⁹⁸ Ibidem.

⁹⁹ Oros. Hist. VII, 41, 7; Hydatii Lemici. Continv. Chron. Hier., an. 411, § 49.

¹⁰⁰ Ibidem.

¹⁰¹ Oros. Hist. VII, 41, 4.

¹⁰² Ibidem, VII, 41, 7.

стьян этих областей, где ввиду отдаленности одного селения от другого столкновения из-за пастбищ и земель возникали редко, предпочтала жить свободными общинами и тем более не под властью римлян или варваров. В тех местностях, где охрана общих интересов и регулирование отношений между селениями были необходимы, понимание этого выливалось в борьбу за объединение самоуправляющихся общин в конвенты. Укрепленные пункты общин и конвентов стали центрами антиварварской и антиримской борьбы.

Народные массы Испании вели борьбу против аланов и вандалов до их ухода в Африку. Против свевов — до 468 г., когда угроза вестготского завоевания заставила испано-римлян объединиться со свевами для борьбы против новых врагов. Сопrotивление вестготам продолжалось до середины VII в. Правда, отдельные общины время от времени заключали мирные договоры с варварами.

Поскольку борьба основной массы испано-римлян (мелкие свободные крестьяне, ремесленники, плебеи, рустики, колонь) была направлена против нового порабощения и на ликвидацию старого, она являлась одной из форм классовой борьбы. Тот факт, что народные массы Испании выступали против варваров, состоявших в основном из свободных общинников, не меняет положение. Как известно, римское рабовладельческое государство также создавалось, а затем расширялось при помощи войск, набранных из свободных крестьян. Экономическую основу римского государства в пору его расцвета также составляли мелкие свободные крестьянские хозяйства и независимые ремесленники. Правда, стремление горных общин к независимости могло привести к сохранению устаревших отношений, унаследованных от первобытнообщинного строя, но в V в. оно было прогрессивным, поскольку побуждало их выступать против любых поработителей.

В условиях народного сопротивления среди вестготской знати произошел раскол. Одна ее часть была за сближение с Равеннским двором, другая — против него.

В разгоревшейся междоусобной борьбе погиб Атаульф, и королем был провозглашен Сигерих, также убитый через неделю. Королем стал Валия, выдвинувший план завоевания Африки.

Вестготы выступили из Барселоны к Гадитанскому проливу. С отрядом воинов, обученных морскому делу, Валия пытался переправиться в Африку, но ему помешала буря¹⁰³. Вестготы оказались под угрозой голодной смерти. Олимпиодор рассказывает, что вандалы называли их трулами, потому что готы были вынуждены покупать у них трулу (чашку) пшеницы за золотую монету¹⁰⁴.

¹⁰³ Ibidem, VII, 43, 11.

¹⁰⁴ Olympiodor. Fragm. 31.

Несмотря на то, что Валия был ставленником партии, враждебной союзу с императором, он завязал переговоры с Равенной¹⁰⁵. Вероятно, Валия и его сторонники поняли, что иначе вестготы не смогут удержаться в пределах Империи и обречены на голод. Им противостояли местные жители, вандалы, аланы и свевы.

Император Гонорий в свою очередь прислал к Валию магистра официи Эвплутия для переговоров о мире. Получив по договору 600 тысяч мер пшеницы¹⁰⁶, Валия отправил Плацидию в Равенну и дал заложников.

Вероятно, Равеннский двор рассчитывал, что вестготы смогут восстановить его власть над Испанией. Раньше такие надежды возлагались на аланов, вандалов и свевов, объявленных федератами Империи, но после 411 г., когда эти племена разделили страну по жребью и перестали считаться с интересами императора, сила поладобилась для борьбы с ними.

После заключения договора вестготы обрушились на аланов и вандалов-силлингов в Лузитании и Бетике. Война продолжалась два года.

В 418 г. Валия разгромил вандалов-силлингов в Бетике, а затем аланов в Лузитании и Картахенской провинции. Аланский предводитель Аддак погиб в битве. Уцелевшие аланы бежали к вандалам в Галисию, где уже находились свевы. Но по свидетельству Идация, плебе Галисии выступил против варваров. Это заставило их возобновить союз с правительством Запада¹⁰⁷.

Орозий связывает такой поворот в политике с распространением христианства, однако сам факт христианизации варваров как раз свидетельствует о том, что у них уже складывались основы классового строя и появилась эксплуататорская верхушка, нуждавшаяся в идеологической узде для своего народа. Этой же цели служил и союз с Империей.

Сначала, когда аланы, вандалы и свевы вторглись в Галлию, а затем Испанию, их предводители стремились, захватив римские провинции, установить свое господство. Сплоченность варваров давала надежду на успех. Но экономические факторы постепенно изменили рабовладельческие и первобытнообщинные порядки. Социальная дифференциация варваров, ускоренная условиями, в которых они оказались, разрушила их былое единство и помешала создать государство по римскому образцу. Именно тогда варварская знать стала искать выход в союзе с местной знатью и Равеннским двором.

По словам Орозия, варварские короли писали Гонорию: «Имей со всеми нами мир и получай от нас заложников. Мы

¹⁰⁵ Oros. Hist. VII, 46, 10.

¹⁰⁶ Olympiodor. Fragm. 31.

¹⁰⁷ Hydattii Lemici Contin. chron. Hier. an. 419, 424, 430, 431 § 74, 86, 91, 96.

сражаемся друг с другом, мы истребляем друг друга, и если мы погибнем все вместе, то тем мы одержим победу для тебя, для бессмертной славы твоего государства»¹⁰⁸. Возможно, этими верноподданническими заявлениями маскировались совсем иные цели, но общность эксплуататорских интересов заставляла варварских королей идти на союз с Равеннским двором.

Дальнейшая социальная дифференциация варваров и союз их верхушки с местной знатью заставили основную массу варваров перейти к земледельческому труду. Правда, привычка жить за счет войны, военной службы и грабежа, равно как и пужда Равеннского двора в военной силе варваров, замедляли этот процесс. Но в целом договор с правительством Запада создавал благоприятные условия для их перехода к земледельческому труду, что невозможно без мирного общения с местными жителями.

8. Попытки Равеннского двора упрочить римское господство в Галлии. Образование Тулузского королевства вестготов. После заключения союза с Равеннским двором аланам, вандалам и свевам была поручена военная служба в Испании. Вестготы были отозваны в Галлию, где им предоставлялась для поселения Вторая Аквитания, что являлось частью мероприятий, направленных на восстановление власти Равеннского двора в Галлии.

На территорииArmoriki по-прежнему господствовали багауды и сохранялась революционная ситуация¹⁰⁹. В обеих Бельгийских провинциях поселились франки, на северном побережье Галлии — саксы, в Первой Германии — алеманны и бургунды, возле Базаса — аланы. Большинство этих племен вступило в пределы Империи самостоятельно, по договору с местной знатью или выдвинутыми ею императорами (Константином III, Ювином).

Чтобы восстановить свою власть, Равеннский двор должен был подавить багаудов и подчинить варварские племена. Создание в 409—410 гг. военных округов — Армориканского, Кельнского, Бельгикского и других являлось своего рода подготовкой к этому. В Галлии расположились армии под командованием комита Аргентората и дуксов Армориканского, Майн-

---

¹⁰⁸ Oros. Hist. VII, 43, 14: ... tu cum omnibus pacem habe omniumque obsides accipe: nos nobis conligimus, nobis perimus, tibi vincimus, immorta, i uero quaestu reipublicae tuae, si utrique pereamus.

¹⁰⁹ А. Д. Дмитриев. Движение багаудов. ВДИ, 1940, № 3, 4, с. 101—114; А. Р. Корсунский. Движение багаудов. ВДИ, 1957, № 4, с. 71—87; А. Борковский. Восстание багаудов в Галлии и Испании. УЗ Ярослав. ПИ, вып. 9(19), 1946, с. 3—11.

J. J. Ha t. Histoire de la Gaule Romaine. Paris, 1959, p. 373—378.

F. Lot. La Gaule. Paris, 1947, p. 471—473.

ского, Бельгики, Сены, Кельского и создана резервная армия под командованием магистра конницы Средней Галлии¹¹⁰.

Кроме того, Равеннский двор завязал переговоры с соседними и находившимися в Галлии варварскими племенами, намереваясь сделать их своими союзниками¹¹¹.

Принимались меры к тому, чтобы свести на нет противоречия между Равеннским двором и галло-римской знатью. Поэтому на вновь создаваемые или восстанавливаемые административные должности назначались ее представители¹¹².

К тому же правительство Запада создало Ассамблею Галлии. Согласно эдикту Гонория, ее участниками становились галло-римские магнаты, представители городских курий и высшие чиновники провинций.

Ассамблея Галлии должна была собираться в Арле ежегодно с 15 сентября по 15 октября и решать налоговые и судебные вопросы¹¹³. Первое ее заседание состоялось в 418 г. Были созваны только представители южных провинций, являвшихся опорой римского господства в Галлии, но в дальнейшем предполагалось собирать представителей и остальных провинций¹¹⁴.

Борьба за земельные богатства и право распределять и собирать налоги вела к ожесточенным политическим конфликтам между различными группировками знати. Улаживать их должна была Ассамблея. Однако некоторые представители господствующего класса бойкотировали ее, за что Гонорий угрожал им штрафами. Интересы различных группировок галло-римской знати слишком расходились, чтобы их можно было уладить на заседаниях.

Католическая церковь в свою очередь укрепляла свои позиции в Галлии. 22 марта 417 г. папа Зосима отправил в Галлию послание, согласно которому епископ Арля получил ряд преимуществ перед остальными епископами Галлии. За ним утверждались, якобы всегда ему принадлежавшие, права митрополита не только Виеннской провинции, но и двух Нарбонских¹¹⁵. Он получал право посвящать в епископы и наделялся прерогативами папского викария в Галлии¹¹⁶. В его

¹¹⁰ A. H. M. Jones. The later Roman Empire. Vol. 2. Oxford, 1964, p. 523—562.

¹¹¹ F. Lot. Les invasions Germaniques. Paris, 1935, p. 85—94.

¹¹² E. Stein. Geschichte der Spätromischen reiches. Wien, 1928, p. 407, note 7.

¹¹³ Impm. Honorius et Theodosius. A. V. I. Agricolaе praefecto Galliarum. Corpus legum ab imperatoribus romanis ante Justinianum latarum quae exte constitutionum codices supersunt. Ed. G. Hänel, Leipzig, 1857, n. 1171, p. 238.

¹¹⁴ Carrette. Les Assablées provinciales de la Gaule Romaine. Paris, 1895, p. 450—463.

¹¹⁵ Zosimi. Epist. I ad episcopus Galliae, cap. 2. PL 209, col. 644.

¹¹⁶ G. Langartner. Die Gallienpolitik der Päpste im V und VI Jahrhundert. Bonn, 1964.

пользу был решен спорный вопрос о подчинении двух приходов, расположенных вблизи Массилии.

Попытка усиления арльского епископа и превращения его в проводника папской политики в Галлии встретила решительную оппозицию духовенства многих провинций. Поэтому в 428 г. папа Целестий был вынужден издать буллу, согласно которой в каждую провинцию назначался свой митрополит. Фактически ими становились епископы городов, являвшихся центрами провинций.

Как уже говорилось, среди мер, направленных на восстановление римского господства, было и размещение вестготов в Юго-Западной Галлии.

Предоставленная вестготам провинция Вторая Аквитания входила в состав Вленинского диоцеза и делилась на шесть общин¹¹⁷. По замыслу Равеннского двора вестготы должны были помешать установлению связей между багаудами Арморика и Тарраконии, обезопасить от них Италию, защитить Каптабрийское побережье от нападения саксов и укрепить римское господство в Галлии. Однако, поскольку здесь, как и в остальных частях Империи, зарождались феодальные отношения, поселение вестготов в Юго-Западной Галлии только на первых порах способствовало выполнению этой задачи. В дальнейшем оно содействовало развалу Империи.

Ко времени поселения вестготов в Юго-Западной Галлии часть земельных магнатов, как это видно на примере Паулина Пеллейского и его друзей, стремилась к союзу с пришельцами, так как надеялась с их помощью подавить социальную опасность. Кроме того, правительство Запада преследовало тех знатных галло-римлян, которые поддерживали Константина III, Иовина и Атгала. У Паулина Пеллейского и других было конфисковано имущество. Это также заставляло их искать защиты у вестготского короля. Так, сыновья Паулина Пеллейского примкнули к вестготскому королю в надежде вернуть поместье отца. Один из них даже стал другом короля¹¹⁸.

Часть знати, имевшая поместья во всех провинциях Империи, поддерживала вестготов, надеясь с их помощью сохранить единство Империи. Настроение ее наиболее отчетливо выразил Рутилий Намациан.

Крупный галло-римский землевладелец Рутилий Намациан, занимавший в 414—416 гг. пост префекта города Рима, осенью 416 г. после заключения договора между Равенским двором и вестготами оставил Рим и возвратился в Нарбонну, чтобы привести в порядок свои поместья в Галлии. В поэме, посвященной своему возвращению и путешествию, Рутилий

---

¹¹⁷ Civitates: Burdigalensium, Agennensium, Ecolisnensim, Santonum, Pictavorum et Petracorium.

¹¹⁸ Paulin. Pellaei. Eucharisticos, v. 510—515.

высказывает надежды на возрождение былого могущества Рима:

«Стой, пока тверди стоят, стой, пока звезды горят!
Ты укрепляешься тем, что рушатся прочие царства:
В бедствиях силы набрав, ты к возрождению идишь.
Пусть же падет, некуная свой грех, нечестивое племя,
Пусть вероломный гот в тресете шею пригнет!
Пусть богатую дань принесут умиренные земли,
Пусть добычей врагов полнится лоно твоё!
Пусть для тебя разливаются Нил и Рейн плодоносит,
Пусть изобильный мир кормит кормильца-отца!
Щедрая Африка пусть посылает тебе урожай»¹¹⁹.

Павел Орозий, закончивший труд по всеобщей истории в первые годы после возобновления союза между Равеннским двором и вестготами, призывал жителей Империи соблюдать этот союз и забыть причиненное вестготами зло. «Готы, которые совершали столько ужасных набегов, теперь с мольбою просят союза с Римом и куска земли, чтобы разместиться по указанию римлян»¹²⁰. Мир с вестготами Орозий называет «самым лучшим миром»¹²¹ и предсказывает «наступление времени христианства»¹²².

Августин, напуганный социальной опасностью и широким размахом еретических движений, и еще недавно возвещавший о приближении конца света, к этому времени понял, что вторжения варваров устранили эту опасность и уничтожили еретические движения, а договоры с вестготами, алапами, вандалами, франками и другими варварами возродили у него надежду на укрепление Империи. На вопрос далматинца Эзихия, епископа Салоны, не является ли солнечное затмение 19 июля 418 г. предвестником конца земного мира, Августин ответил: «Вряд ли есть основание полагать, что нынешнее молодое поколение увидит конец мира. Я не верю таким предсказаниям и поверю только своим глазам»¹²³.

Следовательно, господствующий класс Западной Римской Империи и его идеологи (как язычники, так и христианские апологеты) видели в союзе с предводителями варваров залог сохранения существующего строя. И действительно, в провинциях, предоставленных варварам для поселения, прекращалась острая социальная борьба, еретические движения, оппозиционные и сепаратистские выступления знати. На первых порах даже казалось, что происходила полная реставрация порядков первых веков существования Империи, когда на-

¹¹⁹ Rut. Namat. I, v. 139—147.

¹²⁰ Oros. Hist. I, 16, 4.

¹²¹ Ibidem, VII, 43, 12.

¹²² Ibidem, VII, 43, 16.

¹²³ Augustin. Epist. ad Hesychium, CXCVII, 4 et CXCIX, 8. PL 33, col. 900.

бранные из варваров войска пополняли армию римлян и даже способствовали романизации местных жителей. Действительно, в I—IV вв. конные отряды римской армии набирались из представителей различных варварских племен. Чтобы общаться друг с другом и местным населением, они были вынуждены усваивать латинский язык. Это вело к их романизации.

Теперь же варвары селились в римских провинциях компактными массами, а рядовые воины и командиры кавалерийских отрядов были выходцами из одного племени (вестготы в Аквитании, франки в Бельгике, алеманны и бургунды в Первой Германии). Поэтому они сохранили свой язык, обычаи, нравы, хотя и перенимали новые. Таких союзников трудно было заставить служить только римским интересам. Тем более, что они, не получая жалования, существовали за счет труда на земельных участках, доставшихся им на месте расквартирования (часто с хозяйственными постройками, рабами и колонами, обрабатывающими эти участки). Еще труднее было заставить их служить интересам Империи, если предводители варваров вступали в союз с группировками местной знати, боровшимися за ключевые позиции в управлении государством.

Были и другие факторы, действовавшие против интересов Равеннского двора.

Труженики провинций, где поселились варвары, не могли создать такого количества прибавочного продукта, которого хватило бы для пропитания воинов и их семей, содержания административного и судебного аппарата, для снабжения городов и обеспечения роскошной жизни земельных собственников и духовенства. Удовлетворение притязаний одной стороны неминуемо уменьшало долю другой. Это вызывало столь ожесточенную борьбу между различными претендентами на плоды трудов земледельцев и ремесленников, что в нее пришлось вмешаться вестготским и другим королям.

Когда вестготы поселились во Второй Аквитании, их королевская власть, являвшаяся частью римской государственной машины и зародышем нового государственного организма, взяла на себя функции подавления всяческого сопротивления эксплуатации. Выполнение этих обязанностей подразумевало не только прямое насилие, но и определенные уступки народным массам, ограждение их от неорганизованного грабежа, сохранение им определенного минимума жизненных средств. Кроме того, формировавшееся государство вестготов также претендовало на увеличение своей доли прибавочного продукта.

Неизвестный писатель, близкий по взглядам пелагианцам (его сочинения приписываются Просперу Аквитанскому), указывает на истинные причины, заставившие вестготского короля охранять интересы местных тружеников: «От нас забрали

наш скот и наши жатвы, уничтожили наши виноградники и оливковые деревья. Наши сельские дома разрушены огнем и мечом. И еще более печально, что многие местности превращены в пустыни»¹²⁴. «Движимое имущество разграблено, дома сожжены, вино из погребов выпито»¹²⁵. По-видимому, это свидетельство относится к 416—417 гг., поскольку очевидно заявляет, что «десять лет истребляет нас меч вандалов и готов»¹²⁶, а вандалы вошли в Галлию 31 декабря 406 г.

В таких условиях вестготы, возвратившись во Вторую Аквитанию, должны были перейти к производству, а королевская власть — создать условия для нормальной производственной деятельности и их, и местного населения.

Наделы, полученные вестготскими воинами, составляли треть, а офицерами — половину земельных угодий шести общин Второй Аквитании. Они выделялись за счет государственного домена и крупных земельных собственников. Причем в обоих случаях право выбора первой части принадлежало прежнему владельцу.

Несмотря на установление соседских отношений между вестготами и местными жителями, последние еще долго не могли забыть преступлений, совершенных вестготами в 414 г., когда они уходили в Испанию. Однако договор обязывал видеть в них часть государственной машины, отстаивающей интересы Империи, ее воинов.

Вторая Аквитания являлась одной из самых богатых провинций Галлии. «Каждый знает, — писал Сальвиан, — что Аквитания и Новемпопулания — главные провинции Галлии. Они располагают весьма плодородной почвой, красивой и приятной для удовольствий. Повсюду виноградники и улыбающиеся лужайки, чередующиеся с возделанными полями. Везде фруктовые деревья, тенистые леса, ручьи и волнистые нивы. Земледельцы, кажется, владеют здесь земным раем»¹²⁷.

Эта часть Галлии меньше, чем другие, пострадала от варваров. Она не испытала варварских нашествий до начала V в., когда в 407—409 гг. ее ограбили аланы, свевы и вандалы, а в 414 г. — вестготы. После 418 г. наступил относительный мир, и провинция быстро возродилась.

Уроженец Аквитании, христианский поэт Паулин Бизертский, написал поэму, в которой рассказал о страшных последствиях варварских вторжений и призвал своих сограждан отдаться молитвам. Но, видимо, его призывы не находили отклика, поскольку Паулин возмущался тем, что как только прекратились набеги варваров, местные жители вновь распа-

¹²⁴ Prosper. Aquit. Carmen de providentia divina, v. 29—31. PL 51, col. 619.

¹²⁵ Ibidem, v. 903—910, col. 637.

¹²⁶ Ibidem, v. 33, 34, col. 618.

¹²⁷ Salvia n. De gubern. Dei, VII, 2, 8—12. CSEL 8, p. 157.

хали поля, привели в порядок виноградники и занялись восстановлением хозяйства, построек и жилищ. Некоторые из них возвращались к изучению физики и астрологии. В городах возрождались литература и возобновлялись театральные представления, а женщины «наряжались, красились, занимались чтением литературы, посещали театры»¹²⁸.

Водворение вестготов в той части Галлии, где античная культура достигла столь высокого уровня, а занятие земледелием приносило большие выгоды, оказало на них огромное влияние. Это вело к увеличению численности независимых мелких земледельцев и способствовало развитию экономических тенденций эпохи. К тому же готовность вестготов защищать страну создавала необходимые условия для производственной деятельности тружеников.

Однако еще долго сохранялись обстоятельства, тормозящие переход к мирной жизни. Главное из них — политика правительств Империи. Равеннский двор видел в вестготах воинов, обязанных выступить в поход по его первому требованию, что было выгодно и самим вестготам — представлялась возможность поживиться за счет грабежа. Они часто предпринимали походы в Испанию, где, выступая против багаудов или свевов, грабили и тех, и других. Это закрепляло привычку жить за счет военной добычи, культивировало пренебрежительное отношение к земледельческому труду и, поддерживая вокруг военного дела поэтический ореол, являлось преградой сближения местных жителей и вестготов.

Несмотря на эти обстоятельства, поляризация вестготского общества, ускоренная влиянием производительных сил и производственных отношений, которые вестготы застали во Второй Аквитании, привела к сближению между местными жителями и вестготами, схожими по своему имущественному положению и образу жизни. К тому же среди вестготов образовалась прослойка людей, которые не могли нести конной военной службы, и по образу жизни ничем не отличалась от основной массы местных земледельцев.

Вестготский король Теодорих I (419—451) сумел использовать все эти условия для укрепления своей власти. Подчиняясь Равеннскому двору и признавая римские законы, администрацию и суд, он, однако, не считался с теми из них, которые противоречили интересам вестготской и (ставшей на его сторону) местной знати. Он стал непосредственно управлять провинцией, собирать налоги и пошлины, награждать земельными наделами. Поэтому экономические интересы вестготского короля, как и вестготских воинов и местного населения, вступили в острейшие противоречия с интересами Равеннского двора и его чиновников, стремившихся к ограблению Галлии.

---

¹²⁸ Paulini Epigramma, v. 8—79. CSEL 16, I p. 503—506.

Такое положение содействовало укреплению королевской власти и расширяло ее социальную базу. Лавируя между вестготской и галло-римской знатью, а также Равеннским двором, и имея на случай военных столкновений вестготское народное ополчение, королевская власть превратилась в диктатуру вестготской и местной знати, захватившей государственные и неразделенные между сельскими общинами земли, и подавлявшей сопротивление основной массы местных жителей и рядовых вестготов.

Аналогичные процессы происходили на севере Галлии, где расселились франки, и на юго-востоке, где обитали бургунды.

Глава V. СОЮЗ ИТАЛО-РИМСКОЙ И АФРИКАНО-РИМСКОЙ ЗНАТИ С ВАНДАЛАМИ И ОБРАЗОВАНИЕ ВАНДАЛЬСКОГО КОРОЛЕВСТВА

1. Римская Северная Африка к началу V в. В III—IV вв. Римская Северная Африка была одной из самых богатых частей Империи и главным поставщиком продовольствия Италии и Риму. В аполимном географическом трактате IV в. сказано, что Африка «изобилует всем — хлебом и вьючным скотом, и одна снабжает оливковым маслом едва ли не все народы»¹.

Ее территория делилась на семь провинций:

1. Мавритания Тингитанская (центр г. Тингис) входила в состав диоцеза Испания, подчиненного префектуре Галлии.
2. Бизацена, Нумидия, Мавритания Ситифийская, Мавритания Цезариенская и Триполитания входили в состав диоцеза Африка, подчиненного префектуре Италии.
3. Африка с главным городом Карфагеном подчинялась непосредственно императору и управлялась проконсулом (Проконсульская Африка).

На диоцез Африка, во главе которой стоял викарий, и на провинцию Африка, управляемую проконсулом, была возложена обязанность снабжать продовольствием Италию и Рим. Существовала должность префекта африканской анноны, ведавшего вопросами поставок продовольствия.

Ставленники Рима, получавшие эти должности, присваивали земельные богатства неплательщиков налогов и анноны и богатели. Однако, став крупными земельными собственниками и сблизившись с местной знатью, они стремились к независимости от центрального правительства, поскольку начинали понимать необходимость сосредоточения в своих руках аппарата угнетения и обороны. Поэтому даже самые верноподанные наместники императора становились его врагами.

Африкано-римская знать могла обойтись без Рима. Если прежде она получала в централизованном порядке рабов, то теперь рабочая сила пополнялась за счет местных людских ресурсов путем закрепощения различных слоев местных жи-

¹ *Expositio totius mundi et gentium*, § 61.

телей и сдачи в аренду земельных участков крестьянам и выходцам из соседних мавритано-берберских племен.

Римляне господствовали лишь в долинах Северной Африки, тогда как горные районы сохраняли свою независимость. Жители плодородных местностей, оттесненные римлянами в горные районы, оказались в тяжелом положении. Поэтому эти районы стали очагами борьбы против римского господства и убежищем для всех недовольных существующим строем.

Помимо этого с начала IV в., когда опорой господствующего класса и Рима стала официальная христианская церковь, революционные и сепаратистские настроения населения Африки выразились в форме оппозиции и к ней. Широко распространились различные ереси и, особенно, донатистское направление христианства. Наряду с ним существовало радикально-демократическое движение агонистиков (борцов) с широкими социальными требованиями, известное под названием циркумцеллионов.

В середине IV в. донатисты и циркумцеллионы часто совместно выступали против римского господства и официальной христианской церкви. К концу века они так сблизились, что Августин уже не видел между ними разницы. Рассказывая о циркумцеллионах, он утверждал, что так называлась масса людей, причислявших себя к партии Доната и не имевших постоянных жилищ и определенных занятий². Они считали себя христианскими подвижниками, воинами Христа, борцами³. Среди них было много неимущих и поденщиков, которые не имели постоянных источников существования и жили за счет случайных заработков или подаяния⁴.

Агонистики вели борьбу против социальной несправедливости и стремились осуществить ранне-христианские идеалы равенства. Августин рассказывает об их многочисленных отрядах, вооруженных палками, пращами, секирами и дубинами, которые они называли розгами Израиля⁵. Они уничтожали долговые расписки, защищали должников, освобождали рабов, разоряли жилища ростовщиков и рабовладельцев⁶, «своим судом и властью меняли положение господ и рабов»⁷.

По-видимому, агонистики парализовали деятельность государственного аппарата: «Что касается помощи со стороны гражданской власти,— жалуется Августин,— которую по закону она должна оказывать, то могла ли она что-либо сделать

² Augustin. *Contra Gaudentium*, I, 28 § 32.

³ Augustin. *Eunaratio in Psalm.*, CXXXI, 6.

⁴ Augustin. *Contra Gaudentium*, I, 28 § 32.

⁵ Augustin. *Eunaratio in Psalm.* LV, 25. *Contra Petill.*, II, 96, 221.

⁶ Augustin. *Epist.*, CLXXX, cap. 4 § 15.

⁷ Optatus. *De schismate Donatist.*, III, 4.

против них? Кто из должностных лиц мог дышать в их присутствии? Кто из сборщиков податей посмел взыскать то, чего они не хотели? Кто пытался наказать их за тех, которые стали жертвами их убийств?»⁸.

Время от времени против агонистиков посылались римские легионы, с приходом которых в той или иной местности восстанавливались римские порядки, а восставшие как бы исчезали. Но восстание вспыхивало в другом месте.

Как правило, силы Римской империи и официальной церкви, получившей с конца IV в. название католической, были сосредоточены в городах, являвшихся опорой римского господства, тогда как в деревнях главенствовали агонистики и донатисты⁹. «Был ли господин,— утверждает Августин,— который бы не был вынужден бояться своего раба, если только последний прибегал к их защите? Кто посмел хотя бы угрожать разорителям? Кто мог взыскать что-либо с человека, ограбившего его кладовую или с должника, обратившегося к их покровительству»¹⁰.

Такое положение привело к тому, что викарии провинций не могли снабжать Рим хлебом и собирать в пользу римского фиска¹¹ ежегодную дань, одна треть которой поступала городу¹². В таких условиях росли сепаратистские устремления африкано-римской знати, стремившейся объединиться и найти способы подавления социальной опасности. На средства, отправляемые в Рим, можно было содержать значительные военные силы, и знать была готова поддержать любого наместника, добивавшегося независимости от Рима.

В Африке существовала и другая сила, всегда готовая выступить против римского господства — мавритано-берберские племена внутренних горных районов, пограничных областей и заграничных территорий, примыкавших к римскому лимесу. Эти племена переходили к оседлости, что сближало их с родственными романизованными африкано-римлянами. Этому способствовала и общая опасность. К югу от поселений, примыкавших к римскому лимесу, тянется большая степная полоса, простирающаяся от Атлантики до Красного моря.

---

⁸ Augustin. Epist. CLXXXV, cap. 4 § 15.

⁹ Г. Г. Дилигенский. Северная Африка в IV—V вв. М., 1961, с. 155—201; А. Д. Дмитриев. К вопросу об агонистиках и циркумцелионах. ВДИ, 1948, № 3, с. 68—78; Н. А. Машкин. Агонистики или циркумцелионы в Кодексе Феодосия. ВДИ, 1938, № 1, с. 82—92; Его же. К вопросу о революционном движении рабов в Римской Африке. ВДИ, 1950, № 1, с. 51 сл.; Его же. К вопросу о революционном движении рабов и колонов в Римской Африке. ВДИ, 1939, № 4, с. 51—61; W. Friend. The Donatist Church: A Movement of Protest in Roman North Africa. Oxford, 1952.

¹⁰ Augustin. Epist. CLXXXV, cap. 4 § 15.

¹¹ R. Cagnat. Etude historique sur les impots indirects chez les Romains jusqu'aux invasions barbares, d'après les documents littéraires et épigraphiques; Paris, 1882.

¹² Cod. Theod. IV, 13, 7.

На этой огромной территории кочевали скотоводческие племена, чьи передвижения зависели от смены периодов дождей и засухи. В отличие от соседних с романизированной частью Африки народов, переходивших к оседлости и земледелию, у них сложилось таборное кочевое скотоводство и выделилась знать, видевшая источник доходов в грабительских войсках с соседями и в набегах на районы, примыкавшие к лимесу.

По рассказу Аммиана Марцелина, в 365—366 гг. кочевники вторглись в область Лептиса и Эи, подвергли их страшному опустошению, истребили много крестьян, предали огню домашнее имущество, которое не могли увезти с собой, и с огромной добычей вернулись в степь. «Они избивали всех, кому не удалось бежать от опасности, грабили все, что еще оставалось от прежних набегов, рубили плодовые деревья и виноградные лозы»¹³.

Пообещав помощь в отражении кочевников, комит Африки Роман потребовал от горожан пограничного района продовольствие и 4 тысячи верблюдов, заявив, что до получения всего этого он не сделает ни шага¹⁴. Когда горожане заявили, что после опустошений и пожаров они не могут удовлетворить такого требования, Роман отвел войско.

Вся тяжесть борьбы с кочевниками легла на крестьян пограничных районов и горожан. Последние оказались в лучшем положении, чем крестьяне, поскольку кочевники не умели брать городов. Так, город Лептис они осаждали восемь дней и, понеся большие потери, отступили¹⁵.

Картину героической борьбы крестьян и горожан против кочевников нарисовал в ряде своих писем Синезий. Правда, его рассказы относятся к положению в византийской Африке, точнее к Пентаполису. Однако и там, как и по соседству, в римской Африке, солдаты прятались в крепостях, а всю тяжесть обороны несли крестьяне, которые, вооружившись чем попало, отбивали нападения.

В 372 г. в Западной Кабилии начались раздоры между наследниками мавританского князя Нубея. В них вмешался комит Африки Роман. Фирм, убив своего брата Замма, пользовавшегося покровительством Романа, по словам Аммиана Марцелина, «отложился от Империи и собрал вспомогательные силы для опустошения»¹⁶. На сторону Фирма перешли некоторые племена (мазики, музоны, капраренцы, абанны, исафлензы, юбалены, игмазены), части константиновского легиона и четвертая когорта сигитариев.

Зосим видит причину восстания в непосильных налогах. «Поэтому ливийцы, которые не могли вынести больше жадно-

¹³ Amm. Marcell., XXVIII, 6, 10.

¹⁴ Ibidem, 6, 5.

¹⁵ Ibidem, 6, 15.

¹⁶ Ibidem, XXIX, 5, 3.

сти Романа, комита римских войск в Мавритании, передали пурпурные одежды Фирму и провозгласили его императором»¹⁷.

На подавление восстания Римская империя бросила легионы из Паннонии и Мёзии во главе с Феодосием (отец императора Феодосия).

Чтобы уменьшить влияние Фирма, Феодосий запретил брать у провинциалов провиант для армии, арестовал Романа и начал преследование Римских чиновников, дискредитировавших себя вымогательствами¹⁸. Он привлек на свою сторону Гильдона, брата Фирмы, что увеличило раздоры в среде мавританских племен. После того, как Феодосий таранами разбил стены Гайопатиса, последнего оплота восставших, и перебил всех его жителей, с восстанием было покончено.

После этой победы Феодосий стал фигурой, вокруг которой могла объединиться африкано-римская знать. Поэтому по приказу императора он был казнен.

Политика привлечения варваров на римскую службу практиковалась и в Африке. Множество мавритано-берберов находилось в римской армии¹⁹, а Гильдон, содействовавший разгрому Фирма, в 386 г. получил пост комита Африки²⁰.

Деятельность Гильдона была типичной для римских ставленников: собирая налоги, он не забывал себя и своих сторонников. Клавдиан свидетельствует, что Гильдон захватывал участки и прогонял с земли «старинных» (прежних) колоннов²¹. Августин рассказывает, что Гильдон и его ближние разоряли вдов и сирот, делили между собой чужие имения²². Это подтверждается и императорским указом, изданным после победы над Гильдоном и его сподвижниками²³. Указом учреждалась специальная должность комита по управлению конфискованными имениями²⁴. Можно полагать, что вокруг Гильдона объединилась местная знать, использовавшая военные силы и власть для увеличения своих земельных владений.

Большинство крупных земельных собственников Северной Африки в III—IV вв. непосредственно зависело от провинциальной администрации. Их владения не входили в состав городских территорий, не подлежали обложению городскими налогами и повинностями. Подчиняясь суду и надзору намест-

¹⁷ Zosim. Hist., IV, 16.

¹⁸ Ibidem, 5, 6—7, 10—11.

¹⁹ B. Warmington. North African provinces from Diocletian to the Vandal conquest. Cambridge, 1964, p. 69—75.

²⁰ В 398 г. Клавдиан утверждал, что Африка уже 12 лет находится под тиранией Гильдона, из чего следует, что он занял этот пост в 386 г. Cl. Claud. De bello Gildonico, v. 154.

²¹ Cl. Claud. De bello Gildonico, v. 75—76, 198.

²² Augustin. Contra litteras Petilliani. II, 23, 53; 44, 103.

²³ Cod. Theod. VII, 8, 7, 9; IX, 40, 19; 42, 19; 48, 18.

²⁴ Notitia Dign., Occid., XII. Comes Gildoniaci patrimonii.

ника провищии, они были обязаны вносить лишь государственный налог²⁵. Поэтому наместник имел с ними непосредственную связь, и они являлись той силой, на поддержку которой опирался Гильдон до своего поражения.

В связи с ростом крупного землевладения обострялись социальные противоречия в Африке. Земли магнатов исключались из налогового обложения в данной городской округе, а общая сумма налога на город не менялась в течение пятнадцатилетнего срока (индикта). Но и по его истечению она менялась, как правило, лишь в сторону увеличения. Поэтому налог на участки, подлежащие обложению, ежегодно возрастал.

В исторической литературе распространено мнение, будто Гильдон провел какие-то социальные реформы и распределил между крестьянами землю, конфискованную у крупных земельных собственников. Известные источники не подтверждают этого. Нам лишь известно, что Гильдон способствовал разорению средних и мелких землевладельцев и росту крупных. Причем, как было уже отмечено, большую часть земельных участков захватили он сам и его сподвижники. Он отбирал участки у одних арендаторов и передавал их другим, вероятно, на более выгодных для себя и своих сподвижников условиях. Этим он, несомненно, заслужил симпатии знати Африки, поскольку, согласно императорскому закону 383 г., изгнание колона и передача его участка другому были запрещены, чем признавались наследственные права колона на арендуемый участок. Отмена этого закона Гильдоном являлась реакционной, поскольку им уничтожалась завоеванная колонами самостоятельность их хозяйства.

По свидетельству Галльской хроники, в связи с восстанием в Африке Гильдон отменил выплату подати Риму²⁶. Очевидно, это было вызвано не только трудностями сбора налога в условиях актившей деятельности агонистиков, но и стремлением сосредоточить в своих руках материальные ресурсы, необходимые для устранения социальной опасности, подавления немущих.

Зная, что правительство Запада неминуемо применит силу, Гильдон связался с Византией и заявил о своем переходе на сторону Аркадия, как старшего Августа²⁷. Византия, обеспо-

²⁵ T. Kotula. Rozwoj terytorialny i organizacja latyfundiów w rzymskiej Afryce w okresie wczesnego cesarstwa. EOS, 46, 1952—53, 2, str. 113—139; F. Walbanc. The Decline of the Roman Empire. London, 1946, p. 40—43; B. Warmington. The North African Provinces from Diocletian to the Vandal Conquest. Cambridge, 1954, p. 64—69; T. Kotula. Zgromadzenia prowincjonalne w Rzymskiej Afryce w epoce późnego cesarstwa. Wrocław, 1965, s. 11—44, T. Kotula. Afryka północna w starożytności. Wrocław—Warszawa, 1972.

²⁶ Chronica Gallica 452, an. 397 (MGH IX p. 650), § 36. Gildo Africa in rebellionem commota consueta Romanis stipendia subtraxit.

²⁷ Cl. Claud. De bello Gildon., v. 236—314.

кошенная призывами Клавдиана к войне против Константинополя и высадкой войск Стилихона в Ахайе, приняла сторону Гильдона. Зосим рассказывает, что Евтропий, опекун Аркадия, «убедил императора созвать сенат и объявить Стилихона врагом государства, после чего Евтропий сделал своим другом Гильдона, предводителя Карфагенской Ливии, которую он оторвал от государства Гонория и подчинил Аркадию»²⁸.

На сторону Гильдона стали донатисты, ярые противники господства римской церкви в Африке, и местная знать. Он собрал семидесятитысячную армию из различных мавритано-берберских племен²⁹. Можно было опасаться, что Гильдон переправится в Испанию и поднимет ее народ против Рима³⁰.

Восстание Гильдона лишило Италию основной продовольственной базы. Возникла угроза голода. Римский префект Симмах высказал опасение, что в связи с недостатком продовольствия безопасности «столицы мира» будет угрожать «ярость мятежной черни». Клавдиан выразил эту мысль в речи Рима перед троном Юпитера, где Рим, «столица и повелитель мира», изображен в агонии смерти от голода. Рим держит речь не обычным сильным голосом, а слабым шепелявым шепотом. Глаза его затуманены и лишены прежнего блеска. Щеки ввали. Костлявые руки едва удерживают меч. Из-под шлема, едва держащегося на голове, видны клоки редких седых волос. Он громко жалуется громовержцу, что победы над Карфагеном ничего не дали, если Гильдон, более презренный, чем Ганнибал, будет владычествовать над Африкой. Рим умоляет Юпитера оказать помощь в разгроме Гильдона, чтобы он мог снова получать обильные дары Африки³¹.

Стилихон был вынужден вывести войска из Ахайи и заняться вопросом снабжения Рима и подготовкой войны против Гильдона.

В этот период правительство Запада издало законы в пользу землевладельцев-эмпитевтов³² и куриалов³³, а Клавдиан оплакивал положение колонов, у которых Гильдон отобрал надельные³⁴. Казалось, что Равеннский двор имеет намерение восстановить поправную справедливость, и это привлекло на его сторону определенные слои африкано-римлян.

По свидетельству Клавдиана, против Гильдона были посланы шесть легионов, выведенных из Галлии, и вспомога-

²⁸ Zosimi. Hist., V, 11, 2.

²⁹ Oros. Hist. VII, 36, 10—12.

³⁰ Cl. Claud. De consulat. Stilich., 1, 19.

³¹ Cl. Claud. De bello Gildon., v. 19—25, 105—111.

³² Cod. Theod. XIII, 11, 6. Закон требовал возвращения земель прежним эмпитевтам.

³³ Cod. Theod. X, 52. Закон запрещал принуждать куриалов к выполнению уже выполненных повинностей.

³⁴ Cl. Claud. De bello Gildon., v. 198 ... veteres detrudit iure colonos.

тельные войска варваров³⁵, всего около 40 тысяч человек³⁶. Правда, Орозий утверждает, что их было только пять тысяч, но за ними следовали монахи острова Капрайя, которые пели псалмы и вымаливали у бога победу.

Во главе войск Стилихон поставил Масцезеля, младшего брата Гильдона.

Из рассказа Орозия известно, что войска встретились у реки Ардалио, на границе Проконсульской Африки и Нумидии. Когда Масцезель узнал, что у Гильдона 70 тысяч воинов, он не решился дать сражение. Но на третий день солдаты из когорт Гильдона стали переходить на сторону Масцезеля, а из мавритано-берберских отрядов — разбежаться³⁷. Гильдон пытался отплыть на корабле, но был настигнут, доставлен на берег и вскоре погиб³⁸.

Поражение Гильдона в значительной мере объясняется тем, что он опирался на слишком узкую социальную базу, а политика ограбления колонов и средних землевладельцев лишила его их поддержки. Часть народных масс перешла на сторону правительства, издавшего ряд законов в пользу куриалов и колонов. Местная фрондировавшая знать также перешла на его сторону, как только осознала опасность движения агонистиков и усиления мавритано-берберов.

Учтя опыт возвышения Гильдона, Стилихон понял, насколько опасным мог стать Масцезель. Это решило его судьбу. Когда прибывшие в Милап Стилихон и Масцезель шли через мост, сопровождавшая их охрана сбросила Масцезеля в реку, а Стилихон смеялся, глядя как тот захлебывается и тонет³⁹. Во главе Африки был поставлен Батанарих, муж сестры Стилихона.

Однако положение в Африке продолжало осложняться. Этому способствовали следующие обстоятельства. Так как мавритано-берберы во время борьбы, развернувшейся в стране, были на стороне Гильдона, то наместники Африки, начиная с Батанариха, перестали нанимать их вспомогательные отряды. Недовольная мавритано-берберская знать, видевшая в военной службе источник доходов, сблизилась с донатистами, революционными и оппозиционными элементами, бежавшими под защиту этих племен в конце IV — начале V в. Однако и наместники Африки, лишившись опоры мавритано-берберов, оказались беззащитными перед Римом и полностью зависимыми от политических перемен в Империи.

³⁵ Ibidem, v. 418—424 (Herculam... Joviamque... Felix... Augusto Icgio... Invicti... Leones.).

³⁶ Мы исходим из того, что численность легиона в IV—V вв.—6100 нехотищев и 730 всадников (не считая обслуживающего персонала) см.: Vegetii Renati. Epit. rei Militaris, 11, 6.

³⁷ Oros. Hist. VII, 36, 10.

³⁸ Ibidem, VII, 36, II. Zosim. Hist., V, 11.

³⁹ Ibidem.

После гибели Стилихона в 408 г. был убит и его ставленник Батанарих, которого сменил Гераклиан, убийца Стилихона⁴⁰. Поскольку и Гераклиан не смог выполнить всех требований Рима, он был обвинен в тираннии и казнен. Такая же судьба ожидала и Бонифация, в 422 г. прибывшего в Африку во главе готских наемников, так как его отношения с Равеннским двором и Римом осложнились из-за внутреннего и внешнеполитического положения страны.

2. Освободительная борьба в Испании и перемены в Равеннском дворе. В то время, как народные массы (плебс) Испании продолжали борьбу против аланов, вандалов и свевов, испано-римская знать, запуганная ее размахом и возможностью перерастания в социальную, решила вступить в союз с варварской знатью, надеясь при этом не только сохранить свои богатства и привилегии, но и добиться ключевых позиций в политической жизни Империи. В 419 г. императором был провозглашен в Испании ставленник знати Максим. Теперь испано-римской знати предоставлялась возможность поправить положение за счет других территориальных группировок знати.

В ответ на это итало-римская знать сплотилась вокруг полководца Констанция, женившегося на возвращенной вестготами Плацидии, сестре Гонория, и поручила ему ведение войны против Максима и его сторонников. Война затянулась. В 421 г. Константин умер, а Плацидия, спасаясь от придворных интриг, бежала в Константинополь. Только в 422 г. Максим был побежден и доставлен в Равенну.

Вандалы в свою очередь, воспользовавшись этой войной, нарушили недавно заключенный договор о союзе, оставили Галисию и перешли в 419 г. в Бетику⁴¹, города которой были вынуждены им подчиниться⁴².

Равеннский двор послал против вандалов войска под командованием Кастина, но в самую решающую минуту вестготские вспомогательные части оставили его, и он потерпел поражение⁴³.

В 423 г. Гонорий умер. Началась борьба за ключевые позиции в правительстве. Сначала императором был провозглашен нотариус Иоанн. Его поддержали Кастин и Аэций, который отпавил к гуннам, чтобы просить у них вспомогательные войска. Однако вмешалась Византия, приславшая военную экспедицию во главе с Аспаром. Иоанн был казнен, а императором провозглашен шестилетний Валентиниан III, сын Плацидии, ставшей регентшей.

---

⁴⁰ Zosim. Hist. V, 37.

⁴¹ Hydatii Lemici. Continv. Chron. Hieron. § 74.

⁴² Isidor. Hist. Gothorum, Vand. et Suevorum, § 73.

⁴³ Hydatii Lemici Continv. Chron. Hieron. § 77.

Борьба за власть в Западной империи способствовала успехам вандалского и вестготского оружия.

В 424—425 гг. вандалы разрушили Гиспалис (Севилю) и Картаго-Нова (Картагену), опустошили Балеарские острова и вторглись в Мавританию⁴⁴.

В это же время в Нарбоннской провинции вспыхнуло народное и солдатское восстание, охватившее и г. Арль, центр провинции и Галльской префектуры. Солдаты убили Экзуперанция, префекта претории⁴⁵, известного по поэме Рутилия Намациана и по письмам Иеронима.

Восстание в Южной Галлии было опасным для того общественного строя, защитником которого выступал вестготский король в союзе с местной знатью. Поэтому вестготы вторглись в Нарбоннскую провинцию, захватили несколько городов и осадили Арль⁴⁶. Успехи вестготского оружия сделали их короля опасным для правительства Западной империи.

К этому времени Аэций привел в Равенну вспомогательные войска гуннов и предложил свои услуги новому правительству, которое признало его своим полководцем.

Равеннский двор направил Аэция против вестготов, и они были вынуждены отступить от Арля. Преследуя их, войска Аэция достигли и разбили один вестготский отряд и захватили в плен оптимата Анаульса⁴⁷.

В течение последующих двадцати лет Аэций пытался силами (гуннских, а с 440 г. — аланских) вспомогательных войск сохранить римское господство в Галлии, бросая их то на подавление народных масс (багаудов) Арморики, то против стремившихся к независимости вестготов, франков, бургунов.

Аэций заставил вестготов возобновить союз с Равеннским двором⁴⁸. В 427 г., через год после поражения у Арля, вестготы совершили в интересах Империи поход в Испанию против вандалов, заставивший их предводителей понять непрочность своего положения.

После ограбления Севилю и Картагены вандалы не могли надеяться на союз с местной знатью или народными массами, а ограбление церковей настроило против них католический клир⁴⁹. Вандалы имели еще одного врага — племя севов, с которым вели борьбу за Галисию. Следовательно, в Испа-

⁴⁴ Ibidem, § 86.

⁴⁵ Prosper. Tiron. Epit. Chron., § 1285.

⁴⁶ Ibidem, § 1290.

⁴⁷ Hydatii Lemici Contin. Chron. Hieron., § 92.

⁴⁸ Apoll. Sidon. Paneg. Avit. (Carmen, VII), v. 214—217.

⁴⁹ В Картагене и Гиспалисе (Севилю) были поставлены монументы погибшим в борьбе против вандалов с такими надписями:

Glorificat nostra pax quos contenerat hostis,
et onori est potior his quam concussio leti.
Nos dedimus sedem istis cum laude perreni

нии им противостояло все местное население, свевы и прибывшие вспомогательные войска вестготов, за которыми стоял Равеннский двор с гуннскими вспомогательными войсками.

Захват Картагены и кораблей, стоявших на рейде, дал вандалам возможность не только предпринять пиратский набег на Мавританию, но и уйти в Африку. Обострение противоречий между африкано-римской и итало-римской знатью обеспечило возможность вторжения под флагом их союзника.

3. Обострение противоречий между африкано-римской знатью и Равеннским двором. Вандальское вторжение в Африку. В 425 г. Византия посадила на Равеннский трон малолетнего Валентиниана III. Вручив бразды правления Платидии и ее сторонникам, она получила диоцез Иллирию, состоящий из двух Панноний, двух Нориков, Савии и Далмации. Таким образом, попытки правительства Запада прибрать к рукам префектуру Иллирик закончились не только дальнейшим ослаблением Западной Римской империи, но и потерей диоцеза Иллирии, входившего в состав префектуры Италии. Из земель, расположенных к югу от Дуная, в составе Западной Римской империи остались только две провинции — Реция и Винделиция.

К тому же в ряде испанских и галльских провинций Империи утвердились варвары, что сводило на нет возможность получить от них налог. Переход диоцеза Иллирии под византийское управление также означал потерю поступающих из него налогов. Чтобы возместить их, правительство Запада увеличило налоги и аннону Африке и свободным от варваров провинциям префектуры Галлии (Тарракония и Арморика).

Поскольку при этом Равеннский двор исходил не из экономических возможностей провинций, а из своих потребностей, на жителей Африки, Тарраконии и Арморики легла непосильная тяжесть. Спасаясь от нее, жители этих областей пополняли ряды восставших (в Арморике и Тарраконии — багаудов, в Африке — агонистиков) или признавали свою зависимость от крупных землевладельцев⁵⁰. Находились и такие, которые, по словам Сальвиана, бежали в местности «защитые неприятелями римского народа», т. е. к мавритано-

---

Vos traite famulos in regni sorte futuri.
(onori-honori, istis-sanctis, traite-trahite).

(В обретенном мире мы славим тех, которых испавидит враг и которые заслужили славу, хотя их поразила смерть. Мы возносим вам вечную память и хвалу, а в будущем царстве будем вашими слугами). В надписях отразился факт признания значения народного сопротивления вандалам. Надпись относится к 428 г. Их публикацию см.:

De Rosi. Inscript. Christ. Rom., II, p. 296 n. 10; A. Hüber. Inscript. Hispaniae christianae. Suppl., Berolini, 1900, n. 361 b.

⁵⁰ Salvian. De gubern. Dei, V, 6, 8, 9. CSEL VIII, p. 110, 113—116.

берберам в Африке и к вестготам, франкам и бургундам в Галлии⁵¹.

Поскольку революционные и оппозиционные выступления часто носили религиозную окраску, то и борьба против них велась под лозунгом борьбы за чистоту веры.

Восстание Гильдона показало, что сторонники независимости Африки и донатизма видели в мавритано-берберах своих естественных союзников.

Донатизм был объявлен ересью еще в начале 405 г. Правда, в 410 г., когда вестготы угрожали Равенне, император Гонорий провозгласил свободу культов, но как только опасность миновала, преследования возобновились. 30 января 412 г. был издан указ, которым, угрожая ссылкой, телесными наказаниями и конфискацией имущества, Гонорий повелевал донатистам вернуться в лоно католической церкви. С этого времени римская церковь в союзе с императорскими чиновниками перешла в наступление. Им помогали крупные землевладельцы, которые добивались обращения своих колоннов в католицизм.

Политика насильственной католизации достигла цели только в городах, являвшихся центрами римского господства и влияния, тогда как в деревнях и среди мавритано-берберских племен горных и пограничных районов, особенно в Цезарейской Мавритании, она вызвала новый подъем антиримского движения.

Это объясняется не только союзом с донатистами, но и, главное, внутренним общественно-экономическим развитием мавритано-берберских племен, которое в свою очередь вело к укреплению связей с местным романизованным населением, что проявилось в принятии христианства в форме донатизма в 413 г. В 20-х годах V в. эти племена перешли в наступление, чтобы расширить свои земельные владения, урезанные римлянами, захватившими долины и предгорные участки.

В борьбе против мавритано-берберов выдвинулся комит доместиков Бонифаций. По словам Олимпиодора, Бонифаций «освободил Африку от многих варварских народов»⁵².

Рост революционных настроений и натиск мавритано-берберов привели к сплочению местной знати вокруг Бонифация, в котором она искала защиту от социальной и внешней опасности. Поэтому, как отметил Проспер Тирон, «власть и слава Бонифация в Африке возрастала»⁵³.

Революционная ситуация мешала Бонифацию выполнять его основную функцию — своевременно собирать и доставлять Риму налоги и аннону, тогда как правительство Запада

⁵¹ Ibidem, V, 5, p. 108.

⁵² Olympiodor. Fragm. 42.

⁵³ Prosper. Tiron. Epit. Chron. § 1294. Bonifacio, cuis intra potentia gloriaque augebatur.

в малейшей их задержке видело государственную измену.

В 425 г. император Иоанн начал готовить экспедицию против Бонифация⁵⁴. В 427 г. новое правительство объявило ему войну, несмотря на то что во время пребывания Плацидии в Константинополе Бонифаций поддерживал ее.

Проспер Тирон связывает это с ростом влияния Бонифация в Африке и его отказом явиться по вызову Равенны. Скорее всего он не мог удовлетворить неспосильных требований правительства, поскольку революционное движение народных масс парализовало деятельность чиновников фиска. Не исключено также, что, даже собрав какую-то часть налогов и анноны, Бонифаций не отсылал ее Риму, считая необходимым использовать эти средства для организации подавления революционных движений и выступлений мавритано-берберов. В сложившейся ситуации Бонифаций был вынужден искать силы и для борьбы с Равеннским двором.

Иоанн Антиохийский, не вдаваясь в подробности противоречий между Равеннским двором и Африкой, все объясняет интригами. Он рассказывает будто Аэций написал Бонифацию: «Августа настроена против тебя. Когда она прикажет тебе явиться к ней — не подчиняйся. Она убьет тебя». Затем Аэций сообщил Плацидии, что Бонифаций готовит измену и в доказательство заявил: «Можешь убедиться в этом. Если ты его позовешь — он не явится». Бонифаций поверил Аэцию и призвал на помощь вандалов⁵⁵.

Анализ обстановки и свидетельств других источников дает основание полагать, что Бонифаций действительно обратился к вандалам за помощью.

Это было вызвано следующими обстоятельствами.

В 427 г. мавритано-берберы снова перешли в наступление и при известных условиях могли стать надежными союзниками африкапо-римского населения в борьбе против римского господства. Их сближение таило в себе явную опасность для имущих классов и католической церкви. Поэтому Бонифаций был вынужден искать союзников, которым были чужды интересы угнетенных масс.

Кроме того, он ожидал карательную экспедицию из Равенны. Проспер Тирон свидетельствует, что по настоянию главнокомандующего римскими войсками Феликса, за спиной которого стоял Аэций, в Африку были направлены войска под общим командованием Маворция, Галлиона и Санеца. Первые двое пали в бою, а третий перешел на сторону Бонифация, но вскоре также погиб⁵⁶. Можно было опасаться новой экспедиции.

⁵⁴ Ibidem, § 1286. Quo tempore Johannes, dum Africam, quam Bonifatius obtinebat, bello reposcit, ad defensionem sui infirmior factus est.

⁵⁵ Ioannes Antiocheus, Fragn. 196.

⁵⁶ Prosper Tiron. Epit. Chron., § 1294.

В связи с такой ситуацией Бонифаций прекратил операции против мавритано-берберов. Об этом свидетельствует адресованное ему письмо Августина, настаивавшего на возобновлении военных действий против мавритано-берберов: «Что я могу сказать об опустошении Африки, опустошении, которое производят варвары, не встречая сопротивления ни одного человека. Ты поглощен собственными планами самоощущения настолько, что не принимаешь мер к отвращению столь великой беды. Кто бы поверил, что при Бонифации, комите домоestikов и наместнике Африки, который, будучи трибуном, с несколькими вспомогательными отрядами заставил замолчать все племена под страхом меча, что при таком правителе варвары будут иметь столько смелости и проникнут так далеко, разграбят столь обширные области, опустошат так много городов, некогда многолюдных, и унесут так много награбленного добра»⁵⁷.

После первой неудачи, Равеннский двор направил в Африку вторую экспедицию. Поскольку для прибытия вспомогательных войск из отдаленных местностей времени было недостаточно, Равеннский двор был вынужден обратиться к вандалам, находившимся на юге Испании. Таким образом, и Бонифация, и Равеннский двор обстоятельства заставили искать помощи вандалов.

Прокопий Кесарийский рассказывает, что Бонифаций послал доверенных лиц в Испанию и предложил Гензейриху и Гундериху (их писатель называет Гизерихом и Гонфалсом) разделить Африку на три части и общими усилиями отражать нападение любого противника⁵⁸.

Готский историк Иордан также имел сведения о том, что Бонифаций призвал вандалов в Африку, склонив Гензейриха своими просьбами, и оказал ему помощь в организации переправы через Гадитанский пролив⁵⁹.

Павел Диакон располагал сведениями, которые дополняют их сообщения. В «Истории Рима» (XIII, 10) он утверждает, что в знак договора и закрепления дружественного союза, овдовевший Бонифаций взял в жены арианку (ее звали Пелагия). Когда об этом стало известно Августину, этот ярый защитник католицизма даже не упрекнул Бонифация, а посоветовал ему соблюдать верность жене-арианке и отказаться от наложницы-католички (письмо 220,5). По-видимому, Августин надеялся, что союз Бонифация с вандалами-арианами является гарантией умирения угнетенных и отражения натиска мавритано-берберов. Он призывал Бонифация немедленно помириться с Равеннским двором («не воздай зло за зло») и выступить против мавритано-берберов и «мятеж-

⁵⁷ Augustin. Epist. CCXX, 7. PL 33.

⁵⁸ Procop. Caesarien. Bello Vandal. 1, 3.

⁵⁹ Jordan. Getica, § 196. Paulus Diaconus. Hist. Romana, XIV.

ных» африкано-римлян (письма 229, 230, 231). В слове 244 он нападает на африкано-римлян за их грехи и фактически оправдывает военную расправу над ними.

Та часть римской знати, которая бежала из Африки в Италию, спасаясь от агонистиков и мавритано-берберов, также рассчитывала на помощь вандалов⁶⁰.

Вандалы, побуждаемые Бонифацием и Равеннским двором ко вторжению в Африку, были и сами заинтересованы в этом, так как в Испании против них вели борьбу крестьяне и горожане, местная знать, свевы и вестготы⁶¹.

Проспер Тирон пишет, что «племенам, которые не умели пользоваться кораблями, когда борющиеся стороны призывали их на помощь, море стало доступно, и война, начатая против Бонифация, была возложена на Сигисвульта. Племя вандалов из Испании в Африку переправилось»⁶².

В мае 429 г. вандалы (и ранее примкнувшие к ним остатки разгромленных в Испании аланов) во главе с Гензейрихом (Гундериха уже не было в живых, о чем позаботился Гензейрих) переправились в Африку. По одним сведениям, их было 80 тысяч, по другим — 50, включая стариков, детей, юношей и рабов⁶³.

Феодорит, полагая, подобно Августину, что вандалы избавят страну от социальной опасности и натиска мавритано-берберов, в письме 22 утверждал, что наступление вандалов — это «перст божий». И только позже, когда эти надежды не оправдались, он увидел бедствия, принесенные вандалским вторжением, оплакивал эти бедствия и утверждал, что нужны трагедии Эсхила и Софокла, чтобы описать бедственное положение Карфагена (письмо 129).

Ворвавшись в Африку, которая, по словам Виктора Витенского, являлась замечательной по красоте своей цветущей земли, вандалы вели себя как завоеватели, смотревшие на местных жителей и их имущество как на военную добычу. Малочисленность войск Бонифация и Равеннского двора,

---

⁶⁰ Vita Fulgentii, XIV, 28.

⁶¹ Некоторые историки, пытаясь снять с господствующего класса вину за вандалское вторжение в Африку и переложить ее на угнетенные массы, сводят причины вандалского вторжения к выступлениям допатистов и циркумцелионов: J. Vogt. Der Niedergang Roms. Zurich, 1965, S. 368; P. Villari. De invasioni barbariche. Milano, 1901, p. 88; E. E. Gautier. Geiserich könig der Wandalen. Frf. am Main, 1934, S. 103, 107, 148.

⁶² Prosper. Tiron. Epit. Chron. § 1294. Exinde gentibus, quae uti navibus nestiebant, dum a concertantibus in auxilium vocantur, mare pervium factum est bellique contra Bonifatium coepti in Sigisvultum comitem cura translata est, § 1295. Gens Wandalorum ab Hispania ab Africa transit.

⁶³ Vict. Vit. De persecut. Vandalica, I, I, PL 58, col. 182; Prosper. Caesarien. Bello Vandal, I, 2. Кроме того, Прокопий пишет: «Есть люди, уверяющие, что он (Бонифаций) сам призвал варваров по причине возникшего между лодданными против него мятежа».

ослабленных взаимной борьбой, дали возможность Гензейриху не считаться ни с одной из призвавших его сторон.

Осповная масса жителей видела в вандалах либо наемников и карателей, находящихся на службе у господствующего класса и Рима, либо новых завоевателей, несущих порабощение, а не своих союзников и освободителей от римского гнета. Отдельные случаи перехода представителей угнетенного класса на сторону вандалов были весьма редким явлением.

Когда оказалось, что вандалы не считаются с интересами призвавших их сторон, Равеннский двор и Бонифаций прекратили борьбу.

Равеннский двор пошел на некоторые уступки африканоримской знати. Проконсулу Африки Целлеру был послан указ, которым посессоры защищались от сборщиков анноны и налога. Другой указ ограждал интересы курялов, запрещая требовать налоги «за чужие земли или повторно собирать уже выплаченные»⁶⁴. Одновременно Пластиция послала к Бонифацию его друзей, чтобы раскрыть обман Аэция. Если прежде даже оговор действовал как обвинение, то теперь Равеннский двор готов был простить Бонифацию союз с вандалами против Империи.

Бонифаций же, не имея сил контролировать деятельность вандалов, «раскаялся в своем поступке и в заключении договора с варварами и, давая варварам тысячи обещаний, умоляя их уйти из Ливии», как говорит Прокопий⁶⁵. Когда выяснилось, что вандалы не обращают внимания на его уговоры, Бонифаций выступил против них, но потерпел поражение и был вынужден отойти в Гиппо-Регнум.

Вандалы осадили эту крепость, но больше года не могли взять ее. Бонифаций обратился за помощью к Равенне, где с 425 г. паходились византийские экспедиционные войска.

Равеннский двор был рад предоставившейся возможности отослать эти войска в Африку, поскольку их затянувшееся пребывание в столице вело к усилению константинопольской знати и ее сторонников.

В решающей битве в 432 г. византийская армия под предводительством Аспара и войска Бонифация потерпели поражение. Аспар с остатками своих войск отплыл в Константинополь, а Бонифаций — в Равенну.

В 435 г. Равеннский двор был вынужден заключить с вандалами соглашение и признать их федератами, предоставив им для постоя часть Африки⁶⁶. Теперь Гензейрих мог оккупировать ее под видом союзника Империи. В ответ он обещал

⁶⁴ Cod. Theod. XI, I, 34; XII, I, 185, 186.

⁶⁵ Procop. Caesarien. Bello Vand., I, 3.

⁶⁶ Cassiodori Chronica, an. 435. MGH AA XI p. 156; A. Giti. Ricerche sui rapporti tra i Vandali e l'Imperio romano. Bari, 1953, p. 16—17, 38.

вносить ежегодную подать и в обеспечение договора дал знатных заложников, среди которых был его сын⁶⁷. Западная Римская империя лишилась Африки и фактически признала Вандальское королевство.

Однако сопротивление пародных масс заставляло Гензейриха держаться союза с Равенной и даже на время отказаться от дальнейшего завоевания страны. Не надеясь на легкую добычу за счет ограбления не завоеванных еще провинций, Гензейрих уделял большое внимание созданию морского флота, необходимого для пиратских операций в Средиземном море, а с 438 г. — для ограбления Сицилии и других островов⁶⁸.

4. Отношения между угнетенными массами Северной Африки и вандалами. В конце XIX и до середины 40-х годов XX в., когда Германия стремилась захватить французские колонии в Африке, немецкие буржуазные историки, ставя историю на службу буржуазии, пытались внушить народам мысль об освободительной миссии вандалов (и других германцев). По существу, это было попыткой исторической реабилитации милитаризма. В свою очередь французские историки оказались заинтересованными в поисках отрицательных последствий вандальского завоевания.

После второй мировой войны, когда народы Африки поднялись на освободительную войну, европейская буржуазия потребовала от своих историков создания трудов, оправдывающих европейское господство в Африке во все времена. Поэтому во Франции сначала появились заявления о том, что после вандальского завоевания «у крестьян не было оснований сожалеть о римском строе»⁶⁹, а затем и высказывания о положительной роли вандалов в укреплении и расширении владельческих прав колонов⁷⁰. Французские историки лишь упрекали вандалов в том, что они мало заботились о сохранении римского влияния и не мешали мавритано-берберам расширять свои владения⁷¹. Таким образом, острие новых работ оказалось направленным против мавритано-берберов и арабов, обвиняемых в экономическом упадке Северной Африки и превращения ее в зону кочевья⁷². Восторженный возглас в адрес вандалов и других германцев раздался и со страниц еженедельника неонацистской НДП «Дойче нахрихтен» (№ 2, стр. 7 и № 10, стр. 7 за 1968 г.), восхваляющего

⁶⁷ Prosop. Caesarien. Bello Vand., I, 4.

⁶⁸ Prosop. Tiron. Epit. Chron. § 1330, 1332.

⁶⁹ Ш. - Андре Жюльен. История Северной Африки. Т. 1. М., 1961, с. 309.

⁷⁰ J. P. Brisson. Autonomisme et Christianisme dans l'Afrique Romaine. Paris, 1958, p. 25.

⁷¹ J. Carcopino. Les Vandales et l'Afrique. La revue des deux mondes, janv. 1956, p. 233.

⁷² W. Friend. North Africa and Europe in the Early Middle Ages. The Transactions of the Royal. Histor. Society, 5-th ser., vol. V, 195, p. 61—80.

решающую роль германцев в развитии романизованных народов и Европы, культ грубой силы и «твердость характера» вандалов. Поэтому объективная оценка вандальского завоевания Африки стала актуальной задачей исторической науки.

Теория «спасительной миссии» варваров была выдвинута еще христианскими апологетами (Августин, Орозий, Сальвиан), которые утверждали, что варвары лучше донатистов, пелагианцев, присцилиан, манихеев и других недовольных римской церковью и римскими порядками. Эту теорию пропагандировали многие хронисты и панегиристы V—VI вв., которые восхваляли завоевателей своей страны за подачки от новых повелителей или из страха перед ними.

Хотя Августин сам толкал Бонифация на союз с вандалами, чтобы противопоставить их донатистам, циркумцеллионам и мавритано-берберам, позже, стремясь оправдать Бонифация, призвавшего вандалов в Африку, он предпринял завуалированную попытку обвинить в этом донатистов. В пылу религиозной полемики Августин и Феодорит обвинили донатистов в сочувствии арианам, на которых опирался Гензейрих. Это должно было скомпрометировать донатистов среди широких народных масс, пострадавших от вандалов. Но доказательств существования союза между донатистами и арианами не приводится.

Поскольку донатизм был распространен среди оппозиционной и революционной частей африкано-римского населения, буржуазные историки использовали утверждения Августина и Феодорита для того, чтобы возложить вину за вандальское вторжение в Африку на народные массы⁷³. Так как подобное истолкование событий согласовывалось с господствовавшей теорией Фюстель де Куланжа, оно сделалось общепризнанным.

Отсутствие точных и бесспорных фактов, подтверждающих такое обвинение, и анализ условий, предшествовавших появлению вандалов в Африке, даст основание пересмотреть этот взгляд.

Как уже говорилось, угнетенные массы Африки не могли видеть своих освободителей в вандалах, призванных для их подавления и отличавшихся от них языком, обычаями, религией и образом жизни. Главным же, что вызвало ненависть местных жителей, был военно-арианский террор завоевателей.

Отношение к вандалам угнетенных масс Галлии, Испании и Африки было одинаково враждебным.

По рассказу Виктора Витенского, вандалы «уничтожили все пожарами и убийствами людей. Они не щадили плодовых

⁷³ L. Ranke. Weltgeschichte. Bd. 2. Leipzig, 1896, S. 402; O. Seeck. Geschichte der Untergang der antiken Welt. Bd. 3, S. 372; P. Villari. Le invasioni barbariche in Italia. Milano, 1901, p. 88.

деревьев и нарочно рубили их, чтобы лишить пропитания всех тех, кто бежал и прятался в горах и пещерах. Ни одна местность не избежала их жестокости»⁷⁴.

Современник и очевидец вандалского вторжения, Посидий Каламенский рассказывает, что вандалы разоряли города и села, обращая в рабов их жителей. «Тех, которые убегали в леса, пещеры, скалы или крепости, они хватали и убивали или беглецы сами умирали там от голода»⁷⁵.

Вандалы пытали людей, требуя от них драгоценностей, причем, «ни старость, ни слабый пол, ни грудные младенцы, которых они отнимали от материнской груди и бросали на землю, не вызывали у них жалости»⁷⁶. Часть истязаемых «соглашалась отдать все свое имущество за сохранение им жизни, купив се ценой своего добра»⁷⁷. Но не всегда это вело к спасению. По рассказу Виктора Витенского, вандалы подвергали невероятным пыткам добровольных жертвователей, подозревая, что те принесли только часть имевшегося у них золота⁷⁸. Самим вандалам было безразлично социальное положение местных жителей. Однако имущие могли откупиться или их выкупали родственники, тогда как бедняки умирали под пытками или становились рабами.

Дороги были переполнены беженцами, спасавшимися от погрома и неволи. Капреол, епископ Карфагена, сообщал своему корреспонденту: «В настоящий момент все пути к городу перерезаны. Масса врага обрушилась на нас. Повсюду безграничное ограбление провинций. Жители убиты или бежали. Всюду, куда ни помотришь, картина полного отчаяния»⁷⁹.

Положение народных масс Африки оказалось печальным еще и потому, что здесь не было городов, которые могли бы стать центрами народного сопротивления вандалам, как это было в Галлии и Испании. Разрушив Карфаген, римляне запретили восстанавливать его укрепления и стены из опасения, что город вновь станет центром антиримской борьбы. И только в 425 г. во времена мавритано-берберских вторжений и народных восстаний в селах Карфаген был окружен стеной⁸⁰.

Несмотря на это, народное сопротивление носило упорный характер. Оборона Гиппона (Гиппо-Регим), осажденного вандалами, продолжалась четырнадцать месяцев. Гензейрих

⁷⁴ Vict. Vit. De persecutione Vandalica, I, 2—3, PL 58, col. 182.

⁷⁵ Possid. Vita s. Augustin. cap. 28, PL 32, col. 58.

⁷⁶ Vict. Vit. De persecut. Vand., I, 4, PL 58, col. 182.

⁷⁷ Augustin. Sermo, CCCXLV. PL 39, col. 1518.

⁷⁸ Vict. Vit. De persecut. Vand. I, 4, PL 58, col. 183.

⁷⁹ Capreol. Epist., I, PL 53, col. 845 b.

⁸⁰ Chronica Gallica 452, § 98. Muro Carthago circumdata, qua ex tempore, quo vetus illa destructa est, sanctione Romanorum, ne rebellionis esset munimentum, muris non est permissa vallari.

так и не сумел захватить город и был вынужден снять осаду. Такой же безуспешной была осада Карфагена, хотя Квдовультдеус свидетельствует, что Гензейрих широко практиковал социальную демагогию, давая осажденным различные обещания⁸¹. Проспер Тирон рассказывает, что Гензейрих привлек на свою сторону многих знатных римлян⁸². Виктор Витепский приводит их имена и сообщает, что они занимали различные посты при дворе вандалского короля, в армии и в провинциальном управлении⁸³. Из «Жития Фульгенция» известно, что многие знатные остались в своих имениях и сохранили их за собой⁸⁴. Это наряду с борьбой между африкано-римской и итало-римской знатью, проявившейся во враждебных отношениях Боуифация с Равеннским двором, способствовало завоевательным успехам вандалов. Гиппонское соглашение от 11 февраля 435 г., предоставившее вандалам привилегии федератов, также содействовало их наступлению.

19 февраля 439 г. вандалы вновь осадили Карфаген. Поскольку к этому времени Гензейрих считался федератом Империи и другом императора, организованного сопротивления не было.

Проспер Тирон свидетельствует, что наступление вандалов оказалось неожиданным. Они овладели городом, ограбили церкви и горожан, которых подвергли пыткам⁸⁵.

Взяв Карфаген, Гензейрих приказал сохранить его укрепления, но срыть их вокруг остальных городов. Оказалось, что жители многих городов наспех возвели укрепления. Правительство же ничем не помогло своим африканским подданным.

Через несколько дней после взятия Карфагена Квдовультдеус написал последнюю, двенадцатую клятву, в которой обрисовал жизнь города накануне захвата его вандалами. Оказывается, торговцы спрятали продовольствие в подпольных складах, чтобы искусственно вызвать голод и взвинтить цены. Много горожан умерло от голода. Во время взятия города гибли от меча не только солдаты, но и женщины, дети и старики, что, вероятно, было связано с общенародным сопротивлением вандалам. Все имущество горожан вандалы разграбили⁸⁶.

⁸¹ Quodvultdeus. Sermo I de accedentibus et gratia, 12. Mai. Patrum nova bibliotheca, t. 1, p. 258.

⁸² Prosper. Tiron. Epit. Chron., § 1329. (Arcadius, Probus, Paschasius, Eutycianus, Paulillus).

⁸³ Vict. Vit. De persecut. Vand. I, 6, 12, 14, 16; III, 4, 10.

⁸⁴ Vita s. Fulgentii, XIV, 28.

⁸⁵ Prosper. Tiron. Epit. Chron., § 1339.

⁸⁶ Quodvultdeus. De tempore barbarico, I, III, V, 8. PL 40. G. Morin. Sancti Augustini tractatus sermones inediti, Compoduni et Mansi. 1917, p. 200, 202, 203, 206—208.

Хотя Кводвультдеус знал, что взятие города было облегчено уходом римских войск и соглашением между Гензейрихом и императором, он умалчивает об этом и всю вину перекладывает на горожан, упрекая их: «мало молились, язычники богохульствовали и требовали ритуальных жертв, шли смотреть неприличные спектакли и пировали». Кводвультдеус, как истый служитель римской церкви, стремился использовать народные бедствия в интересах религиозной пропаганды. Еще дальше в своем пропагандистском экстазе пошел Сальвиан. Считая варваров надежными союзниками местной знати, одобряя союзный договор с ними, он радовался тому, что вандалы потопили в крови еретические и социальные движения в Африке. Он заявлял, что вандалы свободны от грехов, и миссия вандалов состоит в том, чтобы искоренить источник стыда и позора жителей Африки⁸⁷.

Однако не все деятели католической церкви относились к вандалам так, как Сальвиан. Кводвультдеус, высланный из Карфагена в Неаполь, в ряде своих трудов нарисовал яркую картину кровавого вандалско-арианского террора.

В отличие от других варваров вандалы менее охотно шли на союз с местной знатью и католическим духовенством, хотя и использовали ренегатов. Поскольку судьба знати больше всего беспокоила католических писателей, то они рассказывают о преследовании епископов, клириков и знатных, лишь изредка сообщая о страданиях народных масс. Но местная знать и служители католической церкви пользовались поддержкой господствующего класса обеих империй. До нас дошло восемь писем Феодорита с просьбой оказать помощь знатным, бежавшим или высланным из Африки. Сохранилось и дополнение к закону Валентиниана III от 19 октября 443 г. о помощи знатным, потерявшим в Африке свои владения. О простых тружениках не заботились ни католическая церковь, ни правительство Запада, тогда как на них обрушилась вся тяжесть вандалского господства и военно-арианского террора. «Нужен Эсхил и Софокл, — писал Феодорит, — чтобы описать тяжелые испытания карфагенян, да и они не сумеют нарисовать величину бедствий. Город стал игрушкой в руках варваров... Я видел многих людей, бежавших оттуда, и я почувствовал ужас»⁸⁸.

Награбленного в Африке хватало ненадолго. В этом случае варвары обычно переходили к производству. Иное было у вандалов, которые отвыкли от труда, так как более тридцати лет (с тех пор, как перешли Рейн) жили за счет ограбления Галлии, Испании и Африки. За это время выросло поколение (составлявшее более половины их общей численности),

⁸⁷ Salvian. De gubern. Dei, VII, 22. CSEL 8, p. 270.

⁸⁸ Theodoretus. Epist. ad Apeilionem, 29. PG 83 col. 1208 a.

которое презирало физический труд. Этому поколению, наиболее активному и физически здоровому, требовались новые объекты для грабежа. Поэтому Гензейрих и заботился о создании флота и предпринимал пиратские набеги на прибрежные области Средиземноморья.

В 440 г. Гензейрих попытался захватить г. Панорм в Сицилии. Тогда правительство Запада направило часть своих войск из Испании в Африку и заставило вандалов оставить остров. Туда же направил свой флот и византийский император Феодосий II. Однако в 442 г. он отозвал свои корабли и заключил мир с Гензейрихом. Содержание договора, к которому вскоре присоединилось правительство Запада, доказывает, что вандалы не сумели закрепиться в Мавритании. Гензейрих был вынужден уступить некоторые из завоеванных областей в обмен на провинцию Африка (Проконсульскую Африку), Бизацену и часть Нумидии. Это, несомненно, связано с упорным сопротивлением угнетенных масс и мавритано-берберов.

Воины получили наделы в провинции Африка, а Гензейрих и его родственники — в Бизацене и Нумидии. Тем не менее, нет оснований полагать, что вандалское завоевание способствовало росту мелкого крестьянского землевладения, являвшегося прогрессивным в ту эпоху. Дело в том, что раздел земли происходил не по правилам военного постоя, как это практиковалось в Галлии, где вестготам приходилось считаться с требованиями римской администрации и правами местных землевладельцев. Чувствуя свое военное превосходство, вандалы делили землю как завоеватели.

В проконсульской Африке императору принадлежало 2942888 *югеров* (742617 *га*) пашни⁸⁹, составлявших пятую часть всех угодий. Учитывая, что часть воинов осталась в составе гарнизонов Бизацены и Нумидии, где они получили наделы, можно предполагать, что в Проконсульской Африке земля была разделена между 10 тысячами воинов. Как свидетельствует Малх, добыча делилась среди вандалов относительно поровну⁹⁰. Следовательно, на долю каждого приходилось 74 *га*. Если же разделу подвергалась вся обрабатываемая площадь, то каждый воин получал около 370 *га*. В любом случае они стали не мелкими землевладельцами, а земель-

⁸⁹ Cod. Theod. XI, 28, 13.

⁹⁰ Malchus Philadelphensis. Fragm. 3. FHG IV, p. 114—115. По свидетельству Малха, в 475 г. во время пиратского набега на Никополь вандалы разделили добычу между всеми участниками. Когда Зицон попросил Гензейриха освободить пленных, то последний ответил, что он может распоряжаться только пленными, доставшимися ему и его детям, но не теми, которые достались остальным воинам. Если такой обычай де-юре сохранился до 475 г., то тем более он соблюдался во время завоевания Африки.

ными собственниками, эксплуатирующими мелких арендаторов.

Поскольку вандалы утратили остатки общинной организации, их завоевание не способствовало и распространению маркового строя. Поэтому оно не могло оказать положительного влияния на общественные отношения в стране.

Вследствие этого вандалское королевство имело крайне узкую экономическую базу и было вынуждено расширять ее за счет пиратских набегов. Таким образом, вандалы затормозили развитие производительных сил всех пародностей Средиземноморья.

Непомерная эксплуатация местных труженников при полном пренебрежении их интересами и интересами сельскохозяйственного производства, усиленное внимание к созданию флота и организации пиратских экспедиций — таковы были основные особенности политики вандалского королевства. Они не только не способствовали сохранению достигнутого уровня цивилизации, но и значительно снизили его.

Прокопий Кесарийский справедливо объяснял ослабление вандалов образом их жизни. К тому же и народное сопротивление продолжалось до конца существования их королевства⁹¹. Были даже созданы специальные карательные отряды, которым помогали предатели из местной знати, надеявшиеся выслужиться перед вандалами.

Вопрос о положении народных масс в этот период заслуживает специального исследования. В литературе существует мнение о некотором его улучшении в связи с уничтожением цензовых налоговых документов, прекращением доставки продовольствия в Рим и исчезновением римской бюрократии. Однако придавать этому большое значение не следует. Уничтожение цензовых документов привело лишь к произволу при раскладке и сборе установленных вандалами налогов. Римская бюрократия сменилась вандалской, рекрутировавшейся и из местной знати. Несдаром современники не заметили в положении народных масс никаких улучшений. Только после византийского завоевания Африки в 534 г., принесшего повое разорение, появились высказывания о том, что настали времена еще худшие, чем при вандалах.

Трудно найти что-либо положительное и в религиозной политике вандалов. До их прихода в Северной Африке господствовал римско-католический террор. Вандалы, не вдаваясь в тонкости религиозных учений и толков, в равной мере притесняли католиков и дошатистов, манихейцев и пелагиан. На смену римско-католическому террору пришел еще более жестокий вандалско-арианский, обрушившийся на всех без исключения местных жителей. Во имя торжества арианства

⁹¹ Vict. Vit. De persecut. Vand., I, 48; III, 27. Vita s. Fulgent., 2.

ваундалы разгромили донатистов и все религиозные течения, покончили с движением агонистиков и всех недовольных. Вероятно, это и ставил ваундалам в заслугу Сальвнан, так как у него на родине, в Галлии, особенно в Арморике (а в Испании в Тарраконии) в тот период бушевало пламя багаудского движения.

Завоевание Африки ваундалами весьма отрицательно сказалось и на положении соседних мавритано-берберских племен. Мирные отношения между романизованным населением и мавритано-берберами прервались, их переход к оседлости затормозился. Знать мавритано-берберов, ранее рассчитывавшая на выгодные военные должности в римской армии и готовая сблизиться с романизованной знатью, теперь была настроена враждебно. Если в свое время мавритано-берберы были союзниками африкано-римлян в их борьбе против кочевников и помогали охранять границу от вторжений со стороны степной полосы, то теперь они вступали в союз с кочевниками и совместно с ними совершали походы в романизованную часть Северной Африки.

Поселение 80 тысяч ваундалов в Африке не смогло гарантировать стране ни внешней безопасности, ни решения вопросов ликвидации рабовладения или обеспечения рабочей силой. И если их королевство просуществовало до 534 г., это объясняется не столько его внутренней прочностью и целесообразностью, сколько тем, что правительство Запада не могло противостоять ваундалам, поскольку его силы были заняты в Галлии и Испании, а местные жители, разбившиеся на религиозные секты и лишившиеся поддержки мавритано-берберов, не смогли сплотиться для отпора ваундалам. Однако народные массы Африки не прекращали борьбы против завоевателей. Поскольку собственных сил не хватало, они искали поддержки у соседних мавритано-берберских племен, которые стали теснить ваундалов.

Вандальское завоевание Африки отнюдь не явилось выходом из того тупика, в который ее завело римское господство.

Выгода для ее исторического развития от вандальского завоевания была слишком ничтожна в сравнении с тем огромным ущербом, который оно понесло.

Глава VI. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ЛИКВИДАЦИЯ ГУННСКОЙ ОПАСНОСТИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

1. Гунны и Западная Римская империя в 20—30-х годах V века. Начало второй четверти V в. принесло новые потрясения. В Галлии и Испании продолжалась освободительная борьба, направленная и против римского господства, и против варваров, оказывавшихся там в положении либо союзников, либо врагов Империи.

Франки заняли пограничные области Северо-Восточной Галлии и стремились проникнуть западнее. Усилился натиск бургундов на провинции Юго-Восточной Галлии. Свевы и вандалы, поселившиеся в Испании, постоянно нарушали союзный договор с Равеннским двором, заключенный еще в 419 г. под давлением вестготов. Вестготы, находившиеся в Юго-Западной Галлии, добивались независимости и пытались продвинуться на восток страны. В Африке усилилось социальное движение угнетенных масс и перешли в наступление горные и пограничные мавритано-берберские племена.

Чтобы сохранить Империю, Равеннский двор нуждался в огромных материальных ресурсах, которые с каждым годом сокращались. Это было связано с острым кризисом рабовладельческого способа производства, сопровождавшимся закрепощением и исчезновением свободных крестьян и ремесленников, являвшихся налогоплательщиками, а также с уменьшением территории, откуда Риму поступали налоги. Из Африки они перестали поступать в связи с движением агонистиков, парализовавших деятельность сборщиков налогов, и в связи с наступлением мавритано-берберов. Диоцез Иллирик с 425 г. оказался под управлением Византии. В Испании из-за освободительной борьбы народных масс и частых войн со свевами, аланами и вандалами собирать налоги было невозможно. В Юго-Западной Галлии право сбора и расходования налогов оказалось под контролем королевской власти вестготов.

В поисках выхода из создавшегося положения Равеннский двор усиливал финансовый нажим на провинции, оставшиеся под его непосредственным управлением (Арморика, Тарракония, часть Юго-Восточной Галлии) и пытался ликвидировать те элементы самостоятельности, которых добились вар-

варские королевства, ставшие преградой для деятельности римских сборщиков налогов. Это, в свою очередь, приводило к усилению социальных и антиримских движений. Чтобы противостоять им, а также стремлению варварских королей к независимости, Равеннский двор пуждался в мощной военной опоре. Ею являлась армия, состоявшая из экспедиционных и пограничных войск. Пограничные части давно уже состояли не из подвижных легионов, а из обитателей военных поселений, где воинская повинность стала наследственной. Экспедиционные войска также претерпели значительные изменения в своем составе и вооружении. К началу второй четверти V в. в пограничных войсках Западной Римской империи числилось 138 200 человек, а в экспедиционных — 123 800¹.

Как уже говорилось, конница состояла из наемных и вспомогательных варварских отрядов. В связи с исчезновением свободного крестьянства, являвшегося основной базой для набора рекрутов, процесс варваризации охватил и пехоту.

В «Расписании должностей», служившем основным административным документом, кавалерийские части перечисляются раньше пехотных. Это означает, что кавалерия занимала первое место. Однако в пехотных частях главная роль также отводилась вспомогательным кавалерийским отрядам, состоявшим из варваров.

Поскольку варвары были отличными наездниками и стрелками из лука, все эти части, комплектовавшиеся из варваров, набранных либо в римских провинциях, либо среди соседних племен, длительное время являлись надежной опорой правящей верхушки господствующего класса Империи. Однако с IV в. положение изменилось.

Со времени массовых вторжений и переселений варварских племен в римские провинции стала очевидной ненадежность наемников из соседних варварских племен, которые могли стать союзниками своих соплеменников, оказавшихся в пределах империи или нападавших на нее.

К. Маркс вскрывает причины такой опасности: «Племена, говорящие на диалектах одного и того же языка, могут объясняться друг с другом, улаживать свои споры и привыкнуть в силу их общего происхождения смотреть друг на друга как на естественных союзников»².

Философ и политический деятель Синезий предлагал вообще отказаться от набора варваров в армию и комплектовать ее из местных жителей. Но его советы византийскому императору не отвечали условиям Запада, где более выгодным

¹ Varady László. Későrómai hadügyek es tarsadalmi alapjaik a Romai Birodalom utolsó evszazada. Budapest, 1961, p. 49—54.

² К. Маркс. Конспект книги Л. Г. Морган «Древнее общество». Архив Маркса и Энгельса, т. 9, 1941, с. 84.

оказалось превратить мелких свободных крестьян в крепостных, а воинские части комплектовать из варваров, удаляя их от соплеменников или местных жителей, с которыми они сблизились. Определенное время давала ощутимые результаты и политика патравливания одного племени на другое, и использования их для угнетения друг друга или местных жителей, но в силу целого ряда причин часть варварских племен все же нашла контакт с местными жителями или другими варварскими племенами. Этому способствовали расквартирование варварских племен в той или иной римской провинции и угроза нападения новых варварских племен. Рассмотрим эти явления более подробно.

В V в. соседние варварские племена предпринимали набеги в римские провинции с целью не только грабежа, но и колонизации. Стремление закрепиться в той или иной провинции приводило к иным результатам, чем грабительские набеги III—IV вв., так как завоеватели стремились уничтожить или оттеснить жителей захваченных провинций на худшие земли. Но подобные попытки встречали самое упорное сопротивление и приводили к длительной кровопролитной борьбе.

Опыт подсказал варварской верхушке, что при враждебном отношении всех жителей завоеванной провинции удержаться в ней невозможно. Для прочного обоснования необходима поддержка хотя бы части местных жителей. Поэтому франкская, бургундская и алеманская знать стала искать союза с местной, с которой у нее были и общие эксплуататорские интересы. Меняют свое отношение к местным жителям и вестготы. Потерпев неудачу при попытке водвориться в Юго-Западной Галлии в 412—414 гг. и в Испании в 414—416 гг., вестготская знать сумела извлечь из этого исторический урок. Вернувшись в 418 г. в Юго-Западную Галлию, она уже строила свои отношения с местными жителями на совершенно новой основе.

Варварские предводители были вынуждены выступить против неорганизованного одновременного грабежа отдельными отрядами или одиночками, поскольку это объединяло местных жителей против варваров. Постепенно сложились отношения дани, которые после возникновения варварских королевств сменились обложением налогами и судебными штрафами в пользу короля.

Развитию мирных отношений способствовал и рост варварской прослойки среди жителей римских провинций. Она возникла еще в те времена, когда Империя начала создавать пограничные поселения из варваров. До V в. численность поселенцев регулировалась правительством, но в условиях массовых варварских вторжений начала V в. их количество уже не зависело от воли Равеннского двора, который был

вынужден санкционировать переселение варваров, если помешать им было невыгодно или для этого не хватало сил.

Основная масса переселенцев была оседлыми земледельцами, что являлось важным экономическим фактором, способствовавшим их сближению с местными жителями. Определенную роль сыграло и христианство, запрещавшее, как и варварские обычаи, брачные связи между родственниками. Браки стали заключаться между галло-римлянами и варварами.

Способствовала сближению и угроза вторжения новых племен. По рассказу Григория Турского, новые нашествия оказались настоящим бедствием для жителей Галлии, в том числе и для переселенцев. Поэтому все они были вынуждены объединяться для отпора новым захватчикам.

В 20-х гг. V в. варварские племена, поселившиеся в римских провинциях, начали расширять свои территории. Вестготы предприняли попытку захватить Нарбоннскую провинцию с г. Арль, являвшимся центром Галльской префектуры. В 427 г. они уже были под стенами города. В 425 г. франки дошли до Камбре и Турне и продвинулись вдоль римской дороги до Тоугр и Баваи.

Если варвары встречали упорное сопротивление и соотношение сил складывалось не в их пользу, они шли на союз с определенными группами местных жителей и, не считаясь с интересами Империи, пытались закрепиться в данной провинции.

Равеннскому двору было необходимо приостановить это переселение. Там, где варвары не имели поддержки местных жителей, выполнить эту задачу было легче. Так, в 20-х годах V в. не имели поддержки многие германские племена и среди них франки, надеявшиеся на свою силу и не прибегавшие к союзу с местными жителями. Вероятно, это было связано с тем, что после 406 г. в Галлию нахлынули более отдаленные и отсталые франкские племена, не имевшие связей с галло-римлянами и не понимавшие необходимости их установления. Если 31 декабря 406 г. франки преградили путь вандалам в Галлию и защищали ее, то в 20-х годах V в. они сами оказались в роли жестоких завоевателей, не считавшихся ни с местными жителями, ни с Равеннским двором. Вероятно, саллические франки, являвшиеся федератами, попали под влияние многочисленных германских племен, хлынувших в Галлию, и были вынуждены примкнуть к ним. Именно этим можно объяснить описанное Сальвианом страшное разрушение Трира франками в 420—428 гг.³

---

³ Salvian. De gub. Dei. VI, 15, 83--84. CSEL VIII, p. 148—149. См.: В. Т. Сиротенко. Введение в историю международных отношений в Европе во второй половине IV — начале VI в. Ч. 1. Источники. Пермь, 1973, с. 58, 59.

Последствия этого разрушения обернулись против самих франков. Равеннскому двору было легко организовать сопротивление жителей других городов.

Труднее было бороться с варварами, заключавшими союзы с определенными группами местных жителей, или с теми, в ком видели защитников от новых вторжений. В подобных случаях, как и при возникновении сопротивления римскому господству, нужна была военная сила таких племен, которые враждовали как с жителями римских провинций, так и с варварами, сблизившимися с ними.

В конце IV и начале V в. такими племенами были гунны, вандалы, аланы и отчасти остготы, причем первые оказались наиболее надежными, поскольку у них не было исконных связей с местными жителями и соплеменниками их соседей. Гунны резко отличались от них по языку, образу жизни, обычаям и религии. Они занимались кочевым скотоводством и охотой. Это требовало обширных пространств земли. Рост численности населения приводил к сокращению территории, необходимой для пастбы и охоты. Давление избытка населения на производительные силы заставляло гуннов вторгаться на территорию оседлых земледельцев, что приводило к кровавым столкновениям и войнам.

В 377 г. гунны ворвались в Паннонию. По пути продвижения они действовали в соответствии со своим способом производства, для которого были необходимы большие безлюдные пространства, используемые как пастбища. Поэтому гунны разрушали города и села и, истребляя их жителей, превращали культурные области в безлюдные пустыни, о чем свидетельствуют позднеантичные писатели и материалы археологических раскопок.

Завоевание Паннонии открывало перед гуннами путь в Западную Европу. Однако их сдерживала внутренняя слабость. Гунны остались в Паннонии, а в 427 г. даже были частично вытеснены оттуда⁴.

Причина их слабости заключалась во все возрастающих внутренних противоречиях и характере отношений с покоренными и соседними племенами и народностями.

Гунны победили ряд племен (аланы, остготы, гепиды, скиры и др.), которых включили в свой военно-племенной союз.

Однако при родовом строе было невозможно объединить племена, говорившие на разных языках, и они не могли слиться в один народ. Управлять ими можно было только через

---

⁴ Об этом можно судить на основании записи Марцеллина Комита для 427 г. и по пересказу этого факта у Иордана. См.: Jordan, *Gefica*, § 166; Marcellini V. C. Comitii Chronica, an. 427, X. I. Pannoniae, quo per quinquaginta annos ab Hunnis retinebantur a Romanis recepta sunt.

родовую организацию. Поэтому гунны, обложив покоренные племена данью, были вынуждены оставлять эти племена под управлением их вождей⁵. Гунны не были настолько развиты, чтобы ассимилировать покоренные племена, даже переселив их в Паннонию и включив их в свой состав. Поэтому включение в гуннский военно-племенной союз новых племен делало его еще слабее.

В таких условиях гунны пытались извлечь из своих побед максимум возможной выгоды. Приск свидетельствует, что, не занимаясь земледелием, они получали продовольствие, «хватая его, подобно волкам, так что готы находились на положении рабов и выбивались из сил для пропитания гуннов»⁶.

Уровень производства того времени ограничивал количество продукта, который можно было отчуждать без ущерба для воспроизводства. А поскольку гунны отбирали у покоренных племен не только прибавочный продукт, но и значительную часть необходимого, они тормозили развитие производительных сил.

Гунны постоянно грабили и покоренные, и соседние племена и народности, не только облагая их данью, но и захватывали их скот, вытаптывали посевы. Это вынуждало земледельцев каждый раз начинать воспроизводство с самого низкого уровня. Следствием были постоянные столкновения между местными жителями и гуннами, установившими кровавый военный террор. Так, Приск отмечает войну Руа (Ругилы), гуннского предводителя, «против амилзуров, итимаров, тоносуров, воисков и других народов, поселившихся на Истре и прибегавших к союзу с римлянами», и войну гуннов со всеми «скифами и саросгами»⁷.

Все это давало обоим дворам возможность использовать гуннов против своих врагов внутри государства и вне его. Подкупая гуннскую знать, оба правительства патривали гуннов на соседние племена и сеяли межплеменные раздоры.

Особенности общественно-экономического развития Западной и Восточной частей Империи, резкие противоречия между находившимися у власти группировками, вмешательство правительства одной части во внутреннюю и внешнюю политику другой — все это влияло на взаимоотношения господствующего класса и угнетенных масс с гуннами. Несмотря на сложность и противоречивость, в истории их отношений можно усмотреть три периода. В первый (со времени появления гуннов в Паннонии до 439 г.) гунны выступали в качестве наемников римлян. С 425 г. их вспомогательные войска стали основной ударной силой римской армии и направлялись про-

⁵ Jordan. *Getica*, § 250.

⁶ Prisc. *Fragm.* 39. FHG IV, p. 108.

⁷ *Ibidem*, I p. 71.

тив народных движений внутри Западной Римской империи и против наседавших на нее соседних варварских или поселившихся в ее пределах племен. В этот период возросло могущество гуннов.

В течение второго периода (440—452 гг.) гунны предприняли попытку установить свое господство на Балканах и в Западной Европе, что вызвало освободительную борьбу народных масс.

Третий период приходится на 454—469 гг., когда вследствие освободительной борьбы гунны были разбиты и перестали играть политическую роль в Европе.

Каждый из периодов отношений гуннов с Западом и Византией имел свои особенности.

Будучи непосредственными соседями Византии с 377 г., гунны представляли для нее постоянную опасность. Поэтому она менее охотно привлекала их в качестве наемников. Влияние гуннов на положение Балканского полуострова было весьма отрицательным. Гунны оттеснили многочисленные племена от Дуная на север и осложнили или сделали невозможным их переселение в византийские провинции, чем затруднили пополнение рабочей силы, обмен культурными ценностями. Это, наряду с другими факторами, задержало развитие производительных сил и процессы феодализации в Юго-Восточной Европе.

Кроме того, постоянная угроза гуннского вторжения сдерживала революционные устремления народных масс Балканского полуострова и ослабляла их сопротивление господствующему классу. Это давало византийскому правительству возможность увеличивать налоговое бремя, мотивируя необходимость этого нуждой в средствах для борьбы против гуннов, для уплаты им дани и отправления подарков. К тому же в случае возникновения народного восстания в любой провинции Балканского полуострова правительство могло открыть границу для грабительского набега гуннов на непокорных подданных. Подобная ситуация засвидетельствована Прокопием в первой половине VI в.⁸, но она могла возникать и раньше.

Уже в первые годы после появления в Паннонии гунны стали орудием правящей верхушки Империи. В 381 г. римское правительство привлекло их для отражения ютунгов, вторгшихся в Рецию⁹. В 387—388 гг. гунны вместе с аланами и готами воевали на стороне Феодосия против ставленника галло-римской знати Максима¹⁰, в 394 г.— против Евгения.

⁸ Procop. Caesariens. Arcana Historia, VIII, 5; XI, 7—10, XIX, 16.

⁹ Ambrosii Epistol. 24, 8. PL 16, col. 1081 («Ютунги опустошили Рецию в самом центре римской державы, и поэтому гунны были приглашены против ютунгов»).

¹⁰ P. Asati Drepanii panegyric. Theod., cap. 33. XII panegyrici latini. Lipsia, 1911, p. 117 (...miles impleuerat Gothus ille et Chunnos et Halausus respondebat ad nomen et alternabat excubias et notari ...).

В 400 г. гуннский предводитель Ульд помог Византии в окончательном разгроме готских наемников, поднявших военный мятеж под предводительством Гайны¹¹. В 405 г. вспомогательные войска Ульда приняли участие в разгроме коалиции племен, вторгшихся в Италию во главе с Радагайсом¹².

После второй осады Рима сенат заключил союзный договор с вестготами, и часть их во главе с Аларихом двинулась к Равенне, чтобы добиться утверждения договора императором Гонорием или свергнуть его. В этот момент Гушперид привел гуннские вспомогательные войска в Равенну¹³. Понадеявшийся на них Равеннский двор отклонил мирные предложения Алариха, который двинулся на Рим и взял его с ходу.

События в Галлии, последовавшие после 406 г., толкнули Равеннский двор на союз с вестготами, которые помогли ему разобщить силы тарраконских и армориканских багаудов. В 416—418 гг. вестготы заставили аланов, вандалов и свевов стать союзниками Империи. Однако усиление вестготского королевства в Юго-Западной Галлии и попытки их короля Теодориха I (419—451) расширить свои владения вызвали недовольство части господствующего класса. Начались поиски союзников против вестготов.

В начале 20-х годов V в. при Равеннском дворе усилилась партия, считавшая необходимым использовать гуннов для укрепления своей власти в Галлии. Эта партия посадила на императорский трон нотарию Иоанна (423—425), который немедленно направил к гуннам за вспомогательными войсками Аэция, вручив ему золото для подкупа их предводителей¹⁴.

Выбор Аэция предопределялся тем, что он двадцать лет пробыл среди гуннов в качестве заложника и сохранил связи с их предводителями.

К этому времени положение гуннов в Паннонии ухудшилось.

Общественный подъем в Византии, сорвавший попытку готской знати захватить политическую власть в стране в 399—400 гг., привел к значительным переменам. Грабительские походы гуннов южнее Дуная стали невозможными. Во время одного из них Ульд едва спасся бегством, а его отряд был частью пленен, частью перебит. Когда гунны все же возобновили набеги, Византия провела целый ряд мероприятий, направленных на укрепление пограничных крепостей и Ду-

¹¹ Zosim. Hist. V, 22.

¹² Oros. Hist. VII, 37, 12—16 (CSEL 5, p. 541, 542). Chron. Gallica 452, § 52 (MGH AA IX p. 652). Insigni triumpho exercitum tertiae partis hostium circumactis Chunorum auxiliaribus Stilico usque internicionem delevit.

¹³ Zosim. Hist. V, 50; VI, 8.

¹⁴ Gregor. Hist., II, 8.

найской флотилии. Набеги на Византию стали для гуннов опасными.

Поэтому, когда в 425 г. Аэций прибыл к гуннам, у них появилась надежда на значительные подачки Равеннского двора и возможность разбогатеть за счет непокорных ему провинций. Гуннские предводители немедленно предоставили Аэцию вспомогательное войско в 60 тысяч человек.

Пока Аэций выполнял поручение, Византия направила в Равенну экспедицию. Иоанн был казнен, а императором провозглашен прибывший с византийцами малолетний сын Платидии Валентиниан III (425—455).

Через три дня после казни Иоанна Аэций привел ему на помощь гуннские вспомогательные войска¹⁵. Учитывая их силу, правительство Платидии простило Аэцию его связь с Иоанном и назначило его комитом римской армии.

Но смена правителей не могла привести к коренным переменам в политике двора. Платидии также были нужны надежные военные силы для подавления багаудов в Галлии и Тарраконии и приведения к покорности ряда варварских племен (вестготы, франки, бургунды). Наиболее надежными для выполнения этих задач были гуннские наемники и вспомогательные войска. Назначение Аэция комитом и его дальнейшее продвижение по служебной лестнице в значительной мере объясняется тем, что он мог обеспечить ими правительство.

В 427 г. Аэций, опираясь на них, вытеснил вестготов из Нарбоннской провинции и из Арля, в 425 г. захваченного вестготами¹⁶.

В 428 г. Аэций изгнал франков из той части Галлии, которая примыкает к Рейну¹⁷. Франки, которыми командовал Хлодио, потерпели поражение у Гелсы¹⁸ и, вероятно, были вынуждены возобновить союзный договор с Равеннским двором, разорванный ими в 420 г.

Эти победы способствовали возвышению Аэция. Феликс, главнокомандующий римской армией, в 429 г. был возведен в патриции, а власть над армией перешла к Аэцию¹⁹.

Аэций использовал свою должность прежде всего для того, чтобы убрать со своего пути Феликса, сохранившего связи с войсками и военными арсеналами. В 430 г. он убил

¹⁵ Philostorg. Eccl. Hist. XII, 14.

¹⁶ Chronica Gallica 452, an 427 § 102, IIII: Arelas a Gothis per Aetium liberatur; Prosp. Tiron. Epit. Chron., § 1290. Arelas nobile oppidum Galliarum a Gothis multa vi oppugnatum est, donec imminente Aetio non impuniti abscederent.

¹⁷ Prosp. Tiron. Epit. Chron., § 1298. Pars Galliarum propinqua Rheno, quam Franci possidendam occupaverat, Aetii armis recepta.

¹⁸ Apoll. Sidon., Garmina V. Panegyri. Maioriano, v. 213—215.

¹⁹ Prosp. Tiron. Epit. Chron. § 1300. Felice ad patriciam dignitatem prorecto Aetius magister militum factus est.

Феликса, его жену Падусию и их диакона Груннита, обвинив всех в заговоре против него²⁰.

Пока Аэций был занят упрочением своего положения, в 430 г. гуннские войска под предводительством Оптара выступили против бургундов. Трехтысячное ополчение бургундов успешно отразило нападение десяти тысячного войска, а среди многочисленных убитых оказался и Оптар²¹. Победа бургундов объясняется поддержкой, которую оказало им местное население, о чем можно судить из рассказов Евхерия и Сократа²².

Гуннская опасность сблизила бургундов и галло-римлян. Показателем этого, как и крупных успехов в общественно-экономическом развитии бургундов, явилось принятие ими христианства в 430 г.²³. Но это делало бургундов опасными для Равеннского двора. Подобно вестготам в Юго-Западной Галлии, они могли попытаться расширить свои владения и, заручившись поддержкой местной знати, стать самостоятельными в се Юго-Восточной части. Равеннский двор должен был выступить против бургундов. Однако в 430 г. Аэций не мог повести войска против них. Ему пришлось двинуться против вестготов, пытавшихся вновь захватить Арль. После истребления части вестготского войска²⁴ он двинулся на подавление восстания ютунгов и норв²⁵.

Новые победы обеспечили ему избрание на консульство²⁶.

В 432 г. Аэций выступил против франков, возобновивших наступление, и вынудил их заключить мирный договор²⁷.

Усиление власти Аэция вызвало опасения Равеннского двора, и, пока он вел войну с франками, звание магистра войска было передано Бонифацию, прибывшему из Африки, где он потерпел поражение от вандалов.

Когда Аэций возвратился из похода, соперники сразились.

В поединке победил Бонифаций, но он был ранен пикой²⁸. Аэций бежал к гуннам. Через два месяца Бонифаций умер, а должность магистра войска перешла его зятю Сабастьяну²⁹. Однако Аэций подошел с гуннскими войсками к Равенне, добился возвращения звания главнокомандующего³⁰ и оставался на этом посту до конца своей жизни.

²⁰ Ibidem, § 1303.

²¹ Socrat. Eccl. Hist. VII, 30.

²² Eucherius Lugdunensis. Epistol. ad Salvium.

²³ Socrat. Eccl. Hist., VII, 30.

²⁴ Hydatii Lemici. Continv. Chron. Hieron., § 92.

²⁵ Ibidem, § 93.

²⁶ Chronica Gallica 452. An. 432, § 109. Consulaty Aetius.

²⁷ Hydatii Lemici. Continv. chron. Hier. § 98, VIII. Superatis in certamine Francis et in pace.

²⁸ Marcellini V. C. Comit. Chronicon, an. 432, § 3.

²⁹ Hydatii Lemici. Continv. chron. Hier. § 99.

³⁰ Prosper. Tiron. Epit. Chron. § 1310.

В 435 г. в Арморике вновь вспыхнуло движение багаудов. В Галльской хронике отмечено, что «Галлия Заальпийская отошла от римского общества и пошла за вождем восстания Тибаттоном, по инициативе которого почти все низы Галлии составили заговор вместе с багаудами»³¹.

Причина возобновления движения багаудов заключалась в условиях жизни народных масс. Стремясь получить здесь то, чего невозможно было взять в остальных провинциях, Равеннский двор переложил на жителей Арморики всю тяжесть налогового бремени. К этому времени и к той части Галлии, которая находилась в прямой зависимости от Равеннского двора (Арморика и Юго-Восточная Галлия), относится то описание положения народных масс Галлии, которое оставил Сальвиан.

Он рассказывает о злоупотреблении римских сборщиков налогов и судей, использующих свои должности для собственного обогащения. Местные труженики, потеряв свободу, защищали жизнь³². Даже неприятли казались им менее ужасными, чем те, кто разорял их поборами³³. Некоторые, спасаясь от чиновников и судей, отдавали себя под покровительство богатых и попадали к ним в рабскую зависимость³⁴, другие переходили на территорию, занятую варварами³⁵, или, быть может, просто скрывались в лесах. Остальные составляли отряды багаудов и с оружием в руках выступали против насильников³⁶.

Сальвиан указывает на широкий территориальный размах движения. По его словам, к восставшим примкнули жители «большой части Испании и немалой части Галлии, и, наконец, все те, кто был оскорблен римской несправедливостью и перестал себя называть римлянином»³⁷.

В том же 435 г. бургунды перешли Рейн и вторглись в местности, находившиеся в верховьях Роны³⁸. Возникла опасность союза между бургундами и багаудами.

Азций выступил с гуннами против бургундов и, добившись перемирия, обрушился на багаудов. Согласно Галльской хронике в 437 г. он, «захватив Тибаттона и пленив остальных вождей восстания, убив часть из них, уничтожил движение багаудов»³⁹. Запись хрониста нуждается в поправке. Она,

³¹ *Chronica Gallica* 452, an. 435 (§ 117, XII). *Gallia ulterior Tibattonen principem rebellionis secuta a Romana societate discessit, a quo tracto initio-omnia paene Galliarum servitia in Bacaudarum conspiravere.*

³² *Salvian. De gub Dei*, V, 6, 26. CSEL 8, p. 110.

³³ *Ibidem*, V, 7, 28, p. 111.

³⁴ *Ibidem*, V, 9, 45, p. 116.

³⁵ *Ibidem*, V, 5, 21, p. 108.

³⁶ *Ibidem*, V, 6, 24—26, p. 109, 110.

³⁷ *Ibidem*, V, 5, 23, p. 109.

³⁸ *Prosper. Tiron. Epit. Chron.*, § 1322.

³⁹ *Chronica Gallica* 452, an. 437, § 119, XIV. *Capto Tibattonne et ceteris seditionis partim principibus victis, partim necatis Bacaudarum commotio conquiescit.*

очевидно, относится только к той местности, в которой жил хронист (вероятно, Юго-Восточная Галлия). Имющиеся источники свидетельствуют, что движенье багаудов продолжалось до 448—449 гг. Поскольку основные причины, вызвавшие восстание, сохранились, победа Лэция была временной.

После расправы с багаудами Лэций вновь повел гуннские войска против бургундов и атаковал их у Вербстомага (Вормса). Около 20 тысяч бургундов пали в этом сражении⁴⁰. Галльская хроника сообщает, что было уничтожено почти все племя⁴¹. Проспер Тирон также утверждает, что гунны уничтожили бургундов, находившихся под управлением Гундихара⁴². Вероятно, оба хрониста имели в виду лишь часть бургундов, поскольку в конце IV в. Иероним определял их общую численность в 80 тысяч человек⁴³. Если учесть, что из-за частых нападений гуннов племя бургундов росло медленно, то потеря 20 тысяч человек была ощутимой. Это был разгром, воспоминания о котором сохранила «Песнь о Нибелунгах»⁴⁴.

Хотя эпоса дошла до нас в совершенно измененной форме и несет следы влияния на нее рыцарского эпоса X—XIII вв., она упоминает о бургундском короле Гундихаре (Гунтаре), имевшем резиденцию в Вормсе, и имена гуннских предводителей Аттилы и Бледы, названных в песне Этцелем и Бледслином⁴⁵. Возможно, что в имени «Этцель» слились воедино имена Аттилы и Лэция. Вероятно, Аттила и Бледа возглавляли гуннские войска, находившиеся под общим командованием Лэция.

Разгром бургундов запечатлен и в героических песнях «Старшей Эдды» — о Сигурде и Брюнхильде, о жене Сигурда Гудрине, о втором муже Гудрины Атли и его сестре Оддрун, о братьях Гудрины, о Херборге, повелительнице гуннов. Особенно много рассказывается о битве в «Гренландской Песне об Атли» и «Гренландских Речах Атли»⁴⁶.

В 439 г. гуннские войска были направлены против вестготов, осаждавших Нарбонну⁴⁷. Гунны отметили свой путь грабежами и пожарами. Аполлинарий Сидоний красочно описал борьбу местных жителей с гунами⁴⁸.

⁴⁰ Hydatii Lemici. Contin. chron. Hier. § 110. Burgundion umcaesa XX milia.

⁴¹ Chronica Gallica 452, an. 436, § 118, XIII. Bellum contra Burgundionum gentem memorabile exarsit, quo universa paene gens cum rege per Letium deleta.

⁴² Prosper. Tiron. Epit. Chron., § 1322 ... siquidem illum Chuni cum populo suo ab stirpe delevirint.

⁴³ Негонум, Chron., § 2389.

⁴⁴ «Песнь о Нибелунгах». Л., 1972. Авантюра XXIX, строфы 2324—2379.

⁴⁵ Там же, строфы 4, 6, 1143, 1346, 1351, 1373 и др.

⁴⁶ «Старшая Эдда». М.—Л., 1963, с. 113, 114, 137—150.

⁴⁷ Prosper. Tiron. Epit. Chron., § 1335.

⁴⁸ Apoll. Sidon. Carmina VII. Panegur. Anthem., v. 246—294.

Вероятно, Теодорих решил взять Нарбонну, воспользовавшись занятостью Аэция борьбой с багаудами и бургундами.

Жители города оказали вестготам упорное сопротивление. Когда стало известно, что на помощь осажденным идут гунны под командованием Аэция, вестготы отступили.

Равеннский двор, очевидно, полагал, что появилась возможность, полностью подчинив себе вестготов, лишить их тех элементов самостоятельности, которых добился Теодорих. Поэтому Литорий, командовавший частью гуннских вспомогательных войск, направился к Тулузе. Туда же выступил Аэций, уничтоживший по мере продвижения восемь тысяч вестготов⁴⁹.

Однако в победе Литория и Аэция не была заинтересована ни одна группа жителей Юго-Западной Галлии. Со времени поселения здесь вестготов прошло двадцать лет. За это время изменился характер их отношений с местными жителями, многие из которых предпочитали власть вестготских королей⁵⁰. Сами вестготы, перешедшие к оседлой жизни, также изменились. Если писатели IV — начала V в. рисуют готов Фритигерна, Требигильда, Гайны и Алариха как людей, живущих за счет военной добычи и подачек римского правительства, то писатели V в. показывают готов оседлыми земледельцами. Они пахут поля и возделывают виноградники, пасут скот и чаще берут в руки сельскохозяйственные орудия, чем меч. Правда, и теперь они время от времени принимают участие в военных походах. Но совершались они от случая к случаю и не всеми взрослыми мужчинами, а только частью их, после чего вновь наступали годы мирного труда. Аполлинарий Сидоний рассказывает об одном вестготском воине, мечтавшем принять участие в походе, но поскольку войн не было, он взялся за плуг⁵¹. Тенденция смены мечей на орала, отмеченная еще Орозием, возобладала.

Восстановление в Юго-Западной Галлии власти Равеннского двора означало возвращение засилья римских судей и сборщиков налогов.

Когда гуннские войска под командованием Литория подошли к Тулузе, вестготский король дважды предлагал ему начать мирные переговоры. Были даже отправлены католические епископы просить о мире, но безуспешно. Литорий, прислушавшись к прорицателям, следовавшим за ним, начал штурм города. Обращение Литория к прорицателям свидетельствует, что основная масса его воинов придерживалась язычества, тогда как вестготы были христианами, хотя и арианского толка, что сближало их с местными жителями. До-

⁴⁹ Hydatii Lemjci. Continv. chron. Hier. § 112.

⁵⁰ Salvian. De gubern. Dei, V, 5, 21. CSFL 8, p. 108.

⁵¹ Apoll. Sidon. Carmen VII. Panegy. Avit., v. 416. Perit bellum, dato rursus aratra.

казательством этого и является обращение Теодориха к католическим епископам.

В завязавшемся сражении гунны были разбиты, а раненый Литорий попал в плен и был убит⁵².

Когда на помощь остаткам войск Литория прибыли гуннские эскадроны под общим командованием Аэция, вестготы снова предложили мир⁵³. По мнению Иордана, в заключении мирного договора участвовал Атила⁵⁴, который, вероятно, возглавлял гуннские кавалерийские отряды.

Деятельное участие в обсуждении условий мирного договора принял и галло-римский магнат Авит, что также, наряду с фактом участия в посольстве к Литорию католических священников Тулузы, свидетельствует о сближении вестготов с местными жителями.

Таким образом, в конце 20-х и в 30-х годах V в. в борьбе против багаудов, бургундов, вестготов и франков основную роль играли гуннские вспомогательные войска, а не римские легионы. И это не случайно. Легионы перестали быть основой римских полевых войск. Кампании 402, 408, 423, 428, 429, 435, 436, 437 и 439 г. были проведены гуннскими вспомогательными кавалерийскими отрядами, более подвижными и более надежными из-за своей враждебности местному населению.

Поражение у Тулузы показало гуннам, что служба Равеннскому двору требует слишком больших сил и приносит мало выгоды. Поэтому в последующие годы они участвовали в набегах на Византию, воспользовавшись занятостью ее войск в войне с Персией и вандалами.

2. Гуннские набеги на Византию в 40-х годах V в. Борьба придворных групп, обострившаяся в начале 40-х годов V в., вооруженные столкновения цирковых партий, отражавшие социальные противоречия, и занятость полевых войск в борьбе против персов и вандалов ослабляли Византию, а это давало гуннам надежду на безнаказанность.

В 441 г. гунны перешли Дунай, опустошили много городов (среди них — Марг, Сингидун, Сирмий) и проникли в глубь византийских провинций Балканского полуострова⁵⁵. Византийское правительство было вынуждено отозвать свои войска из Африки и частично из Армении; несмотря на сохранившуюся опасность со стороны вандалов и персов, и бросить все силы на укрепление обороны Дуная. 12 сентября 443 г. император Феодосий II приказал Номусу (Новелла XXIV) укрепить границы вдоль Дуная и привести в боевую

⁵² Hydatii Lemici. Contin. chron. Hier., § 116.

⁵³ Prosper. Tiron., Epit. Chron., § 1338.

⁵⁴ Jordan. Getica, § 178.

⁵⁵ Marcellini V. C. Comitis Chronicon, an. 441, § 3. Hunnorum reges numerosis suorū cum milibus Illiricum irruerunt: Naisum, Singidunum aliasque civitates oppidaque Illirici plurima exciderunt.

готовность все пограничные отряды. Можно полагать, что Номус хорошо справился с поставленной задачей, поскольку в 445 г. он был удостоен консульского звания.

Пока укреплялась граница, Византия принимала послов гуннов и откупалась золотом.

Налоговый гнет, вызванный необходимостью проведения всех этих мероприятий, обострил внутренние противоречия. В 445 г. произошло крупное народное восстание в Константинополе. По свидетельству Марцеллина Комита, в цирке «многие убивали друг друга»⁵⁶. «Храм царственного города был сожжен»⁵⁷.

В 447 г. вследствие землетрясения были разрушены многие города и рухнула часть стены Константинополя, имевшая 57 башен. Тысячи людей погибли от землетрясения и болезни⁵⁸. Этим воспользовался Атила, который с 445 г. единолично правил гуннами. Продовольствием и золотом для содержания армии его снабдил Равеннский двор, признавший Атиллу полководцем римской армии⁵⁹.

Летом 447 г. гунны вторглись на Балканский полуостров, захватили Маркианополь, Филиппополь, Аркадиополь и дошли до Херсонеса Фракийского. Марцеллин Комит называет это вторжение огромной войной, сразившей провинцию Европу и уничтожившей многие города, общины, укрепленные и неукрепленные поселения, и отмечает, что «Рекс Аттила, нечестивец, дошел до Фермопил»⁶⁰. Последствия этого вторжения описал Калиник в «Житии Ипатия», утверждая, что гунны разорили более ста городов⁶¹. Галльская хроника упоминает семьдесят и отмечает, что со стороны Запада не было помощи⁶².

Византия заключила с гуннами договор и обещала уплатить им 6 тысяч либров золотом одновременно и по 2 тысячи ежегодно, выдавать всех перебежчиков либо выплачивать за каждого из них по 12 золотых монет⁶³. Одновременно Византия отправила в ставку Атиллы посольство, описанное Приском.

Гуннские набеги корснным образом отличались от вторжения франков, бургундов, вестготов. Если эти племена стремились по договору или в результате завоевания поселиться

---

⁵⁶ Ibidem, an. 445, § 2.

⁵⁷ Ibidem, an. 446, § 2.

⁵⁸ Ibidem, an. 447 § 1.

⁵⁹ Prisc. Fragm. 8.

⁶⁰ Marcellini V. C. Comit. Chronicon, an. 447, § 2. Ingens bellum et priore maius per Attilam regem nostris inflictum paene totam Europam excis invasisque civitatibus atque castellis conrasit. § 4. Attila rex usque Thermopolim infestus advenit.

⁶¹ Vita s. Hipatii, 139, 21.

⁶² Chronica Gallica 452, § 132.

⁶³ Prisc. Fragm. 4.

в той или иной римской провинции, то гунны всегда возвращались в Паннонию. Гуннская военно-племенная знать, привыкшая жить за счет войны, не стремилась к прочному завоеванию той или иной провинции для того, чтобы поселиться там и организовать производственную деятельность своих соплеменников. Поэтому, несмотря на большие масштабы гуннских набегов, они завершались лишь ограблением местных жителей, захватом добычи, пленных, обложением данью. После взятия Сирмия гунны обратили в невольников всех его жителей⁶⁴. Калиник описывает ограбление церквей, монастырей, убийство монахов и монахинь.

Гунны не только не находили поддержки у местного населения, но и встречали повсюду самое упорное сопротивление. Помощь им со стороны местных жителей — крайнее исключение. Так, в 442 г. их поддержал епископ города Марга, виновный в ограблении гуннских гробниц и боявшийся не только гуннов, потребовавших его выдачи, но и горожан, решивших удовлетворить это требование, чтобы не навлекать опасности на город⁶⁵. Надеясь заслужить прощение, епископ бежал к гуннам и помог им овладеть городом⁶⁶.

Во время переговоров гунны всегда требовали выдачи военнопленных, бежавших к византийцам. Многие из них предпочитали смерть возвращению к гуннам⁶⁷.

По свидетельству Приска, рабы у гуннов влачили столь жалкое и бесправное существование, что хозяева даже имели право убивать их⁶⁸, тогда как в Римской империи со времен императора Клавдия тот, кто умерщвлял своего раба, вместо того, чтобы представить его в суд, обвинялся в убийстве⁶⁹. Император Адриан, запрещавший господам убивать своих рабов, также повелевал в случае, если они того заслуживают, предавать их суду. По распоряжению Антонина Пия убийство своего раба без суда приравнивалось к убийству чужого раба⁷⁰.

Рабы гуннов, доведенные до отчаяния, нередко убивали своих господ, за что их распинали. Так же расправлялись гунны с возвращенными перебежчиками⁷¹.

⁶⁴ Ibidem, 8

⁶⁵ Ibidem, 2. Мнение А. Н. Бернштама о взятии этого города гуннами с помощью рабов, колонов и шлебеев не подтверждается источниками. В отрывке 2, на который он ссылается, речь идет о предательстве епископа, который помог гуннам захватить город. См.: А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Л., 1951, с. 154, 155; В. Т. Сиротенко. Взаимоотношения гуннов и Римской империи. УЗ ПГУ, т. 12, в. 4, с. 87.

⁶⁶ Prisc. Fragm. 2.

⁶⁷ Ibidem, 5.

⁶⁸ Ibidem, 8.

⁶⁹ Sueton., Claud., 25.

⁷⁰ Gai., I, 53. Digest., I, 6, 2; 12, 1 § 1 et § 18.

⁷¹ Prisc. Fragm. 8. et I.

Правда, в доме Онигисия, занимавшего второе место после Аттилы, Приск встретил хорошо одетого человека, говорившего по-гречески. Это был пленный византийский купец, который отличился в гуннских походах и, отдав свосму господину доставшуюся ему добычу, выкупился на свободу. Он завел семью и утверждал, что жизнь у гуннов лучше прежней, поскольку жители византийских провинций страдают от гуннских набегов, притеснений чиновников и непосильных налогов⁷².

И. Фогт приводит этот факт для доказательства того, что при гуннах положение угнетенных масс было лучше, чем под властью Византии или Западной империи⁷³. При этом, Фогт даже не обратил внимания на имеющиеся в том же восьмом фрагменте Приска сведения о тяжелом положении гуннских рабов, о казни рабов за убийство своих господ. Его внимание привлекла участь только одного купца, отличившегося в набегах против своих соотечественников. Но свидетельство о его судьбе не может служить основанием для характеристики положения всего покоренного населения. Само привлечение этого единичного факта скорее всего свидетельствует о порочности методологии тех историков, которые ради доказательств своей предвзятой точки зрения, выхватывают отдельные фактики из массы фактов противоположного характера. Так поступил и Ф. Альтгейм, использовавший рассказ об этом купце.

У гуннов не было и не могло быть союза с угнетенными массами римских и византийских провинций, являвшихся объектом их грабежей. Эти массы оказывали им самое упорное сопротивление. Жители города Асимунт (Ансамо), например, не ограничиваясь обороной, часто переходили в решительное наступление и преследовали гуннов далеко за пределами своей общины. Они устраивали засады и, когда караульные сообщали о возвращении гуннов после грабительского набега, нападали на них и отбирали добычу, освобождая пленных. «Уступая неприятелям в числе, — рассказывает Приск, — асимунтийцы превышали их мужеством и отвагой. В этой войне они истребили множество скифов, а множество римлян освободили и принимали бежавших от неприятеля»⁷⁴. Даже тогда, когда по настоянию Аттилы византийский военачальник предложил асимунтийцам выдать гуннам перебежчиков и освобожденных военнопленных, они остались непоколебимыми. Они выдали только двух человек и поклялись, что остальных освободили и отпустили на родину, хотя в действительности перебежчиков у них было много⁷⁵.

⁷² Ibidem, 8.

⁷³ J. Vogt. Kulturwelt und Barbaren. Mainz, 1967, S. 14—28.

⁷⁴ Prisc. Fragm. 5.

⁷⁵ Ibidem.

Гуннские набеги тяжело отражались на положении колонн, которым, если они не попадали в рабство, приходилось восстанавливать разоренное хозяйство. В условиях постоянной гуннской опасности правительство собирало повышенные налоги, оправдывая их необходимостью платить дань гуннам или готовиться к войне с ними, хотя в действительности эти средства расходовались не только на оборону, но и на содержание двора и на организацию зрелищ⁷⁶.

По рассказу Приска, после гуннского набега в 447 г. византийский император «принудил всех вносить деньги, которые следовало отправить к гуннам. Он обложил податью даже тех, которые по приговору суда или по щедрости царской получили временное облегчение... Такое бедствие постигло римлян после этой войны, что многие уморили себя голодом или покончили жизнь, надев петлю на шею»⁷⁷.

Ответом на непосильный налоговый гнет были разрозненные восстания. Исторические источники, особенно хроника Марцелина Комита, пестрят упоминаниями о народных движениях. Именно эти выступления, а не гуннские набеги, способствовали ликвидации устаревших общественных отношений и заставляли господствующий класс идти на определенные уступки.

Гуннам было на руку отсутствие единства между двумя дворами. Несмотря на некоторое их сближение для борьбы против внутренней и внешней опасности (путешествие императора Валентиниана III в Константинополь и женитьба на дочери Феодосия II Евдоксии в 437 г.), правительство Запада не оказало помощи Византии. В 447 г. галльский хронист записал: «Восточную империю вновь постигло разорение. Не менее 70 городов опустошены грабежами гуннов, тогда как со стороны Западной не оказывалось ей никакой помощи»⁷⁸.

В начале 450 г. Атила предъявил византийскому правительству непосильные требования и получил отказ. Возник конфликт, который мог стать поводом для похода в Византию, однако гунны двинулись на Запад.

Некоторые историки, следуя за Приском, связывают такой поворот событий с тем, что сестра Валентиниана III послала Аттиле кольцо, и он потребовал ее в супруги, а половине Империи в приданое. Упоминаются требования Атилы о возвращении вестготов как его прежних поданных и интриги вандальского короля Гензейриха, направившего к Аттиле посольство⁷⁹. Возможно, что все это и сыграло определенную роль.

⁷⁶ Ibidem.

⁷⁷ Ibidem.

⁷⁸ *Chronica Gallica* 452, § 132. XXIII. Nova iterum Orienti ruina, qua septuaginta non minus civitates Chunorum depredatione vestatae, cum nulla ab Occidentalibus ferrentur auxilia.

⁷⁹ F. Lot. *Les invasions germaniques*. Paris, 1935, p. 104, 105.

Юста Грата Гонория, после скандальной истории с прокуратором Евгением, в 434 г. была изгнана из Равеннского двора и отправлена в Константинополь. Тогда же она начала настраивать Атиллу против Западной империи⁸⁰. Несмотря на это, как известно, Атила до 439 г. воевал против бургунов и вестготов на стороне Равеннского двора, затем занялся грабительскими набегами на Византию, и только через шестьдесят лет откликнулся на призывы Гонории. Следовательно, причина не в них.

Американский историк Гордон видит ее в том, что в Византии после смерти Феодосия II вступил на престол Маркиан, проводивший политику централизации, и Атила вскоре понял, что его политика по отношению к гуннам будет более твердой⁸¹. Это мнение, характеризуя Гордона как сторонника сильной власти, отнюдь не объясняет причин такого поворота событий.

Искать их следует во внутреннем положении обеих империй.

Временные успехи гуннов на Балканах были возможны тогда, когда войска Византии были заняты в Африке или на Востоке. В остальное время страна могла дать гуннам должный отпор.

Кроме того, в Византии сохранили свое значение города. Осада любого из них требовала больших сил и средств. Коппица была бессильна перед городскими стенами и башнями. А главное, горожане, как показал пример асимунтийцев, упорно защищались. Племя скиров и ряд других, бежавших от гуннов на правый берег Дуная, также сопротивлялись им. Многие племена Подунавья, особенно «амилзуры, итимары, тоносуры, воиски и другие» постоянно воевали против гуннов, часто прибегая к союзу с византийцами⁸². Многие предводители покоренных акациров отказались поддержать Атиллу, а один из них даже отстаивал независимость своих владений⁸³. В случае войны все они могли оказаться опасными для гуннов.

Господствующий класс в Византии был более сплоченным, чем в Западной Римской империи. Он состоял из крупных земельных собственников и владельцев доходных пригородных поместий, домовладельцев и чиновников, собственников мастерских, богатых судовладельцев и торговцев, которые, как и связанные с ними торговые посредники, доверенные лица и приказчики, жили в крупных городах и были

⁸⁰ Marcellini V. C. *Comitis Chronicon*, an. 434. Honoria Valentini imperatoris soror ab Eugenio procuratore suo stuprata concepit, palatioque expulsa Theodosio principi de Italia transmissa Attilanem contra Occidentalem rem publicam concitabat.

⁸¹ C. D. Gordon. *The age of Attila*. New York, 1960, p. 112.

⁸² Prisc. *Fragm.*, I, 8.

⁸³ *Ibidem*, 8.

связаны общими экономическими и политическими интересами. Торговля и налоги давали Византии значительные средства, а многочисленные мелкие крестьяне и ремесленники — рекрутов. Церковь с ее богатствами подчинялась правительству.

Византия пополнила дунайскую флотилию кораблями и личным составом, начиная с 443 г. уделяла большое внимание восстановлению крепостей на Дунае. Все это учли гуннские предводители, часть которых служила Равеннскому двору и знала, что там нет ни подобной сплоченности, ни сил, достаточных для обороны.

3. Западная Римская империя в 40-х годах V в. В этот период Западная Римская империя оказалась в очень тяжелом положении. Часть городов была превращена в развалины римскими войсками, подавлявшими революционные и сепаратистские движения, и варварскими вторжениями (аланы, вандалы и свевы в 407 г. вторглись в Галлию, а в 409 г. — в Испанию; франки в 413, 420, 425, 428 и 440 гг. — в Первую и Вторую Бельгийские провинции; бриты и саксы в 441 г. — в Арморикю, аланы Гоара — в район среднего и нижнего течения Луары в 407 г., вестготы — в 412 г. в Аквитанию и после 419 г. — в Нарбоинскую провинцию; бургунды обосновались в 409—411 гг. около Майнца, а в 413 г. в Вормсе, где они и создали первое королевство).

Торговля и связь между провинциями и в Средиземноморье были нарушены. Варварские племена, поселившиеся в римских провинциях, воевали друг с другом и с местными жителями. Все воевали против всех и, как отметил хронист, «положение государства вследствие этой бури было жалким»⁸⁴.

Италия влачила жалкое существование. Обезлюдение и нищета возрастали. После 401 г., когда в одной Кампании незапаханными и не облагаемыми налогом оказалось 130 тысяч га, количество заброшенных земель росло с каждым годом. Об этом свидетельствуют указы об уменьшении податей. Однако они всегда издавались с опозданием, когда уже вступали в действие печальные последствия неумолимого нажима чиновников фиска. Поэтому мелкие землевладельцы, спасаясь от разорительных налогов, попадали в зависимость от крупных землевладельцев, не облагавшихся куриальными налогами, и ценой свободы избавлялись от гнета курий. Это вело к увеличению налога на участки, подлежащие обложению, так как, несмотря на уменьшение количества плательщиков и облагаемых участков, общая сумма налога, падавшего на курию, менялась медленно, обычно раз в пятнадцать лет.

⁸⁴ Chronica Gallica 452, § 138. I. Hac tempestate valde miserabilis rei publicae status apparuit...

Сицилия была разорена вандалами, а прибывший в 441 г. для борьбы против вандалов византийский экспедиционный корпус оказался бременем для страны⁸⁵.

В Африке, по договору 442 г., за Римом сохранились наиболее бедные провинции — Мавритания Цезарейская и Сети-фенская, часть Нумидии с Циртой и Триполитанией. Народные массы этих провинций, состоявшие из романизованных мавритано-берберов, искали защиты от вандалов и римлян у мавритано-берберов горной Кабилии и соседних пограничных областей, что усилило эти племена и позволило им перейти в наступление.

В Испании (после ухода аланов и вандалов в Африку) начали расширять свои владения свевы. В 441 г. они овладели Меридой, Севильей (Гиспалис), Бетикой и Картаженской провинцией⁸⁶. В 448—449 гг. свевы дошли до Эбро и захватили Сарагосу и Иллериду⁸⁷. Вестготские войска, посланные против них Равеннским двором, потерпели поражение и запросили мира⁸⁸.

Страна стала ареной еретических движений, особенно манихейства и присциллианства, являвшихся выражением социального протеста. С наибольшей силой они охватили Тарраконнию, где, как и в Галлии, революционная борьба угнетенных масс называлась движением багаудов. Известно, что Равеннский двор неоднократно направлял туда карательные экспедиции. Экспедиции 441 и 443 гг. возглавлял Астурий, дукс пехоты и кавалерии⁸⁹. Гидаций утверждает, что в 441 г. Астурий «переселил множество тарраконских багаудов», а в 443 г. «усмирил надменность арацеллитанских багаудов»⁹⁰. Но движение багаудов не прекратилось, и в последующие годы хронист снова рассказывает о борьбе с ними⁹¹.

Наиболее сложная обстановка создалась в Галлии. Все ее провинции стали ареной столкновения классовых, политических, территориальных, этнических и религиозных группировок местных жителей и поселившихся там варваров. На все ее границы наседали новые враги, теснимые другими племенами или стремившиеся расширить свои территории.

В центральных и западных провинциях Галлии вновь вспыхнуло движение багаудов, подавленное Аэцием в

⁸⁵ Prosper. Tiron., Epit. Chron., § 1344.

⁸⁶ Hydatii. Lemici. Continv. Chron. Hier., § 123. Rex Rechila Hispani obtenta Baelicam et Cartaginiensem provincias in suam redidit potestatem.

⁸⁷ Ibidem, § 137, 140, 142.

⁸⁸ Ibidem, § 134, 140.

⁸⁹ Ibidem, § 125.

⁹⁰ Ibidem, § 125, 128. 125. Asturius dux utriusque militiae ad Hispanias missus Terraconensium caedit multitudinem Baecaudarum. 128. Asturio... brevi tempore potestatis suae Aracellitanorum frangit in solentiam Baecaudarum.

⁹¹ Ibidem, § 141, 158.

435—437 гг. Наибольшего размаха достигло оно в Арморике, в области верхнего течения Луары и среднего течения Роны. На подавление его Равеннский двор направил в 440 г. аланов под предводительством Сангибана, предоставив им для пастора земли около Валенции (южнее Виены)⁹². В 442 г. хронист записал, что аланы, получившие от патриция Аэция земли Заальпийской Галлии, усмирили сопротивлявшихся оружием и захватили земельные участки, изгнав их владельцев⁹³. По существу, хронист запечатлел расправу с багаудами, за что аланы получили владения местных жителей (в том числе местной знати).

О подавлении Аэцием движения багаудов рассказано в панегириках Аполлинария Сидония Авиту и Майориану, панегирике Флавия Меробавда, Галльской хронике 452 года и в двух житиях Германа, написанных агнографами Константином и Гериком.

Герик, враждебный революционному движению, утверждает, что между реками (т. е. между Сеной и Луарой) живет народ, злостный и непостоянный, полный любви к пововедениям, расточительный на слова и известный тем, что никогда не сохраняет верности правительству⁹⁴. Такая характеристика отражает социальную направленность движения багаудов, отмеченную нами ранее на основании свидетельств Рутилия Намациана, Зосима и комедии «Кверол».

В 445 г. Аэций предоставил Арморике аланам для подчинения и наказания. Когда аланы под предводительством Гохара (Гоара) вошли в Арморик, ее жители обратились к епископу Герману с просьбой о помощи. Герман вышел навстречу Гохару и потребовал, чтобы тот приостановил карательную экспедицию.

По рассказу Констанция, Гохар был так поражен этой настойчивостью, что подчинился ей. Возможно, он знал скрытую вавшуюся за ней решимость народных масс оказать сопротивление наемникам правительства.

---

⁹² *Chronica Gallica* 452, § 124. *Deserta Valentinae urbis rura Alanis, quibus Sambida praeerat, partienda traduntur.*

⁹³ *Ibidem*, § 127. *Alani, quibus terra Galliae ulterioris cum incolis dividenda a patricio Aetio tradita fuerant, resistentes armis subigunt et expulsi dominis terrae possessionem vi adipiscuntur.*

⁹⁴ *Vita metrica Germani auctore Herico*. PL 124, col. 1123:

Gens inter geminos notissima clauditur amnes
Armoricana prius veteri cognomine dicta;
torva, ferox, ventosa, procax, incauta, rebellis,
inconstans, disparque sibi novitatis amore,
provida verborum: sed non et prodiga facti:
dicere plus, fecisse minus, taxatur honestum.
Regibus hanc fidei nunquam seervasse tenorem
sacribus expertum.

Приостановив карательный поход, Гохар потребовал, чтобы епископ добился от императора его отмены⁹⁵. Герман отправился в Равенну, однако умер там 31 июля 445 г.⁹⁶ Когда стало известно, что хлопоты Германа не увенчались успехом, Тиббатон, вождь багаудов, как отмечает Констанций, снова призвал их к оружию. Меробавд восхваляет Аэция за подавление этого восстания, продолжавшегося до конца 445 г.⁹⁷

На основании рассказа Аполлинария Сидония также можно предположить, что в 445—446 гг. в Арморике вновь вспыхнуло восстание багаудов и что тогда же в бассейн Сомы вторглись франки под предводительством Хлодио.

Несмотря на многочисленные экспедиции, Равеннскому двору не удалось подавить багаудов окончательно. В 448 г. Галльская хроника отметила связь с ними некоего врача Евдоксия, чем засвидетельствовала продолжение движения. Интересно отметить, что в решении внутренних вопросов общины Арморики пользовались самостоятельностью, а ее западная часть оказалась почти независимой. Правда, отстаивая свою независимость, ее жители были вынуждены опираться на помощь бриттов, которые в 441 г., в связи с натиском скоттов и саксов, оставили Британию и поселились на полуострове Арморика, который вскоре стал называться Бретанью⁹⁸.

Только в 451 г., когда возникла угроза гуннского порабощения, жители Арморики прекратили борьбу против Равеннского двора и примкнули к антигуннской коалиции. Но они сохранили специфические особенности общественного уклада — демократизм, проявляющийся при решении внутренних дел, свою организацию, состоящую из совокупности самоуправляющихся крестьянских общин, укрепившихся в длительной борьбе против варваров и Равеннского двора, и бли-

---

⁹⁵ Vita Germani auctore Constantio, 28. MGH Scriptorum rerum Merov., VI, I, p. 271.

⁹⁶ E. A. Thompson. A chronological note St. Germanus of Auxere. Analecta Bollandiana, 75, 1957, p. 135—138; W. Levison. Bischof von Auxere und die Quellen zu seiner Geschichte. Neues Archiv, 29, 1903, S. 95—175.

⁹⁷ Vita Germani auctore Constantio, 40. MGH Script. rer. Merov., VII, I, p. 280; Merobaudes. Panegyrg., 2, v. 8—22, 148—186. MGH AA XIV, I, я. 11, 17—18. О продолжении багаудского движения в 446—448 гг. можно полагать по следующим свидетельствам:

Apoll. Sidon. Carmina V, v. 210—213.. Cum bella timentes defendit
Turonos, aberas: post tempore parvo
pugnastis pariter, Francus qua Cloio patentes
Atrebatum terras pervaserat.

Chronica Gallica 452, § 133. Eudoxius arte medicus, pravi, sed exercitati ingenii, in Bacauda id temporis mota delatus ad Chunos confugit.

⁹⁸ Joseph Lot. L'Emigration bretonne en Armorique. Paris, 1883; E. Morin. L'Armorique au Ve siècle. Rennes, 1867; B. Plaine. La colonisation de l'Armorique par les bretons insulaires. Paris, 1899; E. Demougeot. Les invasions germaniques et la rupture des relations entre la Bretagne et la Gaule. Le Moyen Age, revue trimestr. d'Hist. et Philolog. 68, 1962.

зость к язычеству и пелагианству. Экономической базой этих общин было мелкое крестьянское землевладение, при котором необходимо регулировать отношения как земледельцев внутри каждой деревни, так и между соседними деревнями.

Сорокалетнее движение багаудов-армориканцев, отвлекая значительные силы Западной Римской империи, косвенным образом способствовало успехам бургундов, вестготов и франков.

Бургунды, ослабленные поражением у Вормса (435 г.) в 443 г. получили разрешение поселиться в 500 км к юго-западу от него — в Сабаудии (между Северным Греноблем и Женевским озером). В Галльской хронике об этом сказано так: «Сабаудия подлежит разделу с бургундами при соблюдении интересов местных жителей»⁹⁹. Хронист IX в. отмечает, что они «добились новых земель скорее при помощи многочисленных переговоров, чем при помощи оружия»¹⁰⁰. Гуннская опасность заставила бургундов искать союза с галло-римлянами и соблюдать договор с Равеннским двором. Они получили от галло-римских землевладельцев треть рабов, две трети наделов и половину лесных угодий. Бургундская правда защищала интересы галло-римлян от неорганизованного грабежа, запрещала бургундцу, получившему свою долю при разделе, захватывать долю галло-римлянина и обязывала оказывать ему предпочтение при продаже своей доли.

В этот период саксы нападали на побережье Галлии на Западе, а все местности южного побережья страдали от пиратских набегов вандалов.

Такова была обстановка на Западе, когда гунны начали готовиться к наступлению.

4. Гуннское вторжение в Галлию. Гуннским предводителям казалось, что теперь они смогут беспрепятственно покорить Западную Римскую империю и установить в ней свое господство. Длительная служба в качестве наемника Равеннского двора и участие в карательных экспедициях против багаудов, вестготов, бургундов и франков давали Атилле основание изображать себя «стражем римской дружбы»¹⁰¹, готовым оказать помощь императору в управлении своими подданными¹⁰². Позже, в 452 г., Атилла выразил свои намерения яснее. Он приказал миланскому художнику нарисовать себя сидящим на золотом троне и принимающим дары от го-

---

⁹⁹ *Chronica Gallica* 452, § 129. *Sapaudia Burgundionum reliquies datur cum indigenis dividenda.*

¹⁰⁰ Rene Guichard. *Essai sur l'Histoire du peuple Burgonde.* Paris, 1965, p. 174.

¹⁰¹ *Prisc. Fragm.* 16.

¹⁰² *Prisc. Fragm.* 9.

сударей¹⁰³. Атила, как отметил Иордан, «жаждал порабощения вселенной»¹⁰⁴.

Начало гуннского наступления ускорили следующие события. Старший сын умершего короля рипуарских франков, державшийся союза с гуннами, явился к Аттиле с просьбой оказать ему помощь против младшего брата, искавшего поддержку у императора Запада¹⁰⁵. В это же время Гензейрих, заподозривший в приготовлении яда жену сына (дочь вестготского короля), отрезал ей нос и уши и отослал ее в Тулузу, а сам направил послов к Аттиле, призывая его к войне против вестготов¹⁰⁶. Гонория, сестра западного императора, еще в 434 г. пославшая Аттиле кольцо, снова обратилась к нему за помощью, что дало ему повод требовать ее в жены, а половину империи в приданое¹⁰⁷.

Чтобы помешать объединению военных сил империй и заставить их правительству держать войска для обороны своих столиц, Аттила направил послов в Равенну и Константинополь с требованием приготовить ему дворец¹⁰⁸.

В начале 451 г. гуннские войска, разделившись на две части, двинулись вверх по Дунаю. Армия, следующая по правому берегу вдоль римской дороги, грабила и опустошала все встречавшиеся на пути населенные пункты и укрепления. Войска, идущие по левому берегу, заставили присоединиться к ним все проживавшие там племена.

На третьем месяце похода войска соединились у истоков Дуная и вдоль берегов Рейна двинулись на север. Среди них Аполлинарий Сидоний называет гепидов, бастарнов, скиров, восточных бургундов, турингов, невров, белонотов, гелонов, франков и бруктеров¹⁰⁹. Вероятно, не зная настоящих имен некоторых племен, писатель дал им названия, известные ему

¹⁰³ Suidas. *Mediolanum*. Suidas Lexicon. Ed. A. Adler, Lipsiae, 1928, t. 1, 3, p. 346—349.

¹⁰⁴ Jordan. *Getica*, § 187.

¹⁰⁵ Prisc. *Fragm.* 13.

¹⁰⁶ Jordan. *Getica*, § 184.

¹⁰⁷ Ioannes Antiocheus. *Fragm.* 199(2). FHG IV, p. 619; Prisc. *Fragm.* 12.

¹⁰⁸ Ioannes Malalae. *Chronogr.*, XIV, 3.

¹⁰⁹ Apoll. Sidon. *Carmen VII. Panegyri. Avit.*, v. 319—328: ...Subito cum rupta inuultu barbarios totas in te transfuderat Aretos, Gallia. Pugnacem Rugum comitante Gelono Gepida trux sequitur; Scirum Burgundio cogit; Chunus, Bellonotus, Neurus, Bastarna, Toringus, Bructerus, ulvosa vel quem Nicer alluit unda prorumpit Francus; cecidit cito secta bipenni Hercunia in lintres et Rhenum texuit alno; et iam terrificis difuderat Attila turmis in campos se, Belga, tuos. (Как вдруг поднятое внезапным смятением варварство излило весь Север на тебя, Галлия: за воинственным ругом, в сопровождении гелона, следует свирепый гепид; скира побуждает бургуид; вторгся гунн, белонот, невр, бастарн, туринг, бруктер и франк, которого омывает своими волнами заросший камышами Ийкер; скоро пал Герцинский лес, срубленный секирой на челны, и покрылся Рен судами; и уже наводящие ужас полчища Аттилы разлились по твоим полям, белг).

по старым географическим картам (певры, белоноты, бастарны). Проспер Тиرون, также утверждающий, что Аттила, захватив многие тысячи (людей) из соседних племен, заставил их выступить на войну против готов в качестве стража римской дружбы»¹¹⁰, вообще не называет эти племена. Иордан, в свою очередь, говорит о «многочисленных народах и различных племенах», однако, кроме гуннов, называет только остготов (под предводительством братьев — Валамира, Теодмира и Ведемира) и бесчисленные полчища гепидов под предводительством Ардариха. Остальные, по Иордану, это «толпа королей и вождей различных племен»¹¹¹.

По мнению Иордана, преувеличивавшего численность гуннских войск, чтобы прославить единство готов и римлян и победу над врагами, у Аттилы было 500 тысяч воинов¹¹². В сочинении неизвестного автора, пересказывающего римскую историю Евтропия и добавление к нему Павла Диакона, указывается 700 тысяч человек¹¹³. Малала и автор Пасхальной хроники говорят о «многих тысячах людей»¹¹⁴.

Очевидцы и современники рассказывают об опустошениях, произведенных гуннами. «Многие города Галлии испытали несчастье от их нападения, когда они перешли Рейн»¹¹⁵. «Самые сильные города этот ужасный народ уничтожил»¹¹⁶. «Бесчисленное войско гуннов всю провинцию, начиная с ее восточных частей, опустошило и осадило многие замечательные города»¹¹⁷.

Гуны не имели осадных машин и не умели брать укрепленные города. Нуждаясь в продовольствии, они не могли долго держать их в осаде. Каждый город становился неприступным. Но организованной и координированной защиты не было. Римская полевая армия находилась в Италии¹¹⁸. Равеннское правительство, опасавшееся вандалов, ничего не делало для обороны Галлии. Города, оказавшие гуннам сопротивление, действовали самостоятельно и без связи с другими.

---

¹¹⁰ Prosper. Tiron. Epit. Chron., § 1364. Attila... multa vicinarum sibi gentium milia cogit in bellum, quod Gothis tantum se inferre tamquam custos Romanae amicitiae denuntiabat.

¹¹¹ Jordan. Getica, § 199, 200.

¹¹² Ibidem, § 122.

¹¹³ Historia Miscella, an. 451. MGH AA t. II.

¹¹⁴ Ioannes Malalae. Chronograph., XIV, 3; Chronicon Paschale, vol. I, Bonnae, 1832, p. 587.

¹¹⁵ Prosper. Tiron. Epit. Chron., § 1364. Sed cum transito Rheno saevissimos eius impetus nullae Gallicanae urbes experirentur.

¹¹⁶ Vita Genovefae, 12. Acta Sanctor. Bolland. 3 Jan. 1; MGH Script. rer. Merov. III.

¹¹⁷ Vita Aniani, 7. MGH Script. rer. Merov. III, p. 113. Innumerabilem Chunorum exercitum omnem provinciam a partibus Orientis crudeli caede vastatam et nullas excellentes urbes eorum virtute conperimus consilas.

¹¹⁸ F. Lot. Les invasions germaniques. Paris, 1935, p. 105, 106; P. Saurcelle. Histoire littéraire des grandes invasions germaniques. Paris, 1948, p. 133.

Как об этом рассказывают агиографы Аниана, Сервация, Лула, Женевьевы, Мемория и других, епископы ряда городов призывали население к всеобщей молитве. Призывы к молитве, а не к сопротивлению, всеобщая паника, вызванная потоками беженцев и их рассказами, парализовали оборону.

Все это, наряду с многочисленностью гуннских войск, обеспечивало их наступательные успехи.

Вскоре после взятия и разрушения Меца (7 апреля 451 г.) пал Туинг (14 апреля 451 г.)¹¹⁹. Дорога на Париж была открыта. Но гуннам было невыгодно тратить силы на осаду города, и они обошли его. Католическая церковь приписала спасение Парижа Женевьеве, призвавшей горожан ко всеобщей молитве¹²⁰. Многие города, и среди них Страсбург, Шпеер, Майнц, Вормс и Аррас, были разрушены до основания. Жители, не успевшие бежать, были перебиты¹²¹.

В мае 451 г. гунны подошли к Орлеану, надеясь, что им помогут аланы Саугибана, находившиеся недалеко от города.

Орлеанцы укрепили город и отправили епископа Аниана в Арль. Вскоре он возвратился с известием, что префект Галлии Авит послал к вестготам посольство с просьбой о помощи Орлеану.

Агиограф Аниана, несмотря на стремление подчеркнуть роль епископа, показал решающую роль рядовых горожан. Боясь предательства, они не впустили отряд аланов в город, хотя и нуждались в помощи. К тому же, в отличие от других епископов, Аниан призывал не к молитве, а к борьбе. Даже когда силы горожан иссякли, он убедил их продержаться до прихода помощи¹²².

Когда гунны заняли предместье Орлеана, 14 июня 451 г.¹²³, защитники городских стен заметили на горизонте облако пыли, поднимавшееся при движении конницы. Это укрепило мужество орлеанцев. И действительно, вскоре к городу подошла вестготская конница во главе с Аэцием, вестготским королем Теодоридом I и его сыном Торисмундом, как об этом позже рассказал Григорий Турский. Атила был вынужден отступить на северо-восток.

Больше месяца простояли гунны у стен Орлеана. За это время успешно закончились переговоры между послами префекта Галлии, Равеннского двора и вестготским королем. Племена и народности Галлии объединились. Гуннская опасность заставила их забыть о противоречиях. Почти во всех провинциях собирались народные ополчения.

¹¹⁹ Vita Servatii, ep. Traiectensis. MGH Script. rer. Merov. III, p. 85. В «Житии» дана пасхальная суббота, т. е. 14 апреля 451 г.

¹²⁰ Vita Genoucfæ, 12. Ch. Kohler. Etude critique sur le texte de la vie lat. de S. Geneviève. Paris, 1881.

¹²¹ F. Lot. La Gaule. Paris, 1947, p. 489.

¹²² Vita Aniani, 7, 10. MGH Script. rer. Merov. III, p. 113, 115.

¹²³ Ibidem, 7 p. 113; Gregor. Tur. Hist. II, 7.

Правительство Западной Римской империи использовало освободительный порыв народных масс в своих интересах. Во главе войск был поставлен Аэций, несмотря на его длительные дружеские связи с гуннами.

Иордан оставил описание переговоров между вестготским королем и посланцами Равеннского двора и показал, что вестготы с большим энтузиазмом встретили их завершение: «Криками одобряют комиты ответ вождя; радостно вторит им народ; всех охватывает боевой пыл; все жаждут гуннов-врагов»¹²⁴.

5. Каталаунская битва. Отступая в направлении Дурокатауна (Шалон) на Марне, гунны перешли Сену недалеко от Труа¹²⁵. Здесь гепиды, оказавшиеся в гуннском арьергарде, сразились с франкским ополчением, следовавшим к Орлеану¹²⁶.

Решающая битва произошла на северо-востоке от Труа, «на Каталаунских полях, которые иначе называют Мауриакскими»¹²⁷. Однако, поскольку сражение произошло вскоре после первого боя, в источниках обе битвы часто описываются как одна. Это отразилось и в приведенном нами определении Иорданом места битвы. Равеннские анналы утверждают, что она произошла «на пятой миллиарии от Трека, в местности Мауриак, в Кампании»¹²⁸. Почти так же об этом говорят автор Галльской хроники 511 г. и Григорий Турский¹²⁹. К тому же недалеко от Труа археологи открыли «клад Пована», являющийся могилкой варвара, времен нашествий. Существует мнение, что это могила вестготского короля Теодорида I, павшего на поле боя¹³⁰.

Гидаций, Кассиодор, составитель Равеннской хроники и агиограф Луна называют местом битвы кампус /равнина/ Каталаун¹³¹.

К северо-востоку от Труа и к юго-западу от Дурокатауна лежит совершенно открытая равнина, удобная для использования тактических преимуществ конницы. На этой ра-

¹²⁴ Jordan. *Getica*, § 190.

¹²⁵ Vita Lupi, ep. Trecentis, 10—11. MGH Script. rer. Merov. III, p. 121—124.

¹²⁶ Jordan. *Getica*, § 217.

¹²⁷ Ibidem, § 192.

¹²⁸ Additamenta ad Prosp. Havn., an. 451. MGH AA IX p. 302: Pugnatumque est quinto miliario de Treca loco nuncupato Maurica in eo Campania.

¹²⁹ Chronica Gallica 511 § 615: tricasis pugnat loco Mauriacos; Gregor. Tur. Hist. II, 7. Itaque liberatam obtentu beati antestites civitatem, Atilanem fugant. Qui Mauricum campum adiens, se praecingit ad dellum. Quod hi audientes, se contra eum viriliter praeparant.

¹³⁰ Gallia, t. XIV, fas. I, 1956, p. 65.

¹³¹ Vita Lupi, II, MGH Script. rer. Merov., III, p. 124; Hydati Lemici Contin. chron. Hier. § 1253; Chron. Caesaraugust., an. 450. MGH AA XI, p. 223; Cassiodor. Chron., an. 451. MGH AA XI, p. 157.

внине находились два лагеря римских войск: лагерь Мауриака, в 7 км к северо-востоку от Труа, и лагерь Каталаун, в 20 км к юго-западу от Дурокаталауна. Название «поле Мауриака» принадлежит лишь небольшой местности к северо-востоку от Труа, где проходили военные учения солдат¹³².

Описание расположения войск, их состава и самой битвы дает Иордан, использовавший рассказы Приска и Кассиодора.

Для понимания характера отношений между гуннами и населением Европы состав антигуннской коалиции весьма показателен. В нее вошли все жители Галлии и многие соседние племена. Иордан, называя франков, сарматов (очевидно аланов), армориканцев, литициан, бургундионов, саксов, рипариолов, брионов, остальных лишь упоминает как «многие другие из Кельтики и Германии».

Особый интерес вызывают армориканцы, прославившиеся своим свободолобием, длительной борьбой против римского господства. Зловещая роль, которую сыграли гунны в подавлении их революционного движения в 435-437 гг. по приказу Равеннского двора, и опасность гуннского порабощения, естественно, побудили армориканцев вступить в антигуннскую коалицию. Возможно, намечая поход в Галлию, гунны предполагали использовать междоусобицу среди рипуарских франков и движение багаудов (армориканцев) в своих интересах. Но их расчет не оправдался. В источниках нет фактов, говорящих о поддержке гуннов местными жителями.

Значительную группу участников антигуннской коалиции составляли литы и рипарии. Литы или леты — военные поселенцы из варваров. Рипарии — поселенцы, проживающие на берегах пограничных рек. Их положение было аналогично положению воинов пограничных отрядов — за земельный надел они и их потомки несли пограничную службу. Эти поселенцы обычно были выходцами из соседних варварских племен. У Иордана слово «рипариолы» означало не племенную группу, а название жителей пограничных селений (рипарии) по берегам Рейна, Мааса и Мозеля¹³³.

Сарматами Иордан называет часть аланов под командованием Сангибана. Названия остальных племен — участников антигуннской коалиции не требуют комментариев.

Как свидетельствуют Аполлинарий Сидоний и агиограф Аниана, среди воинов антигуннской коалиции было много ра-

---

¹³² E. Andreoli. Contributo topographico alla battaglia dei Campi Catalauni. «Historia», 1, 2, 1927, p. 126; G. Grolez. Ces lamena champs Catalauniques. Troyes, 1964, p. 57; I.-C. Wiel. Attila dans les Gaules. Troyes, 1951.

¹³³ R. Grosse. Romische Militargeschichte. Berlin, 1920, S. 63--70; O. Marti. Römer and Alemannen am Ober-Rhein im 4 and 5 Jahrhundert., Bern, 1954.

бов и колонов¹³⁴. По-видимому, этому способствовали законы о предоставлении им свободы и денежной награды за участие в отражении варваров, изданные еще в начале века и вошедшие в Кодекс Феодосия, действовавший на Западе с 40-х годов V в.

Инициатива в выборе места битвы принадлежала гуннам. Расположение их войск показывает, что все надежды возлагались на конницу. При неблагоприятном исходе битвы гуннам был обеспечен путь отступления через Дурокаталаун.

Войска Атиллы разместились на равнине фронтом на юго-запад в следующем порядке: в центре — гунны, на правом фланге — гепиды, на левом — остготы. Вспомогательные отряды остальных покоренных племен окружали крылья войск Атиллы¹³⁵.

Командование антигуннской коалиции расставило свои войска фронтом на северо-восток: на левом фланге, против гепидов, понесших потери при встрече с франками, расположились легионы, приведенные Аэцием из Италии. На правом, против остготов — вестготы. В центре, против гуннов, все остальные¹³⁶.

Из дислокации войск и соотношения борющихся сил видно, что наиболее ответственная задача возлагалась на армориканцев, рипариолов и литициан. Они должны были противостоять гуннам и не допустить перехода на их сторону аланов Сангибана, оказавшихся также в центре. Вероятно, Аэций считал армориканцев, рипариюв и литициан наиболее надежными и вместе с тем рассчитывал ослабить их в предстоящем сражении. В этом отчетливо виден замысел римского командования: обескровить всех участников битвы, за исключением легионов, приведенных Аэцием из Италии.

Дату битвы можно определить, опираясь на рассказ из «Жития Аниана». В нем отход гуннов от Орлсана датируется 14 июня 451 г.¹³⁷ Отступление гуннов началось в ночь на 15 июня, через сутки они могли начать переправу через Сену возле Труа, а на следующие — через Об, два дня понадобилось, чтобы достичь Дурокаталауна, и столько же на подготовку к битве, следовательно, можно полагать, что гунны были готовы начать ее к утру 21 июня 451 г.

Решительное сражение началось утром и закончилось глубокой ночью. Проспер Тирон свидетельствует, что «хотя полегло несметное число участников битвы, гунны настолько бы-

¹³⁴ Apoll. Sidon. Carmina, VII, v. 347, 348; Vita Aniani, 7. MGH Script. rer. Merov., III, p. 113.

¹³⁵ Jordan. Getica, § 198, 199.

¹³⁶ Ibidem, § 197.

¹³⁷ Vita Aniani, 7. MGH Script. rer. Merov., III, p. 113.

ли побеждены, что, потеряв веру в возможность продолжать битву, возвратились в свои укрепления»¹³⁸.

На второй день, 22 июня 451 г., гунны не показывались из-за ограды лагеря, хотя «Атила бряцал оружием, трубил в трубы, угрожал набегом»¹³⁹.

Каталаунская битва ослабила обе стороны. Иордан полагает, что погибло 165 тысяч воинов. Гидаций и Исидор Севильский исчисляют общие потери в 300 тысяч человек. Однако антигуннская коалиция оказалась в более выгодных условиях — ее резервы находились вблизи, так как население ближайших местностей было на ее стороне.

Потери гуннов оказались невозможными из-за невозможности притока нового пополнения. Подвоз продовольствия был крайне затруднен. Союз между разнородными этническими группами гуннского военно-племенного союза был нежизнеспособным, и неудачи вели к его разрушению. Вследствие этого сложились условия для окончательного разгрома гуннов.

Однако в этом Равеннский двор не был заинтересован. Традиционная политика требовала только ослабления варваров, но не их окончательного разгрома. Римляне больше боялись усиления вестготов, франков, саксов, бургундов и, тем более, армориканцев, к чему неминуемо привела бы окончательная победа над гуннами. Поэтому на второй день после битвы Аэций развил активную деятельность, направленную на развал антигуннской коалиции. Аэций посоветовал Торисмунду, сыну погибшего вестготского короля, возвратиться домой, чтобы удержать за собой трон, на который могли претендовать его братья. Торисмунд поспешил в Тулузу¹⁴⁰.

Франкского короля и его войско Аэций удалил, указав на опасность, которая нависла над их землей в связи с отступлением гуннов.

Чтобы ослабить ополченцев Галлии, Аэций нарушил закон о даровании свободы рабам, принимавшим участие в битве. В Бургундской правде сохранилось постановление, по которому рабы, найденные и признанные их господами после сражения у Мариака, должны снова стать их собственностью¹⁴¹.

Неизвестный продолжатель Проспера, не зная настоящих побудительных причин таких поступков Аэция, все объясняет только жадностью. По его мнению, Аэций удалил союзников для того, чтобы захватить все трофеи, оставшиеся на поле боя.

¹³⁸ Prosper. Tiron. Epitom. Chron., § 1364.

¹³⁹ Jordan. Getica, § 212.

¹⁴⁰ Ibidem, § 216, 217; Gregor. Tur. Hist. II, 7.

¹⁴¹ Lex Gundobada (Lex Burgundionum), XVII, § 1, 2. MGH Leg. ser. I, Leg. Nationum Germanicarum, t. II, p. 1, p. 55. I. Omnes omnino causae, qua inter Burgundiones habitae sunt et non sunt finitae usque ad pugnam Mauriacensem, habentur abolitae. 2. Si quis sane servum suum aut ancilam cognoverit recipiat.

И действительно, как только ушли франки и вестготы, Аэций и его легионеры собрали и поделили между собою всю добычу и трофеи¹⁴². Подобные причины приводит и Григорий Турский¹⁴³. Конечно, не исключено, что, выполняя волю Равеннского двора, Аэций стремился также заполучить трофеи, оставшиеся на поле боя.

Усилия Аэция, направленные на ослабление антигуннской коалиции, спасли гуннов от окончательного разгрома и дали им возможность отступить в Паннонию¹⁴⁴.

Весной 452 г. гунны вновь начали наступление. На этот раз они двинулись в Италию.

Обстановка благоприятствовала им. Равеннский двор не обеспечил обороны проходов в Карнийских и Юлийских Альпах. Путь на Италию был открыт.

Аэций и Валентиниан III, решившие бежать из Италии, оставили Равенну и прибыли в Рим, где сенат принял решение просить у Агилы мира, направив к нему консулярия Авиена, бывшего префекта Тригетия, и папу Льва I. Достаточных сил для отражения гуннов не было. Однако неожиданно для Равеннского двора на борьбу против гуннов поднялись народные массы Северной Италии, особенно жители ее многочисленных городов.

Несколько месяцев оборонялись жители Аквилеи. Тогда Атила призвал на помощь впомагательные войска покоренных гуннами племен Подунавья и начал штурм города, применяя машины и метательные орудия. Взав город, гунны разорили его так, что к середине VI в., когда писал Иордан, от него не осталось и следа¹⁴⁵.

Известие о страшной участи Аквилеи усилило решимость жителей других городов. Туринцы стояли насмерть, несмотря на панику, вызванную притоком беженцев¹⁴⁶. Упорно оборонялись Копкордия, Альтинум, Патавия, Вицентия, Верона, Бергам и Милан. Многие города не избежали гуннского разгрома. Продолжатель Проспера утверждает, что вслед за Аквилесей «Милан и некоторые другие города были разорены Атилой до основания»¹⁴⁷. Об опустошении Милана упоминает и Иордан¹⁴⁸. Однако Павел Диакон полагает, что город и его обитателей Атила пощадил¹⁴⁹. По другому рассказу, в Милане Атила увидел картину, изображавшую императора на золотом троне, а побежденных варваров у его ног, и прика-

¹⁴² *Additamenta ad Prosp. Havn. an. 451. MGH AA IX, p. 302.*

¹⁴³ *Gregor. Tur. Hist. II, 7.*

¹⁴⁴ *Prosp. Tiron. Epit. Chron., § 1304.*

¹⁴⁵ *Jordan. Getica, § 221.*

¹⁴⁶ *Maximus Tauriensis. Homilia, LXXXVI. PL 57, col. 450 b.*

¹⁴⁷ *Additamenta ad Prosp. Havn., an. 452. MGH AA IX p. 302.*

¹⁴⁸ *Jordan. Getica, § 222.*

¹⁴⁹ *P. Diaconus. Hist. Romana, XIV, 2.*

зал нарисовать на ней себя, принимающим дары от императоров¹⁵⁰.

Встречая упорное сопротивление, гунны несли огромные потери. Во время длительной осады городов они гибли от голода и болезней¹⁵¹. Позже Исидор Севильский писал: «Гунны погибли там (в Италии) отчасти от голода, отчасти от небесных потрясений»¹⁵². Конечно, эти потрясения были земными и объяснялись упорным сопротивлением горожан, но, будучи епископом, Исидор писал о вмешательстве потусторонних сил.

Кроме того, Византия прислала на помощь Италии свои войска, от которых гунны понесли ряд поражений¹⁵³.

Все это способствовало завершению переговоров о мире, которые велись между Атиллой и послами Равенны — префектом претория Тригецием, римским папой Львом I и советником Авиеном близ Мантуи. Гунны отступили в Паннонию. Часть добычи (драгоценные камни, скот, рабов) гунны продали, часть увезли с собой¹⁵⁴. Их пленники возвратились домой только через шесть лет. Известно разъясение Льва I от 458 г., говорившее, что если ко времени возвращения мужа его жена вступила в новый брак, репатрированный должен вступить во владение своей женой, рабами, землей и домом¹⁵⁵. Однако многие из вернувшихся были истощены настолько, что вскоре умерли¹⁵⁶.

Понеся огромные потери в Галлии и Италии, гунны не могли предпринять нового наступления. Необходимость в их военно-племенном союзе исчезла, и вскоре он распался.

В чем причина неудачи гуннского наступления? Прежде всего, в противодействии ему народных масс не только Галлии и Италии, но и Восточной Европы, Кавказа и Закавказья. В период наступления тыл гуннов не был спокойным. Против них поднялись народности Восточной Европы, среди которых Приск называет «акациров и скифов» и говорит о «других народах, занимавших лежащую при Понте землю скифскую»¹⁵⁷. Иордан считает, что акацирские поселения охватывали большие пространства от эстов на севере до Понта Евксинского на юге¹⁵⁸. Следовательно, акацирами он называет различные племена Восточной Европы.

¹⁵⁰ Suidas. Mediolan., Suidas Lexicon. Rd. Adler, t. I, 3, p. 346.

¹⁵¹ Hidatii Lemici. Continv. chron. Hier., § 154.

¹⁵² Isidorus Hisp. Hist. Gothorum, 27.

¹⁵³ Hidatii Lemici. Continv. chron. Hier. § 154.

¹⁵⁴ Maximus Tauriensis. Homilia, XCVI. PL 57 col. 477a-478a.

¹⁵⁵ Leo Magnus. Epist. ad Nicetam, CLIX, 2. PL 54 col. 1136a—

1137a.

¹⁵⁶ Ibidem, CLIX, 5—7. PL 54 col. 1138a—1140.

¹⁵⁷ Prisc. Fragm. 8.

¹⁵⁸ Iordan. Getica, § 36.

Против гуннов поднялись племена и народности Кавказа и Закавказья. В адыгейском эпосе сохранился рассказ о том, что отборная конница адыгейцев «напосила удары, подобные ударам грома»¹⁵⁹. Там же повествуется о мужественной защите горных переходов, вследствие чего стали неприступными «горы и ущелья, бич божий отступил от них».

По свидетельству Егише, против гуннов выступили «армяне, образовавшие войско многочисленно, составленное из людей свободных и именитых юношей. То же происходило в Грузии, Албании, области Лепнике и в различных странах, граничащих с Грецией, Сирией, Аравией, как например, среди кордуйцев, готов, цодейцев и арзнарзюнов. Полководцы и воины этих различных народов шли на бой добровольно и радостно»¹⁶⁰.

Правда, в годы гуннского наступления на Запад Армения, разделенная по договору 387 г. между Византией и Персией, вела борьбу за свое освобождение. 26 мая 451 г. произошла знаменитая Аваравурская битва, в которой армянский полководец Вардан перебил значительную часть персидского войска. В течение этого года армяне освободили от персидских гарнизонов многие крепости и очистили страну от вражеских войск. Им пришлось вести неравную борьбу с войсками сасанидского царя Яздегерда Второго. Несмотря на это, в течение семи лет (444 — 451) ополчения армян, агван, иверов и других ежегодно предпринимали успешные походы против гуннов¹⁶¹.

Выступление племен и народностей Восточной Европы, Кавказа и Закавказья способствовало победе антигуннской коалиции и последующему падению гуннского господства в Подунавье.

После смерти Атилы (453) гуннский военно-племенной союз распался. Племена и народности Подунавья воспользовались междоусобной борьбой его наследников и сбросили иго гуннов.

Инициатива антигуннского восстания в Паннонии принадлежала гепидам, к которым присоединились скиры, руги, герулы, свевы и другие покоренные гуннами племена. Решительная битва произошла в 455 г. возле реки Недао. Было истреблено 30 тысяч гуннов. Среди убитых оказался и старший сын Атилы Эллак. Его братья с остатками своих войск бежали с поля боя и расселились в разных местностях Подунавья и Причерноморья. Эрнак, младший сын Атилы, с разрешения византийского императора Маркиана, обосновался

¹⁵⁹ Ш. Б. Ногмо в. История адыгейского народа. Нальчик, 1959, с. 98.

¹⁶⁰ Егише. История. Тифлис, 1853, с. 16, 17.

¹⁶¹ Егише. История религиозной войны армян с персами. Труды Восточн. отд. русск. археол. о-ва, ч. XIV. Спб., 1869, с. 37.

у слияния Тиссы с Дунаем, Эмнекур и Ульцидур — в Дакии, где они получили крепости Утус, Оекус и Алмус. Одна часть гуннов поселилась в Мёзии, другая захватила Сердику¹⁶², но вскоре была атакована византийскими войсками и, потерпев поражение, признала власть императора¹⁶³.

В 469 г. снова образовалось два гуннских военно-племенных союза во главе с сыновьями Атилы — Денгизирихом и Эрнаком. Эрнак отказался от совместного выступления против Византии. Тогда Денгизирих направил послов к византийскому императору с требованием об открытии рынков в пограничных областях и о предоставлении земли для поселения гуннов, угрожая в случае отказа войной. Не ожидая окончания переговоров, Денгизирих перешел в наступление, но потерпел поражение, был взят в плен и убит Анагастом, предводителем войск Фракии. По свидетельству автора Пасхальной хроники, когда шест с головой Денгизириха был установлен у ворот Константинополя, все жители города радовались и поздравляли друг друга¹⁶⁴. Последний гуннский набег на Византию был в правление Зинона, в 479 г., но фактически после поражения Денгизириха гунны окончательно утратили боеспособность.

Рассмотренные нами события дают основание для следующих выводов.

1. Ко времени вторжения в Европу гунны занимались таборным кочевым скотоводством, отсталым для того времени видом животноводства. У народностей Европы, которых они пытались поработить, давно возникло пашенное земледелие и зачатки ремесел, а в узкой полосе Средиземноморья существовала высокая античная цивилизация.

2. Недостаточно высокое развитие производительных сил и процессы социальной дифференциации толкали гуннскую верхушку на расширение экономической базы путем разбойничьих набегов на соседние племена и народности. Эти нападения совершались ради грабежа, получения дани, захвата имущества, скота и военнопленных.

3. Одним из условий таборного кочевого скотоводства является наличие выпасов. Гунны опустошали населенные пункты и, разрушая их производительные силы, превращали эти местности в пастбища. Поэтому гунны не пользовались поддержкой коренного населения Европы и союз между гуннами и угнетенными массами или другими племенами сложиться не мог. Племена Северного Причерноморья и Подунавья, покоренные гуннами или вынужденные войти в их военно-племенной союз, постоянно стремились освободиться

¹⁶² Jordan. *Getica*, § 262—266.

¹⁶³ Apoll. Sidon. *Carmina* II, v. 239—243, 269—278.

¹⁶⁴ *Chronicon Paschale*, vol. I. Bonnae, 1832, p. 589.

от этой зависимости, тормозящей их социально-экономическое развитие.

4. Правители обеих частей Империи широко использовали гуннов в качестве ударной силы для подавления революционных движений и для того, чтобы держать в покорности племена, поселившиеся в римских провинциях. В 425—439 гг. гунны были основной ударной силой Равеннского двора в Галлии. Это усугубило противоречия между гуннами и остальными племенами и народностями.

5. Существование гуннского военно-племенного союза в Подунавье способствовало консервации старых социальных и политических отношений в Европе. Народные массы пограничных провинций были вынуждены мириться с устаревшими порядками из боязни, что в случае их революционного выступления правители призовут на помощь гуннов, как это было сделано в Галлии.

6. Гуннское нашествие задержало социально-экономическое и культурное развитие варварских племен Европы, поскольку гунны разрушили многие цивилизованные города и области, оказывавшие благотворное воздействие на развитие этих племен.

7. Совместная борьба народных масс римских провинций и ряда варварских племен против гуннов, поселение этих племен в римских провинциях и переход их к интенсивному земледелию благоприятно повлияли на социально-экономическое развитие Европы и способствовали утверждению независимости территориально-экономических комплексов, получивших политическую форму варварских королевств. С их возникновением и дальнейшим развитием отмирала, становилась ненужной старая бюрократическая централизованная империя.

Образование варварских королевств, связанных общим политическим центром, но во многом независимых от него, было подготовлено всем ходом общественно-экономического развития. Однако развитие суверенитета этих королевств тормозилось существованием гуннской и вандальской опасности, заставлявшей их тяготеть к центральному правительству. Поэтому падение гуннского господства в Подунавье оказалось для них благотворным, хотя отрицательные последствия огромных разрушений производительных сил, произведенных гуннскими и другими варварскими набегами в римские провинции, сказывались еще долго.

8. Всеобщая борьба против гуннов обусловила неудачный исход их вторжений на Балканский полуостров, в Галлию и Италию. Гунны не смогли образовать своего королевства. Вследствие этих причин и отсутствия прочной экономической базы их военно-племенной союз, созданный для войны и грабежа, распался.

Глава VII. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЕВРОПЕ В ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД СУЩЕСТВОВАНИЯ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ (452—476 годы)

1. Западная Римская империя в начале второй половины V века. Процесс феодализации стран Западной Европы делал излишним существование единого централизованного государства с его бюрократическим аппаратом. Прежде правительство Империи выполняло функцию обеспечения рабочей силой, чем гарантировалась организация общественного труда. Когда же рабский труд сделался невыгодным, а рабочая сила стала пополняться за счет внутренних людских ресурсов, эта функция стала осуществляться самими владельцами крупных поместий.

По мере того как в отдельных частях Западной Европы укреплялись варварские королевства, бравшие на себя функции подавления сопротивления закрепощаемых и эксплуатируемых масс и защиту от внешней опасности, их социальная верхушка переставала нуждаться в существовании централизованного бюрократического государства, обходившегося слишком дорого. Однако в начале второй половины V в. необходимость в административном единстве римских провинций еще сохранялась.

Крупные землевладельцы были заинтересованы в возвращении им рабов и колонов, бежавших во время гуннского наступления и оказавшихся далеко от их владений. Здесь требовалась помощь центральной власти. К тому же стремление крупных землевладельцев к увеличению своих поместий и нужда в рабочей силе приводили к столкновению между ними, что также вызывало необходимость в центральной власти как арбитра в этих конфликтах.

В Тарраконской провинции продолжалось движение багаудов. Местной и варварской знати было понятно, что для подавления багаудов, служивших примером рабам и колонам, возвращенным после Каталаунской битвы в прежнее положение, нужны совместные усилия, координируемые центральным правительством.

Кроме того, центральное правительство выступало в качестве силы, охраняющей общие интересы, поскольку импера-

торская власть занимала независимое положение по отношению к варварским племенам, борющимся между собой.

Сохранилась и внешняя опасность со стороны гуннов (до 469 г.) и вандалов (до 475 г.).

Наряду с факторами, содействовавшими сохранению Империи, складывались условия, ускоряющие ее разрушение. Постоянные набеги варваров приводили к упадку городов, являвшихся центрами превращения натурально-хозяйственных продуктов в товары, к распаду экономических связей между отдельными провинциями, к ликвидации путей сообщения и натурализации хозяйства. Человеческие потребности постепенно сводились к самым минимальным.

Изменился и характер крупной земельной собственности, что вело к ослаблению связей земледельцев с центральным правительством. Если до конца IV в. их имения были разбросаны во всех частях Империи, и они были заинтересованы в ее существовании, то во второй половине V в. таких собственников осталось мало. Их класс пополнился за счет варварской знати, получившей землю только в тех провинциях, в которых водворились их племена.

Свои земельные владения собственники могли сохранить только благодаря союзу с варварской знатью, ценой уступки части имений и ключевых позиций в политической жизни. Держась этого союза, они были вынуждены принимать участие в борьбе с новыми захватчиками. Оказавшись во враждебных отношениях со знатью других племен, местная знать теряла свою земельную собственность в провинциях, находившихся под их контролем. Ее имения продавались за бесценок или конфисковывались местными королями. Поэтому земельные собственники больше тяготели к королевской власти данной провинции, чем к императорской, необходимой только в исключительных случаях.

В свою очередь, знать варварских племен, опираясь на союз с местной, добивалась определенной самостоятельности своих королевств и расширения их территорий.

В Британии, на юго-востоке страны, утвердились саксы, не признававшие правительства Западной Римской империи.

В Галисии обосновались свевы, распространившие свою власть на Бетику, Картагенскую провинцию и до среднего течения Эбро. Правда, основная масса местных жителей продолжала оказывать им сопротивление. Поскольку свевы не имели войск для оккупации всей ими захваченной территории, после покорения одной провинции им приходилось уводить свои войска в другую. С уходом войск кончалось и господство севов. Оставленную провинцию приходилось завоевывать снова. Так было с Картагенской провинцией, которую свевы завоевали в 446 г. и потеряли, как только вывели

оттуда войска. Не имея сил вновь завоевать ее, свевы в 453 г. уступили Картахену Западной Римской империи, которая также не имела военных сил для утверждения там римской администрации. Поэтому в Испании за Империей сохранилась только Тарраконская провинция. Однако ее народные массы настолько сплотились в борьбе против варварских племен, что сумели дать отпор и римским чиновникам, и карательным экспедициям вестготов в 441, 443 и 449 гг. В начале второй половины V в. движение тарраконских багаудов возобновилось.

В Галлии различные провинциальные группировки знати, теряя надежду на поддержку Равеннского двора, все больше сближались с варварскими королями, надеясь ценой уступки части земельной собственности и рабов сохранить остальную и существующие социальные порядки. Это благоприятствовало политическим успехам франков, бургундов и вестготов. Иначе сложилась судьба той части аланов, которые, оставаясь на юге Галлии, участвовали в карательной экспедиции против армориканцев и получили еще в 441—442 гг. от Аэция земли возле Валенции, отобрав их у прежних владельцев. Вестготы и местные жители, соседствующие с аланами, видели в аланах наемников Равеннского двора, готовых обрушиться на них по его приказу. Поэтому в 453 г. жители Третьей Лионской провинции разрушили аланские поселения возле Орлеана¹, а вестготы завоевали долины Изеры и Дюрансы². В 463 г. аланы, оставившие эти местности, перешли в Италию, где их истребили войска Рецимера.

Дальнейшее сближение между местной и варварской знатью превращало королевскую власть в ее открытую диктатуру, направленную против основной массы местных жителей и варваров. Это вело к усилению классово-племенной борьбы, отражением которой явилась политическая и междоусобная борьба. Так произошло и в вестготском королевстве, где часть знати противопоставила Торисмунду его брата Теодориха, имевшего тесные связи с местной знатью и ее видным представителем Авитом³.

Заговорщики напали на короля, когда он оказался без оружия. Торисмунд схватил скамейку и убил несколько человек, но все же погиб⁴. Королем стал участник заговора Теодорих II (453—466).

Сразу же после прихода к власти он начал готовить эк-

---

¹ С. В. Ешевский. Аполлинарий Сидоний. М., 1855, с. 133.

² Gregor. Tur. Hist., II, 7, 20—22; Consularia Italica. Additamenta ad Prosp., an 453 (MGH AA IX p. 302): Torismotus rex Gothorum post mortem patris Alanos bello perdomuit.

³ Hydatii Lemici. Continv. chron. Hieron. § 156.

⁴ Jordan. Getica, § 228.

спедицию против тарраконских багаудов, поставив во главе ее своего брата Фредерика⁵.

Императору казалось, что теперь вестготы будут послушным орудием его политики, так как от собственных завоевательных планов они отказались, а их поход против тарраконских багаудов был, прежде всего, в интересах двора и местной испано-римской знати. В таких условиях дальнейшее пребывание Аэция на посту главнокомандующего могло помешать упрочению союза между двором и варварскими племенами, поселившимися в Галлии, поскольку в свое время он возглавлял военные кампании против них.

Во главе партии, выступившей против Аэция, стали римский сенатор Петроний Максим и внук Гераклий. Они привлекли на свою сторону и императора, опасавшегося усиления Аэция. Гераклий внушил императору, что если он не убьет Аэция, то последний убьет его.

Иоани Антиохийский рассказывает, что когда Аэций докладывал императору о положении дел, Валентиниан III начал упрекать его в неудачах и обвинил в намерении захватить трон, а затем набросился на него с мечом, а Гераклий с ножом (21 сентября 454 г.)⁶. Вслед за Аэцием император убил преторианского префекта Боэция⁷ и многих других чиновников⁸.

Вскоре между участниками заговора началась длительная борьба за высшие государственные должности⁹. Петроний Максим добивался достоинства консула или патриция, а Гераклий не советовал императору следовать этой просьбе. Тогда Петроний Максим возглавил заговор против Валентиниана III, втянув в него двух сторонников Аэция, придворных воинов Оптилу и Фаустилу, которые убили императора на охоте (15 марта 455 г.)¹⁰.

После убийства императора одна часть равеннской знати выдвигала на трон Петрония Максима, другая — Максимиана, сына египетского купца, сколотившего большое состояние в Италии и близкого к Аэцию. Часть придворных, в том числе Евдоксия, вдова императора, выдвигала Майориана, сподвижника Аэция.

Петроний Максим предвидел эти осложнения. Он сумел установить контроль над двором и провозгласил себя импе-

---

⁵ Hydatii Lemici. *Continv. chron. Hier.* § 158: Per Fredericum Theuderici regis fratrem Bacaudae Terraconenses caeduntur ex auctoritate Romana.

⁶ Ioannes Antiocheus. *Fragm.* 201 (2). FHG IV, p. 614.

⁷ *Ibidem*, 201(4), p. 615.

⁸ Hydatii Lemici. *Continv. chron. Hier.*, § 160.

⁹ R. Cessi. La crisi imperiale degli anni 454, 455 e l'incursione vandolica a Roma. «Archivio r. societa Romana di Storia patria», t. 40, 1917, p. 161—204.

¹⁰ Ioannes Antiocheus. *Fragm.* 201(5), FHG IV, p. 615.

ратором. Чтобы упрочить свое положение, он заставил Евдоксию выйти за него замуж, а своего сына Палладия провозгласил цезарем и женил на ее дочери¹¹.

Эти дворцовые интриги и перевороты свидетельствуют о кризисе политики господствующего класса, влекущем за собою проявления недовольства и возмущения угнетенных масс. Наиболее ярким проявлением этого оказалось народное восстание в Риме и солдатский мятеж¹².

Максим понимал, что для упрочения власти его сил недостаточно и стал искать союзников вне Италии. Стремясь заручиться поддержкой галло-римской знати и вестготов, он назначил главнокомандующим Авита, бывшего префекта Галлии, сторонника союза с вестготами.

Аполлинарий Сидоний свидетельствует, что как только Авит стал главнокомандующим, алеманны и саксы прекратили свои набеги на Галлию, а вестготы отложили военные приготовления, боясь, что иначе могущественный Авит не заключит с ними союза¹³.

Максим направил Авита в Тулузу, поставив перед ним задачу добиться поддержки вестготов.

Когда Авит подошел к Тулузе, Теодорих II устроил ему торжественную встречу. Вероятно, уже тогда у него возникло намерение противопоставить Авита Максиму, чтобы добиться новых уступок для вестготской знати¹⁴.

Тем временем в Риме события развивались следующим образом. Отсутствие единства между знатью Рима и Равеннского двора дало Гензейриху надежду на безнаказанность пиратской экспедиции против Рима. По рассказу Иоанна Антиохийского, «Гензейрих, правитель вандалов, решил, что настало время напасть на Италию, так как мир между Империей и вандалами был аннулирован смертью людей, заключивших его»¹⁵. В одном из рассказов Иоанн Антиохийский связывает решение Гензейриха с призывами Евдоксии: «После того, как Максим отнял Аэция у императора и убил его самого, он женился на Евдоксии, дочери Феодосия Младшего. Желая расположить ее к себе, он сказал: «Моя любовь к тебе сделала меня убийцей Валентиниана». Она же, женщина независимого характера, ответила: «Жаль, что я стала соучастницей убийства моего мужа и императора». Она написала Гензейриху, который владел тогда Ливией, чтобы он прибыл как можно скорее и захватил Рим»¹⁶. В другом рассказе

¹¹ Hydatii Lemici. *Contin. chron. Hier.*, § 162.

¹² *Ibidem*: in ipsa Urbe tumultu populi etseditione occiditur militari.

¹³ Apoll. Sidon. *Carmen VII. Panegy. Avit.*, v. 385—392.

¹⁴ *Ibidem*, v. 495—498.

¹⁵ Ioannes Antiocheus, *fragm.* 201(6). *FHG IV*, p. 615.

¹⁶ *Ibidem*, 200(2), p. 614.

Иоани Антиохийский передает этот факт как недостаточно достоверный: «Говорят, что Евдоксия, жена Валентиниана, огорченная гибелью мужа и насильственным замужеством, тайно призвала Гензейриха»¹⁷. Гидаций прямо заявляет, что Гензейриха призвала на помощь Евдоксия¹⁸. Подобного мнения придерживались также Марцеллин Комит, Евагриий и Прокопий из Кессарии. Несомненно также, что дворцовый переворот ухудшил отношения с вандалами, которые Валентиниан III пытался упрочить родственными узами: его дочь Евдокия была помолвлена с сыном Гензейриха Гунерихом.

В конце мая 455 г. огромный флот вандалов подошел к берегам Италии и к Остии, гавани Рима¹⁹. Узнав об этом, Максим пытался бежать. В Риме началось восстание. Видевшие бегущего императора, бранили и оскорбляли его. Кто-то убил его, попав камнем в висок²⁰. Один бургундский воин утверждал, что он первым попал камнем в императора²¹. Так, на 77-й день правления, кончилась власть Максима.

3 июня 455 г. вандалы овладели Римом. «Для многих,— свидетельствует Проспер Тирон, находившийся тогда в Риме,— последовало пленение, достойное слез, а Гензейрих получил беззащитный город»²².

Четырнадцать дней грабили город вандалы. «Рим был очищен от всех богатств, и многие тысячи пленных, одни ради их возраста, другие — ради их ремесла, и сама императрица с дочерьми были отведены в Карфаген», — свидетельствует Проспер Тирон²³.

Виктор Тунунский рассказывает, что все припасы и тысячи пленных были увезены в Карфаген. Апполиналий Сидоний так сообщает об этом: «Между тем, тебя, Рим, не ожидавшего нападения, вороватый вандал захватывает с оружием в руках... Холмы Квирина попираются ногами солдат Марморики, и Барка снова увозит сокровища, которые она некогда отдала, побежденная и обложенная данью»²⁴.

Разгром Рима был более страшным, чем в 410 г. По сведениям, приведенным Прокопием, вандалы забрали все убранство покоев императорского дворца и все ценности из Капитолия²⁵. Евагриий рассказывает о том, что они ограбили все общественные здания²⁶.

¹⁷ Ibidem, 201(6), p. 113.

¹⁸ Hydatii Lemici. Continv. chron. Hier., § 167. Haisericus sollicitatus relicta Valentiniiani...

¹⁹ Prosper. Tiron. Epit. Chron. § 1375.

²⁰ Ioannes Antiocheus, fragm. 201(6), FHG IV, p. 615.

²¹ Apoll. Sidon. Carmina VII. Panegyri. Avit., v. 442.

²² Prosper. Tiron. Epit. Chron., § 1375.

²³ Ibidem.

²⁴ Apoll. Sidon. Carmina VII. Panegyri. Avit., v. 360—366.

²⁵ Procop. Caesarien. Bello Vandalica, 1, 5.

²⁶ Evagrius. Eccles. Hist., II, 7.

Виктор Витенский свидетельствует, что когда пленники достигли африканского берега, вандалы и мавры, участвовавшие в пиратской экспедиции, поделили их между собой, отделяя жен от мужей, детей от родителей²⁷.

В дальнейшем вандалы совершали пиратские набеги на острова Средиземноморья и побережья Европы почти ежегодно. Слабость Равеннского правительства привела к тому, что для вандалской знати пиратские набеги стали самым выгодным делом.

Поскольку значительные силы вандалов были заняты в этих экспедициях, Гензейрих, опасаясь восстания африкано-римского населения, приказал разрушить все городские укрепления (за исключением укреплений Карфагена) в доставшейся ему части Африки и в обеих Мавританиях, захваченных им в 456 г. Такая политика крайне ослабила оборону Африки, сделав ее особенно уязвимой со сторон степной полосы, откуда на нее могли напасть кочевники.

Известие о разгроме Рима достигло Тулузы вслед за прибытием туда Авита.

Теодорих II собрал старейшин, которых Авит призвал к возобновлению союзного договора. Было очевидно, что обстановка требует немедленной организации отпора вандалам. Поэтому старейшины и Теодорих II не только заключили договор, но и провозгласили Авита императором²⁸. Авит, как главнокомандующий римской армией, казался наиболее подходящим лицом, способным возглавить борьбу против вандалов.

Вандалская угроза заставила тянуться к центральной власти и галло-римскую знать. Когда Авит прибыл из Тулузы в Арль, центр Галльской префектуры, совет знати, собравшийся в замке Угерн, также провозгласил его императором (9 июля 455 г.) и вручил императорские одежды и регалии²⁹. Авит немедленно отправил посольство с просьбой о помощи к соседним варварским племенам и в Византию.

Следует отметить, что до вандалского нападения на Рим вестготы и часть галло-римской знати, находившаяся в союзе с ними, готовились выступить против Равеннского правительства. Предполагалось поднять села Бельгики и Арморики³⁰.

²⁷ Vict. Vit. Historia persecutionis Vandalicae, 1, 25. 26. CSEL 7, p. 12.

²⁸ Apoll. Sidon., Carmina VII. Panegyri. Avit. v. 514—530.

²⁹ Ibidem, v. 576; Addit. ad Prosp. an. 455. MGH AA IX p. 304. Post Maximii caedem Avitus in Gallis apud Arelas imperium sumpsit VII id. Iulias.

³⁰ Apoll. Sidon., Carmina VII. Panegyri. Avit., v. 548—549: Promptissima nuper fulsit condicio, proprias qua Gallia vires exereret, trepidam dum Maximus occupat Urbem; orbem sat potuit, si te sibi tota magistro regna reformasset. Quis nostrum Belgica rura, litus Aremorici, Geticas quis moverit, iras, non latet: his tantis tibi cessimus, inclite, bellis. (Очень недавно блеснула было возможность для Галлии развернуть свои силы, когда Максим

Вандальская угроза и смерть Максима открыли возможность мирного осуществления их требований. Ослабление римской сенаторской партии давало надежду на то, что ключевые позиции в новом правительстве удастся занять галло-римской знати. Однако это вызвало подобные стремления и у представителей других группировок.

Вестготская знать также рассчитывала получить от Авита то, чего раньше она собиралась добиваться силой.

По рассказу Аполлинария Сидония, «Едва диадема была возложена на голову Петрония Максима, как тотчас поднялись варвары, и казалось, что Рим будет добычей готов и страна подвергнется их ярости»³¹. Когда же Авит прибыл в Тулузу, чтобы приостановить военные приготовления вестготов и добиться союза с ними, один из вестготских воинов, узнав об этом, заявил: «Пропала война, придется приняться теперь снова за плуги»³². Поэт, как и следует панегиристу, связывает отказ вестготов от завоевательного похода на Равенну со славою своего героя, но, как видно из приведенных фактов, этот отказ был вызван вандальской опасностью, которая заставила вестготов снова пойти на союз с Равеннским двором, способным объединить разрозненные усилия отдельных частей Западной Европы против вандалов.

22 сентября 455 г. Авит в сопровождении большой свиты вступил в Италию. За ним следовали его сторонники из галло-римской знати³³, которым он намеревался поручить ответственные посты в новом правительстве, и личная охрана, набранная из вестготов.

Сенаторская партия Рима надеялась, что Авит сумеет привлечь вспомогательные войска варваров и использует их для сохранения Империи. Поэтому она примирилась с избранием чужеземца в императоры, но добилась сохранения высоких постов в новом правительстве за теми, кто занимал их раньше. Так, пост главнокомандующего был предоставлен Майориану, главе сенатской оппозиции, а пост командующего варварскими вспомогательными войсками Рецимеру. Выдвинувшийся на военной службе, Рецимер сохранил связи со свевами (его отцом был свев) и с вестготами (его матерью была дочь вестготского короля Валии).

Вскоре, однако, оказалось, что Авит не оправдал возлагаемых на него надежд. В начале 456 г. свевы нарушили обещание, данное послам Авита, и вторглись в Тарраконскую

овладед трепещущим городом. Успех был верный, если бы ты, начальник войск, взялся преобразовать государство. Кому неизвестно, кто из нас взволновал села Бельгика, Арморика и возбудил было готов. Наше движение смирилось только перед тобой).

³¹ Ibidem, v. 360.

³² Ibidem, v. 416. *perit bellum, date rursus aratra.*

³³ *Addid. ad P. G. o. s. p. an. 455. MGH AA IX, p. 304. 7. Italiamque cum praesumpti honoris collegiis ingressus XI kal. Oct.*

провинцию, находившуюся под римским управлением с 454 г, после подавления тарраконских багаудов. Почти одновременно к Луценскому берегу Испании на семи кораблях подошли герулы, разграбившие приморские местности Кантабрии и Вардуларии. Правда, герулы были изгнаны, но это было заслугой не Авита, а местных жителей³⁴.

Позиции римлян в Испании могли спасти вестготские войска и Авит обратился к ним за помощью.

Теодорих II, заключив мир с соседними племенами, выступил против свевов, имея, кроме своих войск, вспомогательные части бургунов во главе с их королями Гундионом и Хильпериком.

В битве у реки Урбика, недалеко от г. Астурики, 5 октября 456 г. свевы потерпели поражение. Их король Рехиарий бежал в Портумкале, откуда пытался отплыть в Африку, но ветер пригнал корабль обратно к берегу, где его захватили вестготы³⁵. 28 октября 456 г. они взяли Бракары, самый отдаленный город Галисии, после чего отправились на завоевание Лузитании³⁶. Однако уже взятие Бракары показало, что вестготы ведут войну, как завоеватели. Они ограбили город, алтари в базиликах и всех жителей, включая римское духовенство, а многих увели в плен³⁷. Когда стало очевидным, что вестготы ведут войну отнюдь не в интересах римского господства, сенаторская партия отошла от Авита.

Пока вестготы шли в Испанию, франки под предводительством короля Хильдерика после длительной осады захватили Париж³⁸. Возможно, как об этом можно судить на основании сведений, сохранившихся у Прокопия, что франки, не имея возможности подчинить местных жителей силой, заключили с ними союз³⁹. Но главное, что их наступательные успехи лишали римлян последней области в Галлии.

К тому же надежды на помощь Византии против вандалов не оправдались. Византийский император Маркиан ограничился тем, что направил в Карфаген послов с требованием о прекращении набегов на Италию и возвращении некоторых пленных, увезенных из Рима (в том числе Евдоксии и Плацидии)⁴⁰. Однако вандалы захватили обе Мавритании, достав-

³⁴ *Hydatii Lemici. Continv. chron. Hier.*, § 170, 171. MGH AA XI, p. 28.

³⁵ *Ibidem*, § 175, p. 29.

³⁶ *Ibidem*, § 174.

³⁷ *Ibidem*. Romanorum magna agitur captivitas captivorum: sanctorum basilicae effractae, altaria sublata atque confracta, virgines dei exim quidem abductae, sed integritate servata, clerus usque ad nuditatem pudoris exutus, promiscui sexus cum parvulis de locis refugii sanctis populus annis abstractus...

³⁸ *Vita s. Genovefae. Acta Sanctorum. Bolland.*, 3 Januar.

³⁹ *Procop. Caesarien. Bellum Gothicum*, I(V), 12, 14, 15.

⁴⁰ *Prisc. Fragm.* 24. FHG IV, p. 101, 102.

шнися Риму по договору 442 г., завоевали Балеарские острова, Корсику, Сардинию и Сицилию. Их флот парализовал торговлю в Средиземном море и не допускал подвоза продовольствия в Рим, где начался голод. На защиту Корсики Авит послал флот под предводительством Рецимера. Победа над вандалским флотом⁴¹, состоявшим из 60 кораблей, принесла ему славу, но не улучшила положение Рима, страдавшего от недостатка продовольствия.

Жители Рима связывали все несчастья с деятельностью Авита и его свиты. Они заставили его отослать своих друзей и вестготских воинов, служивших ему охраной. Чтобы рассчитаться с ними, Авит продал бронзовые изделия, изготовленные в государственных мастерских, и бронзовые украшения города⁴².

Все это вызвало народное восстание в Риме⁴³.

Авит бежал в Галлию, но Рецимер и Майориан догнали его и заставили отречься от власти. По сведениям Виктора Тунунского и Григория Турского, после этого Авит был поставлен епископом Плацентии, где вскоре умер⁴⁴.

Равеннский двор и римские сенаторы больше пяти месяцев договаривались о кандидатуре следующего императора. Франки, вестготы и бургунды воспользовались создавшейся ситуацией для расширения своих владений за счет провинций, находившихся в прямой зависимости от правительства Западной Римской империи.

2. Выступление галло-римской знати против Рима. Известие о свержении Авита усилило оппозиционность галло-римской знати, надеявшейся с его помощью занять ключевые позиции в политической жизни Империи и привело к выступлениям против Рима в Арле, Лионе и Нарбоннской провинции.

Аполлинарий Сидоний так характеризует положение галло-римской знати, приведшее к восстанию против Рима: «Для нас эта жизнь среди бедствий, среди похорон мира была хуже смерти. Мы, однако, следуя примеру предков, еще чтим бесильные законы. Мы считали священным долгом следовать за старым порядком в его падении. Мы терпели этот призрак власти. Более по привычке, чем по праву, мы терпели зависимость от дряхлого народа, исполненного пороков, терпели эту породу людей, привыкших облекаться в пурпур»⁴⁵.

Выступления галло-римской знати были разрозненными и не имели единой программы. Если в 455 г., после захвата власти Петронием Максимом, она готовилась поднять восста-

⁴¹ Hydatii Lemici. Continv. chron. Hier., § 176, 117. MGH AA XI, p. 29.

⁴² Ioannes Antiocheus, fragm. 202. FHG IV, p. 616.

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ Victoris Tonnenensis. Chronicon, an. 456. MGH AA XI, p. 186; Gregor. Tur. Hist. II, II.

⁴⁵ Apoll. Sidon. Carmina VII, v. 535—544.

ние жителей Бельгики и Арморики, то теперь надеялась на свои силы и на поддержку тех соседних варварских племен, знать которых также добивалась установления своего господства в Южной Галлии.

В Арле и Нарбоннской провинции местная знать создала вооруженные отряды и захватила власть в префектуре, поставив во главе ее Пеония, происходившего из богатых муниципалов. Пеоний завязал переговоры с крупным землевладельцем Марцеллином, сподвижником Аэция, предложив ему помощь в захвате императорской власти. Эта группировка знати стремилась не к отделению от Империи, а к установлению в ней своего политического господства, в чем не была заинтересована вестготская знать, на помощь которой она рассчитывала.

У галло-римской знати Лиона таких великодержавных планов не было. Она стремилась лишь избавиться от римских чиновников и судей. Не располагая собственными военными силами, она обратилась за помощью к бургундам, которые с разрешения Аэция в 443 г. переселились в Сабаудию и получили земли между Женевою и Греноблем. По одним подсчетам их численность достигала от 33 до 48 тысяч человек (как полагает французский историк Рене Гуйхард), по другим — 281 700 человек. Около двухсот лет они жили по соседству с галло-римлянами в долинах Майна и Рейна, а в 451 г. воевали на стороне антигуннской коалиции, что способствовало их сближению с романизованным населением. Вероятно, поэтому галло-римская знать Лионской провинции предпочла их другим варварам.

Как следует из записи Фредегара, в 456 г. «галло-римляне Лионской провинции, Волосатой и Цизальпинской Галлии, чтобы избавиться от римских налогов, пригласили бургундов, которые утвердились среди них с женами и детьми»⁴⁶.

Пользуясь создавшейся обстановкой и поддержкой местной знати, бургунды стали господами в Юго-Восточной Галлии и перестали считаться с теми, кто их призвал.

Прежде, когда Империя предоставляла провинции для постоя варварам, соблюдались утвержденные Аркадием и Гонорием 6 февраля 398 г. определенные правила их расквартирования. Дома сенаторов, как правило, освобождались от постоя. Когда вестготы поселились в Аквитании, они не нарушили этой привилегии. Из рассказов Паулина Пелейского известно, что у него не было постояльца. Лионская же знать была вынуждена впустить бургундов и в свой дома. Аполлинарий Сидоний жаловался Катулину: «Я живу среди мохнатых орд. Я слышу только германскую речь. Я слушаю с мрачным видом то, что поют опьяневшие бургунды, нама-

⁴⁶ *Fredegarii et aliorum Chronica* (MGH Script. rer. Merov., II), 46.

завшие свои шевелюры тухлым маслом... Каждое утро я слышу запах десяти туш защитников, благоухающих чесноком и луком»⁴⁷.

Однако местная знать не оказалась в проигрыше, поскольку бургунды были ее союзниками и считались с нею. Захватив императорские поместья, пришельцы поделились и с галло-римскими сенаторами. Марий Авентик свидетельствует: «В этом году бургунды заняли часть Галлии и поделили земли с галльскими сенаторами»⁴⁸.

Правда, ухудшилось положение духовной знати. Бургунды были арианами и ущемляли ее интересы. Поэтому в записях церковных писателей постоянно говорится о насилиях бургундов. Так, неизвестный автор «Жития Сигизмунда» утверждает, что «бургунды, вступив в Галлию, по обычаю варваров, опустошили страну, подчиненную императорской власти. Выбрав себе королем Гундиоха, они перебили всех проживающих в Галлии римлян, которые не могли спастись бегством. Небольшое же число римлян, которым удалось избежать меча, стало жить под их владычеством»⁴⁹. По словам Люнциана, аббата из Кандата, «судьба невинных и правосудие оказались в руках судьи, одетого в шкуру»⁵⁰.

Католические епископы, добившиеся большого влияния в городах, пытались сохранить его, что вело к частым столкновениям между ними и бургундскими властями. Так, епископ Лиона Низье послал священника к графу Арментарию с письмом по поводу одной тяжбы, в котором просил его не вмешиваться, на что разгневанный граф ответил: «Иди и скажи епископу, что большинство тяжб, которые он ведет, должны окончательно решаться мною»⁵¹.

Не удивительно, что именно епископы стремились к восстановлению римского господства и оказывали поддержку Римским военачальникам.

В 457 г. магистр римской армии в Галлии Эгидий, опираясь на франкские вспомогательные войска, выбил бургундов из Лиона. Оставляя город, бургунды ограбили его. Как писал Аноллинарий Сидоний, «Лион лишен стада, запасов, колон, граждан»⁵². В одной молитве, составленной в те дни, отразилось отчаяние простых людей и их мечта о лучших днях: «Мы молим бога положить конец нашему бессилию, нашим мукам, эпидемиям, градам, засухам и послать нам

⁴⁷ Apol. Sidon. Carmen XII (Epist. ad Catulinum), v. 1—23.

⁴⁸ Mari Aventicensis Chronica, an. 456. MGH AA XI, p. 232. Eo anno Burgundiones partem Gallias occupaverunt terrasque cum Gallias senatoribus diviserunt.

⁴⁹ Vita S. Sigismundi. Acta Sanctorum. Bolland., t. I, p. 88.

⁵⁰ Vita patrum Jurensium, II, 10. MGH Script. rer. Merov. III, p. 149.

⁵¹ René Guichard. Essai sur l'Histoire du peuple Burgonde. Paris, 1965, p. 274.

⁵² Apoll. Sidon. Carm. V (Paneg. Maioran.), v. 580, 581.

тихие времена, простив грехи наши... Много уже то, что мы сохранили жизнь, которая дороже всех земных благ»⁵³.

Однако франки оказались не лучше бургундов. В той же молитве говорится: «Вся страна дрожит от более сильного народа... Варвары расположились на римской земле»⁵⁴.

Бургунды попали в сложные условия. Потеряв Лион, они могли лишиться и остальной территории. Франки продолжали их теснить.

Стало очевидным, что нужно заручиться поддержкой местной знати и местных жителей. ;

Об этом свидетельствуют все основные статьи бургундского сборника законов, изданного на латинском языке во второй половине V в.

В отличие от Салической правды, проявлявшей основную заботу о свободном франкском крестьянине, Бургундская правда регулировала отношения и между бургундами, и галло-римлянами. Она предписывала местным властям обуздывать бургундов, которые, получив поле с рабами, еще требовали, земельный надел в той местности, где они были расквартированы⁵⁵. Продавая свой участок земли, бургунд обязан был отдать предпочтение землевладельцу, которому он принадлежал до раздела⁵⁶. Законы бургундов, не устанавливая различия между бургундами и галло-римлянами, защищали свободного человека независимо от его происхождения («из нашего народа — какого бы он ни был происхождения») и были составлены так, чтобы не оскорблять чувств коренного населения. Все это помогло бургундам удержаться в Юго-Восточной Галлии.

Вестготы, которых призвала нарбоннская знать, не скоро откликнулись на ее призывы о помощи и союзе. Их войска продолжали войну в Испании.

После Галисии они овладели Лузитанией.

Пользуясь своим положением союзников императора и утверждая, что выступают против непокорных ему севов, вестготы беспрепятственно вступали в Испанские города, которые затем грабили. Они ограбили Астурию и Палентину, а жителей этих городов увели в плен⁵⁷.

В ответ против вестготов поднялись жители ряда городов и крепостей. Жители Ковиаченской крепости, находившейся в 45 км к юго-востоку от Астурии, не только противостояли

---

⁵³ Pseudo-Eusebe d'Emese. Homilia in Iitanis. Maxima Bibliotheca veterum Patrum. T. VI, Lyon, 1677, p. 645 F.

⁵⁴ Ibidem, p. 645 H.

⁵⁵ Lex Gundobada (Lex Burgundionum), LIV, I. MGH Leg. ser. I. Leg. nation. Germ., III.

⁵⁶ Ibidem, LXXXIV, 2.

⁵⁷ Hydatii Lemici. Continv. Chron. Hier. § 186.

вестготам, но и одолели их. Часть вестготов была перебита, остальные поспешно отступили в Галлию⁵⁸.

После ухода вестготов из Испании борьба среди севов усилилась. Одна их часть избрала королем Фрамтана, другая — Мальдра. Одни были за союз с местными жителями, другие, надеясь на свою силу, выступили за продолжение войн.

В течение последующих десяти лет севы то заключали мир с испано-римлянами, то нарушали договор и грабили их. Только с 468 г., когда вновь возникла опасность вестготского завоевания, возобладала тенденция установления мирных отношений⁵⁹.

События 456—457 гг. доказали Равеннскому двору, что из наемных карателей варвары всегда превращаются в господ занятых ими провинций.

Поскольку варварская знать устанавливала свое господство в римских провинциях, опираясь на местную знать, Равеннскому двору предстояло разрушить их союз. Для этого нужно было создать правительство, способное мобилизовать все силы на борьбу против внутренней и внешней опасности и предоставить провинциальной знати такие привилегии, которых она не могла получить от варварских королей.

Равеннский двор оказался перед необходимостью проведения реформ, направленных на стабилизацию положения в государстве, на поддержку провинциальной знати и, отчасти, остальных жителей. Этим и были продиктованы реформы Майориана, являвшиеся результатом той сложной классовой и политической борьбы, которая велась в Западной Римской империи.

3. Реформы Майориана. Майориан был провозглашен императором Западной Римской империи 1 апреля 457 г.

Его правительство было вынуждено задуматься над причинами революционных и сепаратистских движений и обратиться к поискам новых средств и форм их предупреждения и подавления. Время, когда против местных жителей можно было призывать варваров, прошло. Племена гунов, аланов и вандалов, наиболее подходящие для этих целей, перестали быть резервом для Империи. Варварские племена, поселившиеся в Испании и Галлии, сблизались с определенными группами местных жителей, становились самостоятельными

---

⁵⁸ Ibidem.

⁵⁹ В записи, относящейся к 458 г., Гидаций рассказывает об ограблении севами Лузитании и Галисии (§ 188), что повторилось в 459 г. (§ 193). В 464 г. снова произошли столкновения между севами и галисийцами (§ 220). Мирные договоры между севами и местными жителями часто заключались и нарушались (§ 204, 206, 223 и 233). Когда же в 468 г. вестготы напали на испано-римлян и севов (§ 246), последние пошли на союз с испано-римлянами (§ 249) и отправили послов в Равенну (§ 259).

и не только не подчинялись диктату Рима, но становились силой, опасной для Империи.

Теперь, когда для подавления стремлений к самостоятельности варваров, поселившихся в Римских провинциях, и отражения пиратских набегов вандалов требовалась помощь местных жителей, необходимы были такие законы, которые показали бы силу центральной власти, и уступки, которые могли бы задержать, ослабить или остановить революционную борьбу народных масс. Необходимо было прекратить колебания провинциальной знати, отделить местных жителей от варваров, если союз между ними уже сложился, и помещать образованию союза там, где его еще не существовало. Этим задачам и отвечали реформы Майориана, изданные в одиннадцати новеллах (тексты VIII и X не сохранились), и полные демагогических обещаний справедливости и защиты.

Рассмотрим наиболее важные из этих реформ.

1. Все провинции Западной Римской империи освобождались от накопившихся недоимок по налогам и долгам государственной казне.

Эти недоимки образовались потому, что сумма налога определялась не экономическими возможностями налогоплательщиков, а потребностями казны. Поскольку постоянно вводились новые налоги, не было возможности собрать недоимки по старым. Сохранение их списков, не принося никакой выгоды, служило источником страха и недовольства налогоплательщиков, не гарантированных от конфискации имущества. Отмена недоимок и долгов казне оздоравливала фискальную систему и положение в стране.

2. Отменялись экстраординарные налоговые комиссии, создаваемые императорами или преторианскими префектами, когда они нуждались в деньгах и продовольствии. Восстанавливалась обычная юрисдикция провинциальных чиновников в распределении и сборе налогов. Это давало налогоплательщикам определенные гарантии в том, что до наступления очередного срока платежа правительство не будет требовать от них никаких платежей.

Однако реформа принесла выгоды прежде всего зажиточным слоям населения, которые пользовались привилегией участия в раскладке налога и перекладывали всю его тяжесть на плечи народных масс. За десять лет до реформы, когда еще действовали порядки, которые она восстанавливала, Сальвиан свидетельствовал, что общая тяжесть налогов всегда падала на беднейших и слабейших⁶⁰. Во всех случаях богатые назначали сумму налога, не испытывая его тяжести⁶¹. Так как общественный контроль за раскладкой

⁶⁰ *Salvian. De gubern. Dei*, V, 7, 28, 29. CSEL VIII, p. 111.

⁶¹ *Ibidem*, V, 7, 30.

и сбором налога отсутствовал, знатные раскладывали налог весьма произвольно⁶².

Собираемые суммы не возвращались народу в виде общественных сооружений, необходимых для хозяйственной или культурной жизни, а расходовались на содержание чиновников и наемников. Сальвиан рассказывает, что несчастные бедняки, внося подати, совершенно не знали, для чего и почему они платят⁶³. Общественные налоги фактически стали частной добычей⁶⁴.

3. Значительное облегчение получили средние землевладельцы, являвшиеся оплотом городских курий (муниципальных советов или маленьких сенатов). До сих пор их члены собственным достоянием отвечали за поступление в казну всей суммы поземельного налога, установленного для данной общины (городского округа) на основании описи и оценки поземельной собственности, составляемой каждые 15 лет.

В условиях непрерывного роста крупного землевладения, когда в руки земельных магнатов переходили все новые и новые участки земли, с которых курия до того собирала налоги, ответственность за сбор всей их суммы разоряла куриалов. Перенести уплату налога на покупателей участков чаще всего не удавалось, поскольку ими были сенаторы, чье достояние не поддсажало куриальному обложению, или высокопоставленные провинциальные чиновники.

По VI повелле Майориана за куриями сохранялись и закреплялись их привилегии — распределять и собирать налоги. Они должны были только отчитываться в собранной сумме и представлять списки должников.

Раскладка и сбор налогов стали для куриалов средством личного обогащения, а поскольку самой надежной была земельная собственность, то куриалы использовали реформу для ее приобретения. Однако, так как обогащались обычно так называемые первейшие, разбогатеи, они становились сенаторами или дослуживались до этого звания, и их земля исключалась из куриального обложения. Следовательно, будучи призванной защищать среднее землевладение от фиска, реформа не могла оградить его от внутренней поляризации и даже способствовала поглощению средней земельной собственности. Обстоятельства складывались так, что даже средства, предназначенные для преодоления или ослабления противоречий, становились источником новых противоречий или углубляли старые.

4. Майориан восстановил должность дефензора (защитника) общин.

⁶² Ibidem, V, 7, 33 p. 112.

⁶³ Ibidem, V, 7, 32 p. 112.

⁶⁴ Ibidem, V, 4, 17 p. 107.

Дефензор избирался курией. Он обладал административной и судебной властью, следил за сбором налогов и разбирал гражданские иски в размере до 50 солидов. Он выполнял полицейские функции (преследование преступников, их арест и препровождение к наместнику провинции)⁶⁵. В его обязанности входила защита интересов муниципальной общины от агентов фиска и чиновников. Дефензор имел право сноситься с наместником провинции, императором и высшими государственными сановниками.

Хотя дефензор считался защитником всех жителей города, фактически он отстаивал интересы зажиточных слоев населения. В его избрании решающая роль принадлежала первейшим, которые останавливались на тех, кто был им угоден. По мере поляризации среднего землевладения и роста значения первейших, дефензоры становились проводниками политики наиболее зажиточных членов курии.

5. Майориан принял ряд мер для возвращения в города бежавших отсюда жителей.

Кроме того, изданные им новеллы касались вопросов борьбы с злоупотреблениями чиновников и сборщиков налогов, восстановления законности и преследования доносчиков, вопросов быта и гражданских обязанностей (возраст рукоположения в священники и пострижения в монахи регулировался, постригаться в монахи до 40-летнего возраста запрещалось, прелюбодеяние строго каралось, вдовы, не достигшие 40 лет, в течение пяти лет обязывались вступить в новый брак).

Если отбросить демагогические заверения, которыми украшался текст новелл, само стремление к определенным преобразованиям и к укреплению государства очень интересно и симптоматично. Попытка Майориана прекратить анархию и произвол отвечала требованиям значительной части населения, что обеспечивало им поддержку⁶⁶.

4. Переход галло-римской знати на сторону Рима. Уже в первой новелле Майориана, изданной 11 января 458 г., была провозглашена программа таких уступок, которые не шли ни в какое сравнение с тем, чего добились или могла получить знать от варварских королей. Для того, чтобы заста-

⁶⁵ Cod. Theod., I, 29. De defensoribus civitatum.

⁶⁶ Cod. Theod., vol. II. Berlin, 1954. Liber legum novellarum divi Maioriani Aug., p. 156—176. Nov. I. De ortu imperii domini Maioriani Aug.— 11 jan. 458; Nov. II. De indulgentiis reliquorum — 10 mart. 458; Nov. III. De defensoribus civitatum — 8 mai 458; Nov. IV. De Aedificiis publicis — 11 jul. 458; Nov. V. De bonis caducis sive proscriptorum — 4 sep. 458; Nov. VI. De Sanctionalibus vel viduis et de syccessionibus earum — 26 oct. 458; Nov. VII. De curialibus et de agnatione vel districtione praediorum eorum et de ceteris negotiis (-Brev. I)— 6 nov. 458; Nov. VIII. De reddito jure armorum; Nov. IX. De adulteris — 17 apr. 459; Nov. X. Neque senatorum urbis; Nov. X(-Brev. II). De episcopali iudicio.— 28 mart. 460.

вить галло-римскую знать стать верной Империи, теперь не требовалось больших усилий.

Аполлинарий Сидоний объясняет ее переход на сторону императора тем, что у него были огромные военные силы. По его словам, армия, приведенная Майорианом из Италии в Галлию, состояла из свевов, паннонцев, невров, гуннов, гетов, даков, аланов, беллонотов, ругов, бургундов, весов, али-тов, бисальтов, остроготов, прокрустов, сарматов, мосхов. Майориану, по словам писателя, нес военную службу весь Кавказ и пьющий скифскую воду Танаис⁶⁷.

Фюстель де Куланж и его последователи принимают на веру сообщение о многочисленности войск Майориана и связывают прекращение оппозиционных выступлений галло-римской знати с его победой над Лионом⁶⁸.

Действительно, военные силы Империи состояли из наемников, набранных среди различных племен и народностей, хотя названия некоторых из них, упомянутые Аполлинарием Сидонием, не соответствуют этнической номенклатуре середины V в. и взяты писателем из старых географических трудов и карт (невры, мосхи) или придуманы им (беллоноты, прокрусты). Однако этническая разнородность армии еще не говорит о ее многочисленности. О слабости армии Майориана свидетельствует следующий факт. Накануне своего избрания в императоры он приобрел расположение сената победой над девятью сотнями алеманнов. Если предположить, что у Майориана было двойное превосходство сил, то, следовательно, он имел около двух тысяч человек. Для похода в Галлию требовалось не больше, так как в отличие от алеманнов, оказавших решительное сопротивление, галло-римская знать была готова на компромисс. К тому же союзники лионской знати, бургуиды, уже были выбиты из Лиона франкскими вспомогательными войсками под командованием Эгидия, которые ограбили город еще безжалостнее, чем их предшественники. Имущие слои горожан теперь видели свое спасение только в сильной императорской власти.

В начале 458 г. Майориан достиг Лиона. По заявлению Аполлинария Сидония, после грабежей бургундов и франков «Лион лишен стад, запасов, колонов, граждан. Он не ценил своего благосостояния, пока наслаждался им. Только после разгрома он понял свою потерю...»⁶⁹.

Спасение города писатель видел в укреплении императорской власти: «Так как ты являешься единственной надеждой в нашем несчастье, мы молим помочь нам, разоренным. Проходя победителем, взгляни на Лион твой. Удрученный чрез-

⁶⁷ Apoll. Sidon., Carm. V, v. 474—479.

⁶⁸ Фюстель де Куланж. История общественного строя древней Франции. Т. 2, Спб., 1904, с. 552.

⁶⁹ Apoll. Sidon. Carm. V, v. 580—583.

мерными бедствиями, Лион просит у тебя покоя. Ты дал ему мир, возврати же и бодрость духа»⁷⁰.

Вступив в город, Майориан не обострял отношений с местной знатью, не наказывал ее за оппозиционность. Он надеялся, что варварская опасность и реформы привлекут галло-римскую знать на его сторону.

В панегирике Майориану Аполлинарий Сидоний даже заявил: «Нам нравятся развалины нашего города, так как они — следствие твоего триумфа»⁷¹. В этих словах выразилась готовность галло-римской знати простить Майориану ограбление Лиона за обещанные ей привилегии. В благодарность за них и за прощение оппозиционности⁷² Аполлинарий Сидоний обещал служить Майориану своим поэтическим даром: «Пусть будет тебе рабом язык поэта, которого ты спас и которому твоя похвала будет ценой моей жизни»⁷³.

Так же встретила Майориана и галло-римская знать Арля и Нарбоннской провинции.

Вступив в Арль, Майориан пригласил на пир видных представителей знати и организовал цирковые представления для народа⁷⁴. Среди участников пира был и Пеоний⁷⁵, возглавлявший оппозиционную знать. Даже Марцелин, которого она прочила в императоры, не был подвергнут опале. Он стал советником Майориана и вскоре был направлен в Сицилию во главе гуннских вспомогательных войск.

Только теперь вестготскому королю Теодориху II стало понятно, насколько опасны для него происшедшие перемены, и он решил откликнуться на давний призыв галло-римской знати Арля и Нарбоннской провинции.

В 459 г. возвратившиеся из Испании вестготские войска подошли к Арлю. Но теперь местная знать отказалась от союза с ними. Вестготские предводители осадили город. Однако, потерпев поражение, они заключили союз с Майорианом, направленный против вандалов и свевов. При этом каждый из союзников преследовал свои цели. Вестготы стремились прибавить к рукам Испанию и устоять против вандалов. Майориан надеялся с помощью вестготов противостоять вандалам и вернуть Испанию Империи.

Галло-римскую знать устраивали внешнеполитические планы Майориана. Договор означал, что вестготы сосредоточат свое внимание на Испании, что избавляло нарбоннскую знать от притязаний на ее владения. Борьба против вандалов, пиратские набеги которых мешали нормальной хозяйственной

⁷⁰ Ibidem, v. 576—580.

⁷¹ Ibidem, V, v. 585—586.

⁷² Ibidem, IV. Praefatio panegyrici Maioriano, v. 11—12.

⁷³ Ibidem, v. 13—14.

⁷⁴ Apoll. Sidon. Epist. (ad Tonantio), IX, 13.

⁷⁵ Ibidem, I, 11 (Epist. ad Mantio).

жизни южных провинций Галлии, также отвечала интересам галло-римской знати, средних землевладельцев, горожан и даже мелких крестьян, и они готовы были поддержать экспедицию Майориана.

5. Освободительная борьба против севов в Испании и вестготские походы. Со второй половины V в. походы севов из Галисии в другие провинции Испании участились. В 456 г. они опустошили Картахенскую, а затем Тарраконскую провинции⁷⁶, в 457 г. — разграбили Лузитанию⁷⁷, в 460 г. — напали на г. Луку и перебили всех горожан⁷⁸, в 466 г. — опустошили многие местности Испании⁷⁹.

Жители Испании превратили свои города, крепости и горные местности в центры сопротивления захватчикам.

Упорное сопротивление местных жителей истощило силы севов, и они «пропиклись желанием мира»⁸⁰. Нужно сказать, что мирные договоры с местными жителями они так же часто заключали, как и нарушали. Вот содержание погодных записей Идация:

В 457 г. севы разделились на три партии и запросили мира у галисийцев. После сражения с испано-римлянами и захвата добычи севы, прикинувшись мирными, вступили в Уликсипопу. В 459 г. между севами и галисийцами вновь возникла вражда. В 460 г. мир между ними омрачился. В 463 г. начались столкновения. В 465 г. — севы свирепствуют против авнонского плебса⁸¹.

Длительная борьба против севов и других варваров способствовала сплочению коренного населения. В решении местных дел большую роль стали играть провинциальные общины или, как их называет Гидаций, конвенты, взявшие в свои руки организацию сопротивления.

В 459 г. магистр римских войск Галисии Непотиан и комит Сунерик отправили в Арль послов за помощью. Послы прибыли тогда, когда вестготы, потерпев поражение у Арля, заклю-

⁷⁶ Hydatii Lemici. *Contin. Chron. Hier.* § 168. Suevi Carthaginienses regiones quas Romanis reddiderunt, depraedantur. § 170. Suevi Taragonensem provinciam vastant.

⁷⁷ *Ibidem*, § 188. Solito more perfidiae Lusitaniam depraedatur pars Suevorum Maldarem sequens. 190. Jubente Maldare Suevi in solitam perfidiam versi regionem Gallaciae adhaerentem flumini Durio depraedantur.

⁷⁸ *Ibidem*, § 199. Per Suevos Luco habitantes in diebus paschae Romani aliquanti cum rectore suo honesto natu repentino, securi de revarentia dierum, occiduntur incursu.

⁷⁹ *Ibidem*, § 240 ... pariter et Suevi, qui post legatos more solito per diversa loca in praedam dispersi fuerant, revocantur...

⁸⁰ *Ibidem*, § 46 ... barbari ad pacem ineundam.

⁸¹ *Ibidem*, § 188. Suevi in partes divisi pacem ambiunt Gallaeorum. Acta illic Romanorum caede praedisque contractis civitas Ulixippona sub specie pacis intratur. 196. Inter Suevos et Callaecos interfectis aliquantis honestis natu malum hostile miscetur. 204. Gallaeorum et Suevorum pacis quaedam umbra conseritur. 220. Inter Gallaeos et Suevos indisciplina perturbatio dominatur. 233. Suevi adversus Aunonensem saeviant plebem.

чили новый союзный договор с Империей. Таким образом, у вестготов появилось основание двинуться в Испанию под видом союзников императора.

Когда свевы узнали о союзе вестготов с императором, их солдаты, расквартированные в Луке, перебили римлян. В числе убитых был и ректор, глава местного управления⁸².

Вестготские войска вошли в Галисию. Ограбив свевские поселения, они вступили в Бракару-Августу, столицу Галисии⁸³.

Из Бракары-Августы вестготы часто предпринимали карательные экспедиции против свевов, попутно грабя местных жителей. С помощью вестготов комит Суперик подчинил общину Скалабим, долгое время отстаивавшую независимость от свевов и фактически утратившую связь с римской провинциальной администрацией⁸⁴.

Борьба между свевами, вестготами и испано-римлянами благоприятствовала Майориану. Жители многих городов и населенных пунктов, уставшие от варварского произвола, тяготели к императорской власти или не оказывали сопротивление ее войскам. В 460 г. Майориан вступил в Картагенскую провинцию, сдавшуюся ему без боя⁸⁵.

Воспользовавшись противоречиями между вестготами, свевами и местными жителями, Майориан укрепил свою власть в Испании, а затем вывел оттуда часть военных сил, чтобы направить их против вандалов.

Приск Папийский, отмечая успехи Майориана в восстановлении Империи, утверждает, что отчасти силой, отчасти убеждением он присоединил к своему царству окрестные народы, которые стали сторонниками Империи и давали ей вспомогательные войска⁸⁶.

Большое значение при этом имело сознание об усилении внешней опасности — набеги гуннов из Паннонии (продолжавшиеся до 469 г.) и пиратский разбой вандалов в Средиземном море.

В этот же период установился прочный союз между Империей и салическими франками. В 457 г. они признали власть Рима. В легенде, записанной Григорием Турским и Фредегаром, рассказано, что франки Меровея провозгласили королем его сына Хельдерика, но вскоре изгнали его за распутство и провозгласили своим королем магистра римской армии Эгидия. Здесь отразился факт признания салическими франками верховенства Рима. Однако Салическая правда говорит, что в это время над франками тяготело «тяжелое иго Рима».

⁸² Ibidem, § 199.

⁸³ Ibidem, § 201.

⁸⁴ Ibidem, § 206.

⁸⁵ Ibidem, § 200.

⁸⁶ Prisc. Fragm. 27. FHG IV, p. 103.

6. Обострение политической борьбы в Западной Римской империи и провал двух ее экспедиций против вандалов. Восстание римской власти в Галлии и Испании и союз с франками, вестготами и бургундами дали возможность Майориану подготовить экспедицию против вандалов. Собрал до трехсот кораблей⁸⁷, построенных в гаванях Равенны и Мессаны, в мае 460 г. он направил их в залив Аликанте (к северо-востоку от Картаго Нова)⁸⁸. Создание и снаряжение флота в столь короткий срок свидетельствует о той широкой поддержке, которой пользовалось правительство Майориана.

Вандалы не были готовы дать отпор таким силам. Поэтому Генсейрих направил к Майориану посольство для переговоров и начал опустошать Мавританию Тингитанскую, входившую в диоцез Испании⁸⁹.

Это усбило бдительность римского командования. Воспользовавшись этим, вандалы захватили большую часть римских кораблей и увели их в Карфаген. Гидаций не без основания полагал, что среди римлян оказались предатели⁹⁰.

После такой неудачи Майориан не мог продолжать кампанию. Когда Генсейрих вновь запросил мира, Майориан, как утверждает Иоанн Антиохийский, «прекратил внезапно войну на позорных условиях и удалился»⁹¹.

По повому договору вся Мавритания (и в том числе Тингитанская, входившая в диоцез Испании) и Триполитания признавались вандалскими владениями. Империя отказалась от всех притязаний на провинции в Африке.

Все это подорвало популярность Майориана и дало возможность подняться партии Рецимера, состоявшей из предводителей и офицеров варваров-наемников. Эта фракция господствующего класса была заинтересована в сохранении Империи, но добивалась для себя ключевых позиций в армии и политической жизни. Патрицианская знать всегда с высокомерием смотрела на представителей этой партии и, признавая ее большие заслуги в подавлении революционных и сепаратистских движений, стремилась удержать ее в положении послушного исполнителя своей воли. В первой же из изданных им повелл Майориан подчеркнул, что Рецимер будет руководить только армией.

Признание власти императора в Галлии и Испании показало, что в государстве еще сохранились силы и традиции, которые могут лишить представителей партии Рецимера высоких постов в армии и не допустить их к ключевым позициям

⁸⁷ Ibidem.

⁸⁸ Hydatii Lemici. Continv. Chron. Hier., § 200.

⁸⁹ Prisc. Fragm. 27. FHG IV, p. 103.

⁹⁰ Hydatii Lemici. Continv. Chron. Hier., § 200. De litore Carthaginiensi commoniti Vandali per proditores abripiunt.

⁹¹ Ioannes Antiocheus. Fragm. 203. FHG IV, p. 616.

в политической жизни. Поэтому Рецимер был заинтересован в поражении антивандальской экспедиции. Его партия не только ничего не сделала для обеспечения победы, но, быть может, виновата в том предательстве, о котором упоминает Гидаций.

Иоанн Антиохийский рассказывает, что Рецимер задумал свергнуть Майориана еще тогда, когда тот выступил из Испании в Рим⁹². Очевидно, неудача похода способствовала осуществлению этого замысла.

Когда Майориан отпустил наемников и направился со своей свитой в Италию, Рецимер встретил его у Дортонна (Тортонна) возле реки Ира, сорвал с него пурпурные одеяния и обезглавил. Как говорит Гидаций, Рецимер действовал «по недоброжелательству и совету завистников»⁹³.

Ключевые позиции в политической жизни Империи заняла партия Рецимера, ставшего фактически правителем. Однако, будучи варваром и ариацином, он не мог занять императорский трон. Рецимер провозгласил императором Либия Севера (ноябрь 461—август 465), являвшегося его марионеткой⁹⁴.

Новое правительство также не могло обеспечить обороны Империи, так как не располагало необходимым для этого флотом.

Вандалы безнаказанно грабили все южное побережье Европы. Ежегодно, обычно весной, они совершали пиратские набеги на Сицилию, Италию, южное побережье Галлии и, избегая нападения на города, где находились военные гарнизоны, опустошали села и неукрепленные местности⁹⁵. Более всего, следовательно, страдали от них колонии и мелкие свободные крестьяне. Италия не имела военного флота, а Византия не могла прислать своего — он был нужен для защиты ее берегов от вандалских пиратов. Поэтому на просьбы Рецимера о помощи византийское правительство, ссылаясь на свой мирный договор с вандалами, отвечало отказом.

Единственная сила, на которую могло рассчитывать правительство Либия Севера, это материальные и людские ресурсы Галлии, но галло-римская знать снова отошла от Империи и склонялась то на сторону Эгидия, признанного франками своим королем, то на сторону вестготского короля.

Вокруг Эгидия объединились сторонники свергнутого Майориана, видевшие в победе партии Рецимера угрозу своим

⁹² Ioannes Antiocheus. Fragm. 203. FHG IV, p. 616.

⁹³ Hydatii Lemici. Continv. Chron. Hier. § 210.

⁹⁴ О политике партии Рецимера см.: L. Vassili. Il comes Agrippino. collaboratore di Ricimero. «Athenae», XIV, 1936, p. 175—179. L. Vassili. La figura di Nepoviano e l'opposizione Ricimerio al governo imperiale di Majoriano. «Athenae», XIV, 1936, p. 56—58. F. Lot. Les invasions germaniques. Paris, 1935, p. 115—117.

⁹⁵ Prisc. Fragm. 30. FHG IV, p. 104.

привилегиям и возможность усиления варваров. Знать Нарбоннской провинции, в свою очередь, стала склоняться на сторону вестготского короля, надеясь найти в нем защитника от пиратских набегов вандалов.

Рецимер решил прибегнуть к старому приему — натравить вестготов на Эгидия — и дал указание Галлу Агрипину, коми-ту римских войск в Нарбоннской провинции, передать ее вестготам в обмен на помощь против Эгидия.

Магистр римской армии Эгидий, имевший поддержку не только франков, но и значительной части местного населения, одержав победу над вестготами в сражениях у Арля и Орлеана, не допустил расширения вестготских владений за счет Нарбоннской провинции. В битве у Орлеана погиб Фредерик, брат Теодориха II⁹⁶. Интересно отметить, что на стороне Эгидия сражался и Хильдерик, несмотря на то, что Эгидий занимал его трон.

После поражения вестготов Рецимер направил в Галлию бургундские войска во главе с их королем Гундобавдом, который был назначен магистром римских войск в Галлии вместо Эгидия, отступившего в Северную Галлию.

Салические франки, поддержавшие Эгидия на Луаре, чтобы не допустить вестготов на север, стали опасаться, что теперь он объединит галло-римскую знать в Северной Галлии и помешает им завоевать ее. Поэтому они заключили союз с рипуарскими франками и совместно выступили против Эгидия.

Во главе салических франков стал Хильдерик, вновь признанный ими королем после битвы у Орлеана. Судьба Эгидия, главной силой которого являлись франкские воины, была решена. Он бежал в свое поместье в Суассоне, где умер в 465 г. «по словам одних от коварного обмана, по словам других — от яда»⁹⁷. В том же году умер Либий Север.

Однако политика Рецимера в Галлии не только не обеспечила ему ресурсов для борьбы против вандалов, но даже ухудшила положение Империи: вестготы завладели Нарбонной, а франки начали завоевание Северной Галлии. Назначенному вместо Эгидия Гундобавду предстояла борьба с франками и вестготами, тогда как военные силы были нужны, чтобы выступить против вандалов и гунов.

Два года самостоятельного правления Рецимера были временем самых жестоких пиратских набегов вандалов⁹⁸. Варварские наемники, находившиеся под его командованием, не

⁹⁶ Chronica Gallica 511, § 638. MGH AA IV p. 664.

Mag. Avent. Chronica, an. 463. MGH AA XI, p. 232.

⁹⁷ Hydatii Lemici. Continv. Chron. Hier., § 228. Aegidius moritur, alii dicunt insidiis, alii veneno deceptus.

⁹⁸ A. M. P a p i n i. Ricimero l'agonia dell'imperio Romano d'Occidente. Milano, 1955, p. 62—64.

страдали от них, поскольку были расквартированы в Северной Италии, а вандалы грабили побережье.

В поисках спасения галло-римская знать решила просить помощи у Византии. Рецимер, не видя иного выхода, разрешил римскому сенату вступить в переговоры.

К этому времени вандалы уже совершали пиратские набеги на берега Далмации, Эпира, Закинфа и Греции. Византийское правительство осознавало необходимость совместного выступления против них.

Посольство римского сената, прибывшее в Константинополь, прямо заявило, что италийцы не смогут существовать далее, если вандалы не прекратят набегов⁹⁹. Византийское правительство Льва I согласилось оказать помощь, но потребовало возведения на западный трон своего ставленника Анфимия¹⁰⁰.

14 апреля 467 г. Анфимий прибыл в Рим, где сенат провозгласил его императором. Тем временем Византия потребовала от Гензейриха прекращения пиратских набегов на Италию. Но, как стало известно от Филарха, посланника, вернувшегося из Карфагена, Гензейрих не обратил на это требование внимания и продолжил подготовку к очередному набегу¹⁰¹.

Понимая, что война неизбежна, Анфимий стремился сплотить господствующий класс Запада. Он принял меры к привлечению на свою сторону галло-римской знати, бургундов, франков, вестготов и партии Рецимера, за которого выдал замуж свою дочь. Галло-римская знать прислала в Рим свою делегацию во главе с Аполлинарием Сидонием. Как рассказывает Аполлинарий Сидоний, во время его приезда в Рим праздновалась свадьба Рецимера с дочерью Анфимия, «соединенных ради общественного спокойствия»¹⁰².

Аполлинарий Сидоний установил связи с видными сенаторами и по совету одного из них, Василия, написал и прочитал Анфимию панегирик¹⁰³, за что получил должность префекта Рима.

Анфимий назначил видных представителей галло-римской знати на высокие посты в Галлии: Арванда — префектом претории, Гауденция — викарем, Экдиция (сын бывшего императора Авита) — магистром римских войск Галлии¹⁰⁴. В этом отразилось стремление опереться на тех представителей знати, которых можно было бы противопоставить Рецимеру. Не случайно магистром войск Галлии он назначил Экдиция, в свер-

⁹⁹ Prisc. Fragm., 31. FHG IV, p. 105.

¹⁰⁰ Marcellini V. C. Comit. Chron., an. 467. Leo imperator Anthemium patricium Romam missit imperatorumque constituit.

¹⁰¹ Prisc. Fragm. 40. FHG IV, p. 109.

¹⁰² Apoll. Sidon. Epist. 1, 5, 10 (ad Herenio).

¹⁰³ Ibidem, 1, 9, 5—6.

¹⁰⁴ C. Fauriel. Histoire de la Gaule meridionale sous les conquérants germains. Paris, t. 1, p. 302, 303.

жении отца которого Рецимер играл видную роль. Следовательно, новый император пытался заручиться поддержкой для борьбы не только против вандалов, но и против Рецимера.

Анфимий заключил договор с бургундами и франками и направил к вестготам Антимола, Торизания и Ермина. Встреча между его послами и вестготским королем Эврихом (466—484) произошла в Арле¹⁰⁵. Эврих в это время пытался завоевать Лузитанию¹⁰⁶ и расширить свои владения в Галлии¹⁰⁷. Поэтому союз с императором, ради которого пришлось бы отказаться от своих планов, его не устраивал.

Тогда, чтобы обезопасить Империю от вестготов на период войны с вандалами, Анфимий заключил союз с бретонцами Арморики, после чего 12 тысяч бретонцев поселилось около Бери. Конечно, этот заслон не мог удержать вестготов, но он заставил Эвриха прекратить набеги на Первую Аквитанскую провинцию. Вестготы направили посольство к Анфимию и одновременно выступили в Лузитанию, где, как отмечает Гидаций, одинаково грабили и севов, и местных жителей.

К весне 468 г. Византия закончила подготовку экспедиции против вандалов. По сведениям, сохранившимся у Прокопия, Лев I собрал флот со всех морей Востока и войско в 100 тысяч человек, затратив на его снаряжение 1300 кентарисев (130 тысяч фунтов золотом)¹⁰⁸. По данным, взятым Свидою у Кандида Исавра, подготовка эскадры обошлась в 17 тысяч либров золотом, выделенных казной, 47 тысяч либров золотом, доставленных эпархами, и 700 тысяч либров серебром, полученных путем конфискации имений казенных знатных и от императора Анфимия¹⁰⁹.

Эскадра состояла из 1113 кораблей, снаряженных по последнему слову техники того времени. Однако отсутствие единства и внутренняя борьба между правящими группировками обнаружилась уже при подготовке экспедиции.

В Византии подготовке экспедиции препятствовал главнокомандующий армией Аспар, алан по происхождению, арианин по вере. Возможно, он был против похода в связи с существовавшим гуннской опасностью на Дунае. Но не исключено, что он боялся усиления личной власти выдвинутого им в императоры Льва I, который пытался избавиться от его опеки и даже сформировал свой особый отряд охраны из исавров, противопоставив его охране Аспара. Феодор Лектор утверждает, что в решительную минуту, когда вандалы оказались накануне поражения, брат императрицы Василиск, поставлен-

¹⁰⁵ Chronica Gallica 511, § 649. MGH AA IX p. 664.

¹⁰⁶ Hydatii Lemici. Continv. Chron. Hier., § 246.

¹⁰⁷ G. Yver. Euric roi Visigots. Etudes d'histoire dédiés à G. Monod. Paris, 1896, p. 26—29.

¹⁰⁸ Procop. Caesarien. Bello Vand., 1, 6.

¹⁰⁹ Candidus Isaurus. Fragm. 2. FHG IV, p. 137.

ный во главе войск, «взял деньги по совету Аспара и явился изменником»¹¹⁰. Истинным, вероятно, является лишь факт незаинтересованности Аспара в победе.

Партия Рецимера в Риме также не стремилась к победе, поскольку, экспедицию возглавил не Рецимер, а византийский полководец. Победа могла привести к усилению Анфимия, ставленника Византии. Поэтому Рецимер собрал в Милане 6 тысяч варваров-наемников и начал готовиться к борьбе против императора¹¹¹. Даже если предположить, что Аспар и Рецимер не вступали в сговор с Гензейрихом, их интриги не могли не повлиять на исход экспедиции.

Кроме того, в экспедиции принял участие Марцеллин, возглавлявший войска Далмации. Он создал могущественный флот, господствовавший в Адриатическом море. Располагая значительной военной силой, он был опасен для партии Рецимера, которая боялась его дальнейшего усиления. Недаром Рецимер отправил к нему посольство и добивался от него обещания «не обращать оружия против римлян»¹¹².

Весной 468 г. далматинский флот Марцеллина подошел к Сардинии и выбил оттуда вандалов. Одновременно византийские войска под командованием Ираклия вошли в Триполи и, победив вандалов, направились по прибрежной дороге к Карфагену¹¹³.

Главные силы экспедиции, которыми командовал Василиск, достигли берегов Африки. Корабли стали на рейде в 50 км от Карфагена.

Гензейрих, подкупивший, согласно слухам, Василиска, просил пятидневного перемирия. Воспользовавшись беспечностью византийцев, вандалы подожгли их корабли и разгромили экспедицию. Только часть ее участников спаслась бегством и среди них Василиск, бежавший первым.

7. Завоевательные походы вестготов и народное сопротивление в Оверни. Провал экспедиции привел к ослаблению власти Анфимия и к активизации действий вестготского короля в Галлии и Испании. Часть галло-римской знати стремилась к союзу с ним, считая его надежным защитником от вандалов и других варваров. Об этом свидетельствуют процессы Арванда (468—469) и Сероната (471).

Префект претории Галлии Арванд был обвинен в служебных злоупотреблениях. К тому же галло-римские магнаты Тонанций Ферсол, Товмаст и Петроний изобличили его в государственной измене и предъявили в доказательство его письмо, адресованное вестготскому королю. В этом послании Ар-

¹¹⁰ Theodorus Constantinopolitanus. *Historiae ecclesiasticae eclogae*, I, 25.

¹¹¹ Ioannes Antiocheus. *Fragm.* 207. FHG IV, 617.

¹¹² Prisc., *Fragm.*, 30. FHG IV, p. 104.

¹¹³ Procop. *Caesarien., Bello Vand.*, I, 6.

ванд советовал Эвриху напасть на бретонцев, поселенных Анфимием возле Бери, и разделить Галлию с бургундами. На суде Арванд подтвердил, что он действительно давал советы, направленные на свержение римского господства¹¹⁴. Магнаты добились осуждения и ссылки Арванда, однако сочувствие и дружеские советы ему некоторых сенаторов и сравнительно мягкий приговор свидетельствуют об отсутствии единства в среде господствующего класса, о паличии среди них проготской партии.

Этим воспользовался вестготский король. В 469 г. его войска напали на бретонцев, охранявших перешвару через Луару у г. Бери, и форсировали реку.

Римский полководец Павел силами франков нанес поражение вестготам у Анжера и заставил их отказаться от завоевательных планов в Северной Галлии¹¹⁵.

В этом сражении Павел погиб. Военная власть в области между Луарой и Сеной фактически оказалась в руках Хильдерика (отец Хлодвига), предводителя салических франков, центром поселений которых являлся г. Турпе.

Потерпев поражение, вестготы направили все усилия на завоевание Первой Аквитании. Часть городов сдалась им без боя. Затем вестготы двинулись на завоевание Оверни, где партия их сторонников была малочисленной.

Из письма Аноллипария Сидония видно, что вождем ее был Серонат, выходец из богатых муниципалов, дослужившийся до высокого поста. Возможно, он стал преемником Арванда на посту префекта претории.

В письмах к Экдицию и Греку Сидоний писал, что Серонат предлагал варварам римские провинции, перевозносил готтов, неодобрительно отзывался о римлянах, высказывал пренебрежительное отношение к кодексу Феодосия и отдавал предпочтение законам Теодориха II (453—466)¹¹⁶.

Аноллипарий Сидоний, избранный епископом Оверни, писал в Рим Экдицию: «Мои сограждане ждут тебя с нетерпением. Если Империя бессильна, если она нам не поможет, если, как говорят, могущество императора Анфимия равно нулю, то знать решила следовать твоему примеру и покинуть родину или постричься»¹¹⁷.

Экдиций советовал оверпцам приостановить наступление вестготов собственными силами, а Сероната выдать императору. Они так и поступили. Серонат был осужден сенатом и казнен¹¹⁸.

¹¹⁴ Apoll. Sidon., Epist. I, 7 (ad Vincentio).

¹¹⁵ Gregor. Turon., Hist. II, 13, 18.

¹¹⁶ Apoll. Sidon. Epist. 2, I et VII, 7.

¹¹⁷ Ibidem, 2, I, 4 (ad Ecdicio).

¹¹⁸ Ibidem, 7, 7 (ad Graecum); Cassiodorus. Chronica, § 1289. MGH AA XI, p. 158

В 471 г. вестготы перешли в наступление на Овернь с запада и с юга.

Равеннский двор не прислал помощи, так как в это время в Риме разгорелась продолжавшаяся пять месяцев, борьба между сторонниками Анфимия и Рецимера.

Сенаторская партия и пародные массы поддерживали императора Анфимия, видя в его власти защиту от произвола варваров, находившихся на римской военной службе. Наемники сплотились вокруг Рецимера.

К этому времени стало известно, что в Константинополе по приказу императора Льва I и при содействии исавров были перебиты дружинники главнокомандующего Аспара, а он сам и его семья (фамилия) убиты.

Рецимер, опасаясь подобных мер со стороны Анфимия, собрал в Милане своих сторонников и выступил на Рим. Наемники перерезали сообщение по Тибру и вызвали в городе голод. Сторонники Анфимия оставили его. По одной версии, император утонул в Тибре во время бегства. По другой, имеющейся у Иоанна Антиохийского, Анфимий смешался с пиццими у храма Хрисогона (ныне церковь Санта Мариа), где был опознан и обезглавлен Гупдобавдом (11 июля 472 г.)¹¹⁹, пробыв императором 5 лет, 3 месяца и 16 дней.

Победа принесла наемникам богатую добычу. Сняв городскую заставу на мосту Адриана, они ворвались в город и разграбили его, о чем Гелазий рассказывает в письме к Андромаху.

Тем временем, овернцы продолжали свое сопротивление. Правда, зимой вестготы возвращались в обжитые местности, а летом возобновляли наступление и грабежи. Особенно длительной была осада центра провинции — Клермона. Горожанам не раз овладевала паника, но несколько блестящих побед над вестготами поддержали боевой дух осажденных¹²⁰.

К присланному бургундами гарнизону горожане отнеслись с подозрением, поскольку союзники также грабили их. Аполлинарий Сидоний писал: «Мы как добыча среди двух враждующих народностей. На нас обрушивается и ярость наших врагов, и жадность наших защитников»¹²¹. Осада Клермона затянулась. Несмотря на отсутствие поддержки со стороны Империи, народные массы мужественно сдерживали вестготов.

Важную роль сыграли особенности общественно-экономического развития овернцев и, в частности, сохранение в горных районах свободного крестьянства и общинных порядков, что дало Эджицию возможность создать отряд народного ополчения, который удерживал вестготов и наказывал их

¹¹⁹ Ioannes Antiocheus. Fragm. 209 (I). FHG IV, p. 617.

¹²⁰ Apoll. Sidon. Epist. 3, 3, 3 (ad Ecdicio).

¹²¹ Ibidem, 8, 4.

за произведенные опустошения¹²². К тому же, сторонники вестготов здесь были малочисленны и не проявляли активности. Правда, из переписки Сидония следует, что значительная часть знати отсиживалась в укрепленных горных замках¹²³, а некоторые, правда, единицы и по принуждению, даже находились в рядах захватчиков¹²⁴, но основная масса жителей Оверни вела борьбу против вестготов. Поэтому вестготы так и не взяли Оверню силой.

8. Усиление варварских королевств в Испании и Галлии. Падение Западной Римской империи. Победившая партия Рецимера в основном состояла из варваров. Это были выходцы из германских, аланских и гуннских племен, оторванные от своих соплеменников, но не сблизившиеся с местным населением, чуждым им по образу жизни, обычаям, традициям и религии. Они привыкли выполнять карательные функции внутри Италии, рьяно обрушиваясь на безоружных крестьян и горожан, но не желали воевать с таким сильным противником, как вандалы.

Поскольку варвар и арианин Рецимер не мог стать императором, его партия вновь начала искать такого кандидата на трон, который не пошлет ее против вандалов. Им оказался Олибрий, шуриц Гензейриха.

Приск утверждает, будто еще после смерти Майориана Гензейрих добивался, чтобы императором избрали Олибрия, а невыполнение этого требования использовал как предлог для пиратских экспедиций в Италию¹²⁵. Иоанн Антиохийский также упоминает об этом¹²⁶.

Однако через пять недель после победы над Анфимием Рецимер умер от кровавой рвоты (18 августа 472 г.), а 2 ноября 472 г. скончался от водянки Олибрий¹²⁷. Место Рецимера занял Гуцдобавд, который 5 марта 473 г. облачил в пурпур Гликерия.

Правительство Гликерия не только не помогло овернцам в борьбе против вестготов, но даже ухудшило их положение.

---

¹²² Ibidem, 3, 3.

¹²³ Ibidem, 4, 21; 5, 14.

¹²⁴ Ibidem, 5, 12.

¹²⁵ Prisc. Fragm. 29. FHG IV, p. 104.

¹²⁶ Ioannes Antiocheus. Fragm. 204. FHG IV, p. 616: «Гензейрих разорял земли Италии, так как хотел, чтобы Олибрий был императором Запада из-за родственных связей по браку. Но причиной войны Гензейрих объявлял не намерение возвести на западный престол Олибрия, а невыдачу ему имущества Валентиниана и Аэция, которые он требовал: первое от имени Евдокии, на которой женился его сын, а второе потому, что сын Аэция Гауденций жил у него».

¹²⁷ Правление Олибрия было заполнено неудачными попытками примирить партию Рецимера с римскими сенаторами: См.: L. Vassili. L'imperatore Anocio Olibrio, motivi dinastici nella nomina imperiale di Anthemio. Rivista di Filologia e d'Istruzione Classica, LXI, 1937, p. 160—162.

В это время часть остготов во главе с Видимиром решила переселиться из Паннонии в Италию. Узнав об этом, Гликерий направил к Видимиру послов, которые вручили ему богатые дары и, расхвалив Галлию и Испанию, предложили текст договора, по которому остготам разрешалось поселиться в Южной Галлии. В соответствии с договором остготы (около 10 тысяч воинов) двинулись в Южную Галлию и затем, заняв области Руэрга, Перигора и Лимузена, вступили в союз с вестготами. Следовательно, безопасность Италии Гликерий обеспечил за счет Галлии, чем ухудшил положение оверцев.

Византийское правительство, не признавшее Гликерия, решило использовать борьбу среди правящих группировок на Западе и выдвинуть в императоры своего ставленника. Им оказался Юлий Непот, племянник Марцеллина, успешно воевавший против вандалов.

Он командовал большим флотом, обеспечивающим оборону берегов Адриатического моря от вандалских пиратов.

Император Лев I пригласил Непота в Константинополь, возвел в патриции, женил на племяннице императрицы и дал ему в помощь военную эскадру во главе с Домицианом.

Когда флот Непота и византийская эскадра в январе 474 г. подошли к Равенне и высадили десант, гарнизон и Гликерий оставили город и бежали в Рим. Но Рим закрыл перед ним ворота. Воины Непота взяли Гликерия в плен. Непот назначил его епископом Салоны, а сам облачился в пурпур. Однако римский сенат признал его только 24 июня 474 г.

Но в Византии вскоре произошли такие изменения, которые лишили ее возможности помогать Непоту. После смерти Льва I борьба за власть среди различных группировок знати ожесточилась, и император Зинон (474—491) отозвал эскадру из Равенны.

Чтобы удержаться на троне, Непот призвал наемников из Паннонии, но и после этого власть не распространилась за пределы Италии. Бургунды в Юго-Восточной Галлии и франки в Северо-Западной признавали его только номинально. Владения вестготов достигли Роны и охватили Арль, Массилию и другие города¹²⁸. В Испании вестготы заняли Пампилию, Сарагосу и соседние города¹²⁹. Хотя, благодаря сопротивлению местных жителей, вестготское завоевание Испании растянулось на двести лет, в 70-х годах V в. их военные успехи в целом были значительными.

Часть местных жителей Южной Галлии видела в вестготах защитников или союзников в борьбе с вандалскими пира-

¹²⁸ Chronica Gallica 511, § 649, 657. MGH AA IX, p. 664, 665.

¹²⁹ Ibidem, § 651 p. 664. Gauthier comes Gothorum Hispanias per Pamplionem, Caesaraugustam et vicinas urbes obtinuit.

тами. Зато жители отдаленных от побережья провинций оказывали вестготам решительное сопротивление.

Крестьяне Оверни, опираясь на общинные организации, препятствовали вестготскому наступлению неожиданными засадами и нападениями. Столица Оверни, Клермон, стала центром народного сопротивления захватчикам, главную силу которого составляли отряды народного ополчения¹³⁰.

Оверщцы полагали, что Юлий Непот поможет им в борьбе против вестготов. Его первые шаги давали основание для такой надежды: он дал Экдицию, сыну бывшего императора Авита и брату жены Аполлинария Сидония, титул патриция, обещанный еще Анфимием.

Тем временем вестготы, не прекращая осады Клермона, предприняли наступление на Вторую Нарбоннскую провинцию и Приморские Альпы, откуда открывался путь на Италию.

Равеннский двор, не имевший сил для отпора, спешно поручил квестору Лициниану начать с вестготами мирные переговоры.

Аполлинарий Сидоний надеялся, что Лициниан отстаивает интересы Оверни¹³¹. Но вестготы не приняли предложений посла и продолжили наступление. Над Италией нависла угроза. Тогда Непот поручил переговоры специальной комиссии в составе епископов Арля и Второй Нарбоннской провинции. У Аполлинария Сидония возникло подозрение, что они предадут Овернь. В письме к Греку, епископу Массилии, он писал: «Вот так нас отблагодарили за сражения, пожары, эпидемии, за то, что мы проливали кровь врага, за то, что нас били и мучили голодом. В ожидании этого мира мы вырвали и съели всю траву в трещинах наших укреплений. И вот, за такой патриотизм нас отдают в жертву. Краснейте за этот постыдный договор. Он не принесет вам ни пользы, ни славы. Уничтожьте этот постыдный договор. Если необходимо еще вынести осаду, сразиться и терпеть голод — мы согласны. А если нас уже предали, нас, не сломленных готской силой, — это следствие вашей трусости, придумавшей пункты договора с варварами... Другие провинции, уступленные варварам, обречены на порабощение, овернцы — на казни и уничтожение. Если вы не можете помочь нашему отчаянному положению — молитесь за народ, теряющий свободу. Готовьте земельные наделы для изгнанников, пищу беженцам и выкуп для взятых в плен. Если наши стены откроются врагу — пусть ваши не закроются перед беженцами»¹³².

Опасения Аполлинария Сидония оправдались. Зная, что после взятия Клермона вестготам понадобится много сил и времени для окончательного покорения Оверни, Равеннский

¹³⁰ Apoll. Sidon. Epist. 3, 3 (ad Ecdicio).

¹³¹ Ibidem, 3, 7, 3 (ad Felicem).

¹³² Ibidem, 7, 7, 3—6 (ad Graecum).

двор видел в этом спасение для Италии. В 475 г. Непот послал к вестготскому королю в Тулузу епископа Епифания, поручив ему довести переговоры до конца.

Биограф Епифания, Эннодий, сообщает интересные факты об отношении коренных жителей Тулузы к вестготам. В частности, он пишет, что хотя после водворения вестготов в Тулузе прошло 56 лет, в течение которых родилась и выросла основная масса ее жителей, большинство их так и не примирилось с господством варваров. Когда Епифаний уезжал из Тулузы, многие жители, провожая его, оплакивали свое рабство¹³³.

Император признал власть вестготского короля в оккупированных вестготами провинциях и уступил ему Овернь, народные массы которой продолжали успешное сопротивление захватчикам. Эдидий бежал¹³⁴. Магистром армии в Галлии Непот назначил Ореста¹³⁵.

Карьера Ореста началась после распада гуннского военно-племенного союза в Паннонии. Уроженец Паннонии, он служил секретарем у Атилы, а после его смерти завербовался на военную службу в Италию¹³⁶.

Под предлогом войны против вестготов Орест вывел наемников из Рима и повел их к Равенне, будто бы для прощания с императором перед наступлением, а в действительности, чтобы свергнуть его. Когда мятежная армия начала осаду Равенны, Непот вместо организации обороны бежал в свои далматийские владения, в Салону. Орест провозгласил императором своего малолетнего сына Ромула, позже прозванного Августулом (Августиншка).

Мятежные наемники требовали от Ореста трети земельных наделов в Италии, как получали остальные федераты, селившиеся в пределах Империи, но Орест не выполнил этого требования и принял меры, чтобы привлечь в Италию новые отряды наемников, которые можно было бы противопоставить мятежникам.

Орест назначил начальником гвардии Одоакра, сына своего друга, с которым он служил Атиле, и направил его в Паннонию вербовать армию.

Подобно Оресту, Одоакр начал карьеру в Италии в качестве наемника, завербованного на военную службу. Иоанн Антиохийский упоминает его в числе сторонников Анфимия¹³⁷. Отец Одоакра, Эдекон, когда-то выполнял важные поручения Атилы, но был втянут византийцами в заговор

¹³³ Ennodius. Vita S. Epiphani, CSEL VI, p. 352—354.

¹³⁴ Ibidem.

¹³⁵ Jordan. Getica, § 241.

¹³⁶ L. Vassili. Oreste, ultimo esponente del tradizionalismo romano. Rivista di Filologia. N. S., XVII, 1939.

¹³⁷ Ioannes Antiocheus. Fragm. 209 (I). FHG IV, p. 617.

против него¹³⁸. Брат Одоакра, Оноульф, находился на византийской военной службе, завербовавшись после поражения гуннов Денгизириха¹³⁹.

Выполняя поручение Ореста, Одоакр собрал большую армию, состоявшую не только из его соплеменников, скиров, но также из герулов, ругов и выходцев из других племен. Опираясь на них и гвардию Ореста, Одоакр подготовил военный переворот. При этом он привлек на свою сторону наемников из различных гарнизонов Италии, пообещав им земельные наделы, и местных жителей, которым посулил уменьшение налогов.

Узнав о воспом мятеже, Орест бежал в Павию, а оборону Равенны возглавил его брат Павел.

Одоакр осадил, взял и разграбил Павию. Пленного Ореста он казнил (28 августа), после чего приступом взял Равенну (4 сентября 476 г.), низложил Ромула Августула и сослал его в замок Лукулла в Кампании (около Неаполя), назначив ему пожизненную пенсию¹⁴⁰.

Рассказ об этих событиях Марцеллин Комит заключает словами: «Западная империя римского народа, который в 709 г. от основания Рима начал править Октавиан Август, на 522 г. правления императоров погибла с этим Августулом, и с того времени Римом управляют короли готов»¹⁴¹. Хотя хронист допустил неточность (Одоакр не был готом), он верно отметил, что переворот Одоакра свидетельствовал об окончательном падении Западной Римской империи.

Римский сенат санкционировал переворот и направил легатов в Константинополь добиваться для Одоакра права управлять диоцезом Италии в звании патриция. Одновременно туда же прибыли представители Непота с просьбой помочь ему в возвращении трона. Император Зинон не мог вмешаться в дела Италии из-за междоусобицы в своем дворе и ограничился ответным письмом, в котором советовал Одоакру не препятствовать возвращению Непота в Италию и от него принять титул патриция. Однако в этом же письме Зинон назвал Одоакра патрицием¹⁴².

Итак, в 476 г. существование Западной Римской империи прекратилось. Правительство Империи давно уже не выпол-

¹³⁸ Prisc. Fragm. 7, 8, 12. FHG IV, p. 75—81, 96.

¹³⁹ Ioannes Antiocheus. Fragm. 209 (I). FHG IV, p. 617.

¹⁴⁰ См. анализ свидетельств о событиях 476 г.: M. A. Wes. Das Ende des Kaisertums im Westen des Römischen Reichs. 's-Gravenhage, 1967, S. 52—89.

¹⁴¹ Marcellini V. C. Comit. Chron., an. 476. Hesperium Romanae gentis imperium, quod septingentesimo nono urbis conditae anno primus Augustorum Octavianus Augustus tenere coepit, cum hoc Augustulo periit, anno decessorum regni imperatorum quingentesimo vigesimo secundo, Gothorum dehinc regibus Roman tenentibus.

¹⁴² Malchus Philadelphensis. Fragm. 10. FHG IV, p. 119.

няло функции централизованного обеспечения государства рабочей силой, пополняемой теперь за счет внутренних людских ресурсов, и не могло помочь господствующему классу провинций в подавлении социальной опасности и в защите границ. Поэтому он стал на сторону варварских королей, способных обеспечить внутренний мир и защиту границ. При этом королевская власть оказалась заинтересованной в защите своих налогоплательщиков от других претендентов на прибавочный продукт и в создании определенных условий для их производственной деятельности. Следовательно, ее существование являлось экономически целесообразным. К тому же исчезла опасность вторжения гуннов и вандалов, требовавшая для отпора ей объединенных усилий и существования координирующего центра. Но решающую роль в распаде Западной Римской империи сыграло обособление ее отдельных территориальных комплексов, являвшееся следствием экономического развития провинций и процессов феодализации.

Глава VIII. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЕВРОПЕ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

1. Правление Одоакра в Италии. Переворот Одоакра был подготовлен развитием римских провинций и способствовал закреплению происшедших в них перемен.

До переворота правители Италии именовали себя императорами даже тогда, когда их власть не распространялась за ее пределы, и стремились продолжить великодержавную политику Рима. Одоакр понял ее нереальность и отослал знаки императорского достоинства в Константинополь. Он не облачался в пурпур, не носил соответствующих регалий¹, не чеканил монет со своим изображением. Отныне Равеннский двор ведал лишь делами Италии и не стремился к господству над варварскими королевствами. }

Свою власть в Италии Одоакр укрепил облегчением налогового бремени², переселением в ее пределы с наделением землей старинных ее жителей из Норикки, раздачей варварам-наемникам трети земель крупных поссесоров³.

Отказ от великодержавных притязаний имел глубокие последствия и благоприятно отразился на развитии соседских отношений между коренным населением римских провинций и варварами.

До Одоакра варвары, нанятые на военную службу и находившиеся в Италии, не имели падегов. Готовя заговор, Одоакр общал им землю. После переворота варвары-наемники, подобно тому, как это было в Галлии, получили надельные участки по правилам военного постоя. Они были расселены среди итало-римлян.

Там, где Равеннский двор не мог перебрасывать варваров, находившихся на военном постое, из одной провинции в другую, такой порядок стал обычным и до Одоакра. Однако случаи перемещения тогда еще были. Пример тому — перемещение бургундов в Сабудию в 443 г. и неоднократные перемещения аланов в середине V в. Поскольку Одоакр от-

¹ Cassiodorus. Chron., § 1303. His cons. ab Odovacre Orestes et frater eius Paulus extincti sunt nomenque regis Odovacar adsumpsit, cum tamen nec purpura nec regalibus uteretur insignibus.

² Ennodius. Vita S. Epiphani, 106.

³ Procop. Caesarien. Bellum Gothicum, I, 7.

казался от этого, полученные варварами участки стали рассматриваться ими как собственные.

Форма государственного управления Италии сохранилась. Столицей страны считалась Равенна. Остались суд и прежние должности со всеми их титулами и правами. Правда, сначала Одоакр отменил должность консула, но с 480 г. он назначал для Запада консулов, которые, по традиции, при вступлении на должность увеселяли публе Рима денежными раздачами, цирковыми играми. На эти должности назначались крупные земельные собственники-сенаторы (Аполлинарий Сидоний, Бозций, Северин, Фест, Симмах, Деций, Динамий, Пробин) ⁴.

В Риме сохранилась курия наследственных сенаторов, пользовавшаяся традиционным почетом. Остались прежние учреждения в Риме и Равенне. Однако если изучить эти учреждения, рассмотреть их компетенцию, функции и масштабы практической деятельности, то становится очевидным, что содержание их деятельности изменилось. Старая форма была лишь оболочкой, прикрывавшей новое содержание этих учреждений и должностей. Римский сенат перестал управлять делами не только Империи, но и Италии. Он почти превратился в магистрат Рима, население которого резко уменьшилось. Соответственно сузились функции и других учреждений. Формально это оправдывалось тем, что со времени отправки императорских регалий в Константинополь верховным правителем Востока и Запада стал считаться византийский император. Некоторые короли Запада относились к нему, как к своему повелителю и пытались заручиться его поддержкой, но это не мешало их самостоятельности в пределах собственных королевств. Далекий император не имел ни возможности, ни необходимости вмешиваться в их дела.

Внешняя политика Одоакра диктовалась интересами самой Италии. Он добился от Гензейриха возвращения большей части Сицилии, что улучшило обороноспособность Италии и отчасти обеспечивало ее продовольствием. Тем же целям отвечало завоевание Далмации и Норика.

Хотя Далмация с 425 г. управлялась Византией, ее связь с Римом сохранилась, а священники по-прежнему подчинялись папе римскому, назначавшему епископа Салоны.

Борьба за византийский трон между Зиноном и Василиском, противоречивая роль двух остготских дружин на Балканах, оказывавшихся то союзниками, то врагами императора, и борьба в Салоне между Гликерием и Непотом дали Одоакру надежду на успех в Далмации и Норике.

---

⁴ *Annales Ravennantenses*, an. 480—493. *Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde*, I, Hannoverae, 1876, S. 360—362.

В 480 г. когда заговорщики убили Непота⁵, Одоакр направил десант в Салону⁶, а в 487 г. с армией, пабранной из итало-римлян, ворвался в Юлийские Альпы, захватил Норик и папал на ругов, живших на берегах Дравы и Савы. Сын ругийского короля, Фридрих, бежал к остготам, что дало им повод объявить себя защитниками ругов.

Завоевание Далмации и Норика усилило противоречия между государством Одоакра и Византией. Это сыграло определенную роль в завоевании Италии в 490—493 гг. остготами, тесно связанными с византийским императором Зиноном.

2. Галлия, Испания и романизованная Африка в 476—493 годы. Переворот Одоакра и его отказ от великодержавной политики создали благоприятные условия для развития суверенитета варварских королевств Запада. Однако из-за узкоклассовой политики варварской верхушки, пытавшейся упрочить свое господство над основной массой местных жителей и рядовыми воинами своего племени, эти условия не были использованы полностью. Привлечкая на свою сторону местную знать, варварская верхушка копировала у нее методы угнетения тружеников и подавления их выступлений.

Такая политика привела к обострению борьбы основной массы населения против королевских дружин и всего аппарата насилия, против варварской и местной знати, все чаще вступающих в союз.

Ранее, когда Равеннский двор посылал варваров для подавления революционных или сепаратистских выступлений, роль местной знати (или ее определенных группировок, ориентировавшихся на Рим) как пособников карателей оставалась незаметной, поскольку часть знати также подвергалась преследованиям за свой сепаратизм. Теперь же, когда варвары находились в римских провинциях постоянно, представители местной знати оказались в административном аппарате варварских королевств и приближенными советниками королей. Поэтому существование между варварской и местной знатью союза, возникшего ради сохранения и упрочения социального неравенства, стало очевидным.

Прежде варварские племена, так или иначе оказавшиеся в римских провинциях, даже будучи там фактическими господами, чувствовали себя неуверенно, поскольку Равеннский двор еще располагал достаточными силами, чтобы переселить или прогнать их. Рим или Равенна постоянно плели сложные интриги, вовлекая в них новые племена или натравливая их друг на друга. История Запада конца IV—первой половины V в. свидетельствует о постоянных столкновениях между местными жителями, бургундами, гуннами,

⁵ Marcellini V. C. Comitibus. Chron., an. 480. MGH AA XI p. 92.

⁶ Cassiodorus. Chron., § 1399. MGH AA XI p. 159.

остготами, вестготами, франками, аланами и свемами, тайные пружины взаимоотношений которых находились в Риме и Равенне.

Чувствуя себя временными поселенцами, варвары не стремились к долговременным улучшениям на местах своего лостоя (строительство дорог и мостов, каналов и дренажной системы, мелиоративные работы).

Теперь положение изменилось. Поскольку правительство Одоакра, находившееся в Равенне, не предъявляло претензий на провинции Галлии, Испании, Северной Африки и не вмешивалось в их дела, варварские племена, поселившиеся там, почувствовали себя увереннее. Они стали считать наделы, полученные в порядке постоя, своей собственностью, а местных жителей — своими соседями, что вело к сближению между ними.

Борьба со стихийными силами природы требовала совместных усилий всех земледельцев, независимо от их этнической принадлежности. В каждой местности почетом пользовались те, кто вносил большой личный вклад в общие мероприятия или являлся их организатором. Разбой и безделье презирались, что заставило варваров включиться в проведение местных хозяйственных мероприятий.

Однако было много обстоятельств, тормозящих этот процесс. Особенно отрицательную роль играли войны между варварскими королевствами.

Каждое королевство стремилось расширить свою территорию, что диктовалось как интересами его социальной верхушки, так и узостью экономической базы. К тому же социальная база и материальная опора этих королевств — свободное крестьянство — постепенно уменьшалась количественно в связи с общественно-экономическим развитием, процессами социальной дифференциации и концентрации земельных богатств в руках знати и церкви. Сужение социальной базы варварских королевств вело к их ослаблению и порождало угрозу вторжения армии других королевств, где либо менее интенсивно проходили процессы классовой дифференциации, либо имелся постоянный приток свободных крестьян из-за Рейна (например, франков).

Обострились противоречия и внутри варварских государств, что также вело к их ослаблению, особенно там, где процесс сближения между основной массой местных труженников и варваров почему-либо был замедлен. Местные труженники нередко выступали против варваров, поскольку варварская знать в союзе с местной создавала свой аппарат социального угнетения, используя рабовладельческие учреждения и остатки родовой организации, которую она превратила в оружие закрепощения. По существу, это была борьба угнетенных (на стороне которых часто оказывалась какая-то часть варваров,

сохранившая и отстаивавшая свободу) против угнетателей (пособниками которых выступали и рядовые варвары).

Положение осложнялось тем, что местная знать и деятели католической церкви, стремясь выторговать для себя побольше прав и привилегий, становились на сторону то одного, то другого варварского племени и натравливали их друг на друга. Отдельные группировки местной провинциальной и муниципальной знати также вели борьбу между собой и привлекали на свою сторону варваров. После падения Западной Римской империи все это привело к осложнению международных отношений.

Рассмотрим развитие их в отдельных регионах.

В этот период в Галлии оседают не только варвары, находившиеся там поначалу на военном постое, но и многочисленные зарейнские племена.

По свидетельству Григория Турского, туда хлынули новые толпы германцев, которые, несмотря на то, что здесь уже находились их соплеменники, набросились на провинции с жадностью своих предшественников. Однако, если раньше не всегда было известно, кто вступает в провинцию — союзник Империи или ее противник, то теперь наступление иноземных врагов стало очевидным, и местные жители в союзе с ранее поселившимися среди них варварами оказывали пришельцам сопротивление, заставляя их вступать в договорные отношения с собою или с королевской властью тех провинций, в которых она существовала.

Галло-римская знать безраздельно господствовала только в двух частях Галлии: в Провинции (позже Прованс), являвшейся частью прежней Нарбоннской провинции (небольшая область к югу от Дюрансы и между Роной и Приморскими Альпами), и на северо-западе Галлии, между Луарой и Сеной. Чтобы сохранить политические позиции, местная знать использовала сопротивление городов и оставшиеся там римские легионы. Своим верховным повелителем она признавала Непота, бежавшего после переворота Ореста в Салону, а после его смерти — византийского императора.

Знать Северо-Западной Галлии сплотилась вокруг Сиагрия (сын Эгидия), проживавшего в своих владениях в Суассоне и собравшего остатки верных Империи отрядов. Поскольку не удалось заручиться поддержкой Византии, знать перестала считаться и с византийским императором. Так, в этой части Галлии возникло в 476 г. государство Сиагрия. В 486 г. предводитель салических франков Хлодвиг, стремившийся сплотить вокруг себя франкские племена, объявил войну Сиагрию. После битвы при Суассоне (486) и поражения Сиагрия, бежавшего к вестготскому королю Алариху, но выданного им и казненного Хлодвигом, эта часть Галлии была захвачена франками. Как об этом можно судить на основании источни-

ков, после смерти Сиагрия регулярные воинские части, сдавшиеся Хлодвигу, некоторое время сохраняли свою организацию и знамена⁷, взамен передав ему местность, которую обязаны были защищать.

Однако, несмотря на поражение Сиагрия и капитуляцию регулярных войск, жители Северо-Западной Галлии оказали франкским завоевателям самое решительное сопротивление. В «Житии Женеьевы» сохранился рассказ об упорном сопротивлении народных масс Парижа (Лютении) франкам. Одна рукопись жития говорит о пятилетнем сопротивлении, остальные — о десятилетнем. Автор жития рассказывает, что парижане десять лет отстаивали город, несмотря на то, что они не могли надеяться на помощь регулярных войск и не имели запасов продовольствия. Даже когда запасы совсем иссякли, горожане не ослабили оборону и послали Женеьеву за помощью и продовольствием в Труа и Арси-на-Обе, поскольку ближайšie к Парижу местности были опустошены завоевателями и не могли им помочь⁸. «Житие Максима» повествует о длительном сопротивлении Вердена⁹. Григорий Турский сохранил свидетельство об упорном сопротивлении жителей Нанта¹⁰.

Такие обстоятельства заставили завоевателей искать союзников среди епископов и идти на определенные уступки местному населению. Все это, как и опасность вторжения саксов, помогло франкам утвердиться в части Галлии.

Подтверждением союза завоевателей с социальной верхушкой галло-римлян и епископами, имевшими в городах большое влияние, явилось принятие тремя тысячами франков христианства по католическому обряду в 496 г.¹¹. В дальнейшем этот шаг сыграл важную роль в завоевании Галлии и в победе франков над другими племенами. Несмотря на этот союз, по свидетельству автора «Жития Ремигия», франкам понадобилось пять лет, чтобы границы их владений достигли Сены¹². Несомненно, это связано с упорным сопротивлением народных масс, поскольку организованного противодействия воинских частей не было.

Григорий Турский пишет, что когда жители Нанта успешно выдержали двухмесячную осаду саксов и те отошли от города, франки заключили с горожанами союз против саксов¹³.

⁷ Procop. Caesarien. Bellum Gothicum, I, 12, 17—19.

⁸ Vita S. Genovefae. MGH Script. rer. Merov., III, p. 204—238. Acta Sanctorum. Bolland., 3 Januar., I, p. 143—147.

⁹ Vita Maximini. M. Bouquet. Rerum Gallicarum et Franc. scriptorum, vol. III. Paris, 1869, p. 393

¹⁰ Gregor. Turon. De gloria martyrum, I, 59.

¹¹ Gregor. Turon. Hist., II, 31.

¹² Vita S. Remigii. Acta Sanctorum. Bolland., I, Oktober.

¹³ Gregor. Turon. De gloria martyrum, I, 59.

Из рассказа Прокопия Кесарийского известно, что франки не могли одолеть арборихов силой и поэтому сочли их достойными товарищами и породнились с ними. Трудно судить, кого Прокопий называет арборихами: армориканцев вообще (жителей области между Сеной и Луарой), жителей полуострова Арморика (Бретань) или аборигенов (местных жителей вообще, галло-римлян). Возможно, что ко времени Прокопия союз, заключенный между жителями полуострова Арморики и франками для совместной борьбы против саксов, и обусловленный сопротивлением армориканцев, союз франков с их определенной частью, рассматривался как единый факт¹⁴.

Во всяком случае, известно, что епископы Галлии стали союзниками франкского короля Хлодвига в его завоевательных походах против вестготов и бургундов.

В Юго-Восточной Галлии расширили свои владения бургунды. Уже в 475 г. они овладели долиной Роны и Провинцией, которую в 480 г. завоевали вестготы. Но в 494 г. она вновь оказалась в руках бургундов, которые владели ею до 500 г.

В этой части Галлии роль бургундов была двойственной. Они выступали союзниками народного ополчения Оверни, противостоявшего вестготам, и народных масс верхнего бассейна Рейна, боровшихся против алеманнов. Но вместе с тем они пытались установить свое господство. Это стремление встречало упорное противодействие местных жителей, свидетельством чего является их сопротивление бургундам под руководством Гилидия¹⁵ и восстание в Вайсоне¹⁶.

Эти обстоятельства заставили бургундскую знать пойти на новые уступки местным жителям, что зафиксировано в Бургундской правде и римском кодексе¹⁷. По той же причине бургундская знать, ранее поддерживавшая четырех сыновей своего прежнего предводителя Гундиоха (Гундобавд, Годагизиль, Хильперих и Гундемар), враждовавших между собой, сплотилась вокруг Гундобавда (при этом Хильперих и Гундемар были убиты, а Годагизиль подчинился Гундобавду) и заключила союз с франками, скрепив его выдачей замуж за Хлодвига Клотильды, племянницы Гундобавда. Это помогло бургундам занять к концу V в. бассейн Роны.

Бургундская знать маскировала свою власть полномочиями, якобы полученными от Империи. Но, как отметил автор одного жития, «тогда короли не обращали внимания на права

¹⁴ Procop. Caesarien. Bellum Gothicum, I, 12, 13—16. Ф. Лот полагает, что Прокопий называл арборихами всех местных жителей Галлии. См.: F. Lot. Naissance de la France. Paris, 1948, p. 15.

¹⁵ Gregor. Turon. Miracula S. Juliani, 7.

¹⁶ Aroff. Sidon. Epist. V. 6 (ad Apollinari).

¹⁷ См.: А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956, с. 285—317 и П. П. Грацианский. Из социально-экономической истории Западно-Европейского средневековья. М., 1960, с. 306—329.

Империи и не думали о верховной власти римского государства, а управляли от своего собственного имени и действовали силою своей личной власти»¹⁸.

Различные титулы и знаки достоинства, которых до 476 г. варварские короли добивались у императора Запада, а после 476 г. у Византии, являлись лишь формой, прикрывавшей новое содержание их власти. Соблюдение этой формы было вызвано рядом причин и в том числе сопротивлением народных масс завоевателям. Принимая старые титулы и знаки достоинства, варварские короли стремились легализовать свою власть, показать себя законными преемниками и полномочными представителями императоров, надеясь этим привлечь на свою сторону местную знать и парализовать народное сопротивление. Кроме того, феодальная политическая настройка создавалась из остатков рабовладельческих и первобытнообщинных институтов. К тому же, между рабовладельческой и феодальной формациями было много общего, что давало возможность использовать старые учреждения для поддержания развивавшихся феодальных порядков.

В Юго-Западной Галлии владения вестготов расширялись. После уступки им Оверни они предприняли поход в Провинцию. Галло-римская знать видела в них силу, способную защищать собственность и привилегии, поэтому ее видные представители — Лев Нарбоннский, Намациан, Лампридий, Эвудий — перешли на службу к вестготскому королю. На этот же путь стал и Аполлинарий Сидоний, который, написав льстивую поэму в честь вестготского короля, добился прощения и возвращения епископской кафедры¹⁹.

В 477 г. вестготские войска вместе с остготской дружиной Видимира²⁰ перевалили за Пиринеи и захватили Пампело (Памплона) и Сарагосу (Цезарь-Августа). Наиболее долго сопротивлялась Барселона, но и она была покорена²¹. В руках вестготского короля оказалась значительная часть Северной Испании. Правда, горные районы остались независимыми и управлялись собственными конвентами, а в Картагенской провинции и Галисии по-прежнему господствовали свевы.

В 480 г. вестготский король овладел Арлем и Массиллей и вскоре распространил свою власть над Провинцией. После этого он напал на франков, проживавших на Ваале, и на бургундов, обитавших к северу от Дюрансы. Таким образом, вестготы стали угрозой для многих соседних племен, а это неминуемо вело к образованию коалиции, направленной против вестготов. Однако на первых порах военные успехи вестготов

¹⁸ Vita S. Treverii. M. Bouquet. Rerum Gallicarum et Francicarum scriptores, III, 1869, p. 411.

¹⁹ Apoll. Sidon. Epist. VIII, 9 (ad Lamprid.), IV, 8 (ad Euodium).

²⁰ Jordan. Getica, § 284.

²¹ Isidorus. Historia Gothorum, 34. MGH AA XI, p. 280.

привели к установлению их гегемонии в Западной и Центральной Европе. В Тулузу или Арль, где обычно находился их король, стекались посланцы саксов, герулов, бургундов, остготов, свевов, вандалов, турингов и франков, чтобы просить дружбы, союза или защиты²².

Усилившись, вестготы почти перестали считаться с интересами местной знати, что выразилось в преследовании католиков в правление Алариха II (484—507) и в сосуществовании двух правовых систем: для вестготов — законов, изданных Теодорихом и Эврихом, а для галло-римлян — римского законодательства и, в частности, Кодекса Феодосия. Такое положение оказалось на руку франкам, которые использовали противоречия между вестготами и галло-римлянами.

В романизованной Африке создалась благоприятная обстановка для укрепления вандалского государства. Другие германские племена не претендовали на занятую ими территорию. Одоакр не требовал ни денег, ни продовольствия. Византия заключила мир. Сложилась обстановка для улучшения отношений между вандалами и местными жителями. Однако вандалская знать, подстрекаемая арианскими епископами, продолжала преследовать католиков. Если раньше это в какой-то мере оправдывалось интересами внешней безопасности, то в новых условиях диктовалось только интересами знати, живущей за счет грабежа, и епископов, стремившихся завладеть богатствами католической церкви. Этой политике следовал и сын Гензейриха, Гуннерих (477—484).

По свидетельству Виктора Тунунского, в 479 г. Гуннерих организовал преследование католиков и подверг гонениям и ссылке не только служителей католической церкви, но монахов и мирян. Пыткам были подвергнуты четыре тысячи католиков, у многих из них вырвали языки²³.

В 483 г. 4966 мирян и духовных лиц были сосланы в пустыни Сахары. Тех, что не мог идти, тянули за ноги, пока они не умирали, а отстававших добивали мечами и камнями²⁴. На дорогах в Сахару до сих пор сохранилось много памятников с надписями, рассказывающими о жертвах вандалских преследований²⁵.

В Типасе (колония в Приморской Мавритании) вандалы организовали жестокую расправу над теми жителями, кото-

---

²² Appoll. Sidon. Epist. VIII, 9 (ad Lamprid.); Cassiodorus. *Variae*, III, 3.

²³ *Victoris Tonnennensis. Chronica*, an. 479. MGH AA XI, p. 189. Hugnericus... sed et monachos atque laicos quattuor circiter milia exiliis durioribus relegat et confessores ac martyres facit confessoribusque linguas abscidit.

²⁴ *Vict. Vit. Hist. persecutionis*, II, 31—33.

²⁵ O. Fiebiger—L. Schmidt. *Inscriptionensammlung zur Geschichte der Ostgerm. Denschrift. der Akad. d. Wiss. in Wien. Phil. hist. Kl. t. 40, 1917, Abh. 3, S. 32.*

рые не сумели бежать к мавританским племенам или в Испанию. Католикам, а ими были почти все жители Типасы, они отрезали правые руки и вырывали языки²⁶. Виктор Витенский, характеризуя положение африкано-римлян в период вандалского господства, писал: «Ты, Павел, посмотри злодеяния ариан: твои сыновья ходят в рабстве»²⁷.

Вследствие политики террора в стране началась разруха, свирепствовали голод и эпидемии, связанные с прекращением нормальной хозяйственной жизни. Страна, которая до вандалского вторжения, по словам неизвестного автора «Полного описания вселенной и народов» и Сальвина, была настолько богата, что снабжала продовольствием все части мира²⁸, теперь стала нищей, разоренной, истерзанной. Виктор Витенский рассказывает о положении страны: «Там и тут, по всем дорогам брели вперемежку, напоминая похоронные процессии, группы молодых людей и старцев, юношей и девушек, детей. Эти несчастные владели жалкую жизнь в окрестностях крепостей, населенных пунктов и городов... Они разбрелись по полям и дремучим лесам и вырывали друг у друга пучки высохшей травы или пожелтевшие листья... Горы и холмы, площади, улицы и дороги являли собой одно огромное кладбище жертв голода»²⁹.

Положение тружеников было невыносимым. Вандалы до чиста ограбили их. Часть отправили в шахты и каменоломни³⁰, часть — в Корсику на лесоразработки³¹. Уделяя большое внимание строительству флота, необходимого для пиратских набегов, которые приносили значительные доходы, вандалы мало заботились о развитии сельского хозяйства.

В стране возникла острая нехватка продовольствия и одежды. В поисках выхода, правительство Гуннериха изгнало из Карфагена бедноту³². Многие из них умерли от голода и холода в пустынях, куда они были высланы, или в пещерах, где скрывались от террора³³.

Спасаясь от террора, африкано-римляне бежали в горы и пограничные районы, надеясь найти пристанище или защиту у мавритано-берберов, что способствовало усилению этих племен.

---

²⁶ Marcellini V. C. Comitibus Chronicon, an. 484. MGH AA XI. p. 92. Aeneas Gazaecus. In Theophrasto. Biblioth. Patrum, t. VIII, p. 664, 665. Gregor. Magnus. Dialog., 3, 32.

²⁷ Vict. Vit. Hist. persecutionis, III, 69.

²⁸ Salvia n. De gubern. Dei, VII, 14. Ego plus addo tam divitem quondam Africam fuisse, ut mihi copia negotiationis suae non suos tantum sed etiam mundi thesauros videatur implese.

²⁹ Vict. Vit. Hist. persecutionis, II, 31—33.

³⁰ Ibidem, III, 17.

³¹ Ibidem, III, 68.

³² Ibidem, III, 60.

³³ Ibidem, III, 52.

3. Остготы и Византия в 70—80-е годы V века. После распада гуннского военно-племенного союза остготская знать пошла на союз с Византией и получила разрешение поселиться в Паннонии. Заняв ее, остготы выдавали себя одновременно и за покровителей соседних племен и за защитников от них Византии, находя при этом поводы грабить обе стороны.

В правление императора Зинона (474—491) позиции остготов на Балканском полуострове окрепли и их роль в политической жизни Византии возросла.

Зинон вел сложную игру с предводителями двух остготских дружин — Теодорихом Амалом и Теодорихом Триарием, пытаясь использовать противоречия между ними для превращения остготов в орудие своей политики. Однако в 479 г. оба Теодориха помирились и предъявили Византии непомерные требования.

Тогда Зинон объявил им войну.

Малх свидетельствует о популярности этой войны среди византийцев. «Воины до такой степени желали показать себя, что те из них, которые раньше откупались от участия в походе, теперь давали деньги на разрешение участвовать в нем»³⁴. Это решило исход войны — дружина Теодориха Амала, наступавшая на Константинополь, была отброшена.

Окрыленный этой победой, константинопольский гарнизон решил высказать свое недовольство политикой правительства³⁵. Опасаясь восстания воинов, правительство вывело их из столицы и снова стало заигрывать с остготскими предводителями, которые решили использовать создавшееся положение для установления собственного политического господства. Теодорих Триарий предпринял наступление на Константинополь, выдвинув предлогом защиту города и императора, а Теодорих Амал грабил Фракию, уведя весь скот и убивая земледельцев³⁶.

Вместо того, чтобы организовать решительный отпор остготам, византийское правительство пошло на уступки одной из дружин, пообещав ее предводителю, Теодориху Триарию, пост военачальника и продовольствие для 13 тысяч воинов. Тогда горожане начали брать дело обороны в свои руки. Так, жители Фессалоники свергли статуи Зинона, арестовали епарха, избрали из своей среды полководца и сами организовали защиту города. Остготы даже побоялись его осаждать³⁷.

Византийское правительство оказалось в затруднении: в столице в ряде городов усиливалось недовольство его политикой и назревала социальная опасность, дружина Теодориха Триария наступала на Константинополь, а дружина Теодори-

³⁴ Malchus Philadelphensis. *Fragm.* 16. FHG IV, p. 124.

³⁵ *Ibidem.*

³⁶ *Ibidem*, *fragm.* 19, p. 131, *fragm.* 17, p. 124.

³⁷ *Ibidem*, *fragm.* 18, p. 125.

ха Амала, ограбив Фракию, двинулась в Новый Эпир. Правительство начало искать силы, которые можно было бы противопоставить и социальной опасности, и остготам.

Соседями Византии в Подунавье были скиры и гепиды, алеманны и руги. Их можно было призвать для борьбы с остготами. Но это казалось рискованным: среди труженников Империи было много выходцев из соседних племен, и появление вспомогательных войск, состоящих из их соплеменников, могло усилить социальную опасность. Приходилось рассчитывать на помощь более отдаленных племен, выходцев из которых не было среди местного населения.

В поисках новых и надежных союзников византийское правительство обратилось к булгарам. Об этом Иоанн Антиохийский сообщает так: «Два Теодориха снова приводили в смятение дела ромеев и опустошали города близ Фракии, вынудив Зинона в первый раз склониться к союзу с так называемыми булгарами»³⁸. В следующем отрывке хронист рассказывает о победе Теодориха Триария над гуннами и его неудачных попытках захватить Константинополь. Сторонники теории гуннского происхождения булгар объединяют оба эти отрывка и говорят о тождестве наименований «гунны» и «булгары», что противоречит смыслу рассказа Иоанна Антиохийского, который утверждал, что Византия впервые стала на путь союза с булгарами. О гуннах этого нельзя было сказать, так как Византия не раз прибегала к их помощи.

Анализ приведенных Иоанном Антиохийским фактов и событий того времени дает основание утверждать, что союз с булгарами был заключен летом 479 г., поскольку осенью того же года, после победы византийцев над остготами возле Кандавии (западнее Орхидского озера) необходимость в их помощи отпала. Вероятнее всего, были приглашены булгары из Средне-Дунайской низменности, поскольку только оттуда они могли так быстро прийти на помощь через Бононию (Видин), Наис, Стоби — на Лихнид (Охриду), где сосредоточивались силы для борьбы против остготов. Это нашло свое отражение в глоссе к тексту болгарского перевода хроники Константина Манасии, утверждающей о том, что булгары, появившись на Дунае в 475 г., перешли реку у Видина и начали занимать сначала землю Орхидскую, а затем и остальную³⁹.

Остготы Теодориха Триария были разбиты византийцами дважды: под стенами Константинополя и при попытке пере-

³⁸ Ioannes Antiocheus. *Fragm.* 211 (4). FHG IV, p. 619.

³⁹ «Премудрого Манасии летописца, собрание летоно». Государственный Исторический музей СССР. Синод. рукопись № 38, лист 78. См.: В. Т. Сиротенко. Две болгарские глоссы в свете письменных источников. УЗ ПГУ № 117, 1964, с. 77, 88, 91 (фотокопии листов с глоссами); В. Т. Сиротенко. Письменные свидетельства о булгарах IV—VI вв. в свете современных им исторических событий. Славяно-балканские исследования. АН СССР. М., 1972, с. 195—218.

правиться в Вифинию, после чего оставшиеся 30 тысяч человек направились в Грецию. Их предводитель погиб в 481 г., а сменивший его Рекитак, поглощенный борьбой со своими опекунами, не был опасен Византии⁴⁰.

Остготы Теодориха Амала были разбиты в 479 г. в битве у Кандавии и в 483 г. пошли на союз с императором Зиноном, получив для постоя прибрежную Дакию с частью Нижней Мёзии⁴¹.

На несколько лет остготы вновь стали надежной карательной силой в руках императора.

Зинон даже пригласил Теодориха Амала в Константинополь, устроил ему пышный прием, дал звание магистра византийских войск во Фракии и звание консула на 484 год. Казна оплатила все расходы Теодориха. Была поставлена бронзовая статуя, изображавшая его на коне. Такие почести воздавались только цезарям.

Остготы жили за счет местных жителей. Но прибавочного продукта явно не хватало, чтобы прокормить 200 тысяч человек. Остготы отбирали и необходимый продукт, что вызывало постоянные столкновения между ними и земледельцами. Когда местность была окончательно разорена, остготы послали ходоков к Теодориху Амалу с требованием, чтобы добился предоставления земли, которая бы их кормила.

Теодорих Амал оставил Константинополь и отправился в Новес. Там он собрал большой отряд и двинулся с ним на Константинополь, разоряя местных жителей⁴². Подойдя к Мелантиаде, где находилась летняя резиденция императора, Теодорих потребовал разрешения на завоевание Италии⁴³.

Возможно, что и Зинон вынашивал подобный план: остготская помощь против Илла и Леонтия, выступивших против него, уже не требовалась (в 488 г., после пятилетней осады, крепость Папарии в Исаврии была взята и их казнили), а пребывание остготов на Балканах стало опасным⁴⁴. Главное же заключалось в том, что остготы восстановили против себя и местных жителей, и соседние племена. Соотношение сил оказалось явно не в пользу остготов. Их попытка установить свое господство вызывала всеобщее сопротивление. Вынужденные

⁴⁰ *Ioannes Antiocheus. Fragm. 211 (5). FHG IV, p. 619, 620.*

⁴¹ *Marcellini V. C. Comit. Chronicon, an. 483. MGH AA XI, p. 92.*

⁴² *Ibidem, an. 487, p. 93.*

⁴³ *Iordan. Getica, § 291, 292.*

⁴⁴ П. Виллари и Ф. Лот считают поход остготов в Италию следствием лишь интриг Зинона. А. Джонс придерживается того же мнения и не связывает причин похода с исторической обстановкой и положением, в котором оказались остготы на Балканах (*P. Villari. Le invasioni barbariche in Italia. Milano, 1901, p. 138; F. Lot. Les invasions germaniques. Paris, 1935, p. 136—139; A. H. M. Jones. The later Roman Empire. Vol. I, Oxford, 1964, p. 225*).

искать страну, где соотношение сил могло сложиться в их пользу, остготы двинулись в Италию⁴⁵.

4. Остготское завоевание Италии. Осенью 488 г. в долине Савы у реки Улька булгары и гепиды преградили остготам путь в Италию⁴⁶. В завязавшейся битве победили остготы. При этом погиб король гепидов Трапстида и король булгаров Бузан⁴⁷.

Остготы не встретили поддержки и среди жителей Далмации. Пассивное сопротивление остготам выразилось в том, что исчезли все суда и остготы не могли переправиться в Италию. Это дало возможность Одоакру подготовиться к обороне.

Города Северной Италии по-разному отнеслись к новому вторжению. Жители тех городов, где имелись сильные гарнизоны, оказали упорное сопротивление. Некоторые же завязали мирные переговоры и открывали ворота чужеземцам. Многие епископы (в Милане — Лаврентий, в Павии — Епифаний) выступили инициаторами мирных переговоров.

Война продолжалась три года. Сначала несколько побед одержали остготы, но затем они начали терпеть поражения, а примкнувшие к ним во главе с Туфой герулы перешли на сторону Одоакра. Тогда Теодорих приказал перебить всех герулов в гарнизонах Северной Италии. Часть рогов, находившаяся в лагере Теодориха, во главе с Фредериком, также перешла на сторону Одоакра. Бургундский король Гундобавд также привел ему на помощь войска. Но вступив в Италию, бургунды вели себя не лучше прочих завоевателей, а отступая ограбили жителей и увели много пленных⁴⁸.

Однако вскоре на помощь остготам пришли вестготы, и они возобновили наступление.

Осада Равенны продолжалась два с половиной года, что свидетельствует об упорном сопротивлении не только гарнизона, но и горожан.

Римский сенат сначала придерживался нейтралитета, а затем склонился на сторону Теодора Амала, как более сильного⁴⁹. Фактический глава сената Фавст Нигер возглавил по-

---

⁴⁵ По мнению Прокопия, в Италию проследовало 200 тысяч воинов: Procopius *Caesarien. Bellum Gothicum*, III, 4, 12; III, 21, 4. О численности и этническом составе переселенцев см.: З. В. Удадьцова. Италия и Византия в VI в. М., 1959, с. 7—8; О. Л. Вайнштейн. Этническая основа так называемых государств Одоакра и Теодориха. «Историк-марксист», № 6, 1938, с. 134—156.

⁴⁶ Ennodius. *Panegyri. Theod.*, VII, 28—30. MGH AA VII, p. 205.

⁴⁷ Paulus Diaconus. *Historia Romana*, XV, 11. MGH AA II, p. 214.

⁴⁸ Позже, в 496 г., по поручению Теодориха епископ Епифаний отправился к бургундам хлопотать о выкупе пленных, которых было больше 6 тысяч человек. Только в Люне он выкупил 400 пленных. См.: Ennodius. *Vita Epiphani.*, 138. MGH AA VII, p. 101.

⁴⁹ O. Bertolini. *L'aristocrazia senatoria e il senato di Rome. Atti del I Congr. Nazion. di studi romani*, 1929, t. I, p. 462—465.

сольство в Византию, чтобы добиваться для Теодориха титула короля римлян и варваров Италии.

Борьба между сторонниками Одоакра и Теодориха прекратилась после заключения мира, по которому они разделили между собой управление Италии. Через десять дней, 15 марта 493 г., Теодорих предательски приказал убить Одоакра, его сына и свиту. По рассказу Иоанна Антиохийского, когда напавшие на Одоакра убийцы струсили, Теодорих сам рассек Одоакра мечом⁵⁰.

Характер и последствия завоевания определялся уровнем развития производительных сил итало-римлян и теми производственными отношениями, которые сложились в стране и среди остготов. Хотя остготы поселились в Италии целым племенем, они больше были подготовлены к тому, чтобы воспринять влияние итало-римлян, чем оказать на них свое.

В сущности остготы испытывали римское влияние задолго до своего вступления в Италию. Их родовая организация, утратившая свое первоначальное назначение, была поставлена на службу господствующему классу Византии, а их знать, сблизившись с византийской, видела в богатстве и почете, окружавшем византийских магнатов, свой идеал и стремилась занять такое же положение.

Завоевав Италию, остготы, подобно воинам Одоакра, отобрали у местных посессоров треть их владений. Часто это были те же земельные участки, которые до них принадлежали воинам Одоакра.

В дальнейшем отношения между победителями и местным населением основывались на тех же принципах, которые сложились до прихода остготов, хотя остатки их родоплеменного быта оказали на римлян определенное влияние. Италиоримляне и остготы стали соседями, часто совладельцами земельных участков. Причем варвары-завоеватели подчас оказывались завоеванными высшей цивилизацией покоренного ими населения и ассимилировались, так как уровень их социально-экономического и культурного развития был более низким, а сами остготы были слишком малочисленными по отношению к остальной массе населения Италии и еще до вторжения в нее оказались под большим влиянием римских порядков.

5. Отношения между итало-римлянами и остготами. В новом государственном образовании господствующее положение заняла сплотившаяся вокруг короля остготская знать.

Чтобы укрепить свою личную власть, Теодорих стремился привлечь к себе местную знать, которую он к тому же намеревался противопоставить остготской. С помощью видного представителя местной знати Кассиодора Теодорих стремил-

---

⁵⁰ Ioannes Antiocheus. Fragm. 214 (a). FHG V, p. 29.

ся убедить ее, что уступкой части владений она сохранила остальное и приобрела защитников⁵¹.

Свое господство в Италии остготская знать осуществляла через сановников, носивших титулы, возникшие в Римской империи, а в устройстве государства следовала римскому образцу. Как отметил К. Маркс, Теодорих «не только сохранил римскую экономику, законы, магистратуру и т. д., но и обновил их в известной мере»⁵². «При Теодорихе: государственный строй и управление римское; войско готское»⁵³.

Теодорих называл остготов «варварами, состоящими на службе республики»⁵⁴ и, противопоставляя себя другим королям, именовался «доминус романорум»⁵⁵. Он оставил административное деление Италии на два диоцеза с семью провинциями в одном и девятью — в другом. Прежняя провинциальная администрация также сохранилась.

Для содержания огромного королевского двора в Равенне и административных органов в провинциях пришлось сохранить и тщательно разработанную налоговую систему. Не только местные жители, но и остготы облагались всеми видами существовавших ранее прямых и косвенных налогов⁵⁶. Теодорих заявлял, что он стремится оставить все неизменным⁵⁷ и что Рим должен занимать исключительное, привилегированное положение⁵⁸. Но, несмотря на приверженность Теодориха к римским традициям, старые порядки изживали себя и сохранить их было невозможно. В остготском королевстве складывались производственные отношения, отличающиеся от римских, и менялась политическая надстройка.

Остготской знати пришлось считаться с изменениями, которые произошли в Италии до ее вторжения, и приспособляться к сложившимся общественно-экономическим условиям переходной системы, соединившей в себе черты рабовладельческой и феодальной, которые переплетались самым причудливым образом. Поэтому, хотя номинально прежние учреждения и должности сохранились, их значение и характер стали иными. Появились и новые должности, которые начали играть первостепенную роль в гражданском управлении (графы, герцоги, военачальники, сайоны). Графы и герцо-

---

⁵¹ Cassiodorus. Variarum, II, 16.

⁵² К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса — Энгельса, 5, 1938, с. 21.

⁵³ Там же, с. 22.

⁵⁴ Edictum Theoderici regis, 32.

⁵⁵ Cassiodorus. Variarum, IX, 21.

⁵⁶ Ibidem, I, 19; IV, 14; V, 14.

⁵⁷ Ibidem, III, 7. Nom majorem laudem de inventis quam de rebus possumus habere custoditis.

⁵⁸ Ibidem, XI, 5 ...cives si quidem omnes fovendi sunt, sed Romani aliquid plus merentur.

ги являлись главными представителями короля в провинциальном управлении. Им принадлежал общий надзор за остготами. Сайоны были дружинниками короля, исполнителями его распоряжений или контролирующими их проведение в жизнь. Опорой королевства была армия, состоявшая исключительно из остготов.

Как уже было сказано, итало-римская знать сохранила в провинциальном управлении и магистратурах свои позиции и административные должности. Из писем Кассиодора вырисовывается картина злоупотреблений местных чиновников, напоминающая рассказы Сальвиана о положении в Галлии в середине V в. Эксакторы и сусцепторы, собиравшие налог, пользовались любым предлогом, чтобы нажиться⁵⁹. Цензаторы и перекваторы, в обязанность которых входила оценка имущества, сваливали бремя подателей на бедных⁶⁰. Курналы, отвечающие за сбор всей суммы налога, были обречены на ограбление фиском. Сумма налога по-прежнему определялась не возможностями налогоплательщиков, а потребностями государства. Кроме того, на ежегодных смотрах всем боеспособным остготам раздавалась донатива — королевский подарок — за счет тех же налогоплательщиков⁶¹.

Поскольку ключевые политические позиции занимала остготская знать, а ее опорой являлась армия, набранная из остготов, народные массы Италии связывали свое тяжелое положение с их господством. Поэтому классовые противоречия выражались в борьбе итало-римлян против остготов.

Были основания и для оппозиционных настроений местной знати, которая в свое время поддерживала остготов, так как надеялась избавиться с их помощью от социальной опасности. Однако оказалось, что опасность сохранилась, а знать, ущемленная в правах и привилегиях, не получила освобождения от налогов, чего она тщетно добивалась через сенат.

Всю шестидесятилетнюю историю остготского правления в Италии пронизывает борьба народных масс против их господства. Эдикт Теодориха, обнародованный, вероятно, в 500 г., отразил это в ряде параграфов. Предусматривались, в частности, меры против бегства рабов и колонов (§ 84). § 70-й требует возвращения рабов, бежавших под защиту церкви; 97-й направлен против рабов, колонов и оригинариев, совершивших поджог дома или виллы; 75-й говорит о наказании тому, кто вооружил людей, напал на поместье или виллу, прогнал владельца и захватил имение; 107-й угрожает сожжением на костре тому, кто явится подстрекателем

---

⁵⁹ Ibidem, II, 24; XII, 8, 14.

⁶⁰ Ibidem, V, 14, XI, 10.

⁶¹ Ibidem, V, 26, 27, 36; VIII, 26,

восстания в народе или войске; 125-й требует смертной казни за похищение церковной собственности⁶².

Факты классовых битв запечатлены в письмах и документах, составленных Кассиодором от имени короля. Наиболее острый характер носили классовые бои в Сицилии в 502 и 522 гг.⁶³

Чтобы противостоять социальной опасности, Теодорих начал заигрывать с местной знатью. Он восстановил сенат и курии в их прежнем виде, возложив на них административную и полицейскую власть. Замещение должностей в сенате и куриях, выполнение посольских обязанностей, исполнение должностей квесторов и префектов стало прерогативой только итало-римской знати. Он освободил церковь от податей и сборов и вернул епископам все их привилегии.

В Эдикте Теодориха также запечатлены значительные уступки местной знати. Ее поместья ограждались от незаконного захвата (§ 10); под угрозой смертной казни запрещалось выслушивать вольноотпущенников, оригинариев и рабов, доносящих на своих господ, патронов и их детей. Если собственник имения 30 лет владел куриалом, коллегиагом или рабом, то на них не могли претендовать ни фиск, ни частное лицо (§ 69). Раба любой народности, бежавшего под защиту церкви, закон предписывал возвращать господину (§ 70). Господину разрешалось переселять деревенских рабов и оригинариев из одного владения в другое или продавать и дарить их без земельного участка (§ 142).

Сравнительно высокий уровень имущественного неравенства и социальной дифференциации остготского общества, сложившиеся еще до завоевания Италии, привели к быстрому формированию остготской земельной знати, а союз их короля с местной знатью способствовал укреплению ее позиций и влияния. Поэтому в королевстве установилась диктатура крупных земельных собственников, отчетливо зафиксированная в Эдикте Теодориха.

В королевстве остготов рабовладение не исчезло. Рабы работали не только в сельскохозяйственном, но и в ремесленном производстве⁶⁴.

Сохранение рабства способствовало ухудшению положения тружеников остальных категорий и вызывало острые социальные конфликты. Поэтому крупные земельные (местные и остготские) собственники стали возлагать надежды на Византию, полагая, что ее порядки и сильная императорская власть смогут защитить их классовые интересы.

⁶² Edictum Theoderici regis, § 70, 75, 84, 97, 107, 125.

⁶³ См. об этих восстаниях: З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI в. М., 1959, с. 210.

⁶⁴ См. об этом: З. В. Удальцова. Сельское зависимое население в Италии в VI в. ВДИ, № 3, 1955, с. 85—116.

6. Внешняя политика Остготского королевства. В отличие от Одоакра, который не выделял себя среди варварских королей и не заявлял претензии на господство над ними, Теодорих стремился подчеркнуть свое превосходство, именуя себя «доминус романорум» и «всегда Август». Свой двор в Равенне он устроил по образцу Константинопольского и пытался возродить почетные преимущества Рима перед остальными городами Запада.

Это диктовалось интересами знати. Материальные ресурсы Италии не могли выдержать больших расходов двора на содержание чиновников и армии, на раздачу донативы остготам и хлеба беднякам Рима. Поэтому чиновная знать и король заявили притязания на провинции Галлии и Испании, ссылаясь на то, что прежде они входили в состав Западной Римской империи.

При этом, понимая реальное соотношение сил, Теодорих выдавал себя за проводника византийской политики на Западе и подчеркивал свою лояльность по отношению к императору, а на протесты по поводу присвоения титула «всегда Август» отвечал, что это объясняется только стремлением подражать ему и следовать ему, опережая других королей. Теодорих установил дипломатические отношения не только с Византией⁶⁵, но и с бургундами⁶⁶, вандалами⁶⁷, вестготами⁶⁸, франками, турингами⁶⁹, герулами⁷⁰ и даже с эстами⁷¹, скрепив их узами родства. У франкского короля Хлодвига он взял в жены его сестру Аугофладу. Свою побочную дочь Тевдеготу он выдал замуж за вестготского короля Алариха II, другую — Ариагну — за Сигизмунда, сына бургундского короля Гундобавда, третью — Амаласунту — за вестготского принца Евтариха, находившегося в Испании. Свою сестру Амалафригду он выдал замуж за вандалского короля Тразамунда, а ее дочь Амалабергу — за туринского короля Герминифреда⁷². Посылая в дар коней и оружие, он привлек на свою сторону герульского короля, надеясь использовать его против гепидов, находившихся в Нижней Паннонии⁷³.

В 504 г. Теодорих направил свои войска в Нижнюю Паннонию для захвата Сирмиума, находившегося в руках гепидов. Эти войска под предводительством комита Питция захвати-

⁶⁵ Cassiodorus. *Variarum*, VIII, 1; X, 1, 2, 10, 20, 23.

⁶⁶ *Ibidem* I, 46; III, 2.

⁶⁷ *Ibidem*, V, 43, 44.

⁶⁸ *Ibidem*, III, 1.

⁶⁹ *Ibidem*, II, 41; III, 4.

⁷⁰ *Ibidem*, III, 3; IV, I, 2.

⁷¹ *Ibidem*, V, 2.

⁷² *Anonymi Valesiani pars posterior*, § 63, 68, 70. MGH AA IX, p. 322—324. Jordan. *Getica*, § 296—300.

⁷³ *Ennodius. Panegyrr. Theod.*, XII. MGH AA VII, p. 210.

ли Сирмиум, изгнав оттуда гепидского короля Тразариха и пленив его мать⁷⁴.

Вслед за тем Питция повел остготскую армию против Савиниана, магистра византийской армии в Иллирике, готовившегося тогда к выступлению против дружины Мундона.

По рассказу Иордана, Мундон происходил от каких-то родичей гуниского предводителя Аттилы. Марцеллин Комит выводит его от гетов (под этим именем понимались различные племена, проживающие на той территории, на которой в древности обитали геты), а Малала — от гепидов.

Мундон бежал от гепидов за Дунай и бродил там, в местах необработанных и безлюдных. Там он собрал отовсюду множество «угонщиков скота, грабителей и разбойников, провозгласил себя их королем и, заняв башню Герта на берегу Дуная, возле города Ровный Марг (вероятно, нынешняя Кюрпия), вел дикий разбой и не давал покоя соседним земледельцам»⁷⁵.

Все известные из источников факты о деятельности Мундона, показывают, что его дружина лишь мешала нормальной жизни земледельческого населения и держала его в постоянном страхе.

Против Мундона выступила десятитысячная византийская армия под предводительством Савиниана, в которой в качестве вспомогательных войск находились и болгарские отряды. В поисках спасения Мундон завязал переговоры с остготами и пригласил их на помощь. Остготские войска под предводительством Питция подошли своевременно: Мундон уже находился в отчаянном положении и даже помышлял о капитуляции⁷⁶.

В завязавшемся сражении победили остготы, и Мундон со своей дружиной поступил на службу к Теодориху, а после его смерти в 526 г. перешел к византийскому императору. Его дружина отличилась на Дунае в борьбе против славян и в Константинополе во время кровавого подавления народного восстания «Ника», уничтожив 80 тысяч человек (по Захарии Ритору) или 30 (по Прокопию Кесарийскому)⁷⁷, после чего он принял участие в войне Византии против остготов и пал в битве у Салоны.

Византия в свое время не смогла отвоевать Сирмиум, так как войска были необходимы в Константинополе, где недовольство народа вылилось в грозное восстание, подавленное в 507 г. вооруженной силой⁷⁸. Зато в 508 г., когда остготы

⁷⁴ Jordan. *Getica*, § 300.

⁷⁵ *Ibidem*.

⁷⁶ *Ibidem*, § 301.

⁷⁷ Procopius *Caesariensis*. *Bellum Persicum*, I, 24; Zacharias *Rhetor. Hist. Ecclesiastica*, IX, 14.

⁷⁸ Marcellini *V. C. Comit. Chron.*, an 507. *MGH AA XI*, p. 96.

вмешались в войну между вестготами и франками, Византия направила к берегам Италии сто кораблей с восемью тысячами солдат, которые разорили Тарент и опустошили юго-восточное побережье страны. Марцеллин Комит, рассказывая об этой экспедиции, назвал ее «бесчестной победой, одержанной пиратским способом»⁷⁹. Вмешательство Теодориха в войну между вестготами и франками было вызвано его опасением усиления одного из этих королевств⁸⁰ и стремлением овладеть южными провинциями Галлии.

В 506 г. франки под предводительством Хлодвига разбили вестготов в битве у Вулье, близ Пиктавы (Пуатье). По словам Григория Турского, «многие в Галлии желали господства франков», а некоторые гальские епископы задолго до войны были сосланы вестготами (или бежали, боясь преследований) за сношения с франками⁸¹.

В битве у Вулье погиб и вестготский король Аларих II, а его сын Амаларих бежал в Испанию, где в значительной части господствовали вестготы. Хлодвиг вошел в Тулузу, где овладел сокровищами вестготов.

В 508 г. в войну вмешался остготский король. Он послал в Галлию войска, оккупировавшие южное побережье Средиземного моря, Провинцию, чем заставил франков снять осаду Каркасоны и уйти за Рону.

Теодорих возвел на вестготский престол своего внука Амалариха (507—531), объявил себя его опекуном, а сокровища, находившиеся в Каркасоне, вывез в Равенну.

Оккупированные провинции Южной Галлии попали в прямую зависимость от остготского двора. Там остались остготские гарнизоны, а в города были назначены префекты⁸².

Успешное осуществление великодержавных планов остготского королевства привело к обострению его отношений с соседями — Византией, бургундским и франкским королевствами, а внутри страны — к усилению военной и провинциальной феодализирующей знати. Особое значение приобрели комиты — командующие пограничными военными округами, поскольку они руководили формированием и подготовкой сил, необходимых для реализации внешнеполитических планов. Это вызвало рост оппозиционных настроений итало-римской знати, теряющей вместе с падением значения сената и провинциальных органов управления свои прежние позиции, а следовательно, и к ослаблению Остготского королевства, что развязало руки его внутренним и внешним врагам.

⁷⁹ Ibidem, an. 508, p. 97.

⁸⁰ Cassiodorus. Variarum, III, 1, 3.

⁸¹ Gregor. Turon. Hist. II, 37.

⁸² H. Zeis. Nordgrence des Ostgotenreiches. «Germania», 12, 1928, S. 25.

Все эти факторы, и особенно враждебные отношения между остготами и народными массами Италии, в конечном счете привели к победе Византии и гибели Остготского королевства.

7. Международные отношения в Галлии и Испании в конце V — начале VI века. В Галлии великодержавная политика остготского короля привела к сплочению сил, противоборствующих ей, что могло осуществиться лишь на основе улучшения отношений между галло-римлянами и поселившимися среди них варварскими племенами.

Франкская знать, которая опасалась остготов и вестготов, и готовилась к борьбе с ними, предприняла меры, направленные на дальнейшее сближение с местной знатью. Как уже говорилось, она не только сохранила союзные отношения с армориканцами, установленные для совместной борьбы против саксов, но приняла в 496 г. христианство по католическому обряду, чем обеспечила себе поддержку католических епископов в войнах с бургуидами, вестготами и алеманнами.

На Рейне франки потеснили алеманнов, одна часть которых бежала на правый берег Рейна, другая — к остготам в Италию.

В 500 г. франки предприняли наступление против бургунов, используя внутреннюю борьбу между сторонниками Гундобавда и Годагизила и обращение последнего за помощью к Хлодвигу.

Гундобавд, получив известие о наступлении франков, призвал Годагизила на помощь. Три армии сошлись у крепости Дижон, где армия Годагизила перешла на сторону франков и помогла им разгромить Гундобавда, который с остатками своей армии едва спасся в крепости Авиньон. Преследуя Гундобавда, франки осадили Авиньон, но не смогли его взять, и добившись от Гундобавда обещания ежегодной дани, отступили.

Вскоре Гундобавд (хронист Иоанн Биклярский называет его Гундобагаудом) восстановил армию, отказался платить дань франкам и победил Годагизила, находившегося в Виенне⁸³. Понимая, что для противоборства франкам нужна поддержка местных жителей или хотя бы их влиятельной части, Гундобавд пошел на новые уступки. Он пересмотрел содержание Бургундской правды и, вероятно, в это время издал римский кодекс для местных жителей (они названы в бургундских документах римлянами). По новым законам разрешались браки между римлянами и бургундами, земля римлян ограждалась от захватов бургундами, за нарушение владельческих прав римлян и бургундов устанавливались одинаково строгие наказания, причем некоторые из них (например, казнь за кражу крупного рогатого скота и лошади)

---

⁸³ Gregor. Turon. Hist. II, 32, 33.

в одинаковой мере относилась и к римлянам, и к бургундам. Система санкций Бургундской правды во многом напоминает собою позднеримское законодательство.

Бургундская правда одинаково делила свободных бургундов и галло-римлян на три социальные группы: знатных, свободных среднего разряда и свободных низшего разряда, и защищала их имущественные права. Она сдерживала незаконные притязания на галло-римские земельные владения как бургундской знати, так и рядовых свободных бургундов⁸⁴.

Хотя благодаря подобным уступкам взаимоотношения бургундов с местными жителями улучшились, противоречия между ними остались. Это выражалось в том, что бургунды были арианами, а местные жители — католиками. Франкские короли использовали эти противоречия.

После победы над Гундобавдом Хлодвиг начал войну против вестготов.

Накануне войны вестготский король, понимая неизбежность столкновения с франками, попытался заручиться поддержкой местной знати. Он обнародовал служебник, составленный при участии католических епископов, а в 506 г. предоставил католическому духовенству право проведения собраний. Были предприняты и другие шаги, направленные на облегчение сосуществования вестготов и местных жителей. Однако вестготы, подобно бургундам, были арианами. Это имело своим следствием дружественное расположение католических епископов вестготского королевства к франкским завоевателям.

В 507 г. франки двинулись против вестготов. Некоторые местные жители, особенно католические епископы, были на стороне франков, иные, напротив, выступали против них и поддерживали вестготов. Из рассказа Григория Турского известно, что жители Родеца упрекали своего епископа Квинтиняна в желании подчиниться франкам⁸⁵. В то же время много овернцев во главе с сыном Аполлинария Сидония выступили против франков, забыв на время свою вражду с вестготами⁸⁶.

В битве на полях Вугле, в 15 км. от Пиктавы (Пуатье), франки одержали победу и раздвинули границы своих владений до земель бургундов.

Тогда в войну вмешались остготы. Посланные Теодорихом войска под предводительством Иббы оккупировали берег Средиземного моря, Нарбоннскую провинцию и до смерти Теодориха (526) управляли ими от имени вестготского короля Амалариха.

---

⁸⁴ *Leges Burgundionum*, LIV, § 1, 2.

⁸⁵ *Gregor. Turon. Hist.* II, 35.

⁸⁶ *Ibidem*, II, 37.

Тем временем Хлодвиг покорил ряд франкских племен, управлявшихся королями, и, по свидетельству Григория Турского, подчинил своей власти всю Галлию⁸⁷.

Византийский император санкционировал эти завоевания присылкой Хлодвигу в Париж, ставший резиденцией франкских королей, пурпурной туники и хламиды⁸⁸. Вероятно, Хлодвиг получил от императора и титул проконсула, упоминаемый в прологе к Салической правде, а по Григорию Турскому — титул консула.

Преемники Хлодвига совершили три похода в бургундские владения и в 534 г. заняли их, а во время двадцатилетней войны между Византией и остготами (535—555) овладели Нарбоннской провинцией и северной частью Реции. Часть Нарбоннской провинции, получившая название Септимании, осталась в руках вестготского короля, сохранившего владения в Испании и расширившего их в VI—VII вв.

После поражения в войне с франками вестготы направили свои усилия на покорение Испании, которая в конце V — начале VI в. состояла из ряда независимых и не связанных друг с другом провинций. Бетика осталась под управлением местной знати. На северо-западе страны по-прежнему существовало королевство свевов. В областях Овиедо, Леона, Паленсии, Саморы, Астурики, Эстремадуры, Контабры и баскских поселений местные жители продолжали отстаивать независимость. После падения Западной Римской империи в этих областях особое значение приобрели местные общины и возглавлявшие их конвенты, являвшиеся и органами самоуправления, и организаторами народного сопротивления завоевателям.

Вестготское господство сохранилось только в Тарраконской провинции, где в начале второй половины V в. Западная Римская империя силами вестготов подавила тарраконских багаудов, части Картахены и Лузитании. В остальных местностях, ранее завоеванных вестготами, оно кончилось вместе с уходом их отрядов в Галлию, где они воевали против овернцев и участвовали в других кампаниях вестготских королей.

В первой четверти VI в. начался новый период вестготских завоеваний в Испании, длившийся до середины VI в.

Письменные источники зафиксировали упорное сопротивление народных масс, главным образом тружеников городов и деревень, названных ими плебсом (народом) и рустиками (крестьянами). Оккупация той или иной области приводила, как засвидетельствовал Иоанн Биклярский для Ороспеды⁸⁹, ко всеобщему восстанию крестьян. Чтобы сломить их сопро-

⁸⁷ Ibidem, II, 42.

⁸⁸ Ibidem, II, 38.

⁸⁹ *Iohannis Biclarensis. Chronica*, an. 577. MGH AA XI, p. 215.

тивление, вестготы шли на союз с местной знатью, возвращая ей ранее захваченные земли и осыпая ее представителей чинами и званиями, или приглашали византийские войска, которые затем, несмотря на большие усилия, не смогли удалиться из Испании. В 587 г. они приняли католицизм, объявив при этом арианство ересью.

Несмотря на это баски, рутены, астуры и жители целого ряда горных областей упорно отстаивали свою независимость⁹⁰. Вестготы, почти ежегодно предпринимавшие против них военные походы, завоевывая отдельные города и крепости, могли удержать их только силой. Лишь в первой половине VII в. в союзе с местной знатью вестготам удалось установить свою власть в большей части Испании. Следует, однако, отметить, что, когда в 709 г. в страну вторглись арабы, народные массы, независимые от этнической принадлежности, оказали сопротивление новым завоевателям.

Процессы социальной дифференциации среди вестготов и борьба народных масс против крупных землевладельцев (сеньоров, как их именовали вестготы, или потенциоров — посессоров, сенаторов — как их называли испано-римляне), а также совместное сопротивление арабским завоевателям в VIII в. способствовали сближению вестготов с местными жителями. Как это произошло и в большинстве других римских провинций, «побежденное население, крестьяне и горожане, ассимилировали победителя — германского властелина»⁹¹.

8. Борьба народных масс романизированной Африки против вандалов и наступление мавритано-берберов в конце V — начале VI века. Политическая обстановка, сложившаяся в романизированной Африке после переворота Одоакра, не изменилась и после завоевания Италии остготами, которые, несмотря на свои великодержавные притязания, не предъявляли претензий на Африку. Однако вандальская знать не отказалась от военно-арианского террора и не пошла на сближение с местными жителями. Даже предатели из местной знати, верно служившие ей и отличавшиеся особой жестокостью в обращении с африкано-римлянами и католиками, не получили прежних привилегий. Отношения вандалов с соседними мавритано-берберскими племенами внутренних горных и пограничных районов резко ухудшились, так как вследствие своего внутреннего развития и притока родственного им романизированного населения, спасавшегося от вандальского террора, эти племена значительно усилились.

⁹⁰ Isidorus Hispalensis. Hist. Gothorum, 54, 59, 61, 62, 63.

⁹¹ Ф. Энгельс. О разложении феодализма и возникновении национальных государств. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, изд. 2, с. 409.

Поскольку основная масса вандалов вела паразитический образ жизни, местное население видело в них врагов и эксплуататоров.

К тому же процесс разложения первобытно-общинного строя пачался у вандалов задолго до их прихода в Африку. В течение жизни четырех поколений они были федератами Римской империи в Паннонии, и римские порядки оказали на них огромное влияние. Землю, отнятую у местных жителей Проконсульской Африки, как и императорские владения, они разделили как наследственную собственность. Их поселение в стране не привело к распространению маркового строя и, следовательно, они не оказали положительного влияния на развитие поземельных отношений. Вследствие этого вандалы не были сплочены настолько, чтобы их основная масса могла противостоять притеснениям со стороны более сильных, более богатых, выдвинувшихся из их же среды. Положение завоевателей и эксплуататоров, объединяя их, в то же время порождало между ними противоречия и отделяло их от основной массы местных жителей.

Часть африкано-римской знати и духовенства, приняв арианство, перешла на службу к вандалам и заняла важные посты в государственном управлении. Однако основная их часть придерживалась старой веры (донатизма, католицизма), а большинство католического духовенства, имевшего влияние среди городских жителей, осталось враждебным вандалам-арианам, грабившим их церкви. Часто выступали против вандалов и многочисленные в романизованной Африке секты, особенно манихеи.

Этим воспользовались соседние мавритано-берберские племена. Их наступление стало успешным в правление Гундериха (477—484). В правление Тразамунда (496—523) они разбили вандалов в Триполитании⁹², а затем в Ситифенской и Цезарейской Мавритании и отчасти в Нумидии⁹³. При Хильдерихе (523—530) мавритано-берберы вытеснили вандалов из Бизацены.

Наступление мавритано-берберов было вызвано развитием у них оседлого земледелия и, следовательно, потребностью в плодородных землях. Этот процесс сопровождался ростом могущества родо-племенной знати, захватившей лучшие земельные угодья. До прихода вандалов внутривозрастные противоречия несколько ослаблялись тем, что часть знати находила себе службу во внутренних и пограничных войсках романизованной Африки. После прихода вандалов этот путь обогащения оказался закрытым.

---

⁹² Procop Caesarien. Bellum Vandalicum, II, 8, 10, 19, 20.

⁹³ Vita Fulgentii, XXIX, 65.

Мавритано-берберская знать понимала, что одолеть вандалов можно только в союзе с африкано-римлянами, и поэтому пошла на уступки, выразившиеся в отношении к африкано-римлянам и в титуловании своих правителей. Предводитель племен Ореса, Мастиес, после переворота Одоакра в Италии провозгласил себя императором и носил этот титул сорок лет. В посвященной ему надписи сказано, что он не совершил клятвопреступления и не нарушил верности ни римлянам (африкано-римлянам), ни маврам⁹⁴. Современник Тразамунда, мавританский правитель Масуна в надписи, относящейся к 508 г., именуется царем мавританских племен и римлян⁹⁵.

Наступательные успехи мавритано-берберов вынуждали вандалских королей искать поддержки у местной знати и идти на некоторые уступки. Так, уже Гуннерих (477—484) по просьбе византийского императора согласился, после 24-летней вакансии, назначить католического епископа Карфагена и, в интересах католических епископов, усилил преследование манихеев⁹⁶. Однако как только внешнеполитическое положение вандалского королевства несколько улучшалось, эти уступки немедленно анулировались и преследования католиков возобновлялись⁹⁷. Тот же Гуннерих приказал всем чиновникам перейти в арианство, а непокорных сослал в Сицилию и Сардинию. Он поставил у дверей католических базилик Карфагена палачей и приказал им скальпировать всех, кто в вандалской одежде осмелится переступить их порог. Эти скальпы носили по городу для устрашения непокорных⁹⁸.

Король Гунтамунд (494—496) вернул карфагенского епископа из ссылки и разрешил католическую церковную службу. С его согласия ученый Фелициан «открыл школу, возвратил Карфагену литературу и объединил на своих лекциях варваров и римлян»⁹⁹. Гунтамунд покровительствовал поэтам, заставляя их прославлять вандалское иго. До нас дошла латинская антология, в которой собраны произведения придворных поэтов вандалского короля. Их авторы старались завуалировать тяжелую действительность¹⁰⁰. Малейшее проявление оппозиции или прославление политических деятелей

⁹⁴ J. Carcopino. Un «empereur» maure inconnu, d'après une inscription latine récemment découverte dans l'Aures. «Revue des Etudes anciennes», t. 46, 1944, p. 94—120.

⁹⁵ CIL VIII, 9835: reg(is) Masunae gent (ium) Maur (orum) et Romanor (um).

⁹⁶ Vict. Vit. Hist. persecut., II, 2.

⁹⁷ G. G. Lapeyre. La politique religieuse des rois vandales. «L'Ancienne église de Carthage», t. 2, 1932, p. 18—151.

⁹⁸ Vict. Vit. Hist. persecut., II, 23. et II, 9.

⁹⁹ Dracontius. Romulea, v. 13. MGH AA XIV, p. 434.

¹⁰⁰ Antologia latina. Rec. A. Riese, fasc. I. Libri Salmasiani Aliorumque carmina. Lipsiae, BT, 1868.

и порядков довандальского периода жестоко каралось. Блосий Эмилий Драконций, поэт большого поэтического дарования, отличающийся начитанностью в римской литературе, вместе с семьей был брошен в тюрьму за похвальные строки в адрес римских императоров. Там он пробыл долгие годы и был настолько сломлен этим, что писал письма, в которых униженно обещал воспеть кровавые подвиги вандалов в случае своего освобождения¹⁰¹.

Дальнейшие наступления мавритано-берберов привели к новым попыткам сближения вандалов с местной знатью. Король Тразамунд (492—523) вызвал из ссылки Фульгенция и поручил ему составить соглашение о примирении между католическими и арианскими епископами. Фульгенций написал полемическое сочинение «Против ариан» и памятную записку Тразамунду, настаивая на переходе ариан в католицизм, что означало и возвращение католической церкви отобранных у нее богатств. Поэтому арианские епископы добились прекращения переговоров и ссылки Фульгенция в Сардинию¹⁰². Тогда Тразамунд решил заручиться поддержкой остготов. Он женился на сестре Теодориха Амалафригиде и получил от него шесть тысяч воинов¹⁰³, чтобы с их помощью противостоять местным жителям¹⁰⁴.

В начале VI в. соотношение сил сложилось явно в пользу мавритано-берберов, опиравшихся на поддержку местных жителей, и вандалское королевство было обречено на гибель. Только рознь между мавритано-берберскими племенами и постоянная опасность, угрожавшая им со стороны кочевников, особенно верблюдоводов, не дававшая возможности бросить все силы против вандалов, помогла им продержаться до 30-х гг. VI в.

В поисках спасения Хильдерих (523—530) даже пошел на союз с Византией и разрешил свободу вероисповедания.

Стремление вандалской знати найти опору в иноземной помощи обнаружило ее слабость. Этим воспользовалась Византия. Когда Гелимер сверг Хильдериха, Византия, объявив себя его защитником, выступила против вандалов, понесла им поражение, уничтожила их королевство, а самих вандалов переселила в диоцез Азию. Однако господство Византии принесло романизованной Африке не меньше бедствий, чем вандалское иго.

Итак, нежелание вандалов считаться с интересами местного населения, в конечном счете, привело к гибели их королевства.

¹⁰¹ Dracontius. Satisfactio, v. 21, 51. MGH AA XIV, p. 114, 116.

¹⁰² G. G. Lapeyre. Saint Fulgence de Ruspe. Paris, 1929.

¹⁰³ Procop. Gaesarien. Bellum Vandalicum, I, 8.

¹⁰⁴ К. Маркс. Хронологические выписки, I. Архив Маркса — Энгельса, т. 5, 1938, с. 23.

9. Международные отношения в Подунавье в конце V — начале VI века. Уход вестготов в Италию (488) облегчил задунайским племенам переселение на Балканский полуостров. Первыми двинулись булгары. За ними последовали славяне.

В 491 г. булгары перешли Дунай и вторглись в Дакию, а затем во Фракию. Дату мы установили путем сопоставления сообщений Марцеллина Комита и Павла Диакона. По рассказу последнего, когда остготы шли в Италию, а булгары опустошали Фракию, в Константинополе возник пожар¹⁰⁵. Если учесть, что, по сообщению Марцеллина Комита, в 491 г. среди византийцев пачалась гражданская война и большая часть Константинополя и цирка были сожжены¹⁰⁶, то можно сделать вывод, что и сообщение Павла Диакона относится к 491 г.

Хроника Марцеллина Комита помогает понять и причины успеха булгар: гражданская война помешала византийскому правительству немедленно бросить военные силы против внешних врагов. У него к тому же могло появиться намерение использовать их внутри страны.

В 499 г. булгары вторглись во Фракию. Против них выступила армия Иллирика, насчитывавшая 15 тысяч воинов и 520 повозок. Битва у реки Тцурты закончилась поражением византийцев, потерявших только убитыми четыре тысячи воинов. «С тех пор, — сказано в хронике, — слава армии Иллирика погибла на веки»¹⁰⁷.

В 502 г. булгары вновь опустошили Фракию. Они не встретили организованного сопротивления, поскольку византийские войска были направлены на подавление восстания в Константинополе и отражение персов, осадивших Амиду¹⁰⁸.

В 504 г. болгарские вспомогательные отряды находились уже в составе византийских войск. Однако их роль при этом не была аналогична роли наемников из гуннов или остготов, так как, выступив против дружины Мундона и остготов, они действовали в интересах местного населения и гелидов, видевших в булгарах своих союзников. Последующие события еще больше сблизили булгар с местным населением.

В этой связи значительный интерес представляют события времен восстания Виталиана (514—515). Личные цели Виталиана не имели ничего общего с интересами народных масс, тогда как только их поддержка могла обеспечить победу. Понимая это, Виталиан пытался привлечь на свою сторону не только солдат, но и все население.

¹⁰⁵ Paulus Diaconus. Hist. Romana, XV, 19, MGH AA II, p. 215.

¹⁰⁶ Marcellini V. C. Comitit. Chronicon, an. 491. MGH AA IX, p. 94.

¹⁰⁷ Ibidem, an. 499, p. 95: ibique Illyriciana virtus militum perit.

¹⁰⁸ Ibidem, an. 502, p. 96.

По рассказу Феофана, «православные, жившие в Скифии, Мёзии и прочих странах, просили Виталиана, начальника федератов, двинуть войско против нечестивого императора»¹⁰⁹. «Он двинулся и истребил многие десятки тысяч воинов, сражавшихся за Анастасия, перехватил все золото, посланное на содержание их, оружие для сражения, продовольствие и тому подобное. Говорят, что в одной битве он поразил 65 тысяч царского войска»¹¹⁰.

Восстание охватило все провинции северной части Балканского полуострова. В нем приняло участие и коренное население, и многочисленные племена, оказавшиеся на положении федератов. Трудно дать точное определение этнического состава участников восстания. Иоанн Малала и Феофан называют примкнувших к восстанию булгарами и гуннами¹¹¹. «Гунны» — носит скорее собирательное значение. Под ним следует понимать множество племен, ранее находившихся под властью гуннов.

Марцеллин Комит говорит о 60 тысячах римских всадников и пехотинцев¹¹². Это свидетельствует о том, что в восстании приняли участие гарнизоны византийских укреплений.

Виктор Тунунский и Захарий Ритор вообще называют участников восстания варварами, чем подчеркивают преобладание пришлых элементов, которые к этому времени являлись составной частью армии и населения Византии¹¹³.

Георгий Монах упоминает гуннов, готов и болгар¹¹⁴. Георгий Кедрин, опираясь, вероятно, на Феофана, говорит о гуннах и булгарах¹¹⁵, Зонара — о мёзийцах и скифах или булгарах¹¹⁶.

Несмотря на некоторые расхождения, большинство писателей указывает на болгар как на основное ядро примкнувших к восстанию.

Массовый характер восстания, участие в нем воинов крепостей Скифии и Мёзии и выходцев из разных племен свидетельствуют о том, что Виталиан сумел использовать внутренние противоречия страны, усугубленные попытками правительства Анастасия (491—518) опереться на часть верхуш-

---

¹⁰⁹ Theophanis Chronographia, I, Bonnae, 1839, p. 242.

¹¹⁰ Ibidem.

¹¹¹ Ibidem, p. 247. Ioannis Malalae Chronographia, XVI, 2. Bonnae, 1831, p. 402.

¹¹² Marcellini V. C. Comitum Chronicon, an. 514. MGH AA XI, p. 98.

¹¹³ Zacharias Rhetor. Hist. Ecclesiastica, XII, 7. Vict. Tonnepensis. Chronica, an. 512. MGH AA XI, p. 194.

¹¹⁴ Georgii Monachi Chronicon, I—II, Ed. C. de Boor, Lipsiae, 1904, p. 619—620.

¹¹⁵ Georgius Cedrenus op. ab I, Bonnae, 1838, p. 632.

¹¹⁶ Ioannis Zonarae. Epitomae historiarum. Bonnae, 1897, p. 137—147.

ки господствующего класса, вышедшей из восточных провинций страны¹¹⁷.

Все это дает основание предположить, что болгары оказались в числе поселенцев Балканского полуострова, и притом не только юго-западнее Видина и в Охриде, но и в других местностях. Вероятно, в период отмеченных нами вторжений происходила и болгарская колонизация Балканского полуострова. Иордан рассказывает о частых вторжениях герулов, гепидов и болгар в первой четверти VI в., о ежедневных набегах болгар, славян и антов в середине VI в.¹¹⁸. Герулы, которых Иордан наряду с болгарями упоминает в числе племен, вторгшихся в Иллирию, в 512 г. поселились в Византии с разрешения императора Анастасия¹¹⁹.

Отсутствие прямых свидетельств источников не дает возможности судить о масштабах болгарской колонизации Балканского полуострова в конце V — начале VI вв. Однако, учитывая сведения об участии болгар в восстании Виталиана, мы считаем правдоподобным добавление переписчика к болгарскому переводу хроники Константина Манассии в рукописи 1345 г.: «При Анастасии цри начаша блъгаре поемати зема сия, пришедше у Бъдыне и прежде начаша поемати долная зема Охридская и потом сия зема вьса»¹²⁰.

Болгары, переселившиеся из Прикаспия в Подунавье в 475 г., были слишком малочисленными, чтобы основать свое королевство. Вероятно, по этой же причине Прокопий, Агафий и Менаандр не упоминают их вторжений, что заставило некоторых исследователей, издавших эти источники, считать болгарями гуннские племена утигуров и кутригуров. Византийские писатели, хорошо знакомые с внешнеполитическими событиями, не дают оснований для этого. Когда Агафий и Менаандр рассказывают об утигурах и кутригурах, они прибавляют к их собственному названию еще и общеплеменное и называют их «кутригурогунны», «утигурогунны». Ничего этого нет при написании писателями IV—VII вв. имени болгары. Кроме того, набеги болгар не совпадали с набегами кутригуров и утигуров ни территориально, ни хронологически. Болгары нападали на Византию за 50 лет до их появления в Подунавье и играли значительную роль и после того, как эти племена были забыты.

Хронист Захарий Ритор, перечисляя племена Прикаспия, называл болгар («бургар») и кутригуров («куртаргар») дву-

¹¹⁷ Ioannis Malalae Chronographia, XVI, 2.

¹¹⁸ Iordanis. Romana. § 363. Illyricumque saepe ab Gerulis Gipedisque et Bulgaris ... § 388. Hi sunt causus Romana rei publica preter instantia cottidiana Bulgarum, Antium et Scavinorum.

¹¹⁹ Marcellini V. C. Comitibus Chronicon, an. 512. MGH AA XI, p. 98.

¹²⁰ В. Т. Сиротенко. Две болгарские глоссы в свете письменных источников V—VI вв. УЗ ПГУ № 117, 1964, с. 73—98.

мя разными народами, подчеркивал, что болгары — народ языческий и варварский, имеющий города и свой особый язык¹²¹. Иордан, упоминая тех и других, отличал болгар от гуннских племен¹²². Вероятно, Прокопий, Агафий и Менандр не рассказали о болгарских набегах потому, что они были менее значительными, чем нападения кутригуров и славян.

Воспользовавшись широкой поддержкой болгар и других федератов, Виталиан захватил провинции Скифию, Фракию, Мёзию, Европу и дошел до Константинополя¹²³. Однако размах восстания напугал его самого. Поэтому Виталиан пошел на соглашение с правительством Анастасия¹²⁴, но, столкнувшись с нарушением договора, вновь выступил против него. Однако на этот раз Виталиан уже не имел такой поддержки. Об этом свидетельствуют и небольшие масштабы военных операций, часто сводившихся к грабежу¹²⁵, и менее массовый характер восстания, что дает основание видеть в нем всего лишь военный мятеж. Но и на этот раз, получив от императора большие подарки и огромный выкуп за пленных, Виталиан примирился с ним¹²⁶.

Вероятно, болгары не приняли участие во втором выступлении Виталиана и к ним не относятся условия соглашения между Виталианом и Анастасием. Это видно из того, что через некоторое время после заключения мира болгары вторглись в страну¹²⁷. Точной даты этого события источники не сохранили.

Почти одновременно с болгарам на Балканский полуостров ворвались геты. В 517 г., по свидетельству Марцеллина Комита, были опустошены обе Македонии и Фессалия, всадники-геты совершали грабежи до Фермопил и границ древнего Эпира¹²⁸.

Кто же такие геты?

И. Радониц в специальной работе утверждает, что под этим именем Марцеллин Комит подразумевает гуннов и болгар¹²⁹. И. Дуйчев отождествляет гетов со славянами, смешав-

¹²¹ Zacharias Rhetor. Hist. Ecclesiastica. XII, 7.

¹²² Jordanis. Romana, § 313, 315, 362, 388.

¹²³ Jean, évêque de Nikiou. Chronique. Paris, 1883, p. 378.

¹²⁴ Marcellini V. C. Comit. Chronicon, an. 514. MGH AA XI, p. 98.

¹²⁵ Theophanis. Chronographia. Bonnae, 1839, p. 248.

¹²⁶ Marcellini V. C. Comit. Chronicon, an. 515. MGH AA XI, p. 99.

¹²⁷ Ioannis Zónaræ Epitome historiarum. Bonnae, 1897, p. 140, 141.

¹²⁸ Marcellini V. C. Comit. Chronicon, an. 517. MGH AA XI, p. 100. duae tunc Macedoniae Thessaliaque vastatae et usque Thermopylas veteremque Epirum Getae equites depraedati sunt.

¹²⁹ И. Радониц. Ко су геты у хроници Комеса Марцеллина? «Глас Српской Акад. наук», IX, 38, 1901, с. 204.

ными с булгарами¹³⁰. Однако ни Радониц, ни Дуйчев для подтверждения выдвинутых ими гипотез не приводят доказательств, основанных на бесспорных свидетельствах источников.

Вероятно, Марцеллин Комит, не зная этнической принадлежности всадников, совершивших нападение в 517 г., назвал их гетами на том основании, что они явились из бывшей провинции Дакии, оставленной римлянами в 271 г., где в старину жили геты. Долгое время здесь жили готы (вестготы), поэтому Клавдий Клавдиан называл их гетами, а Иордан отождествлял историю обоих народов. Но готские племена ушли на Запад (вестготы в 408 г., остготы в 488 г.) Поэтому свидетельство Марцеллина Комита относится к ним не могло.

Некоторую ясность в этот вопрос вносит изучение маршрута движения всадников-гетов. Они явились из-за Дуная. Следовательно, наиболее удобный для них и самый прямой и короткий путь в обе Македонии и Фессалию лежал через Наис и дальше на Скупи, а также через Оескус на Сердику и Стоби. Несомненно, всадники могли двигаться только этими путями. Поэтому можно предположить, что они явились из Средне-Дунайской низменности, из древней провинции Дакии. Описывая совместное выступление булгар с гепидами против остготов в 488 г., мы говорили о нахождении булгар в той области. В 491 г. булгары, вторгшиеся во Фракию, также могли прийти только из Дакии (через Оескус на Филиппополь). Исходя из этих рассуждений, всадники, которых упоминает Марцеллин Комит под именем гетов, могли быть булгарами. Однако Марцеллин Комит хорошо знал булгар и правильно называл их при описании связанных с ними событий 499 и 502 гг. Позже, например в 530 г., он отмечает борьбу византийского полководца Мундона с гетами в Иллирии и булгарами во Фракии¹³¹. Поэтому, несомненно, в хронике Марцеллина Комита геты и булгары не одно и то же этническое название.

Феофилакт Симокатта (начало VII в.) утверждает, что геты — это славяне¹³². В другом месте он подтверждает, что гетами в старину называли славян¹³³. Следовательно, геты, о которых рассказывает Марцеллин Комит в 517 г., это славяне, которые жили тогда в Подунавье по соседству или попеременно с булгарами и падали на обе Македонии из области поселения древних гетов, за что и получили такое

¹³⁰ И. Дуйчев. Балканският югоизток през първа половина на VI в. «Беломорски преглед». София, 1942, с. 234.

¹³¹ Marcellini V. C. Comitis Chronicon, an. 499, 502, 530. MGH LA XI, p. 95, 96, 103.

¹³² Theophylacti Simocattae — Historiarum, III, 4, 7.

¹³³ Ibidem, VII, 2, 5.

название. Почти одновременные вторжения славян и болгар, даже в том случае, когда между ними не было соглашения, обеспечивали им успех, поскольку Византии приходилось расплывать свои силы. Успехи болгар объясняются и тем, что участие в восстании Виталиана сблизило их с местным населением и военными гарнизонами. Зонара прямо утверждает, что болгары не встречали никакого сопротивления со стороны византийских войск¹³⁴. Кроме того, Византия была занята на Востоке, где напрягала все силы, чтобы вернуть Феодосиополь и Амиду, захваченные персами¹³⁵. Непокойно было и внутри страны. В правление Анастасия «поднялось восстание среди народа и, особенно, крестьян»¹³⁶. В столице восставшие пытались свергнуть Анастасия и провозгласить императором Аэробинда. Но восстание приобрело такой размах, что Аэробинд предпочел бежать из Константинополя. Имущие классы охватила паника. Император Анастасий бросил корону и, переодевшись, скрылся из дворца. Восставшие жгли дворцы знати, чинили расправу над представителями господствующей группировки, «рубил серебро топорами и делили его между собой»¹³⁷. При таком положении византийскому правительству было не до организации сопротивления болгарам и славянам.

В годы правления Юстиниана (527—565) вторжения болгар, славян и других задунайских племен также происходили почти одновременно. Иногда болгары и славяне выступали вместе.

Как уже было сказано, в первые годы правления Юстиниана, Иордан отмечает борьбу против герулов, гепидов и болгар¹³⁸, а для середины VI в.— почти ежедневные вторжения болгар, антов и склавинов (славян)¹³⁹. Прокопий Кесарийский также говорит о ежедневных набегах гуннов, славян и антов¹⁴⁰, а Марцеллин Комит — о частых вторжениях гетов (славян) и болгар¹⁴¹.

Эти свидетельства дают основание видеть главную причину успеха болгарских и славянских вторжений в том, что они происходили в период обострившейся внутренней борьбы и в обстановке общего натиска соседних с империей племен.

В 530 г. Византия вела борьбу с болгарскими во Фракии и гетами (славянами) в Иллирии. Об этом у Марцеллина

---

¹³⁴ Ioannes Zonarae. Epitomae Historiarum, Bonnae, 1897, p. 140, 141.

¹³⁵ Ioannis Malalae. Chronographia, XVI, 1.

¹³⁶ Ibidem, XVI, 3.

¹³⁷ Ibidem.

¹³⁸ Jordan. Romana, § 363.

¹³⁹ Ibidem, § 388.

¹⁴⁰ Procop. Caesarien. Historia arcana, XVIII, 17.

¹⁴¹ Marcellini V. C. Comitum Chronicon, an. 517, 530 MGH AA XI, p. 99, 103.

Комита сказано: «Мундон начальник обоих видов иллирийских войск, незадолго до того первым из римских полководцев напал на гетов, рыскавших по Иллирии, и обратил их в бегство. Затем, в это же консульство, тот же полководец, удачливый благодаря своей храбрости, отправился во Фракию, где успешно сразился с грабившими ее булгарами, истребив в бою пятьсот из них»¹⁴².

В 532 г. Хильбудий, наместник во Фракии, получил задание охранять границу по Дунаю и превратить ее в непреодолимую преграду для задунайских племен. Два года Хильбудий успешно сдерживал натиск славян, но в 534 г. он погиб в одной из битв. Славяне и другие племена устремились через Дунай на Балканы.

В 535 г. булгары проникли в Мёзию, но потерпели поражение у Йатры (Янтра)¹⁴³.

Крупное вторжение булгар произошло в 539 г. На этот раз они, вероятно, выступили со славянами. Феофан пишет, что «два предводителя со множеством булгар и друнгом» (так он называл славянские дружины) вторглись в Мёзию и Скифию и дошли до Фракии, где против них выступила иллирийская армия во главе с Акумом и Константином. Битву выиграли византийцы. Булгары отступили к Дунаю. Однако, когда византийцы возвращались, в свой лагерь, булгары вновь напали на них. Византийцы бежали. Булгары поймали арканом обоих полководцев. Константина они отпустили за огромный выкуп, Акума и других пленных увели с собой¹⁴⁴.

В середине VI в. наиболее массовыми стали славянские вторжения, которые привели к колонизации Балканского полуострова. Время этих вторжений, подробно освещенных в советской историографии, выходит за хронологические рамки настоящей работы. Отметим важнейшие из них и их последствия.

Уже в 550 г. славяне наголову разбили византийские войска и подошли к стенам Константинополя¹⁴⁵. В 551 г. произошло новое массовое вторжение славян¹⁴⁶.

Не имея достаточных сил для их отражения, византийское правительство завязало переговоры с кутригурами. Кутригуры предприняли несколько походов по указке Византии, но вскоре пачали вторгаться и в ее пределы, а в 558 г. предприняли попытку захватить Константинополь¹⁴⁷.

¹⁴² Ibidem, an. 530, p. 103.

¹⁴³ Marcellini V. C. Comit. Chronicon. Additamentum, an. 535, § 3. MGH AA XI p. 104.

¹⁴⁴ Theophanis Chronographia, I. Bonnae, p. 339.

¹⁴⁵ Procop. Caesarien. Bellum Gothicum, III, 38.

¹⁴⁶ Ibidem, IV, 25.

¹⁴⁷ Agathiae Myrinaei Historiarum, V, 12.

Предводитель кутригуров Заберган разделил свое войско на три части. Два отряда он послал опустошать Грецию и города Фракийского Херсонеса (Ародимада, Тескос и Киберис), а сам с семью тысячами воинов устремился к Константинополю¹⁴⁸.

Появление кутригуров привело жителей Константинополя в ужас. «По большим улицам можно было наблюдать беспричинное бегство, беспричинную панику и толкание»¹⁴⁹. Император Юстиниан, поддавшись панике, занялся организацией перевозки церковных сокровищ и украшений через Босфор¹⁵⁰.

Правда, на «стенах, в Сике и так называемых Золотых воротах были действительно расставлены лохаги, токсирхи и многие воины»¹⁵¹, но все они были из дворцовой гвардии, «покрытые золотом, но не владевшие оружием, украшавшие триумфы, но не доставлявшие их, великоленные для участия в парадах, но совершенно не готовые к войне».

В критическую минуту Юстиниан вызвал полководца Велизария и во главе 300 гоплитов послал его против кутригуров¹⁵². Но не они решили исход сражения.

Агафий свидетельствует, что когда Велизарий вышел из города, то за ним последовала «прочая толпа... почти безоружная и необученная»¹⁵³, т. е. простые горожане. Затем, по свидетельству Агафия, «сбежалась к нему (Велизарию) из окрестностей и толпа сельских жителей. Так как поля у них были опустошены врагами, то, не имея пристанища, они быстро собрались вокруг Велизария»¹⁵⁴. Выступление простых горожан и крестьян спасло положение. Потерпев поражение, кутригуры отступили.

Боясь их нового вторжения, Византия завязала переговоры с аварами, «надеясь их руками победить всех своих врагов»¹⁵⁵. Авары победили кутригуров и утигуров, ослабленных взаимной борьбой, и утвердились в Паннонии.

Аварская опасность заставила гепидов, лангобардов, булгар и другие задунайские племена в поисках новых мест поселений уйти в Италию, а славян — устремиться на Балканский полуостров.

По свидетельству Иоанна Биклярского, в 70-х годах VI в. во Фракии славяне заняли много городов¹⁵⁶, а, по свидетель-

¹⁴⁸ *Ibidem*.

¹⁴⁹ *Ibidem*, V, 14.

¹⁵⁰ *Ibidem*.

¹⁵¹ *Ibidem*, V, 15.

¹⁵² *Ibidem*, V, 16.

¹⁵³ *Ibidem*.

¹⁵⁴ *Ibidem*.

¹⁵⁵ Ioannes Ephesius. Hist. eccles. VI, 25, 4.

¹⁵⁶ Ioannis Biclarensis Chronica, an. 576 § 4 (MGH AA XI p. 214). Slavini in Tracia multas urbes Romanorum pervadunt, quas depopulatas vocuas reliquere.

ству Иоанна Ефесского, в 583—584 гг. они «прошли всю Элладу, области Фессалоники и Фракию»¹⁵⁷. В 598, 602 и 619 гг. славяне вторгались в Истрию¹⁵⁸, в 614 г.— в Грецию¹⁵⁹, в 623 г.— на Крит и другие острова¹⁶⁰. В связи с опасностью нападения аваров их отношения с местными жителями улучшились¹⁶¹. Это помешало Византии использовать в борьбе против славян местных жителей и городские гарнизоны¹⁶². Поэтому к 20-м гг. VII в. славяне заняли весь Балканский полуостров.

Поскольку колонизация происходила в конце VI—начале VII вв., ее характер определялся достигнутым к тому времени уровнем развития производительных сил как у местного населения, так и у славян, а он был значительно выше, чем во время вторжений конца IV—начала V вв.

Действуя в соответствии со своим видом и способом производства, требовавшими регулярного возделывания посевных площадей, славяне не разрушали производительных сил занятых ими местностей, поскольку они отвечали этим требованиям. Славяне стремились поселиться в пределах Византии, чтобы вести свое хозяйство, что неминуемо вело к установлению соседских отношений с местными жителями.

С массовым водворением славян на Балканском полуострове обезлюдившие области ожили. Заброшенные земли вновь стали превращаться в пахотные поля, а принесенные

¹⁵⁷ Ioannes Ephesus. Hist. eccles. VI, 25.

¹⁵⁸ Gregorii I papae. Epist. X, 15. MGH Epist., II, p. 249 («Славянский народ... через Истрию начал проникать в Италию»). Paulus Diaconus. Historia gentis Langobardorum. IV, 24, 39, 40. MGH script. rer. Langobard., p. 125, 133.

¹⁵⁹ Isidorus Hispalensis. Chronicon (PL 83 p. 1056), VII, 105: «Шел уже пятый год правления Ираклия (610—641). В начале его славяне отняли у ромеев Грецию, персы—Сирию и Египет и многочисленные провинции».

¹⁶⁰ Land. Anecdota Syriaca, t. I. Lugduni Batavorum, 1862. Libri Chalifarum, an. 934-623, p. 115. Slavi Cretam ceterasque insulas invadere; atque illic pii viri Kenesrinenses Comprehensi sunt, quorum fere viginti interfecit (Славяне завоевали Крит и прочие острова...). Археологические материалы, относящиеся к VI—VII вв. (найденные в Коринфе), свидетельствуют о славянских вторжениях в Коринф: G. K. Davidson. Archeological evidence for a slavic invasion of Corinth. «American Journal of Archeology», vol. XI, 1936, p. 128—129.

¹⁶¹ Michel le Syrien. Chronique, t. I. Paris, 1899, p. 361 (trad. français). t. IV, Paris, 1906, p. 379 (texte syr.); «Они осаждали римские города и крепости и говорили жителям: выходите, сейте и собирайте жатву, мы возьмем у вас в дань только половину».

¹⁶² По свидетельству Менаандра, горожане выступили против требования византийского правительства о присоединении их гарнизонов к его войскам для совместного выступления против славян. Попытка силой заставить их выполнить этот приказ привела к тому, что горожане Асемо выгнали представителя главнокомандующего из города и «заперши городские ворота, возглашали ругательства воеводе» (Menandri Profectoris Fragmenta, 67. FHG IV, p. 269).

славянами общинные отношения способствовали возрождению общин местных жителей, что явилось основой дальнейшего социально-экономического развития в целом.

Массовая колонизация привела к победе славянского языка на большей части Балканского полуострова. Местные жители, перенимая славянский язык, придавали ему особенности своего, что вело к возникновению языков южных славянских народов.

Итак, захватническая политика Византии на Западе привела к ослаблению ее обороны на Дунае, что способствовало наступлению задунайских племен. Их вторжения, особенно славянские, как наиболее массовые, заставили Византию отказаться от завоевательных планов на Западе. Это, в свою очередь, обеспечило благоприятные условия для социально-экономического развития населявших его народностей и раннефеодальных государств. В борьбе против славянской опасности Византия пыталась использовать кочевников кутригуров и аваров. Вследствие этого часть задунайских племен переселилась в Италию, а славянская колонизация Балканского полуострова ускорилась.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, характер международных отношений в Европе IV—VI вв. определялся тем, что в ее романизованных провинциях шло разложение рабовладельческого строя и распространялась система колоната, при которой было выгодно закрепощать местных жителей, а в качестве карательной силы, направленной против крестьян и горожан, сопротивлявшихся закрепощению, использовать варваров. В этот же период в варварском мире происходило разложение родоплеменного строя и шел процесс классовой дифференциации, ведшей к поляризации, к выделению и сплочению знати, стремившейся к закрепощению своих соплеменников и к расширению экономической базы путем войн и вторжений в чужие страны.

В таких условиях войны варварских племен против Рима потеряли тот справедливый характер, который был им присущ, когда они отстаивали свою независимость от Рима, и стали такими же захватническими, несправедливыми, как и войны Римской империи.

Поскольку местная знать романизованных провинций нуждалась в военной силе для подавления сопротивления местных жителей закрепощению, она сама открывала варварам римские границы, надеясь использовать их военную силу в своих интересах и в случае социальной опасности пойти защиту у их королевской власти. Это способствовало возникновению в римских провинциях варварских королевств, ставших центрами сплочения не только варварской, но и местной знати и помогавших ей закрепощать не только основную массу местных жителей, но и рядовых варваров.

Колонны, рабы, немущие горожане, боровшиеся против местных эксплуататоров и чиновников фиска, оказывали упорное сопротивление и варварам, тем более что задолго до массовых вторжений варваров они знали их в качестве военных наемников. Эта борьба ускоряла переход варваров к производственной деятельности и заставляла их отказываться от войны и грабежей, как источника существования, что в свою очередь способствовало установлению соседских отношений между варварами и местными жителями. Кроме того, такое сопротивление вынуждало варварскую знать спланиваться вокруг короля и присоединять к себе остатки римской знати,

используя ее опыт господства, что вело к усилению королевской власти. При этом формы отчуждения прибавочного продукта у местных тружеников менялись. Единовременный грабеж сменялся отношениями дани, а с образованием варварских королевств дань заменялась налогом. При этом королевская власть оказывалась заинтересованной в защите своих налогоплательщиков от других претендентов на прибавочный продукт и в увеличении своей доли при его получении, что требовало от нее создания определенных условий для производственной деятельности тружеников. Следовательно, ее интересы объективно совпадали с интересами местных жителей, хотя цели их были разными. Главное же, что они не совпадали с интересами Равеннского двора, стремившегося к наживе за счет провинций. Поэтому определенные группы местных жителей видели в королевской власти своего защитника. В таких условиях существование правительства Западной Римской империи теряло смысл и только борьба между варварскими королевствами, различными группировками местной и варварской знати, опасность вторжения гуннов (до 469 г.) и вандалов (до 475 г.) оправдывала его существование. С ослаблением этой борьбы и с исчезновением внешней опасности произошло окончательное падение Западной Римской империи.

Обстановка в Западной Европе осложнилась еще больше. Отражение нападений новых племен затруднялось из-за отсутствия центрального правительства, способного объединить разрозненные силы, и борьбой между варварскими королевствами.

Необходимость организации обороны заставляла варварских королей идти на уступки местной знати и, отчасти, остальным жителям, что способствовало дальнейшему сближению варварских поселенцев с местными жителями. К тому же, эти поселенцы, став оседлыми и переходя к производственной деятельности, сохраняли прежнюю готовность к войне и обороне.

Переход варваров к оседлой жизни в римских провинциях и к производственной деятельности способствовал установлению соседских отношений и к распространению и возрождению маркового строя с присущим ему дуализмом — соединением мелкого крестьянского хозяйства с индивидуальным владением наделами полей и лугов, подлежащих общинному контролю и регулированию, с общим владением лесами, пастбищами, реками, озерами, пустошами, местами охоты и рыбной ловли. Это ускоряло развитие производительных сил.

Те варварские племена, которые в силу ряда причин не стали или не могли стать на этот путь, так и не смогли закрепиться на занятой ими территории (гунны в Подунавье,

алапы в Галлии и Испании, аланы и вандалы в Северной Африке, кутригуры и авары в Подунавье).

В конце V — начале VI в. обострилась борьба между варварскими королевствами Запада. В каждом из них, вследствие дальнейшего общественно-экономического развития, ускоренного влиянием местных порядков и переходом к оседлому земледелию, углублялись процессы социальной дифференциации и образовалась могущественная феодализирующаяся верхушка, стремившаяся к увеличению своих земельных владений и толкавшая королей на расширение их территории за счет соседей. Это приводило к ожесточенным и непрерывным войнам между королевствами, что также способствовало сближению между местными жителями и поселившимися среди них варварами (особенно между франками и галло-римлянами).

Обстановка осложнялась тем, что в этот же период в варварских королевствах обострилась борьба между народными массами варваров и их феодализирующейся военной знатью, превратившейся в землевладельческую, но сохранившую военную власть. Обострился этот процесс и среди коренных жителей. Если раньше местная знать поддерживала римское господство, охранявшее ее классовые интересы, то в новых условиях она ориентировалась на варварских королей, надеясь в службе им найти источник доходов, а в их силе — защиту от социальной опасности. При этом господствующий класс римских провинций жертвовал решительно всем: религией, политической свободой, родиной, если дело шло о подавлении революционных движений угнетенных классов. В то же время, народные массы, боровшиеся против римского господства и не смирившиеся с социальным угнетением и в варварских королевствах, решительно выступали против новых союзников местных угнетателей — варварских королей и варварской знати.

Образование Остготского королевства еще больше осложнило обстановку на Западе, поскольку Теодорих, отражая чаяния итало-римской знати, игравшей заметную роль в его королевстве, выступил с великодержавными претензиями и добивался их осуществления.

Внутренняя борьба в варварских королевствах и социальная дифференциация варваров, ведшая к исчезновению свободного крестьянства, являвшегося основной военной силой, ослабила их. Это привело к усилению тех варварских королевств, которые оказались более сплоченными и имели постоянный приток соплеменников.

Ослаблением варварских королевств Запада воспользовалась Византия, которая в 530—550-х годах предприняла ряд походов на Запад и победила вандалов, остготов и отчасти вестготов. Вследствие того, что экономические возможности

Византии и внутренняя стабилизация способствовали исполнению ее захватнических планов, возникла угроза для существования всех варварских королевств Запада. Однако она была ликвидирована натиском на Балканский полуостров болгар, а затем славян.

Этот натиск Византия пыталась ослабить привлечением на свою сторону кутригуров, а когда они, усилившись, стали опасными — аваров. Для самой Византии это привело лишь к возникновению сначала кутригурской, а затем и аварской опасности, а славянские наступления, прекратившиеся лишь на время, возобновились еще с большей силой, поскольку славяне, оказавшись на территории, захваченной аварами или по соседству, были вынуждены спасаться от них и искать места новых поселений на правом берегу Дуная.

Непрерывный натиск славян заставил Византию сдерживать свое наступление на Западе, а затем отозвать оттуда свои войска и бросить их против славян. Это способствовало социально-экономическому развитию Вестготского королевства в Испании, Франкского — в Галлии, Лангобардского — в Италии, но не помешало славянам колонизовать в конце VI — начале VII вв. весь Балканский полуостров.

Византийское правительство было вынуждено приступить к покорению славян, а чтобы иметь для этого силы и средства, оно разработало мероприятия, направленные на защиту сельских общин, возродившихся в период славянской колонизации и являвшихся источником пополнения армии и извлечения доходов. Так и на Балканском полуострове создались благоприятные условия для возрождения общин местных жителей и существования общин пришельцев, что сыграло значительную роль в социально-экономических преобразованиях, которые, как и на Западе, способствовали развитию феодальных отношений.

Список сокращений .

(периодические издания, серии, коллекции)

- АДСВ — Античная древность и средние века. Свердловск.
ВВ — Византийский временник.
ВДИ — Вестник древней истории.
БИ — Вопросы истории.
ВМУ — Вестник Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.
УЗ ПГУ — Ученые записки Пермского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. А. М. Горького.
УЗ УрГУ — Ученые записки Уральского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. А. М. Горького.
УЗ ЯрПи — Ученые записки Ярославского педагогического института.
BT — Bibliotheca Teubneriana, Leipzig.
CIL — Corpus inscriptionum Latinorum, Berlin.
CSEL — Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum.
FHG — Fragmenta Historicorum Graecorum.
IG — Inscriptiones Graecae, Berlin.
MGH AA — Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi.
PG — Patrologiae cursus completus ed. J. — Migne. Series Graeca.
PL — Patrologiae cursus completus ed. J. — P. Migne. Series Latina.

БИБЛИОГРАФИЯ

ТРУДЫ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

- К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Соч., изд. 2, т. 4.
- К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., изд. 2, т. 3.
- К. Маркс. Британское владычество в Индии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 9.
- К. Маркс. Будущие результаты британского владычества в Индии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 9.
- К. Маркс. Введение (из экономических рукописей 1857—1858 годов). К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 12.
- К. Маркс. Экономические рукописи 1857—1858 годов. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 46, ч. 1.
- К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 23.
- К. Маркс. К критике политической экономии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 13.
- К. Маркс. Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 18.
- К. Маркс. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество». Архив Маркса—Энгельса, т. 9.
- К. Маркс. Мадзини и Наполеон. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 12.
- К. Маркс. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 19.
- К. Маркс. Хронологические выписки, 1: Архив Маркса—Энгельса, т. 5.
- Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 20.
- Ф. Энгельс. Армия. Кавалерия. Пехота. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 14.
- Ф. Энгельс. Действительно спорный пункт в Турции. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 9.
- Ф. Энгельс. Диалектика природы. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 20.
- Ф. Энгельс. Заметки о Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 18.
- Ф. Энгельс. К истории древних германцев. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 19.
- Ф. Энгельс. К истории первоначального христианства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 22.
- Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической философии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 21.
- Ф. Энгельс. Марка. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 19.
- Ф. Энгельс. Материалы к «Анти-Дюрингу». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 20.
- Ф. Энгельс. Общественные классы — необходимые и излишние. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 19.
- Ф. Энгельс. О разложении феодализма и возникновении национальных государств. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 21.
- Ф. Энгельс. О Франции в эпоху феодализма. Архив Маркса—Энгельса, т. X.

- Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 21.
- Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 19.
- Ф. Энгельс. Франкский период. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 19.
- Ф. Энгельс. Юридический социализм. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 21.
- В. И. Ленин. О государстве. Полн. собр. соч., т. 39.
- В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3.
- В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. Полн. собр. соч., т. 1.
- В. И. Ленин. Статистика и социология. Полн. собр. соч., т. 30.

ИСТОЧНИКИ

(с обозначением принятых сокращений)

- AA SS — Acta Sanctorum quotquot toto orbe coluntur vel a catholicis scriptoribus celebrantur... Boilandus. 64 vol., Parisiis, 1867—1894.
- Actes de la Conférence de Carthage en 411. T. 1—2. Coll. Sources Chrétien-nes n. 194—195, Paris, 1972.
- Addit. Prosp. Chron.—Additamenta ad Chronica Prosperi. MGH AA IX (Chronica Minora I) p. 487—497.
- Addit. Prosp. Havn. chron.—Auctarium Havniense chronicorum Prosperi p. 333, ad annum 523 vel. 339 § 24. MGH AA IX (Chronica Minora I) p. 298—339.
- Agathiae Myrinaei. Historiarum. Bonnae, 1838 et PG 88 col. 1249—1608; HGM II, p. 132—392.
- Ambrosius. Epistolae. PL 19, col. 875—1286.
- Ambrosius. Sermo contra Auxentium. PL 16, col. 1007—1018.
- Ambrosius. De excessu fratris Satyri. PL 16, col. 1289—1354, CSEL 73 p. 209—325.
- Ambrosius. De fide ad Gratianum Augustum. PL 16, col. 527—698.
- Ambrosius. De obitu Theodosii oratio. PL 16 col. 1385—1406, CSEL 73 p. 371—401.
- Ambrosius. De obitu Valentiniani consolatio. PL 16 col. 1357—1384; CSEL 73 p. 327—367.
- Ambrosius. De officiis ministrorum. PL 16, col. 23—184.
- Ambrosius. De paenitentia. PL 16, col. 465—524; CSEL 73 p. 119—206.
- Ambrosius. De spiritu sancto ad Gratianum. PL 16, col. 703—816.
- Ambrosius. De Tobia. CSEL 32, 2 p. 519—573.
- Ann. Marcell.—Ammianus Marcellinus. Rerum gestarum libri qui supersunt, ed. J. C. Rolfe, I—III, 1939.
- Annal. Rav.—Annales Ravennantenses 379—572. Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. Bd. I. Hannover, 1876, S. 346—368.
- Anastasius I papa. Epistolae et decreta. PL 20 col. 65—80.
- Anonymus de rebus bellicis liber. Ed. R. Schneider, Berlin, 1908.
- A Roman Reformer and Inventor. Being a new text of the treatise «De Rebus Bellicis», Oxford, 1952.
- Anonymus Cuspiniani (Fasti Ravennates). MGH AA IX (Chronica Minora I) p. 274—336.
- Anonymus Scaligeri. Croniconum. MGH AA IX (Chronica Minora I) p. 274—285, 290—298.
- Anonymus Valesianus. Origo Constantini imp. Chronica Theodericiana. MGH AA IX (Chronica Minora I) p. 7—11, 306—328 (Excerpta Valesiana, ed. J. Moreau, Leipzig, 1961).
- Antologia latina. Fasc. I. Libri Salmasiani Aliorumque carmina. Lipsiae. 1894.
- Arnobius. Adversus nationes. CSEL 4 et Milan — Padua, 1944.
- Athanasius. Epistolae. PG 26, col. 1030—1070.

- Athanasius.** Oratio de incarnatione verbi. PG 25.
- Audocia Augusta.** Carminum graecorum reliquiae. Ed. A. Ludwich, Leipzig, 1897.
- Augustinus.** De civitate Dei. PL 41, CSEL 40.
- Augustinus.** Breviculus collationis cum Donatistis. PL 43 col. 613—650.
- Augustinus.** Collatio cum Maximino Arrianorum episcopo. PL 42, col. 709—742.
- Augustinus.** Contra Cresconicem grammaticum Donatistam. PL 43, col. 445—594.
- Augustinus.** De cura pro mortuis gerenda. PL 40, col. 591—610; CSEL 41 p. 621—659.
- Augustinus.** Epistula I-CCLXX. PL 33; CSEL 34, 44, 57, 58.
- Augustinus.** Epistula contra Gaudentium Donatistarum episcopum. PL 43 col. 707—752.
- Augustinus.** Epistula de gestis Pelagii. PL 44 col. 319—360; CSEL 42, p. 51—122.
- Augustinus.** De haeresibus ad Quodvultedeum. PL 42, col. 21—50.
- Augustinus.** Contra Maximinum Arrianum. PL 42 col. 743—814.
- Augustinus.** Contra litteras Petilianus. PL 43 col. 245—388.
- Augustinus.** Ad Orosium contra Priscilianistas et Origenistas. PL 42 col. 669—678.
- Augustinus.** De unico baptismo contra Petilianum. PL 43 col. 595—614.
- Augustinus.** Epistula ad catholicos de secta Donatistarum. CSEL 52.
- Augustinus.** Gesta cum Emerito Donatistarum episcopo. CSEL 53.
- Augustinus.** Psalmus contra partem Donati. CSEL 51.
- Augustinus.** Sermo(nes)— PL 38—39.
- Avr. Vict.—Sex Aurelius Victor.** Historiae abbreviatae (de Caesaribus liber. Epitome de Caesaribus). Leipzig, 1961.
- Aurelius Victor.** Origo gentis Romanae. Leipzig, 1885.
- Ausonius, Decimus Magnus.** Epistolae. PL 19 col. 913—936; MGH AA V, 2 p. 157—194.
- Ausonius, Decimus Magnus.** Mosella. MGH AA V, 2 p. 82—97.
- Ausonius.** Opuscula. MGH AA V, 2 p. 1—156.
- Ausonius.** Epigramata. MGH AA V, 2 p. 194—226.
- Auxentio** episc. **Dorostorensi.** De Ulfila episcopo Gothorum. In: G. Waitz. Leben des Ulfils. Hannover, 1840, p. 13—17.
- Avitus Vienennensis** episcopo. Opera. PL 59; MGH AA VI, 2.
- Baronius, Caesarus** cardinalis. Annales ecclesiastici. 12 vol. Romae, 1588—1596.
- Bibliotheca magna veterum patrum et antiquorum scriptorum ecclesiae. 17 vol. Paris, 1654.
- Bibliotheca maxima veterum patrum et antiquorum scriptorum ecclesiae. 27 vol. Lugduni—Batavorum, 1677.
- Boethius, Anicius Manlius Severinus.** De Consolatione Philosophiae. Ed. L. Bieler, Turnholt, 1957; CSEL 67; PL 58.
- Bonifacius I,** papa. Epistolae et decreta. PL 20 col. 749—784.
- Calinicus.** Vita S. Hypatii. Lipsiae, 1895.
- Candidus Isaurus.** Fragmenta. FHG IV, p. 135—137; HGM I, p. 441—445.
- Capreolus,** episcopi Carthaginiensis. Epistolae. PL 53, col. 843—858.
- Cassiodorus.** Chronica. MGH AA XI (Chronica Minora II) p. 120—161.
- Cassiodorus.** Historia tripartita lib. XII. PL 69, col. 879—1214.
- Cassiodorus.** Variarum lib. XII. MGH AA XII, p. 3—385.
- Cassiodorus.** Orationum reliquiae. MGH AA XII, p. 465—484.
- Castori Romanorum** Cosmographia tabula quae dicitur Peutingeriana. Stuttgart, 1962.
- Cato — M. Porcius Cato.** De agricultura. Lipsiae, 1895.
- Cassianus, Joannes** abbas Massiliensis. Consolatio. CSEL 13.
- Cassianus, Joannes.** De institutis coenobiorum. CSEL 17, p. 3—231.
- Cedrenus, Georgius.** Annales seu Chronicon ab O. C.—1057. PG 121—122; Bonnæ, 1838—1839.

- Chronicum Alexandrinum. MGH AA IX (Chronica Minora I) p. 91—129.
 Chronica Callica 452. MGH AA IX (Chronica Minora I) p. 632—648.
 Chronica Gallica 511. MGH AA IX (Chronica Minora I) p. 649—666.
 Chronicon pashale. Ed. L. Dindorfius, 2 vol., Bonnae, 1832 et PG 92.
 Chronographus anni 354. MGH AA IX (Chronica Minora I) p. 39—77.
 Cl. Claud.—**Claudius Claudianus**. Carmina. MGH AA X.
 Cod. Theod.—**Codex Theodosianus** cum perpetuis commentariis **Jacobi Gothofredi**, editio nova in VI tomos digesta. Lipsiae, 1738—1745. (Reedit. Th. Mommsen et P. Meur, Berolini, 1905; p. Krüger, Berolini, 1923—1926).
 Codicis Euriciani fragmenta. MGH Leg. I, I p. 3—32.
 Collectio Avellana (rescripta imperatorum paparumve). CSEL 35 p. 1—773.
Colummella—**Lucius Lunius Moderatus Columella**. De re rustica. 3 vol, London, 1941—1955.
Commodianus. Carmen apogeticum. Adversus iudaeos et gentes. Lipsiae, 1877 et CSEL 15.
Corippus. De laudibus Justinii minores. MGH AA III, 2 p. 111—156.
Corippus. Johannidos seu de bellis Lybicis libri VIII. MGH AA III, 2 p. 1—109.
 Corpus inscriptionum Graecorum. Bd. 1—4. Berlin, 1828—1877.
 Corpus inscriptionum Latinarum. Bd. 1—16. Berlin, 1863—1946.
 Corpus juris civilis. T. I. Institutiones. Digeste. T. II. Codex Justinianus. T. III. Novellae. Berlin, 1959.
 Corpus Papyrorum Latinarum. Ed. R. Cavenaile. Wisbaden, 1956—1958.
 Corpus Scriptorum Ecclesiasticarum Latinorum (CSEL). Wien.
 Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae (CSHB). 49 vol. Bonnae, 1828—1878.
Cosmas Indicopleustes. Topographia Christiana. PG 88; The Christian Topography ed. E. O. Winstedt. Cambridge, England, 1909; Introd., trad. franc., 2 vol., Paris, 1968, 1970.
Cyril of Scythopolis. Vitae Sabae. Ed. E. Schwartz. Texte und Untersuchungen 13. Reihe 4, Bd. 4, 1939.
 Die Nichtliterarischen Lateinischen Papyri Italiens aus zeit 445—700. Lund, 1944, Upsala, 1955.
Dracontius. Romulea. MGH AA XIV, 1, p.—132—196.
Drepanius, Latini Pacatius. Paneg. Theod. XII paneg. Latini, BT, Lipsiae, 1911, p. 89—131.
 Edictum Theodorici regis. MGH Legum V;
Ennodius, Magnus Felix episcopus Ticinensis. Carmina. Dictiones. Epistolarum. Panegyricus dictus Theodorico regi. Vita s. Epiphani. MGH AA VII; PL 63; CSEL 6.
 Epistolae Arelatenses (417—556). MGH Epist. III, p. 1—83.
Esperandieu, E. Inscriptiones latines de la Gaule. Vol. 1—2, Paris, 1929—1931.
Eucherius Lugdunensis. Epistula ad Salvium episcopum. CSEL 31, 1 p. 173; PL 50, 2; MGH AA Script. rer. Merov. III, p. 30—41.
Eugipius. Vita s. Severini. Berlin, 1963 (Lateinisch und Deutsch.).
 Eunap. fr.—**Eunapius Sardianus**. Fragmenta. FHG IV, p. 7—56.
 Eunap. Vitae.—**Eunapius Sardianus**. Vitae Sophistarum. Rec. J. Giangrande, Scriptorum Graeci et Latini, Romae, 1956.
 Pseudo—**Eusebe d'Emese**. Homilia in litanii. Patrologia supplementum, t. 3, fasc. 2. Paris, 1964.
 Eutrop. Brev.—**Eutropii Breviarium Historiae Romanae**. Lipsiae, 1883, 1909.
Evagrius. Ecclesiasticae Historia. PG 86, 2 col. 2405—2906.
 Excerpta historica iussu imp. Conctantini Porphyrogeniti confecta. Ediderunt **U. Boissevain, C. de Boor, Th. Bütner—Wobts**.—Vol. I. Excerpta de legationibus. Pars I. Excerpta de legationibus Romanorum ad gentes. Pars II. Excerpta de legationibus gentium ad Romanos. Berolini, 1903. Vol. III. Excerpta de insidiis. Berolini, 1905.
 Expositio totius mundi et gentium. Geogr. graeca Minores ed. **Müller**., vol. II, p. 513—528; Geogr. Lat. Minores ed **Riese**, p. 104—126.

- G. Fagniez.** Documents relatifs à l'histoire de l'industrie et du commerce en France. Paris, 1898.
- Ferrand.**—**Fulgentius Ferrandus** diaconus Carthaginiensis. Epistolae (PL 65 col. 378—380, 392—394; PL 67 col. 887—950); Vita Fulgentii Ruspensis (PL 65 col. 117—150; Ed. Lapeyre, Paris, 1929).
- Flodoardus.** Historia Remensis ecclesiae. MGH Scriptorum, XIII.
- Fragmenta Historicorum Graecorum (FHG). Ed. C. Müller. 5 vol. Paris, 1848—1874.
- Fredegarius.** Chronica. MGH Script. rer. Merov., II, p. 18—168; PL 71 col. 573—704.
- Fulgentius**, episcopus **Ruspensis** Africae. Contra Arianos. PL 65 col. 205—224.
- Fulgentius**, ep. **Ruspensis** Africae. Epistolae, 18. PL 65 col. 303—498.
- Gaius.** Institutiones iuris Romani. Berolini, 1892.
- Gennadius Massaliensis.** Catalogus vivorum illustrium. Lipsia, 1924; PL 58, col. 1059—1120.
- Georgios Monachos.** Cronicon. Ed. C. de Boor, vol. 1—2, Lipsiae, 1904; PG 110 col. 41—1260.
- Georgius Cypris.** Descriptio orbis Romani. Lipsiae, 1890.
- Germanenrechte (Texte und Überz.) Bd. I—II. Göttingen, 1955.
- Gerontius.** Vita s. Melaniae. Rome, 1905; Paris, 1962.
- Gildas Sapiens.** Liber querulus de calamitate, excidio et conquestu Britanniae. PL 69 col. 329—392; MGH AA XIII p. 25—85.
- Gregorius Magnus** papa. Dialogorum, epistolae ex registro, oratio de moralitate. PL 75, 76, 77; MGH Epist. I, p. 1—490, II, p. 1—436.
- Gregor. Turon.—**Georgius Florentius Gregorius**, episcopus **Turonensis**. Historiarum libri decem (Historia Francorum), 2 vol., Berlin, 1958.
- Gsell S.** Inscriptiones latines de l'Algérie. Paris, 1922.
- Hieroclis Synecdemus.** Bonnae, 1840; Lipsiae, 1893, 1939.
- Hieronymus**, **Sophronius Eusebius.** Chronicon. Herausgeg. v. R. Helm. Berlin, 1956.
- Hieronymus.** Commentarium in Ezachielem. PL 25 col. 15—512.
- Hieronymus.** Contra Rufinum. PL 23.
- Hieronymus.** Dialogus adversus Pelagianos. PL 23.
- Hieronymus.** Epistolae. CSEL 54, 55, 56; PL 22 col. 326—1224, PL 30 col. 15—306.
- Hieronymus.** Opera. Corpus christ., 6 vol., Berlin, 1958—1964.
- Hilarianus, Quint Julius.** Chronologia sive Libellus de mundi duratione. PL 13 col. 1097—1118.
- Hilarius papa.** Epistolae XI et decreta II. PL 58 col. 11—32; MGH AA Epist. III p. 22—32.
- HGM — Historici greci minores. Ed. L. Dindorf, vol. I—II, Lipsiae, 1870—1871.
- Historia miscella libri XXVI. PL 95; MGH AA JJ p. 227—374.
- Hydatius Lemicus.** Continuatio chronicorum Hieronimianorum ad a. 468. MGH AA XI (Chronica Minora II) p. 1—36.
- Inscriptiones Hispaniae christianae. Ed. A. Hübner. Berolini, 1871. Suppl. Berolini, 1900.
- Ioannes Antiocheus.** Fragmenta. FHG IV, p. 535—622, V p. 27—38; Excerpta de insidiis, ed. C. de Boor, Berolini, 1905, p. 58—150.
- Iohanes**, abbas **Biclaensis** Hispani. Chronica. MGH AA XI (Chronica Minora II) p. 211—220.
- Iohannes Ephesius.** Historia Ecclesiastica. Louvain, 1935—1936.
- Iohannes Lydus.** De Magistratibus populi romani libri tres. Ed. R. Wuensch, Leipzig, 1903; Sydney, 1965.
- Iohannes Lydus.** De Mensibus. Ed. R. Wuensch. Leipzig, 1898.
- Ioannes Malalae.** Chronographia. Rec. L. Dindorf. Bonnae, 1831.
- Ioannis Zonarae.** Epitomae historiarum libri XIII—XVIII. Ed. Th. Büttner — Wobst, Bonnae, 1897.
- Ioannus Chrisostomus.** Opera. PG 47—64.

- Iohannes**, episcopus **Nikiou**. Chronique. Paris, 1883; London, 1916.
- Jordanis**. *Getica* (De origine actibusque Getarum). MGH AA V, I p. 53—138.
- Jordanis**. *Romana* (De summa temporum vel origine actibusque gentis Romanorum), MGH AA V, I p. 3—52.
- Isidorus**, episcopus **Hispalensis**. *Chronica*. MGH AA XI (*Chronica Minora II*) p. 424—481; PL 83 col. 1017—1058, 1107—1114.
- Isidorus**, ep. *Hisp.* *Historia Gothorum, Vandalorum et Suevorum*. PL 83, col. 1057—1082; MGH AA XI (*Chronica Minora II*), p. 267—303.
- Isidorus**, ep. *Hisp.* *Originum sive etymologiarum lib. XX*. PL 82 col. 73—728.
- Isidorus**, ep. *Hisp.* *Historia de regibus Wisigothorum*. PL 83 col. 1113—1116.
- Isidorus Hispalensis** *Historiae*. **Hydatius** *Continuatio Chronicorum Hieronymianorum* ad a. 468, **Maximus** *Chronicorum Reliquiae*, **Julianus Toteitanus** *Historia Wambae*, **Joannes Biclaensis** *Chronicon*. Crit. text, transi. Engl. **J. Hilgarth**. Boston college. Massathuzz. 1973.
- Itineraria Romana*. T. I, Lipsia, 1929, t. II, Lipsia, 1940.
- Lactantius**, **Lucius Caecilius Firmanus**. *De mortibus persecutorum*. Ed. J. Moreau. Paris, 1954; PL 6—7; CSEL 19, 27.
- Land**. *Anecdota Syriaca*. T. I. Lugduni — Batavorum, 1862.
- Leo Magnus**, papa. *Epistula*, 168. PL 54 col. 593—1250.
- Lex Burg.*—*Leges Burgundionum*. MGH Leg. Nat. Germ., t. II, p. 29—116.
- Lex Romana Burgundionum*. MGH Leg. Nat. Germ. t. II, p. 123—163.
- Lex Salica*. Ed. K. Eckhardt. Weimar, 1953.
- Lex Romana Visigothorum* (*Breviarium Alarici*). MGH Leg. III, p. 579—624.
- Leges Visigothorum*. MGH Legum Nat. Germ. I, I p. 33—456. *Codex Eurici*. *Ibidem*, p. 1—32.
- Libanius**. *Opera*. Ed. R. Förster, 12 vol. in 13. Rev. edn. Hildesheim, 1963.
- Majorian**. *Novellae*. *Codex Theodosianus*, vol. 2. Berolini, 1905.
- Malchus Philadelphensis**. *Fragmenta*. FHG IV p. 111—132; HGM I, p. 383—424.
- Mansi, J. D.** *Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio*. Firenze — Venecia, 1757—1798; Paris, 1900—1927.
- Marcus Maximus**, episcopus **Caesaraugustanus**. *Continuatio Chronici omnimodae historiae Fl. Lucii Dextri*. PL 80, col. 619—632.
- Marcell. Chron.*—**Marcellini V. C. Comititis**. *Chronicor.* MGH AA XI (*Chronica Minora II*) p. 39—104; auctarium huius chronici, p. 103 ad ann. 548. *Ibidem*, p. 104—108.
- Marcellus**. *De medicamentis liber*. Lipsiae, 1889, 1916.
- Marius** episcopus **Aventicensis** **Galli**. *Chronica*. MGH AA XI (*Chronica Minora II*) p. 225—239.
- Marius Mercator**. *Commonitorium advers. haeres. Pelag.* PL 48.
- Mauricii**. *Art militaris*. Ed. J. Schefferus. Upsaliae, 1664.
- Maxime de Turin**. *Homilia in reparatione ecclesiae Mediolanensis*. PL 57.
- Menandri Protectoris**. *Fragmenta*. FHG IV.
- Merobaudes, Flavius**. *Panegyricorum in consulatus Aetii fragmenta*. MGH AA, XIV, I, p. 7—18.
- Merobaudes**. *Carmina IV. Panegyrici II*. Ed. F. Vollmer. Berlin, 1905 (phot. 1961). MGH AA XI, 1.
- Michel le Syrien**. *Chronique*. T. I—IV. Paris, 1899—1906.
- Müller C.** *Geographi graeci minores*. Vol. 1—2, Paris, 1861.
- Notitia Dignitatum omnibus tam civilium quam militarium utriusque imperii*. Appendix: *De rebus belicis*. Ed. Bocking, Bonnæ, 1839, 1850; Ed. O. Seeck, Berolini, 1876.
- Notitia Galliarum*. MGH AA IX, I (*Chronica Minora I*) p. 584—612 (*Notitia Dignitatum ...* Ed. O. Seeck, Berolini, 1876 p. 261—274).
- Notitia provinciarum et civitatum Africae*. PL 58 col. 269—276, CSEL 7; MGH AA III, I p. 63—71.
- Olympiodoros**. *Fragmenta*. FHG IV, p. 58—68, HGM I, p. 450—472.
- Optatus**, episcopus **Milevitanus** **Afer**. *Contra Parmenianum Donatistam liber VII*. CSEL 26 p. 3—182; PL II.

- Oracula Sibyllina Ed. Alexandre, 3 vol., Paris, 1869; Ed. A. Brach, Wier, 1891; J. Geffcken. Die Oracula Sibyllina, dans Die griechischen christlichen Schriftsteller... 8, Leipzig, 1902, reimprime 1967; A. Kurfess. Sybyllinische Weissagen. München, 1951.
- Orelli, J.** Inscriptiones latinarum selectarum amplissima collectio. Vol. 1—3, Turin, 1828—1856.
- Orientius, episcopus Gallus.** Commonitorium lib. II. PL 61 col. 977—1006; CSEL 16, 1 p. 205—243.
- Oros.**—**Orosius, Paulus** presbyter Hispanus. Commonitorium, de Ereore Priscillianistarum. CSEL 18 p. 151—157.
- Orosius, Paulus.** Historiarum adversus paganos liber VII. CSEL 5, p. 1—564;
- Orosius, Paulus.** Liber apologeticus contra Pelagianos. CSEL 5, p. 603—664.
- Palladius, Rutilius Taurus Aemilianus.** Viri illustres. Opus agriculturæ. Ed. J. Schmittii. Lipsiae, 1898; ed. J. Svennung, Göteborg, 1926.
- Palladius.** On Unsbondrie. London, 1872.
- Palladius.** Medicine pecorum. Göteborg, 1926.
- XII Panegyriques latins. Ed. Galletier, Paris, 1949, Lipsia, 1911.
- Paulinus.** Epigramma. PL 61, col. 969—972; CSEL 16, 1 p. 499—510.
- Passio s. Sabæ.** Analecta Bollandiana, XXXI, 1912, p. 217.
- Paulinus Mediolaniensis.** Vita Ambrosii episcopi Mediolanensis. PL 14, col. 27—46.
- Paul. Nol.**—**Pontius Meropius Anicius Paulinus episcopus Nolanus.** Epistolæ. Variantes lectiones. Poemata. PL 61; CSEL 29—30.
- Paulus Diaconus.** Historia gentis Langobardorum libri VI. PL 95, col. 219—671; MGH Script. rer. Lang. p. 45—187.
- Paulus Diaconus.** Historia Romana libri XVI. MGH AA II, p. 396—405.
- Paulini Pellaei** Carmen quod inscribitur «Euxaristicos deo sub ephemeridis meae textu». CSEL 16, 1 p. 289—314.
- Paulinus Burdegalensis.** Epistola. MGH AA VIII, p. 275—276.
- Paulinus Petrocorius.** Vita Martini Turonensis metrica. PL 61, col. 1009—1072; CSEL 16, 1, p. 18—159.
- Paulus Silentiarius.** Descriptio templi Sophiae et embonis. PG 44, col. 179—198; Bonnae, 1837.
- Pelagius.** Epist. ad Demetriadem. PL 30, col. 15—45.
- Pelagius.** Opera. PL 30, col. 695—902; PL 68, col. 413—486.
- Pelagius.** De Vita Christiana. Trn. into Engl. Pittsburg, 1973.
- Philostorg.**—**Philostorgios.** Ecclesiastica historia. PG 65 col. 459—638.
- Plinius Secundus (inaior).** Naturalis historia. 6 vol, Lipsia, 1958; 10 vol. London, 1938—1963.
- Poetae Christiani minores. CSEL 16.
- Polemii Silvii Iaterculus.** CIL I, 2 p. 254—279; MGH AA IX, p. 511—551.
- Possid.**—**Possidius, episc. Calamensis Afri.** Vita S. Augustini. PL 32, col. 33—66.
- Priscos Panites.** Fragmenta. FHG IV, p. 69—110; HGM 1, p. 275—352; Excerpta de legationibus, ed. C. de Boor, Berolini, 1903, p. 121—155.
- Procop. Caesariensis.**—**Procopius Caesariensis.** Opera omnia. Vol. I—IV, Lipsiae, 1962—1965.
- Procopii Gezensis.** Panegyricum in imperatorum Anastasium. Ed. Kempen, Lipsia, 1918.
- Prosper Aquitanus.** Carmen de providentia divina. PL 51 p. 617—638.
- Prosper Aquitanus.** Poema coniugis ad uxorem. PL 51, p. 611—615.
- Prosperi Tironis** Epitoma Chronicon edita primum an. 433, continuata ad an. 455. MGH AA IX (Chronica Minora I) p. 395—485.
- Prudentius Clemens Aurefis.** Contra Symmachum. Apotheosis. PL 59—60; CSEL 61.
- Querulus sive Aulularia.** Griesgram oder die Geschichte vom Topf. Berlin, 1965.

- Quodvultdeus.** Livre des promesses et des prédictions de Dieu. Introd., texte lat., trad., notes par R. Braun. Sources chrétiennes CI—CII, 2 vol. Paris, ed. d. Cerf, 1964.
- Quodvultdeus.** Sermo I de accedentibus ad gratiam. Ed. Mai. Nova Patrum bibliotheca, t. I. Sermo II — ibidem.
- Quodvultdeus.** Sermo de tempora barbarico. PL 40.
- Quodvultdeus.** Contra Judaeos, paganos et Arianos. PL 42.
- Quodvultdeus.** Tractatus adversus haereses. PL 42.
- Quodvultdeus.** Cataclismo et catachumenos. PL 40.
- Ravennatis anonymi Cosinographia et Guidonis Geographica. Ed. M. Pindes et G. Parthey. Berolini, 1860; Neue Ausg.: Itineraria Romana, 2, Leipzig, 1940, p. 1—110.
- Remigius.** Epist. ad Clodio. MGH Epist. III.
- Ricobono S.** Fontes iuris Romani antejustiniani in usum scholarum. 3 vol., Florence, 1940—1943.
- Riese A.** Geographi Latini minores. Heibronn, 1878.
- De Rosi.** Inscriptiones Latinae christianae veteres. Vol. 1—3, Berlin, 1925—1931.
- Rut. Namat.—**Rutilius Namatianus.** De reditu suo. Ed. E. Castorino, Firenze, 1967.
- Rufin. Hist.—**Tyrranius Rufinus** presbyter **Aquileiensis.** Eusebii historia ecclesiastica a Rufino translata et continuata. PL 21.
- Salvianus,** presbyter Massiliensis. Ad ecclesiam. CSEL 8, p. 224—316; MGH AA I p. 120—168.
- Salvianus.** De gubernatione dei. CSEL 8, p. 1—200.
- Salvianus.** Epistula, 9. CSEL VIII p. 201—223; MGH AA I p. 108—119. Scriptores historiae Augustae. Lipsia, 1927.
- Apoll. Sidon.—**Sidonius, C. Sollus Apollinaris.** Epistolae. PL 58, col. 443—640. MGH AA VII p. 1—264.
- Sidonius, C. Sollus Apollinaris.** Carmina. PL 58 col. 639—748; MGH AA VIII.
- Socr. Eccl. Hist.—**Socrates.** Ecclesiastica Historia. PG 67 col. 28—842.
- Sozomen. Eccl. Hist.—**Sozomenos.** Ecclesiastica Historia. PG 67 col. 843—1630. Hrsg. von J. Bides, Berlin, 1960.
- Suidas (Suda).** Lexicon. Ed. A. Adler, 5 vol. Leipzig, 1928—1938.
- Sulpicius Severus.** Chronicarum ab exordio mundi usque ad tempus suum libri II. PL 20 col. 95—160; CSEL I p. 3—105.
- Sulpicius Severus.** Vita Martini Turonensis episcopi. CSEL I p. 109—137.
- Sulpicius Severus.** Dialogi. CSEL I.
- Symmachus, Quintus Aurelius.** Epistolarum libri X. MGH AA VI, I p. 1—278; PL 18 col. 145—406.
- Symmachus, Quintus Aurelius.** Orationes. MGH AA VI, I p. 318—340.
- Symmachus, Quint Aurelius.** Relationes. MGH AA VI, I p. 279—317.
- Synes.—**Synesius Cyrenensis.** Hymni et opuscula. Vol. 1—2, Roma, 1939—1944 (vol. 2 p. 5—62 — de Regno, p. 111—118 — de Providentia seu Aeguptiis; PG 66 col. 1209—1282 — de Provid., col. 1053—1108 — de Regno, col. 1321—1560 — Epistolae).
- Tabari.** Chronique (traduite sur la version persane d'Abou — Ali Mohammed Belami M. Herman Zotenberg). Paris, 1958.
- Tablettes Albertini. Actes privés de l'époque vandale. Ed. Ch. Courtois, L. Lechi, C. Perrat, C. Saumagne. Paris, 1952.
- Themistii** Orationes ex codici Mediolanensi. 2 vol., Leipzig, 1965, 1970.
- Theodoretos.** Ecclesiastica Historia. PG 82 col. 881—1280; Berlin, 1954.
- Theodoretos.** Correspondance, ed. Y. Asema, 3 vol., Paris, 1955—1965.
- Theodorus** Constantinopolitanus. Historiae ecclesiasticae. PG 44, p. 693—714.
- Theodosius.** De situ terrae sanctae. CSEL 39 p. 137—150; Bonnae, 1891.
- Theoph. Chronogr.—**Theophanes.** Chronographia, res. C. de Boor, Lipsia, 1883.
- Tougaard A.** De l'Histoire profane dans les actes grecs des Bollandistes. Extraits grecs, trad. française. Paris, 1874.
- Vegetius — Flavius Vegetius Renatus.** Epitoma rei militaris. Lipsia, 1885.

- Victoris Tonnenensis** episcopi chronicon. MGH AA XI (Chronica Minora II) p. 184—206.
- Vic. Vit.—Victoris, episcopi Vitensis Afri.** Historia persecutionis Vandalicae sub Genserico et Hunerico. MGH AA III, I p. 1—58; CSEL VII; PL 58.
- Vita Aniani** episc. Aureliensis. MGH Script. rer. Morev. III, p. 104, IV p. 767 f., VII, p. 810.
- Vita Aviti** ep. Viennensis. MGH AA VI, 2 p. 177—181; AASS Bolland., 5 Febr. I p. 667—669.
- Vita Brioci** episc. in Britania Armorica. AASS Bolland. I Mai I p. 92—94; Analect. Bolland. II, 1883, p. 162—188.
- Vita Felicis** archiepiscopi Trevirensis. AA SS Bolland. 26 Mart III, p. 622—625.
- Vita Genovefae.** AA SS Bolland. 3 Jan. I p. 143—147; MGH Scr. rer. Merov. II, p. 204—238, 685 f.
- Vita Germani** episcopi Autissiodorensis auctore Constantio. MGH Script. rer. Merov. VII, I p. 271—280.
- Vita Hilarii** Arelatensis episcopi. PL 50 col. 1219—1246; AA SS Bolland. 5 Mai II, p. 25—34.
- Vita Honorati** episcopi Arelatensis. PL 50 col. 1249—1272.
- Vita Lupi** episcopi Trecensis. AA SS Bolland. 29 Jul. V p. 72—82; MGH Scr. rer. Merov. III, p. 117—124, VII p. 284—302.
- Vita Liphardi.** AA SS Bolland. 3 Jun. I p. 300.
- Vita Melantiae.** Analect. Bolland. VIII, 1889 p. 19—63.
- Vita Memorii.** AA SS Bolland., 7 Sept. III p. 70—72; MGH Script. rer. Merov. III, p. 101—104.
- Vita metrica Germani** auctore Herico. PL 124 col. 1183—1184, 1200.
- Vita Petri Chrysologi** Ravennatis archiepiscopi. PL 52 col. 13—20. AA SS Bolland. 31 Jul. VII p. 182—184.
- Vita Petronii** episcopi Bononiensis in Italia. AA SS Bolland. 4 Oct. II p. 454—466.
- Vita Servatii** episcopi Traiectensis. MGH Script. rer. Morev. III p. 85—87.
- Zacharias Rhetor.** Ecclesiastica Historia. PG 85, 1; Louvain, 1953.
- Zonaras.** Epitome Historia. Ed. L. Dindorf, 6 vol. BT Lipsia, 1868—1876; Ed. M. Pinder, Bonnae, 1841, 1844, 1897.
- Zosimi papa.** Epist. ad episcopos Galliae. PL 209.
- Zos. Hist.—Zosimus,** comes et exadvocatus fisci. Historia nova. BT Leipzig, 1887. Reprinted: Hildesheim, 1963; San Antonio, 1967.

МОНОГРАФИИ, СТАТЬИ, ИССЛЕДОВАНИЯ

- Аллар Поль.** Христианство и Римская империя от Верона до Феодосия Слб., 1898.
- Арциховский А. В.** Социологическое значение эволюции земледельческих орудий. Труды социологич. секции РАНИОН, т. I. М., 1927, с. 123—135.
- Белова Н. Н.** Городской строй в Римской Галлии в первые века н. э. АДСВ, 1960, с. 35—58.
- Белова Н. Н.** Особенности социально-экономического развития галло-римских городов в первые века н. э. Сб. материалов науч. сессии. Истор. науки. Свердловск, 1963, с. 175—177.
- Белоликов В. В.** Литературная деятельность бл. Августина против дона-тистов. Киев, 1912.
- Бенедикти Р.** Взятие Рима Аларихом. ВВ 20, 1961, с. 23—31.
- Бергер А. К.** Государство вестготов и падение Западной Римской империи. «Историч. журнал», № 3, 1940, с. 99—108.
- Бернштам А. Н.** Очерк истории гуннов. Л., 1951.
- Блок М.** Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957.
- Борковский А.** Восстание багаудов в Галлии и Испании. УЗ Яросл. ПИ, вып. 9, 1946, с. 3—11.
- Буассье Г.** Падение язычества. М., 1892.

- Бубрих Д. В. О названии анты и связанных с ним названиях. Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз., т. 5, в. 6, 1946, с. 478—483.
- Вайнштейн О. Л. Этническая основа так называемых государств Одоакра и Теодориха. «Историк-марксист», № 6, 1938, с. 134—158.
- Виноградов П. Г. Аграрный кризис Римской империи. «Научное слово», кн. 7, М., 1904.
- Виноградов П. Г. Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии. Спб., 1880.
- Гардин Е. С. Вестготы и Римская империя в IV в. УЗ Ленингр. ПИ, т. 22, 1939, с. 197—245.
- Геддон А. Переселение народов. М., 1923.
- Голубцова Н. И. Идеологическая борьба в Риме на рубеже IV—V в. В сб.: «Из истории социально-политических идей», М. 1956, с. 59—75.
- Голубцова Н. И. Италия в начале V в. и вторжение Алариха в Рим. ВДИ, 4, 1949, с. 62—74.
- Голубцова Н. И. События 410 г. в Риме в оценке современников. Доклады и сообщения. Истор. ф-т МГУ, 10, 1950, с. 51—55.
- Грацианский Н. П. Из социально-экономической истории Западно-Европейского средневековья. М., 1960.
- Гревс И. М. Очерки из истории римского землевладения. Спб., 1899.
- Данем Б. Герои и еретики. М., 1967.
- Данилов А. И. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX — начала XX в. М., 1958.
- Дворецкая И. А. К вопросу о положении зависимого населения в Остготском королевстве. Науч. докл. высшей школы. Истор. науки, № 1, 1959.
- Дворецкая И. А. Организация управления в Остготском государстве. ВВ, 21, 1962, с. 3—28.
- Дворецкая И. А. Раздел земель в Остготском государстве в Италии в VI в. УЗ Моск. ГПИ, т. 104, в. 5, с. 111—130.
- Дилигенский Г. Г. Северная Африка IV—VI вв. М., 1961.
- Дмитрев А. Д. Восстание вестготов на Дунае и революция рабов. ВДИ, 1, 1950.
- Дмитрев А. Д. Движение багаудов. ВДИ, 3—4, 1940, с. 101—112.
- Дмитрев А. Д. К вопросу об агонистиках и циркумцеллионах, ВДИ, 3, 1948, с. 68—78.
- Дуйчев И. Балканский югоизток през първа половина на VI в. «Беломорски преглед». София, 1942.
- Дьяконов А. П. Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах VI—VII вв. ВДИ, 1, 1946, с. 20—34.
- Ешевский С. В. Аполлинарий Сидоний. М., 1855.
- Жюльен Ш.-Андре. История Северной Африки, т. I, М., 1961.
- Иванов Ю. А. К вопросу об оценке узурпации Одоакра. УЗ Саратов. ГУ, 1927, т. 6, в. 3, с. 193—204.
- Каждан А. П. К истории политической борьбы в Византии в начале V в. УЗ Тульск. ГПИ, вып. 3, 1952.
- Каждан А. П. О некоторых спорных вопросах истории становления феодальных отношений в Римской империи. ВДИ, 3, 1953, с. 77—106.
- Калганов М. В. Собственность. М., 1962.
- Кац А. Л. Из истории идеологических противоречий в Римской империи конца III — начала IV в. УЗ Кирг. Заоч. ГПИ, 4, 1959, с. 99—108.
- Кац А. Л. Классы и классовая борьба в Римской империи конца III — начала IV в. УЗ Кирг. Заоч. ГПИ, вып. 3, 1957, с. 196—205.
- Кзут Б. Оценка народного сопротивления в позднеантичной литературе. Acta Conventus XI «Eirene», Warszawa, 1971, с. 569—574.
- Кондураки Э. О. О натуральном и денежном обмене в Римской империи IV—V вв. ВВ, 14, 1958, с. 27—37.
- Корсунский А. Р. Вестготы и Римская империя в конце IV — начале V в. ВМУ, История, 3, 1965, с. 85—95.
- Корсунский А. Р. Готская Испания. Изд. Моск. университета, 1969.
- Корсунский А. Р. Движение багаудов. ВДИ, 4, 1957.

- Корсунский А. Р. О социальном строе вестготов в IV в. ВДИ, 3, 1965, с. 54—74.
- Корсунский А. Р. Проблема революционного перехода от рабовладельческого строя к феодализму в Западной Европе. ВИ, 5, 1964, с. 95—111.
- Корсунский А. Р. Рабы и вольноотпущенники в вестготском государстве VI—VII вв. «Средние века», 4, 1953.
- Крапивенский С. Э. Переход к феодализму как социальная революция. Труды Томск. у-та, т. 193, 1967, с. 52—75.
- Кремлевский А. История пелагианства. Казань, 1898.
- Курбатов Г. Л. Ранневизантийский город. Л., 1962.
- Лебедева Г. Е. Рабы и проблема рабства в кодексе Феодосия. «Вестник ЛГУ», 8, 1966.
- Левченко М. В. Византия и славяне в VI—VII вв. ВДИ, 3, 1938, с. 149—161.
- Левченко М. В. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв. «Византийский сборник», М.—Л., 1945, с. 12—95.
- Левченко М. В. Пентаполь по письмам Синезия. ВВ, 9, 1956, с. 3—44.
- Левченко М. В. Синезий в Константинополе и его речь «О царстве». УЗ ЛГУ № 130, вып. 18, История, 1950, с. 222—226.
- Левченко М. В. Синезий Киренский. О царстве. ВВ, 6, 1953.
- Линищ Е. Э. Проблема падения рабовладельческого строя и начало феодализации в Византии. ВДИ, 4, 1955, с. 63—71.
- Луццато Дж. Экономическая история Италии. М., 1954.
- Львов Н. И. Борьба за единство Римской империи и за преобладание Рима в произведениях Клавдиана. ВДИ, 3, 1958, с. 156—165.
- Малицкий Н. Борьба галльской церкви против пап за независимость. М., 1903.
- Машкин Н. А. Агонистики или циркумцеллионы в кодексе Феодосия. ВДИ, 1, 1938, с. 83—92.
- Машкин Н. А. Движение агонистиков. «Историк-марксист», 1, 1935, с. 28—52.
- Машкин Н. А. К вопросу о революционном движении рабов в Римской Африке. ВДИ, 1, 1950.
- Машкин Н. А. К вопросу о революционном движении рабов и колонов в Римской Африке. ВДИ, 4, 1939, с. 51—61.
- Мейман М. Н. Развитие рабовладельческой формации и возникновение элементов феодализма в Западной Римской империи. «Средние века», № 17, 1960, с. 73—95.
- Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956.
- Неусыхин А. И. Дофеодальный период как переходная стадия от родоплеменного строя к раннефеодальному. ВИ, 1, 1967, с. 32—123.
- Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1959.
- Парэн Шарль. Переход античного рабовладельческого мира к феодализму. В сб. «Какое будущее ожидает человечество». Прага, 1964, с. 75—79.
- Петрушевский Д. М. Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 1917.
- Пигулевская Н. В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв. М.—Л., 1964.
- Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв. ВВ, 1, 1947, с. 184—214.
- Пигулевская Н. В. Византия и Иран на рубеже VI—VII вв. М.—Л., 1946.
- Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию. М.—Л., 1951.
- Пигулевская Н. В. К вопросу об организации и формах торговли и кредита в ранней Византии. ВВ, 4, 1951, с. 84—90.
- Пигулевская Н. В. Месопотамия на рубеже V—VI вв. М.—Л., 1940.
- Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории СССР. М.—Л., 1941.
- Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967.
- Поршиз Б. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964.
- Прокошев П. Присциллиан и присциллиансты. Казань, 1900.
- Розенталь Н. Н. Гражданские войны в Италии V—VI вв. УЗ Курск. ГПИ, 1, 1941, с. 170—216.

- Розенталь Н. Н. Римская империя в последние десятилетия своего существования. «Истор. журнал», 5, 1941.
- Розенталь Н. Н. Социально-политические воззрения языческой интеллигенции поздней Римской Империи. Труды Одеск. ГУ, вып. 49, 1949 и ВДИ, 3, 1950.
- Самуйлов В. История арианства на латинском западе. Спб., 1890.
- Сиротенко В. Т. Борьба Западной Римской империи и Византии за префектуру Иллирик в 395—425 гг. и ее последствия. АДСВ, сб. 8, Свердловск, 1972.
- Сиротенко В. Т. Борьба народных масс Римской империи против варваров в IV—V вв. УЗ ПГУ, № 143, 1966.
- Сиротенко В. Т. Борьба народных масс Римской империи против варваров в IV—VI вв. и ее прогрессивное значение. «Программа заседаний и тезисы докладов по проблемам античности». М., 1968.
- Сиротенко В. Т. Борьба народных масс Фракии и Иллирика против вестготов в 378—400 гг. и ее прогрессивное значение. УЗ Удм. ГПИ, вып. 21, Ижевск, 1970.
- Сиротенко В. Т. Введение в историю международных отношений в Европе IV—VI вв. Ч. 1. Пермь, 1973.
- Сиротенко В. Т. Византия и болгары в V—VI вв. УЗ ПГУ, т. 20, в. 4, 1961.
- Сиротенко В. Т. Взаимоотношения гуннов и Римской империи. УЗ ПГУ, т. 12, вып. 4, 1959.
- Сиротенко В. Т. Взаимоотношения племен и народностей Северного Причерноморья и Подунавья с Византией в V—VI вв. М., 1954.
- Сиротенко В. Т. Две болгарские глоссы в свете письменных источников. УЗ ПГУ, № 117, 1964.
- Сиротенко В. Т. История поздней античности и раннего средневековья в Пермском университете за 50 лет. Сб. «Историческая наука на Урале за 50 лет», вып. 2, Свердловск, 1968.
- Сиротенко В. Т. К анализу сообщения Иоанна Антиохийского о приглашении болгар на Балканский полуостров. Сб. материалов науч. сессии... Истор. науки, Свердловск, 1963.
- Сиротенко В. Т. К вопросу об оценке вандалского завоевания Северной Африки. XXII Герценовские чтения. Истор. науки. Л., 1969.
- Сиротенко В. Т. О времени появления болгар (протоболгар) в Подунавье и начальном периоде их вторжений на Балканский полуостров. УЗ Удм. ГПИ, вып. 15, Ижевск, 1967.
- Сиротенко В. Т. Освещение славяно-византийских отношений в VI—VII вв. в советской историографии. УЗ ПГУ, т. 12, вып. 4, 1959.
- Сиротенко В. Т. Основные теории происхождения древних болгар и письменные источники IV—VI вв. УЗ ПГУ, т. 20, вып. 4, 1961.
- Сиротенко В. Т. Письменные источники по истории Херсонеса IV—VI вв. УЗ ПГУ, № 117, 1964.
- Сиротенко В. Т. Письменные свидетельства о болгарях IV—VII вв. в свете современных им исторических событий. Славяно-балканские исследования. Институт славяноведения и балканистики АН СССР. М., 1972.
- Сиротенко В. Т. Фемистий о положении на дунайской границе и о борьбе крестьян и рудокопов против готов. АДСВ, сб. 10, Свердловск, 1973.
- Слонимский М. М. Экономические предпосылки политики Рима в Северном и Восточном Причерноморье в первые века н. э. УЗ Пятиг. ГПИ, т. 19, 1956, с. 353—383.
- Сюзюмов М. Я. Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии. В сб. «Византийские очерки». М., 1961.
- Сюзюмов М. Я. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии. ВВ, 17, 1960, с. 3—16.
- Сюзюмов М. Я. К вопросу о процессах феодализации в Римской империи. ВДИ, 1, 1955, с. 51—67.
- Сюзюмов М. Я. Некоторые проблемы истории Византии. ВГ, 3, 1959, с. 113—114.

- Сюзиомов М. Я.** Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточной Римской империи. УЗ УрГУ, вып. 11, 1952, с. 84—134.
- Тарасова И. П.** К вопросу о правовом положении рабов в поздней Римской империи. УЗ ЛГУ № 251, вып. 28, 1958, с. 75—89.
- Третьяков П. Н.** Восточно-славянские племена. М., 1953.
- Туркина Л. Г.** К вопросу о социальном составе и структуре римского плебса по кодексу Феодосия. «Некоторые вопросы всеобщей истории», вып. 6, Челябинск, 1971, с. 118—131.
- Фюстель де Куланж.** История общественного строя древней Франции. Т. 2. Спб., 1904.
- Удальцова З. В.** Италия и Византия в VI в. М., 1959.
- Удальцова З. В.** Политический строй и политическая борьба в Италии в конце V — начале VI вв. ВВ, 15, 1959.
- Удальцова З. В.** Рабство и колонат в византийской Италии. Сб. «Византийские очерки». М., 1961.
- Удальцова З. В.** Раздел земель между остготами и римлянами в Италии в конце V в. «Средние века», 8, 1956, с. 39—55.
- Успенский Т. И.** Константинополь в последние годы IV в. Записки Русск. Археол. Института в Константинополе. Т. 4, вып. 3, 1899.
- Холмогоров В. И.** Полевая армия Римской империи IV в. УЗ ЛГУ, серия историческая, вып. 12, 1941, с. 81—100.
- Холмогоров В. И.** Римская стратегия в IV в. у Аммиана Марцелиана. ВДИ, 3, 1939, с. 87—97.
- Штаерман Е. М.** Кризис античной культуры. М., 1974.
- Штаерман Е. М.** Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957.
- Штаерман Е. М.** Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. М., 1961.
- Штаерман Е. М.** О некоторых проблемах рабства в период поздней Римской империи. В сб. «Проблемы социально-экономической истории древнего мира». М.—Л., 1963, с. 339—354.
- Штаерман Е. М.** Рабство в III—IV вв. в западных провинциях Римской империи, ВДИ, 2, 1951, с. 39—50.
- Aberg N.** Die Francen und Westgoten in der Völkerwanderungszeit. Upsala, 1922.
- D'Ales A.** Priscillien et l'Espagne chrétienne à la fin du IV siècle. Paris, 1936.
- Alföldi A.** A Conflict of Ideas in the Late Roman Empire. Oxford, 1952.
- Alföldy G.** Bevölkerung und Gesellschaft der römischen Provinz Dalmatien. Budapest, 1965.
- Alföldi A.** Der Untergang der Römerherrschaft in Pannonien. Т. 1—2, Berlin, 1924, 1926.
- Altheim F.—Haussig H.** Die Hunnen in Osteuropa. Baden — Baden, 1958.
- Altheim F.** Geschichte der Hunnen. Bd. 1—5. Berlin, 1959—1963.
- Andreoli E.** Contributo topografico alla battaglia dei Campi Catalauni. «Historia», 1, 2, 1927.
- Arnheim M.** The senatorial aristocracy in the later Roman Empire. Oxford, 1972.
- Auache A.** Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. Paris, 1964.
- Babut E.** Priscillien et le Priscillianisme. Paris, 1909.
- Balducci C. A.** L'Opposizione dinasticopolitica alla morte di Onorio. «Rivista di Filolog.», XLIII, Turin, 1935.
- Bang M.** Die Germanen im römischen Diens bis zum Regierungsantritt Constantins I. Berlin, 1906.
- Bardon H.** Littérature latine inconnue, 2 vol. Paris, 1952—1956.
- Bark W. C.** Origins of the Medieval world. Kalifornia, 1960.
- Beck R.** Die «Tres Galliae» und das «Imperium» in 4 Jahrhundert. Zürich, 1969.
- Belfen H.** Studien zur sclavenflucht im Römischen Kaiserrecht. Wisbaden, 1971.

- Berchen D. van. L'armée de Diocletien et la reforme constantienne. Paris, 1952.
- Berl E. Europe et Asie. Paris, 1969.
- Bertolini O. I Germani. Migrazioni e Regni nell Occidente gia Romano. Milano, 1965.
- Bloch H. A New Document of the Last Pagan Revival in the West. A. D. 393—394. «Harvard Theological Review», n. 38, 1945, p. 199—244.
- Bloch M. Les invasions: deux structures économiques. «Annales», 7, 1945.
- Bloch M. Les invasions, occupation, du sol et peuplement. «Ann. hist. écon. social.», XVII—1, 1945, p. 33—36, XVII—2 p. 12—28.
- Blum W. Curios and Regendarii. Nntersuchungen zur Geheimen Staatpolizei der Spätantike. München, 1969.
- Boak A. E. R. Man-power Shortage and the Fall of the Roman Empire in the West. London, 1955.
- Boissonade P. Le travail dans l'Europe chrétienne au moyen age. Paris, 1921.
- Royne Norman. The Decline of the Roman Empire in the West. Londres, 1949.
- Bréhier L. La crise de l'Empire romain en 457. «Sisicev Zbornik», Zagreb, 1929, p. 85—96.
- Brisson J.-P. Autonomisme et Christianisme dans l'Afrique Romaine de Septime Sévère à l'invasion Vandale. Paris, 1958.
- Brockmeyer N. Arbeitsorganisation und ökonomisches Denken in der Gutwirtschaft des römischen Reiches. Bochum, 1968.
- Broughton T. R. S. The romanization of Africa proconsularis. N. York, 1968.
- Brown P. Religion and Society in the Age of S. Augustine. Londres, 1972.
- Brown P. The world of late Antiquity. London, 1971.
- Bühler J. Die Germanen in der Völkerwanderung nach zeitgenössischen Quellen. Leipzig, 1925.
- Burns T. S. The Battle of Adrianople: A Reconsideration. «Historia», n. 22, 1973.
- Büttner T., Werner E. Circumcellionen und Adamiten. Berlin, 1959.
- Cameron A. Claudian. Poetry and Propaganda at the Court of Honorius. Oxford, 1970.
- Cameron A. Theodosius the Great and the regency of Stilico. «Harvard Stud. in Classe. Philolog.», n. 73, 1968, p. 247—280.
- Cantarelli L. Annali d'Italia, dalla morte di Valentiniano III alla deposizione di Romolo Augustulo. «Studi e Documenti di Storia e Diritto», n. XVII, 1896, p. 39—123.
- Cantarelli L. L'imperatore Maioriano. «Archivio della R. Società Romana di Storia Patria», VI, 1883, p. 259—301.
- Carcopino J. Genseric et les Vandales, dans Profils de conquérants. Paris, 1961.
- Carcopino J. Un «empereur» maure inconnu... «Revue des Etudes anciennes», t. 46, 1944, p. 94—120.
- Carette E. Les Assamblées provinciales de la Gaule Romaine. Paris, 1895.
- Cessi R. La crisi imperiale degli anni 454—455 e l'incursione vandalica a Roma. «Archivio della R. società Romana di Storia patria», t. 40, 1917, p. 161—204.
- Cessi R. Le vicende politiche dell'Italia medioevale, I: La crisi imperiale. Padova, 1938.
- Chadwick H. Die Kirche in der antiken Welt. Berlin -- N. York, 1972.
- Chastagnol A. Le Bas Empire. Paris, 1969.
- Chastagnol A. Le sénat romain sous le règne d'Odoacre. Recherche sur l'épigraphie du Colisée au V siècle. Bonn, 1966.
- Charlesworth M. P. Traderoutes and commerce of the Roman empire. N. York, 1970.
- Chessman G. L. The Auxilia of the Roman Imperial Army. Oxford, 1914; Rome, «Erma», 1968.
- Christiansen P. G. Claudian and the East. «Historia», XIX, 1970, p. 113—120.
- Chudwick Nora K. Poetry and letters in early Christian Gaule. London, 1955.

- Clavel M., Leveque P.** Villes et structures urbaines dans l'Occident Romain. Paris, 1971.
- Clover F. M.** Geiseric and Attila. «Historia», 22—1, 1973, S. 104—117.
- Cochrane C. N.** Christianity and Classical Culture. Oxford, 1944.
- Costanzi V.** La rivolta di Pavia a la catastrophe di Stilicone. «Boll. della Soc. Pavese di Storia Patria», 1904.
- Coster C. H.** Late Roman studies. Cambridge—Massathyzet, 1968.
- Courcelle P.** Histoire littéraire des grandes invasions germaniques. Paris, 1964.
- Courtois Ch.** Rapports entre Wisigots et Vandales. «I Goti in Occidente Problemi». Spoleto, 1956, p. 499—507.
- Courtois Ch.** Les Vandales et l'Afrique. Paris, 1955.
- Csuth B.** Die Quellen der Geschichte der Bagauden. «Acta Antiqua et Archeologica», t. IX. Szeged, 1965.
- D'Alfonso E.** Il Senato Romano nei primi regni dell'età barbarica. Napoli, 1936.
- Davies O.** Roman Mines in Europe. Oxford, 1935.
- Deichman F. W.** Ravenna. Hauptstadt des spätantiken Abendlandes. Bd. I, Wisbaden, 1969.
- Demougeot E.** Attila et les Gaules. «Mémoires de la Société d'agriculture, commerce, science et arts de la Marne», t. 73, 1958, p. 7—42, t. 74, 1962, p. 5—28.
- Demougeot E.** De l'unité à la division de l'Empire romain, 395—410. Paris, 1951.
- Demougeot E.** Les invasions germaniques et la rupture des relations entre la Bretagne et la Gaule. «Le Moye Age». Revue trimestr. d'Hist. et Philolog., LXVIII, 1962.
- Demougeot E.** L'idealisation de Rome face aux barbares à travers trois ouvrages récents. «Revue des Etudes anciennes», t. 70, n. 3—4, 1968.
- Dilke O.** Claudian, Poet of Declining Empire and Morals. Leeds, 1969.
- Desire-Vulemin C.** Le monde libyco-berbere dans l'antiquité. Paris, 1964.
- Diesner H.-J.** Die Auswirkungen der Religionspolitik Thrasamundus und Hilderich auf Ostgoten und Byzantiner. «Sitzungsberichte der Sächsischen Akad. der Wiss. zu Leipzig. Phil.-hist. Kl. «Band 113, Heft 3. Berlin, 1967.
- Diesner H.-J.** Das Vandalen reich. Leipzig, 1966.
- Diesner H.-J.** Der Untergang der römischen Herrschaft in Nordafrika. Weimar, 1964.
- Diesner H.-J.** Kirche und Staat im spätrömischen Reich. Berlin, 1964.
- Diesner H.-J.** Spätantike und Völkerwanderung. Halle, 1966.
- Dill S.** Roman Society in the Last Century of the Western Roman Empire. London, 1925 (reprint: N. York, 1960).
- Duncan-Jones, R.** The economy of the Roman Empire. Cambridge, 1974.
- Durant G.** Britain Rome's most Northerly province. A History of Roman Britain. London, 1969.
- Dureau de la Malle.** Economie politique des Romains. T. 1—2. Paris, 1840.
- Duval P. M.** La Gaule jusqu'au milieu du V-e siècle. Paris, 1971.
- Ensslin W.** Der Usurpator Magnus Magnencius ein Germaner. «Klio», n. 19, 1924.
- Fiebiger O.-Schmidt L.** Inschriftensammlung zur Geschichte der Ostgermanen. Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Phil.—hist. Klasse. LX, 3; LXX, 3; LXXII, 2, Wien, 1917, 1939, 1944.
- Fischer J.** Die Völkerwanderung im Urteil der zeitgenössischen kirchl. Schriftsteller... Heidelberg, 1948.
- Fliche A., Martin V.** Histoire de l'église depuis les origines jusqu'à nos jours, IV: De la mort de Théodose à l'élection de Grégoire le Grand. Paris, 1937.
- Folz R., Guillon A., Musset L., Sourdel D.** De l'Antiquité au Monde Médiéval. Paris, 1972.

- Forni G.** Il reclutamento delle legioni da Augusto a Diocleziano. Roma, 1953.
- Fortina M.** L'Imperatore Graziano. Turin, 1953.
- Fournier G.** L'Occident de la fin du Ve siècle à la fin du IXe siècle. Paris, 1970.
- Frank T.** Economic Survey of Ancient Rome. Vol. II—V, Baltimore, 1936—40.
- Finley M. J.** The ancient economy. London, 1973.
- Frend W.** The Donatist Church: A Movement of Protest in Roman North Africa. Oxford, 1952.
- Frere S.** Britannia. A history of Roman Britain. London, 1967.
- Fuler J. F. C.** A Military History of the Western World. N. York, 1954.
- Fusch H.** Der geistige Widerstand gegen Rom in der Antiken Welt. Berlin, 1938.
- Gage J.** Les classes sociales dans l'Empire Roman. Paris, 1971.
- Gangohoffer R.** L'évolution des institutions municipales en Occident et en Orient au Bas-Empire. Paris, 1963.
- Gaudement J.** L'Eglise dans l'Empire romain IV—V siècle. Paris, 1958.
- Gaudenzi A.** Sui rapporti tra l'Italia e l'impero d'Oriente fra gli anni 476 e 554 a. C. Bologna, 1888.
- Gigli G.** La dinastia dei Secondi Fravii: Constantino II, Constante, Costanzo II (337—361). Roma, 1959.
- Gitti A.** Ricerche sui rapporti tra i Vandali e l'imperio Romano. Bari, 1953.
- Giunta F.** Idazio ed i barbari. «Anuar. estud. mediev.» I, 1964, p. 491—494.
- Guinta F.** Genserico e la Sicilia. Palermo, 1958.
- Gordon C. D.** The age of Attila. N. York, 1960.
- Griffe E.** La Gaule Chrétienne à l'époque romaine. 3 vol. Paris, 1964—1966.
- Groley G.** Ces famena Champs Catalauniques. Troyes, 1964.
- Grosse R.** Ranordnung der römischen Armee der 4—6 Jahrhunderten. «Klio», t. 15, 1917, p. 122—161.
- Grosse R.** Römische Militargeschichte. Berlin, 1920.
- Grumel V.** L'Illyricum de la mort de Valentinien I à la mort de Stilicon. «Revue des études Byzantines» t. 9, 1951, p. 5—46.
- Guichard R.** Essai sur l'Histoire du peuple Burgonde. Paris, 1965.
- Gummerus H.** Der römische Gutsbetrieb als Wirtschaftlicher organismus nach den Werken Cato, Varo, Columella. Leipzig, 1906.
- Gummerus H.** Die Fronden der Kolonen. «Ofversigt of Finska vetenskaps Societentes Förhandlingar. 1906—1907, n. 3. p. S. 1—72.
- Haller J.** Der Eintritt der Germanen in die Geschichte. Berlin, 1957.
- Halphen L.** Les Barbares. Paris, 1940.
- Hamblis L.** Attila et les Huns. Paris, 1972.
- Hamman S.** Vorgeschichte und Geschichte der Sueben in Spanien. München, 1971.
- Hannerstad K.** L'évolution des ressources agricoles de l'Italia du 4 au 6 siècle. Kobenhavn, 1962.
- Harmata J.** Hun Society in the Age of Attila. «Acta Archaeolog. Acad. Scien. Hungaricae», 2, 1952, p. 277—304.
- Härtel G.** Sociale Entwicklungstendenzen der Sklaverei und Kolonate. Leipzig, 1966.
- Hatt J.** Histoire de la Gaule Romaine. Paris, 1959.
- Haywood R.** The myth of the Rome's fall. N. York, 1958.
- Heers J.** Précis d'histoire du moyen âge. Paris, 1968.
- Heichelheim F. M.** An Ancient Economic History. Vol. III, Leiden, 1970.
- Hodgkin T.** Italy and her invaders. Vol. 1—6, Oxford, 1916.
- Home L.** De la Rome païenne à la Rome chrétienne. Paris, 1950.
- Hubert H.** Les Germains. Paris, 1952.
- Johnson A. C.** Municipal Administration in the Roman Empire. Princeton, 1926.
- Jones A. H. M.** The Constitutional Position of Odoacer and Theodoric. «Journal of Roman Studies», 52, 1962, p. 126—130.
- Jones A. H. M.** The Decline of the Ancient World. London, 1966.

- Jones A. H. M. *The later Roman Empire*. Vol. 1—3. Oxford, 1964.
- Jones A. H. M. *The prosopography of the Roman Empire*. Cambridge, 1971.
- Kaegi W. E. *Byzantium and the Decline of Rome*. N. York, 1968.
- Kagan D. *Decline and Fall of the Roman Empire*. Boston, 1962.
- Kaphan F. *Zwischen Antike und Mittelalter*. München, 1946.
- Katz S. *The Decline of Rome and the Rise of Mediaeval Europe*. Ithaca, 1955.
- Kiechle F. *Slavenarbeit und technischer Fortschritt im Römische Reich*. Wiesbaden, 1969.
- Köbler G. *Das Recht im frühen Mittelalter*. Köln — Wien, 1971.
- Kohns H. *Versorgungskrisen und Hungerrevolten in spätantiken Rom*. Bonn, 1961.
- Kollendo J. *Téchniques rurales en Gaule romaine*. «Annales d'Hist., Soc.», VI, 1960.
- Kotula T. *Airyka polnocna w starozitnosci*. Wroclaw — Warszawa, 1972.
- Kotula T. *Der Aufstand der Africaners Gildo und seine Nachwirkungen*. «Altertum», XVIII-3, 1972, p. 167—176.
- Kovacevic J. *Varvarca kolonizacija Jusnoslovenskih oblasti*. Novi Sad, 1960.
- Krawczuk A. *Rod Konstantyna*. Warszawa, 1972.
- Labriolle P. *La réaction païenne: étude sur la polémique antichrétienne du I-er au VI-e siècle*. Paris, 1950.
- Lafferty R. A. *The fall of Rome*. N. York, 1971.
- Langartner G. *Die Gallienpolitik der Papste in V und VI Jahrhundert*. Bonn, 1964.
- Lapeyre G. G. *L'Ancienne église de Carthage*. Paris, 1932.
- Latouche R. *Les grandes invasions et la crise de l'Occident au V-e siècle*. Paris, 1946.
- Latouche R. *Les origines de l'Economie occidentale (IV—IX siècle)*. Paris, 1956.
- Lemerle P. *Invasions et migrations dans les Balkans depuis la fin de l'époque romaine jusqu'au VIII-e siècle*. «Revue Historique», CCXI, 1954, p. 265—308.
- Lemose M. *Le régime des relations internationales dans le Haut-empire romain*. Paris, 1967.
- Leonardi P. *Studio storico dell'economia agraria nell'Africa romana*. Genova, 1940.
- De Lepper J. *De rebus gestis Bonifacii comitis Africae et magistri militum*. Tilburg — Breda, 1941.
- Lombard M. *Espaces et réseaux du haut moyen âge*. Paris, 1972.
- Loncao E. *Fondazione del regno di Odoacre e suoi, rapporti con l'Oriente*. Scansano, 1907.
- Lot J. *L'Emigration bretonne en Armorique*. Rennes, 1883.
- Lot F. *La Gaule*. Paris, 1947.
- Lot F. *La fin du monde antique*. Paris, 1968.
- Lot F. *Les invasions Germaniques*. Paris, 1935.
- Lot F. *Naissance de la France*. Paris, 1948.
- Luponiac P. *La disparition de l'Empire Romain en Occident*. Paris, 1971.
- Mac Mullen R. *Enemies of the Roman Order: Treason, Unrest and Alienation in the Empire*. Cambridge-Massachusetts, 1966.
- Mac Mullen R. *Soldier and Civilian in the Later Roman Empire*. London, 1963.
- Maier F. G. *Römische Bevölkerungsgeschichte und Inschriftenstatistik*. «Historia», n. 2, 1953—54, S. 318—351.
- Male E. *La fin du paganisme en Gaule*. Paris, 1950.
- Marschal W. *Karthago und Rom. Die Stellung der Nordafrikanische Kirche zum Apostolischen Stuhl in Rom*. Stuttgart, 1971.
- Marrou H.-I. *Saint Augustin et la fin de la culture antique*. Paris, 1958.
- Marti O. *Römer and Alemannen am OberRhein in 4 and 5 Jahrhunderts*. Bern, 1954.
- Martin R. *Recherches sur les agronomes latins et leurs conceptions économiques et sociales*. Paris, 1971.

- Martindale J. R.** *Public Disorders in the Roman Empire*. Oxford, 1960.
- Mazzarino S.** *Stilicone*. Rome, 1942.
- Mazzarino S.** *La Fin del mondo antico*. Spolceto, 1959.
- Meloni P.** *L'administrazioni dela Sardegna da Augusto all'invasione vandastica*. Rome, 1958.
- Mickwitz G.** *Geld und Wirtschaft im römischen Reich des IV Jahrhundert*. Heilsinki, 1932.
- Momigliano A.** (edit.) *The Conflict between Paganism and Christianity in the fourth Century*. Oxford, 1963.
- Monceaux P.** *Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne depuis les origines jusqu'à l'invasion arabe*. Vol. 1—7. Paris, 1901—1923.
- Morin E.** *L'Armorique au V-e siècle*. Rennes, 1867.
- Musset L.** *Les invasions*. Paris, 1965.
- Myres J.** *Pelagius and the End of Roman in Britain*. «*Journal of Roman Studies*», t. 50, 1960.
- Nagy T.** *Reoccupation of Pannonia from the Huns in 427*. «*Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*», XV, 1967, p. 159—186.
- Nischer-Falkenhof E.** *Stilicho*. Wien, 1947.
- Ohnsorge W.** *Das Zweikaiserproblem im früheren Mittelalter*. Hildeshcim, 1947.
- Oost St. J.** *Galla Placidia Augusta*. London, 1968.
- Owen F.** *The Germanic people. Their origin, expansion and Culture*. New Haven, 1966.
- Palange J.** *Sur l'usurpation de Maxime* «*Rev. de Etud. Ancien.*», 31, 1929.
- Papini A. M.** *Ricimero, l'agonia dell'Impero Romano d'Occidente*. Milano, 1959.
- Paschoud F.** *Roma aeterna. Etudes sur le patriotisme romain dans l'Occident latin à l'époque des grandes invasions* Roma, 1967.
- Pastorino A.** *Christianesimo e impero dopo Costantino (337—395)*. Torino, 1972.
- Patch K.** *Die Völkerwanderung an der unteren Donau in der Zeit Diokletian bis Heraclius*. Wien, 1928.
- Pavan M.** *La politica gotica di Teodosio nella publicistica del suo tempo*. Roma, 1964.
- Pepe G.** *Il medioevo barbarico in Europa*. Milan, 1949.
- Perowne S.** *The end of the Roman world*. London, 1966; N. York, 1967.
- Perrin O.** *Les Burgondes*. Nehaf, Baconiere, 1968.
- Piekarczyk S.** *Barbarzyncy i chrcsijanstwo*. Warszawa, 1968.
- Piganiol A.** *La Gaule au temps d'Attila* (In: «*Saint Germain d'Auxere et son temps*», Auxere, 1950, p. 119—133).
- Piganiol A.** *L'empire chrétien (325—395)*. Paris, 1947.
- Piganiol A.** *Le sac de Rome*. Paris, 1964.
- Plaine B.** *La colonisation de l'Armorique par les bretons insulaires*. Paris, 1899.
- de Plinval G.** *Pélage, ses écrits, sa vie et sa réforme*. Paris, 1943.
- Pontieri E.** *La invasioni barbariche e l'Italia del V-e-VI secolo*. Napoli, 1966.
- Raven S.** *Rome in Africa*, London, 1969.
- Rémondon R.** *La crise de l'Empire Romain de Marc-Aurele à Anastase*. Paris, 1964, 1970.
- Riche P.** *Les invasions barbares*. Paris, 1953.
- Riese A.** *Des rheinische Germanien in der antiken Schriften*. Leipzig, 1914.
- Rogosic R.** *Veliki Ilirik i njegova konacna dioba*. Zagreb, 1962.
- Romanelli P.** *Storia delle province romane dell'Africa*. Roma, 1959.
- Rothenhöfer D.** *Untersuchungen zur Sklaverei in den ostgermanischen Nachfolgestaaten des Römischen Reiches*. Tübingen, 1967.
- Rouilland G.** *La vie rurale dans l'Empire Byzantin*. Paris, 1953.
- Schlette F.** *Germanen zwischen Thorsberg und Ravenna*. Leipzig, 1972.
- Seeck O.** *Geschichte der Untergang der antiken Welt*. Bd. 1—5. Stuttgart, 1966.
- Serejski M.** *Upadec carstwa Rzymskiego*. Warszawa, 1954.

- Seyfart W. *Sociale fragen der spätromischen Kaiserzeit*. Berlin, 1963.
- Simon M. *La civilisation de l'Antiquité et le Christianisme*. Paris, 1972.
- Sirago V. A. *Galle Placidia e la trasformazione politica dell'Occidente*. Louvain, 1961.
- Sirotenko W. T. *Der Kampf der Völkermassen der Römischen Reich gegen die Barbaren*. Bibliotheca Classica Orientalis, Heft 3. Akademie Verlag, Berlin, 1968.
- Sirotenko W. T. *Die Wechselbeziehungen zwischen den Hunnen und dem Römischen Reich*. Bibliotheca Classica Orientalis, I. Akademie Verlag, Berlin, 1968.
- Solari A. *Il rinnovamento dell'Impero Romano*. T. I. *L'Unità di Roma (363—476)*. T. 2. *Il primato di Constantinopoli (476—565)*. Milano—Rome, 1938, Genova—Rome, 1943.
- Stallknecht B. *Untersuchungen zur römischen Aussenpolitik in der Spätantike*. Bonn, 1967.
- Stein E. *Histoire du Bas Empire*. 1—2. Paris, 1949—1959.
- Stern H. *La Calendrier de 354*. Paris, 1954.
- Sterzl A. G. *Romanus-Christianus-Barbarus*. Erlangen, 1950.
- Stroheker K. F. *Der senatorische Adel im spätantiken Gallien*. Tübingen, 1948.
- Stroheker K. F. *Germanentum und Spätantike*. Zurich, Stuttgart, 1965.
- Svennung J. *Zur Geschichte des Goticismus*. Upsala, 1967.
- Szadeczyk-Kardoss S. *Zur Vorgeschichte der vandalisch-alanischen Wanderung*. «A Mora Ferenc Museum Ekvönye», 1956, p. 31—35.
- Tengström E. *Donalisten und Katholiken*. Göteborg, 1964.
- Thomas E. B. *Römische Villen in Pannonien*. Budapest, 1964.
- Thompson E.-A. *A history of Attila and the Huns*. Oxford, 1948.
- Thompson E.-A. *The Goths in Spain*. Oxford, 1969.
- Thompson E.-A. *The early Germans*. Oxford, 1965.
- Thompson E.-A. *The Visigots in the Time of Ulfila*. Oxford, 1966.
- Thomsen R. *The Italic regions from Augustus to the Lombard invasion*. København, 1947.
- Tjaeder J.-O. *Die nichtliterarischen lateinischen Papyri Italiens aus Zeit 445—700*. Acta Instituti Romani Regni Sueciae, serie in 4—0, XIX, I, Lund, 1955.
- Varady L. *Das letzte Jahrhundert Pannoniens 376—476*. Budapest, 1969.
- Varady L. *Contributions to the Late Roman Military Economy and Agrarian Taxation*. «Acta Archaeol. Acad. Scien. Hungaricae», XIV, 1962, p. 403—408.
- Varady L. *Későrőmai hadügyek és társadalmi alapjaik. A Romai Birodalom utolsó évszázada (376—476)*. Budapest, 1961.
- Varady L. *New Evidences on Some Problems of the Late Roman Military Organization*. «Acta Antiqua Acad. Scien. Hungaricae», IX, 1961, p. 333—396.
- Varady L. *Silicho proditor arcana imperii*. «Acta Antiqua Acad. Scien. Hungaricae», XVI, 1968, p. 413—432.
- Vassili L. *Il comes Agrippino collaboratore di Ricimero*. «Athenae», XIV, 1936.
- Vassili L. *La figura di Nepoziano e l'opposizione Ricimero al governo imperiale de Majoriano*. «Athenae», XIV, 1936.
- Vassili L. *L'imperatore Anocio Olibrio*. «Rivista di Filologia e d'istruzione classica», 61, Turin, 1937.
- Vassili L. *Oreste, ultimo esponente del tradizionalismo romano*. «Rivista di Filologia», N. S. XVII, 1939.
- Velkov V. *Bemerkungen über die wirtschaftliche Rolle der städtischen Plebs in der Diözese Thirakien im 4. Jahrhundert*. In: *Die Rolle der Plebs in Spätromischen reich*. Berlin, 1969.
- Villari P. *Le invasioni barbariche in Italia*. Milano, 1901.
- Vismara G. *Romani e Goti di fronte al diritto nel regno ostrogoto*. «Seltimano di Studio del Centro italiano di Studi sull'alto Medioevo», t. 3, 1950, p. 409—463.

- Voigt L.** *Raetia latina*. Düsseldorf, 1959.
- Vogt J.** *Der Niedergang Roms*. Zurich, 1965.
- Vogt J.** *Kulturwelt und Barbaren*. Mainz, 1967.
- Waas M.** *Germanen im Römischen dienst in 4 Jahrhundert*. Bonn, 1965.
- Walbank F.** *The awful revolution. The decline of the Roman Empire*. Toronto, 1969.
- Walser G., Pekary T.** *Die Krise der römischen Reiches*. Berlin, 1962.
- Warmington B. H.** *The North African provinces from Diocletian to the Vandal conquest*. London, 1954.
- Werner J.** *Beiträge zur Archäologie des Attilareiches*. München, 1956.
- Wess M. A.** *Das Ende des Kaisertums im Westen des Römischen Reiches.— s'Gravenhage*, 1967.
- White K.** *Roman farming*. N. York, 1970.
- Wiel J.-C.** 451. Attila dans les Gaules. Troyes, 1951.
- Wirth G.** Attila und Byzanz. «Byzant. Zeitschrift», 60, 1967, S. 41—69.
- Woodward E.** *Christianity and Nationalism in the Later Roman Empire*. N. York, 1916.
- Zakrzewsky K.** *Revolucja Odoakra*. Kracow, 1933.
- Zakrzewsky K.** *U. schyłku świata antycznego*. Warszawa, 1964.
- Zimmerman H. J.** *Theoderich der Grosse*. Bonn, 1972.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Римская империя в 350—395 гг. и ее отношения с зарейскими и задунайскими племенами	
1. Римская империя и варварские племена	5
2. Готы и Римская империя	15
3. Римская империя накануне гуннского нашествия в Европу	19
4. Нашествие гуннов в Европу	21
5. Переселение вестготов во Фракию	23
6. Восстание вестготов	24
7. Борьба народных масс Фракии против вестготов	29
8. Возвращение к политике союза с варварами	32
9. Борьба Феодосия против ставленников западных группировок зшати	35
Глава II. Международные отношения в Европе в 395—400 гг.	
1. Особенности общественно-экономического развития Западной Римской империи и Восточной Римской империи (Византии) и противоречия между их правительствами	42
2. Усиление вестготов и их поход в Грецию. Освободительная борьба угнетенных масс Македонии, Фессалии и Ахайи (Эллады) против вестготов	48
3. Заговор Гайны и Требигильда. Борьба народных масс против готского засилья	54
Глава III. Международные отношения в Европе в период массового вторжения варваров в Италию, Галлию и Испанию (401—410 годы).	
1. Усиление вестготов в Иллирике и их первый поход в Италию	64
2. Вмешательство Западной Римской империи во внутренние дела Византии и подготовка третьей экспедиции в префектуру Иллирик	67
3. Вторжение Радагайса	68
4. Продолжение подготовки экспедиции против Византии, вторжение аланов, вандалов, севов в Галлию и вестготов в Италию	70
5. Первая осада Рима	75
6. Вторая осада Рима и провозглашение Аттала императором	77
7. Взятие и разграбление Рима Аларихом	80
Глава IV. Римское господство в Галии и вторжение варваров в первой четверти V века.	
1. Галлия к началу V века	86
2. Вторжение аланов, вандалов и севов в Галлию. Освободительная борьба народных масс	91
3. Признание Константина императором в Галлии и возникновение второго правительства	98
4. Попытка Равеннского двора восстановить римское господство в Галлии	104

5. Поселение франков, бургундов, саксов, алеманнов и аланов в Галлии	108
6. Вторжение вестготов в Испанию	109
7. Освободительная борьба народных масс Испании	109
8. Попытки Равеннского двора упрочить римское господство в Галлии. Образование Тулузского королевства вестготов	114
Глава V. Союз итало-римской и африкано-римской знати с вандалами и образование Вandalьского королевства	
1. Римская Северная Африка к началу V века	122
2. Освободительная борьба в Испании и перемены в Равенском дворе	130
3. Обострение противоречий между африкано-римской знатью и Равеннским двором и вандалское вторжение в Африку	132
4. Отношения между угнетенными массами Северной Африки и вандалами	138
Глава VI. Возникновение и ликвидация гуннской опасности в Западной Европе	
1. Гунны и Западная Римская империя в 20—30-х гг. V в.	146
2. Гуннские набеги на Византию в 40-х гг. V в.	159
3. Западная Римская империя в 40-х гг. V в.	165
4. Гуннское вторжение в Галлию	169
5. Каталаунская битва	173
Глава VII. Международные отношения в Европе в последний период существования Западной Римской империи (452—476 годы).	
1. Западная Римская империя в начале второй половины V века	182
2. Выступление галло-римской знати против Рима	191
3. Реформы Майориана	195
4. Переход галло-римской знати на сторону Рима	198
5. Освободительная борьба против свевов в Испании и вестготские походы	201
6. Обострение политической борьбы в Западной Римской империи и провал двух ее экспедиций против вандалов	203
7. Завоевательные походы вестготов и народное сопротивление в Оверни	208
8. Усиление варварских королевств в Испании и Галлии, падение Западной Римской империи	211
Глава VIII. Международные отношения в Европе в первые десятилетия после падения Западной Римской империи	
1. Правление Одоакра в Италии	217
2. Галлия, Испания и романизованная Африка в 476—493 годы	219
3. Остготы и Византия в 70—80-е годы V века	227
4. Остготское завоевание Италии	230
5. Отношения между итало-римлянами и остготами	231
6. Внешняя политика Остготского королевства	235
7. Международные отношения в Галлии и Испании в конце V—начале VI века	238
8. Борьба народных масс романизованной Африки против вандалов и наступление мавритапо-берберов в конце V—начале VI вв.	241
9. Международные отношения в Подунавье в конце V—начале VI века	245
Заключение	255
Список сокращений	259
Библиография	
Труды основоположников марксизма-ленинизма	260
Источники (с обозначением принятых сокращений)	261
Монографии, статьи, исследования	268

Василий Трофимович Сиротенко

**ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЕВРОПЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ IV — НАЧАЛЕ VI В.**

Литературный редактор Э. И. Матвеева

Технический редактор М. Ф. Портон

Корректоры В. Н. Андрейченко, Л. А. Богданова, Т. В. Паршина

Сдано в набор 15. 7. 1974 г.	Подписано к печ. 29. 11. 1974 г.	
Формат 60×90 ^{1/16} .	Объем 17,75 п. л.	Цена 1 р. 20 к.
ЛБ09899	Заказ 6677.	Тираж 1500 экз.

Тип. изд. «Звезда», г. Пермь, ул. Дружбы, 34.